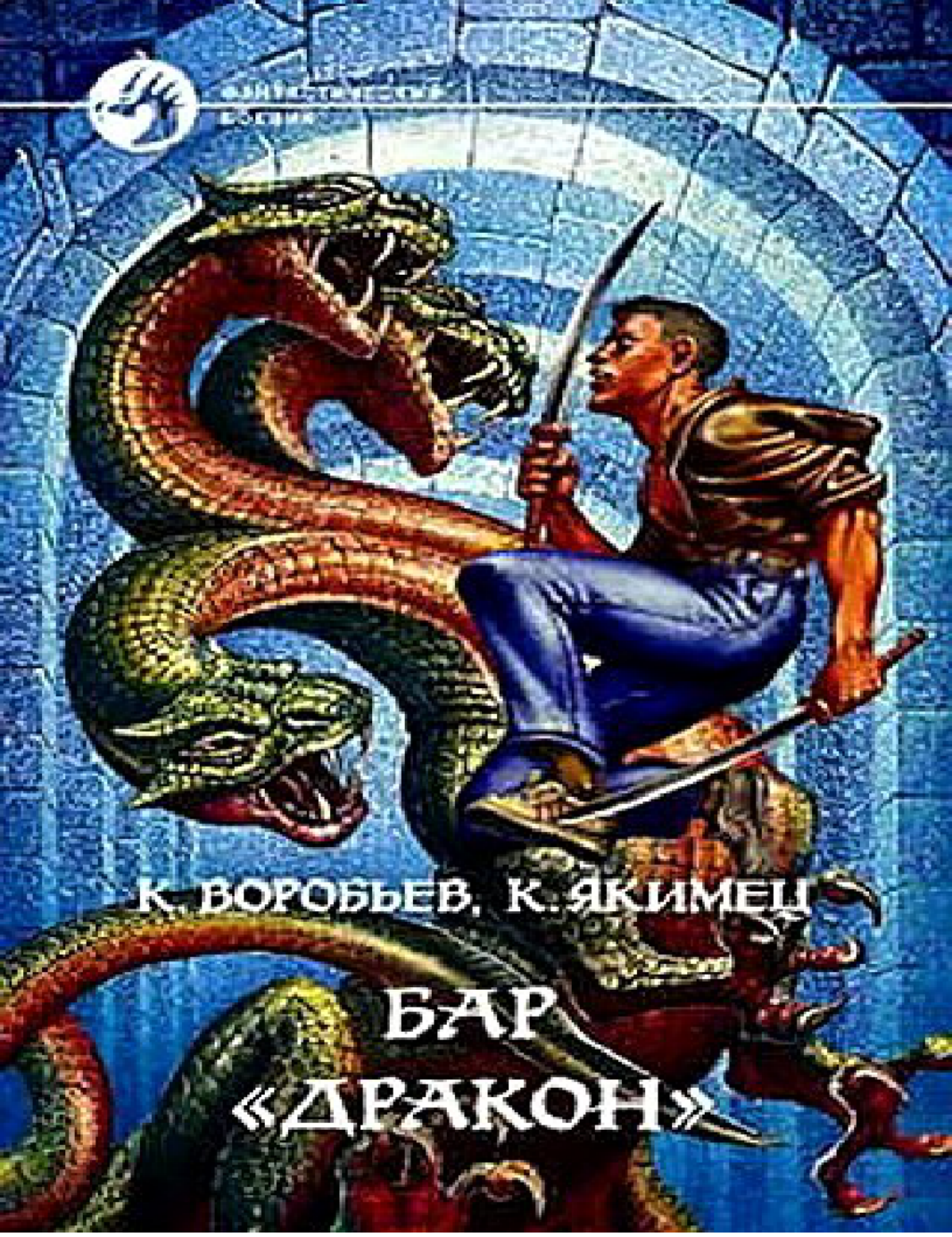

К. ВОРОБЬЕВ, К. ЯКИМЕЦ
БАР
«ДРАКОН»

SHOUT
SHARE
IT

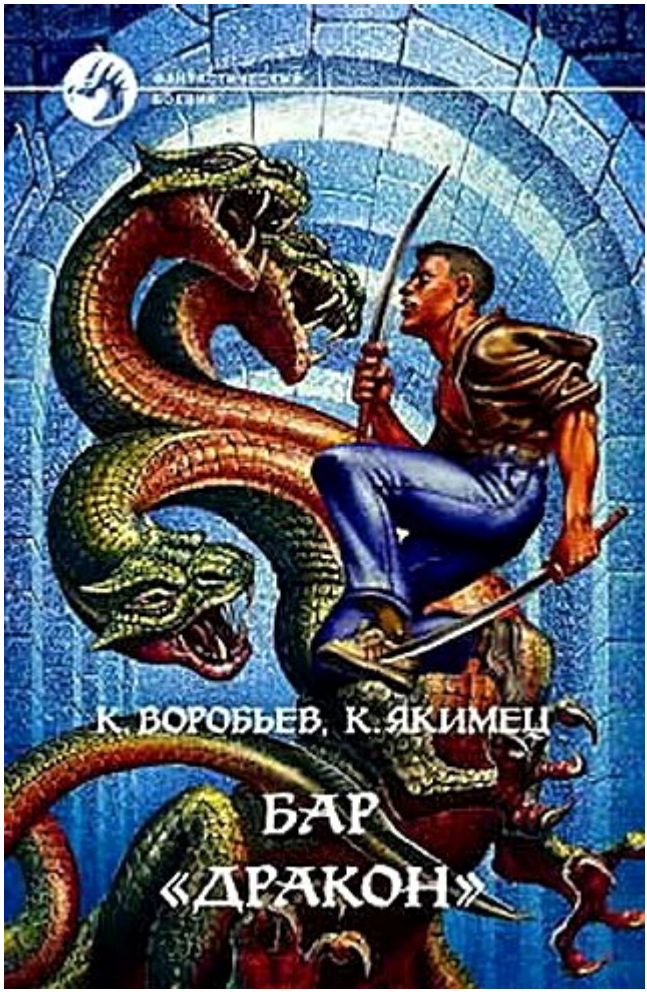
Annotation

Хакер Дмитрий Горев попадает «в переплет»: пытается взломать файлы фирмы «Мерлин-пресс», которой сам же всучил бракованный компьютер, за ним в погоню устремляется парочка бандитов, известных в определенных кругах как Боцман и Капитан. Спасаясь, Дмитрий и его друг Толик непостижимым образом попадают в другой мир, где царят иные законы, где можно встретить дракона и не узнать его, где рядом с людьми живут существа, произошедшие от обычной картошки, и где, к радости Димы, есть тоже «пьютеры», правда весьма необычные. Дмитрий и Толик оказываются в плену у разумных растений. А все вокруг им странным образом знакомо…

- Кирилл Якимец, Кирилл Воробьев
- I. МЕЧ И ТЕЛЕФОН
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
- II. ПАСЫНКИ ПОДЗЕМЕЛЬЯ
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
- III. КОРИДОРЫ ВЛАСТИ
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
- IV. БУНТ В ПОДЗЕМНЫХ ЧЕРТОГАХ
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
- V. ЛИЧИНКА И ЦВЕТОК
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2

- ГЛАВА 3
- ГЛАВА 4
- ГЛАВА 5
- ГЛАВА 6
- ГЛАВА 7

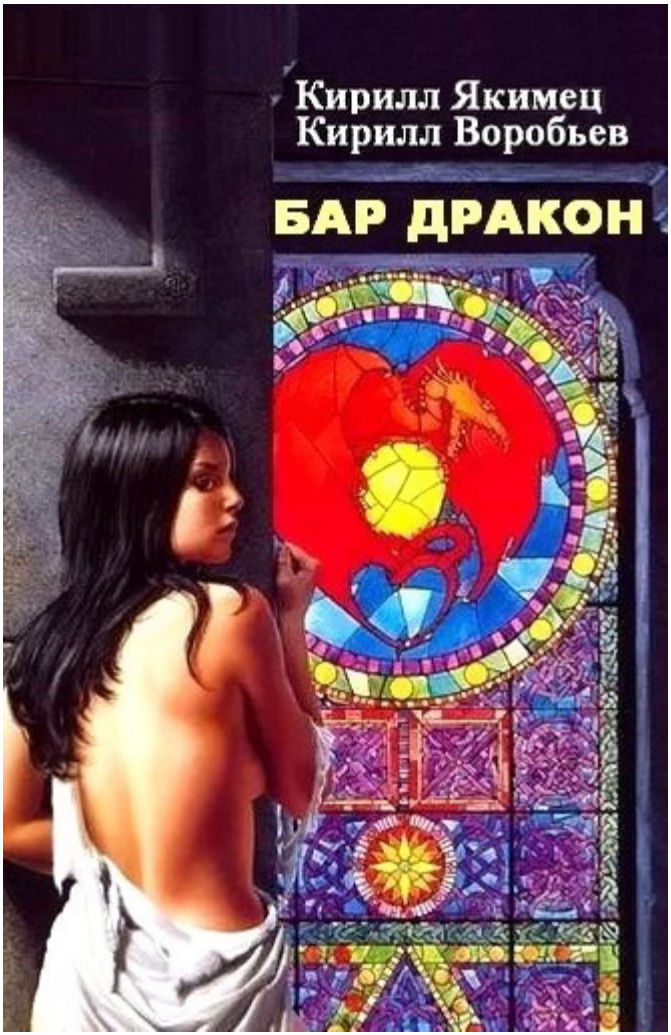
- VI. БЕЛЫЙ ДОМ И ЧЕРНЫЙ ЗАМОК
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
- VII. ТРОЯНСКИЕ КОБЫЛЫ
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
  - ГЛАВА 7
  - ГЛАВА 8
- ЭПИЛОГ


К. ВОРОБЬЕВ, К. ЯКИМЕЦ
БАР
«ДРАКОН»

Кирилл Якимец, Кирилл Воробьев
БАР «ДРАКОН»

Пираты, пираты
Веслами гребут,
А боцман с капитаном…

(Древнее арконское трехстишие)



I. МЕЧ И ТЕЛЕФОН

ГЛАВА 1

Двое подстерегали у подъезда. Дмитрий сразу понял, что они именно подстерегают, а не просто так околачиваются. В руках у одного была початая бутылка портвейна. Но второго Дмитрий узнал: пологий низкий лоб под черной кепкой, маленькие глазки смотрят трезво и прямо. Даже кличку вспомнил — Капитан. Этот Капитан работает в «Мерлин-пресс», той самой фирме, где Дмитрий крупно смухлевал. До сих пор он считал, что о его хитростях никто не догадается: действительно, мордовороты из рекламного агентства «Мерлин-пресс» ничего не смыслят в компьютерных сетях. Не должны, по крайней мере. Так нет же…

Дмитрий не сомневался, что Капитан с приятелем подстерегают именно его. Капитан никогда бы не стал пить дешевый портвейн. Дмитрий, пока налаживал в «Мерлине» локальную сеть, наслушался баек об этом самом Капитане, который не может пить ничего, кроме настоящего ямайского рома — за что и получил такую кличку.

Итак, портвейн — камуфляж. Два мордоворота решили прикинуться безобидными алкашами. Дома Дмитрия ждал недоделанный компьютер-«двушка», антиквариат с монитором «Геркулес». Но о приятной возне с древней техникой теперь придется забыть. Надо делать ноги. Не сбавляя шага, Дмитрий свернул в подворотню.

За спиной послышался тяжелый топот — Капитан со своим коллегой, наверное, заметили жертву и устремились в погоню. Дмитрий перешел на бег, ломанулся через голые зимние кусты на детскую площадку, пронесся мимо полуразвалившегося сказочного замка, где давно уже не играл ни один ребенок. Когда Дмитрий был на другом краю площадки, кусты затрещали, раздвигаемые двумя мощными телами, затянутыми в мягкую замшу курток-дубленок. Преследователи молчали: о чем тут говорить? Все абсолютно ясно.

Сервер сети, которую Дмитрий смонтировал в «Мерлине», лишь корпус имел фирменный, а все нутро сервера Дмитрий насобирал по разным свалкам радиодеталей. Наверное, китайский хард-диск рассыпался после третьего включения, сеть подвисла, а вместе с ней «подвисло» здоровье Дмитрия. Впрочем, Дмитрий допускал, что «подвиснуть» могла сама его жизнь: в «Мерлине» ему отвалили за работу две тысячи долларов и еще пять выдали на покупку аппаратуры. Если бы выдали не пять, а, скажем, пятнадцать, можно было бы честно пройтись по магазинам. Но снабженец «Мерлина», бритый налысо детина с

квадратными плечами и такой же квадратной мордой, похожей на микроволновую печь, решил сэкономить. Что ж, Дмитрий тоже, в свою очередь, решил сэкономить… На свою беду.

Площадка примыкала к изгороди, за которой была территория Института нефти. Вдоль изгороди шел наружный трубопровод, а с труб можно легко дотянуться до верхней кромки изгороди. Взгромоздившись на изгородь, Дмитрий оглянулся. Охранники из «Мерлина» не отставали. Лица сосредоточены, губы сжаты. Прыгать оказалось довольно высоко, но Дмитрий рискнул. Кинув вниз сумку, он сиганул следом. Обошлось. Только в сумке что-то хрустнуло, когда Дмитрий попал по ней каблуком. Материнская плата, точно она. Дискеты хрустят иначе. Сейчас, впрочем, Дмитрия не волновала судьба материнской платы, которую он нес домой, чтобы заменить сгоревшую плату в антикварной «двушке». Подошвы скользили по замерзшим лужам, но Дмитрий сумел-таки оторваться. Когда преследователи только готовились спрыгнуть с изгороди, он уже был у дверей служебного хода.

Пьяный сторож в расстегнутой телогрейке появился из-за ржавого остова грузовика и принялся размахивать руками, поворачивая всклокоченную бороду то к Дмитрию, то к двум крепким мужикам в дубленках. Удивление сторожа можно понять: с территории института отродясь никто ничего не воровал, и через изгородь прыгать на задний двор тоже было некому и незачем. Гниющие автомобили, какие-то дырявые бочки, обрезки досок — вот и все, что можно там найти.

Но для Дмитрия институт был спасением: запутанные ходы внутри корпуса, сквозь которые добраться до главного входа может только студент-старшекурсник или преподаватель со стажем — лабиринт, в грязных закутках которого мерлинские бандюги запутаются навеки.

Служебный ход был открыт, слава Богу, но фанерная дверца, сквозь которую Дмитрий рассчитывал проскочить в подвал, оказалась заперта. Придется бежать мимо аудиторий. Дмитрий ринулся по низкому коридору, на ходу кивнув какому-то преподавателю. Преподаватель кивнул в ответ, приняв Дмитрия за студента. Коридор, чуть попетляв, уперся в две лестницы. Одна, посветлее, вела вниз, в местную типографию. Самый легкий путь — в типографию, оттуда вверх, на склад бумаги, и по общей лестнице к главному входу. Пусть мордовороты так и бегут. Дмитрий выбрал темную узкую лесенку, которая, насколько он помнил, вела в лаборатории.

Дмитрий знал этот институт лучше любого старшекурсника и лучше многих преподавателей. Ведь именно он ставил локальные

сети для всего института, практически бесплатно, за право пользоваться Интернетом. В Интернет, конечно, можно выходить и с домашнего компьютера, но Дмитрий крутил через Интернет весьма рискованные дела и не хотел светиться.

Решетка внизу заперта… Нет, просто открывается в другую сторону. Дмитрий понял, что еще немного, и он запаникует. Тогда — прощай, здоровье. Или жизнь.

Трубы, выкрашенные в тошнотворно-зеленый цвет, тянутся вдоль потолка. Пахнет бензином. Ряд полуоткрытых дверей, за которыми идет непонятная и одновременно скучная жизнь лабораторий Института нефти. Ага, вот и грузовой подъемник. Пульт рядом, торчит из стены.

Ударив пальцем по кнопке с цифрой 3, Дмитрий запрыгнул на платформу и медленно поплыл вниз, в душную глубину лабораторного подвала. Авось, там не найдут.

Подъемник остановился. Рядом никого не было, но за углом слышались спокойные голоса. Тянуло ядовитым дымом от сигарет «Магна» — значит, Толик здесь. Курит. Дмитрий нашарил пачку в кармане куртки, закурил. И, не торопясь, вышел из-за угла к группе людей в синих замызганных халатах. Никто его не заметил, люди о чем-то лениво спорили. Да, Толик здесь, вальяжно жестикулирует, объясняет что-то тучной даме в таких же тучных очках.

Дмитрий стоял рядом, курил, ждал. Толик случайно оглянулся в его сторону и радостно хлопнул себя по лысине:

— Ух! А я и забыл! Я же тебе позвонить… Извини, Клав, потом, — бросил он тучной даме и подскочил вплотную к Дмитрию, — ко мне пошли, быстро. Тут серьезный вопрос.

Тесный кабинет Толика был на две трети занят огромным столом. По столу среди бумаг и окурков ползали суетливые тараканы, а в самом центре громоздился компьютер — шедевр Дмитрия. Монитор и принтер, конечно, покупные, но модем Дмитрий спаял сам, а уж о нутре системного блока и говорить нечего: все либо найдено на свалках, либо куплено на электронном рынке в Митино, и все, вроде, работает.

— Как тачка? — спросил Дмитрий на всякий случай.

— Пашет, пашет. Лучше некуда. Чайку? — Толик полез в ящик стола и добыл оттуда два стакана, кипятильник и усиженную тараканами пачку заварки.

Дима плюхнулся на стул перед монитором, кивнул.

— Ты мне звонить хотел?

Толик замер, так и не засыпав заварку в заварочный чайник с отколотой ручкой. Лицо Толика было очень серьезным и испуганным.

— Да. Помнишь, я тебе рекламное агентство сосватал, «Мерлин-пресс»? Так вот, не ходи туда. Не надо. И не спрашивай…

— Я уже сходил, — пожал плечами Дмитрий и со всей силы сомкнул ладони, чтобы Толик не заметил, как дрожат у Дмитрия руки.

— Ну?..

— Сделал им все. Бабки получил.

— Так ты… — Толик опустил чайник на стол, так ничего и не засыпав, — сматывай из Москвы, хорошо? Побыстрее.

— Ясно, — Дмитрий кивнул, — ясно. За мной двое гонятся, как раз из «Мерлина». Я им впарил помойку, и теперь…

— Да не в этом дело! — Толик присел на краешек соседнего стула и пристально посмотрел Дмитрию в глаза. Пожевал тонкими губами. — Я узнал… Короче, что бы ты им ни впарил, они тебя грохнут.

— А что ты узнал?

— Не скажу, — насупился Толик. Снял очки, принялся их протирать краем халата. — Не скажу. Тебе же лучше…

— Лучше? За мной бежало два лба, так и есть — хотели грохнуть. Я думал, за то, что… Ладно. Сам. — Дмитрий включил компьютер.

— Может, как-то… — промямлил Толик, но Дмитрий его не слушал. Не отрывая взгляда от монитора, он запустил руку в сумку и вытащил лазерный диск, аккуратно завернутый в желтый газетный листок. Этот диск он только сегодня купил в Митино и еще не успел опробовать. Застенчивая девушка в пестрой вязаной шапочке, продавшая диск, сказала, что на нем — самопальные программы для подключения к чужим сетям. Дмитрий купил просто из любопытства: он и сам мог написать кучу подобных программ. Но программы Дмитрия закатаны в память домашнего компьютера.

Домой же, он чувствовал, в ближайшее время попасть не удастся. А может, и не в ближайшее.

— Толик, — процедил Дмитрий сквозь зубы, — я стал бомжом. Посмотрю хоть, из-за чего.

На экране монитора расползлась белая паутина, в центре которой запутался сверкающий золотой ключик. Ключик пару раз обернулся вокруг оси, порвав паутину, потом касиво взорвался, залив экран мягким золотым светом. По золотому фону потянулись темно-зеленые буквы:

«МЕДВЕЖАТНИК БУРТ. Программа для взлома многомерных сетей мерностью ниже 101. Разработчик — Клай Бонифаций, п.г. Собственность Совета Бородачей Арконы, княжество Руника.»

— Что за бред?! — Дмитрий махнул рукой Толику, приглашая полюбоваться. Но когда Толик наклонился к монитору, заставка исчезла, сменившись скупой надписью белым по черному: *«Введите адрес.»* И Дмитрий ввел Интернетовский адрес «Мерлин-пресс». Он знал этот адрес, поскольку сам подключал локальную сеть агентства к Интернету. Собственно, все защитные пароли он тоже знал, но сейчас решил опробовать программу. Интересно, осилит ли этот самый «Клай Бонифаций, п.г.» двойную защиту Дмитрия?

«Пароль стандартный — пройден. Пароль специальный — пройден. Сеть доступна. F1 — войти в сеть, F2 — уничтожить сеть, F3 — уничтожить сеть вместе с пользователями.»

Дмитрий решил, что малопонятная заставка — просто шутка. Поскольку уничтожить вот так запросто чужую сеть, да еще «вместе с пользователями», то есть со всей мерлинской братвой, невозможно. Впрочем, изготовители программных самопалов любят мрачно пошутить. И Дмитрий надавил клавишу F1.

«Вы уверены, что сначала хотите поглядеть?» — осведомилась программа и предложила на выбор три варианта: «Да», «Нет», «Затрудняюсь ответить». Дмитрий выбрал «Да».

И увидел седого гномика в синей тибетской шапке, вокруг которого вилась надпись: «Добро пожаловать в базы данных Мерлина!» Этого гномика Дмитрий рисовал собственноручно. Ужас! Ведь Дмитрий установил на сеть «Мерлин-пресс» хитрющую двойную защиту, а эта чертова программа справилась с паролями за полсекунды! «Клай Бонифаций, п.г.» уложил Дмитрия на обе лопатки.

Картинку с гномиком перечеркнула черная полоса, на которой появилась белая надпись: «Вскрываем дальше?»

Дмитрий ответил: «Нет». Он теперь знал, что медвежатнику из нелепого «княжества Руника» никакие пароли нипочем. Дмитий просто набрал очередной пароль и принялся просматривать документы рекламного агентства «Мерлин-пресс». По некоторым документам это действительно было рекламное агентство, по другим — подставная фирма каких-то торговцев лесом. Обычное дело. А вот по третьим…

Третья страничка называлась «Спецзаказы». Когда Дмитрий попытался ее открыть, с него снова потребовали пароль. Но ведь Дмитрий не ставил на эту страничку никакого пароля! Значит, тут уже портачила мерлинская братва.

«Ломаем?» — услужливо спросила программа.

«Да,» — ответил Дмитрий. И увидел невероятное.

«Платина, 32 тонны, Йормунград, Руника — оплачено, нал.

Платина, 50 тонн, Йормунград, Руника — оплачено, нал.

Платина, 44 тонны, Йормунград, Руника — представить к оплате.

Алмазы граненые, 1.5 карата, 20 кг, Йормунград, Руника — оплачено, нал.

Меч, подлинник, 1 шт. Аркона, Руника — оплачено, нал.»

Меч? Подлинник? Наверное, какой-нибудь особый меч. Из могилы Зигфрида или короля Артура. Меч, сравнимый по цене с сорока тоннами платины! Ну и дела! Дмитрий понял, что постороннего человека, имеющего доступ к таким документам, непременно должны убить. Просто обязаны.

А ведь Дмитрий и был этим злосчастным посторонним.

Неожиданно мелкие строчки перечеркнула жирная черная полоса.

«Нас ищут. Пора сматывать,» — сообщила программа-медвежатник. Дмитрий не успел ничего нажать, надпись сменилась новой, красными буквами:

«Я ранен!» Внутри системного блока раздалось громкое гудение, в носу у Дмитрия засвербило от сладковатого запаха горелой изоляции, к которому примешивался другой запах — тяжелый, страшный. Дмитрий почему-то подумал, что так должны пахнуть змеи. Интересно, почему? Ведь до сих пор Дмитрий понятия не имел, как пахнут змеи. Наверное…

Наверное, потому что с экрана монитора на Дмитрия уставились выпуклые немигающие глаза. Змеиные глаза, в обрамлении круглых черных чешуек. Глаза надвигались, притягивали. Экран становился все шире, занимая кабинет Толика от пола до потолка, и еще шире. Шириной в мир.

Дмитрий привстал со стула, приблизив лицо вплотную к монитору. Где-то вдали, позади, испуганно верещал Толик, носились туда-сюда тараканы, ласково улыбалась девушка в пестрой вязаной шапочке. Девушка, продавшая Дмитрию чудесную программу… «Медвежатник Бурт»…

— Бурт… — пошептал Дмитрий.

И сразу же змеиные глаза отступили, прикрытые полупрозрачной темной полосой, на которой дрожала надпись:

«Хозяин! Рвем когти!» Дмитрий вздрогнул, откинулся на спинку стула. Экран потемел, запахи пропали. Компьютер выдвинул язычок сидирома, на котором лежал заветный диск, и сам начал перезагружаться. Дмитрий торопливо отключил питание. Теперь он уже не пытался скрыть от Толика свой страх. Кто угодно бы испугался.

— Видал? — спросил Дмитрий.

Толик судорожно кивнул несколько раз. Прокашлялся. Потом нахмурился:

— Дим, а ты, вообще, представляешь себе, где это княжество? Руника?

— Не представляю. И не хочу. — Дмитрий заботливо упаковал диск в газету и сунул на дно сумки.

— Что теперь делать?

— А то, что этот медвежатник Буратино присоветовал, то и делать. Рвать когти.

Толик вспомнил о чайнике, засыпал заварку:

— Хлебнешь на дорожку?

Дмитрий поставил сумку на пол и вдруг со всей силы вмазал кулаком по компьютерной клавиатуре.

— Ты… Кретин, да? Нас поймали!!! Здесь! У тебя, в твоей норе! Ты понимаешь это, лысина садовая? Через полчаса здесь будет вся мерлинская братва, и у каждого в руке по паяльнику. И все эти паяльники окажутся у тебя в жопе! И у меня!

— Но я… — запротестовал было Толик.

— Ты теперь тоже бомж, — оборвал его Дмитрий. — Пошли.

И они пошли.

ГЛАВА 2

В вестибюле института было пусто, только усатый охранник похрапывал на своем стуле, уткнувшись носом в свежий номер «Спорт-экспресса». Все студенты на занятиях, до перерыва еще минут пятнадцать.

Толик ринулся было к выходу, но Дмитрий остановился возле телефона-автомата.

— Эй, Толь, а ты куда?

Толик замер на месте, развел короткими ручками:

— Домой, естественно. Чемодан собрать, жене навру что-нибудь…

Лысый, низкорослый, в криво сидящих очках, Толик был сейчас откровенно противен Дмитрию. Но Дмитрий знал, что это все просто потому, что Толик будет обузой. Обузой совершенно неизбежной: если бросить Толика на произвол ребят из «Мерлина», они сдерут с дурачка три шкуры и еще отрежут ухо на память.

— Домой? — усмехнулся Дмитрий, — да ты с дуба рухнул! Жене по телефону будешь врать, причем не отсюда. А отсюда я сейчас позвоню. Дай жетон.

У Толика всегда были жетоны.

Трубку после первого же гудка поднял сам Андрей.

— Андрюш, привет. — Дмитрий старался говорить спокойно, но предательские голосовые связки так и норовили перейти на жалкий фальцет. — Мне нужно все, что я тебе оставлял. Срочно.

— Все не соберу, — сразу ответил Андрей.

— Сколько?

— Половину. Когда приедешь?

— Прямо сейчас. Минут через сорок.

— Тогда только четверть.

— Согласен.

Дмитрий повесил трубку. Тяжелая трубка телефона-автомата отвратительно пахла — тот же самый змеиный запах. Скорее всего, понял Дмитрий, нет никакого запаха. Просто нервы шалят. Есть, с чего пошалить. В фирме у Андрея Дмитрий хранил свои сбережения, чуть больше десяти тысяч долларов. Значит, получить можно только две с полтиной. На первое время хватит, даже на двоих — просто, чтобы выбраться подальше. А потом… Дмитрий был уверен, что потом он не пропадет, особенно с такой всемогущей программой в сумке. Добраться до ближайшего компьютера с модемом, и можно узнать все необходимое. Можно, в конце концов, слегка поторговать чужими секретами. Опасно,

да, но опаснее, чем сейчас, уже не будет.

Фирма Андрея располагалась на первом этаже небольшого грязного домика в переулке возле Чистых Прудов. Еще фирме принадлежал подвал, где хозяева устроили сауну. В сауне распоряжалась Люба, жена Андрея. Сначала сауна служила по назначению — местом отдыха после трудового дня. Работники фирмы приглашали в сауну друзей, друзья приводили дам… То есть, не совсем дам. Чаще это были уличные девушки с Тверской. Друзья приходили одни и те же, девушек тоже приводили, в основном, одних и тех же. Через месяц такой практики девушки начали половину выручки оставлять Любе, приговаривая:

— Вот, Любань, мой телефончик. Если кому из твоих орлов… Так я сразу.

В сауне, с одной и той же проверенной клиентурой, работать было безопаснее и приятнее, чем мерзнуть на Тверской, ожидая неприятных сюрпизов, а отстегивать половину денег пухлой улыбчивой Любе тоже казалось куда справедливее, чем тратить две трети заработка на злобных приставучих ментов.

Фирма, между тем, постепенно прогорала: спрос на радиоаппаратуру падал; хумские бандиты — «крыша» — норовили подставить фирму и сами вступить во владение. Зато подпольный бордельчик в сауне процветал, принося доход раза в полтора больший, чем торговля аппаратурой. Андрея это не устраивало. Люба обнаглела: она уже подумывала об открытии второй сауны, аж на самой Тверской. Если жена и зарабатывает деньги, то доход ее должен быть меньше, чем у мужа, а не наоборот. Так, во всяком случае, считал Андрей. Поэтому он принял ключевое решение. Ключевое и роковое. Знали об этом решении только несколько сотрудников фирмы. Люба не знала.

Дмитрий и Толик, которых решение Андрея касалось самым непосредственным образом, тоже ничего не знали. Поэтому Дмитрий, увлекая за собой Толика, уверенно поднялся на невысокое крыльцо и толкнул дверь.

Андрей сидел у себя в кабинете и, казалось, ничего не делал. Просто сидел, опустив голову на руки. Когда Дмитрий с Толиком вошли, он выпрямился и улыбнулся через силу.

— Привет.

— Привет… И сразу до свидания, — ответил Дмитрий, — давай бабки, и я побежал.

— Проблемы у тебя, знаю, — Андрей поднялся с кресла и подошел вплотную к Дмитрию. От Андрея пахло дорогим одеколоном и… Дмитрий мог бы поклясться, что к запаху одеколона примешивается еле уловимая мускусная вонь, та самая! Нервы, нервы, точно нервы! Дмитрий встряхнулся:

— Откуда ты знаешь? Да, не важно. Бежать мне надо, срочно.

— Я, наверное, смогу помочь. Пошли в баньку, обсудим.

— Некогда… — попытался протестовать Дмитрий, но Андрей мягко подтолкнул Дмитрия и Толика вперед себя к выходу из кабинета:

— Давай, давай, иди. Не пожалеешь.

По узкой деревянной лесенке все трое спустились в подвал и через обитую некрашеными березовыми планками дверь сразу попали в уютный предбанник. Андрей остался у двери, а Дмитрий с Толиком так и замерли: развалившись на мягких диванах, в предбаннике сидели Капитан с приятелем. В руках у обоих были пистолеты.

«Макаров,» — машинально определил Дмитрий. Дула обоих пистолетов смотрели Дмитрию в лоб.

— Тут такое дело… — смущенно пояснил Андрей, — купили они нас. Не хотел я с потрохами под хумских идти, а у «Мерлина», я знаю, крышак еще покруче. И купили. А ты, Дим, с этого, конечно, попал.

— А я? — подал голос Толик.

— Головка от «Панасоника», — ухмыльнулся Капитан, — ты тоже попал, — потом обернулся к приятелю:

— Боцман, держи на мушке Димку.

С этими словами Капитан перевел дуло своего пистолета… Но, к удивлению Дмитрия, не на Толика, а на Андрея:

— Ты, Андрюх, вали отсюда. Мы их здесь кончим, и не мешай. Запри. Через десять минут вернешься, поможешь жмуриков упаковать.

Но Андрей не успел уйти: в кармане у Боцмана заверещал мобильный телефон. Не опуская пистолета, Боцман вытянул телефон из кармана и приложил к уху:

— Что? Да ведь… Хорошо. — Боцман скосился на Капитана, — хозяин не велит казнить.

— А это точно хозяин? Дай сюда.

Андрей оставался в предбаннике, напряженно пытаясь уловить голос «хозяина», рычавший в трубке. Но разобрать так ничего и не удалось.

Капитан отключил телефон, отдал Боцману. Пожал плечами:

— Живыми, говорит, нужны. Ваше счастье, мужики. Подставляйте руки, вязать будем… Да не ты! — Отмахнулся он от Андрея, который тоже с испугу вытянул руки, — ты лучше веревку принеси. И разгони с пути своих шестерок, чтобы не подглядывали.

Машина неслась куда-то к окраине. Толик сидел, весь сжавшись, и мелко дрожал. Дмитрий, наоборот, был спокоен.

Если решили оставить вживых, значит — предложат работу. Причем, скорее всего, работу вовсе не бесплатную: даже если заставят отработать за негодные детали, это не так много. Надо только дать им понять, что он — нужный человек. Вот как с Толиком быть? Кому он нужен? С другой стороны, «хозяин» дал команду пощадить обоих. Наверное, и для Толика найдется дело. Он, в конце концов, отличный химик…

Капитан молча вел машину. Боцман тоже молчал, не опуская пистолета.

— Спрячь пушку, не убегу, — сказал Дмитрий.

Боцман только головой покачал. Пистолет он, все же, спрятал на несколько секунд, когда проезжали мимо поста ГАИ. Но на посту никого не было, снаружи, по крайней мере. Машины шли свободно. За окном на белом заснеженном фоне кривились голые деревья. Капитан все прибавлял скорость, обгонял всех подряд, рискуя потерять управление на обледенелой дороге.

Справа прошла длинная обшарпанная фура. Дмитрий удивленно пригляделся. «Колхида»! Скорость капитанского «Сааба» сто пятьдесят, не меньше. Старая развалина типа «Колхиды» просто не может так быстро ехать! Но фура ехала еще быстрее. Она легко обошла «Сааб» и стала удаляться, исчезая в потоке несущихся навстречу снежинок.

— Во дает, козел! — Капитан почесал лоб, вспотевший под черной фетровой кепкой.

Дмитрий испуганно оглянулся по сторонам. Дорога пустая, может, и не будет аварии. Капитан еще прибавил. Фура тоже.

— Ах ты, падла! — Капитан вдавил газ до отказа.

Внезапно фура вильнула, пошла юзом и встала поперек дороги. Дмитрию стало жутко: фура не опрокинулась, просто встала, словно скала. Это казалось даже более противоестественным, чем возможность на «Колхиде» обогнать «Сааб» последней модели. Но самое страшное, фура была совершенно невероятной длины! Дмитрий мог поклясться, что сначала эта фура была короче. Впрочем, все произошло слишком быстро.

Капитан, тихо выругавшись, ударил по тормозам. Он был прекрасным водителем, но избежать столкновения в такой ситуации не смог бы никто. Дмитрий уперся связанными руками в спинку переднего сидения, то же сделали и Толик с Боцманом.

«Сааб» закрутило на скользком асфальте. В последний момент Капитан сумел-таки, выровнять машину. Удар был не очень сильный все остались целы — кроме «Сааба». Весь перед машины был безнадежно смят.

Распахнув пинком дверцу, Капитан выскочил из машины,

сжимая в руке пистолет. Водитель «Колхиды» был уже рядом. Стоял спокойно, подбоченясь. Чем-то этот водитель очень не понравился Дмитрию. Впрочем, после такого удара весь мир покажется кучей дерьма, не только какой-то водитель.

Капитан подошел к водителю вплотную, но не успел сказать ни слова — водитель его опередил:

— Ну что, бычара, будем разбиаться. Я только вчера ведро новое вешал!

— Да ты… — начал Капитан, но водитель нанес ему сильнейший удар в переносицу. Капитан размашисто повалился на спину, звонко ударившись затылком об асфальт. Раздался выстрел — Капитан рефлекторно нажал на курок. Пуля пробила колесо «Сааба».

Боцман начал выбираться наружу, хотел помочь товарищу, но водитель высоко подпрыгнул, перекатившись через крышу «Сааба», и оказался возле дверцы, когда Боцман только успел поставить на асфальт одну ногу. Короткий пинок по дверце, и нога Боцмана оказалась сломана.

Боцман взвыл. Водитель выволок его за шкирку и еще раз пнул в лицо. Потом, не торопясь, вынул из ослабевшей руки Боцмана пистолет и с удовольствием прицелился в низкий лоб, с которого так и не слетела черная кепка.

— Не надо! — заорали одновременно Дмитрий и Толик.

— Почему? — удивился водитель.

Только теперь Дмитрий понял, почему водитель фуры казался таким неприятным и страшным: лицо водителя обрамляла густая рыжая борода, но обрамляла не целиком, а только правую половину лица! Левая половина лица была чистой и чуть зеленоватой. Жуткое зрелище!

Дмитрий судорожно сглотнул:

— Мне их не жаль, но… За них меня потом убьют.

— Да ладно тебе! — полубородый водитель широко улыбнулся, показав неровные, чуть заостренные на концах зубы. Дмитрий снова сглотнул.

— Хотя… — протянул полубородый, — мне-то что?

Он, не выпуская рукоятки пистолета, взялся другой рукой за дуло и легко согнул пистолет пополам. Потом, скомкав его, словно клочок бумаги, кинул на дорогу. Расхохотался.

— Ладно, живо в кабину. И мухортика своего прихвати. Пригодится.

В кабине «Колхиды» было душно и нестерпимо воняло… Да, тем же самым. Змеями. Дмитрий уже не удивлялся. Толик забрался назад, на лежанку, укрытую мягкой полосатой шкурой. Полубородый перерезал веревки на руках Толика и Дмитрия

длинным кинжалом с волнистым лезвием. Потом кинул кинжал под сидение и повернул ключ стартера. Движок протяжно взвыл и «Колхида» рванула с места.

— Вы от кого? — спросил Дмитрий.

— От себя самого, — охотно ответил полубородый и сразу пояснил, — сам себе и дом, и крыша. Ты, Дим, не волнуйся. Сколько бы тебе Нуф ни предложил, я все одно больше дам. И не убью напоследок. Со мной вообще лучше.

— Нуф? — не понял Дмитрий.

— А… — махнул рукой полубородый, — ты даже не знаешь, кто за тобой бегает. Я тебя, Дим, от смерти спас. Ясно?

Дмитрий молча помотал головой. Потом мрачно уставился на полубородого:

— А вы кто, вообще-то? И… Главное: я-то кто такой? Зачем меня спасать? Я еще понимаю, зачем эти, из «Мерлина», хотели меня убить. А спасать-то зачем?

— После, рыцарь, после. — Полубородый усмехнулся, запел под нос: — Жил на свете рыцарь бедный…

Снег прекратился, пустая дорога исчезала под колесами «Колхиды». Полубородый внимательно следил за пробегавшими мимо деревьями. Казалось, он их считает.

— Держись, рыцарь. И ты держись, мухортик.

Дмитрий не стал задавать вопросов, просто схватился покрепче за скобу, торчавшую под ветровым стеклом. Полубородый резко дернул баранку, «Колхида» на всей скорости понеслась к обочине. Дмитрий зажмурился…

Но ничего не произошло. Движок выл, «Колхида» неслась по ровной дороге. Дмитрий открыл глаза — и ахнул. За спиной ахнул Толик — он тоже открыл глаза. Дорога, мощеная розовыми каменными плитами, тянулась через цветущую зеленую степь. Какие-то птицы носятся в небе, рощицы вдали, летнее солце жарит… Дмитрий сразу ощутил, что в кабине стало немилосердно жарко.

— Окошко открой, лето на дворе, — бросил полубородый, не отрываясь от дороги.

— Была зима! — проныл Толик.

— А здесь лето. Окно открой, говорю. Задохнетесь.

Дмитрия это все почему-то не удивило. Он только спросил:

— Здесь — где?

— Так… — полубородый прищурился, — курган Тромпа проезжаем… Ага, вон он, за рощей, слева. Значит, дома. В княжестве.

Тут Дмитий вспомнил нелепые записи, которые он видел на страничке спецзаказов в сети «Мерлин-пресс».

— Княжество Руника?

— Угу. Открой окно. А то с моей стороны ручку заело.

Дмитрий открыл окно. Свежий ветерок чуть разогнал мускусную вонь. Толик сидел, тупо изучая проносящиеся снаружи степные пейзажи. Он, вроде, смирился с невероятностью ситуации. Дмитрий тоже смирился, подозрительно легко. Он чувствовал, что знает эти места. Вон впереди поворот вокруг высокого холма, а за холмом…

— Сейчас повернем, — сказал полубородый, — и город будет видно.

— Нам туда?

— Туда, туда. В Йормунград.

За холмом дорога снова пошла прямо, до самого горизонта. Приглядевшись, Дмитрий понял, что плавная линия горизонта в одном месте прерывается, упираясь во что-то неровное, щербатое. Он почему-то точно знал, что это — стены. Гигантские стены Йормунграда, столицы княжества Руника.

* * *

Телефон истерично верещал, но Боцман не обращал на него внимания: он нежно поглаживал сломанную ногу. Капитан пошевелился, сел. Тряхнул головой, поправил кепку. Увидел скомканный пистолет, удивленно цыкнул языком. Потом, наконец, понял, что телефон уже давно звонит, а Боцман и в ус не дует!

— Трубку дай!

Боцман никак не отреагировал. Капитан на него за это не сердился: скомканный пистолет позволял все простить. Но на вызов надо ответить. Шатаясь, Капитан подошел к Боцману, запустил руку ему в карман и вытянул телефон.

— Да…

— На лбу елда! — ответил низкий чуть булькающий голос. Хозяин!

— У нас тут… — начал Капитан, но хозяин его прервал:

— Все знаю. Машину можешь вести?

— Могу.

— Радуйся, что жив остался. А теперь достань мне этого хмыря компьютерного, хоть откуда. Жопой отвечаешь!

Капитан грустно оглядел передок «Сааба», сложившийся гармошкой.

— Машину бы нам сюда… Другую.

— На этой доедешь.

— Движок всмятку, колесо пробито…

— Сейчас у тебя башка будет пробита, козел! Откинь капот!

Капитан с трудом поднял покореженный капот… И впервые в жизни по-настоящему испугался. Под капотом пузыилась буро-зеленая зловонная жижа. Иногда к поверхности что-то всплывало, и тогда казалось, что жижа каким-то непонятным образом смотрит на Капитана — затравленно и злобно.

— Блевушку видишь? Сунь в нее по локоть руку с телефоном, держи секунд десять. Потом вытаскивай. Понял?

— По…

— Делай!

Пересиливая отвращение, с трудом борясь с бунтующим желудком, Капитан начал опускать руку, сжимавшую телефон, в теплую булькающую жижу. Жижа затекла под манжеты. Рука уже была в этой гадости по самое плечо, но дна не чувствовалось. У Капитана, впрочем, не было сил, чтобы удивляться. Хозяин сказал — надо делать. Отсчитав десять секунд, он торопливо выдернул руку, и тут, все-таки, удивился: рука была сухая, ни на рукаве, ни на телефоне не налипло ни капельки.

И тут машина начала расти. Капот вытянулся, приобретая цилиндрическую форму, черный лак потрескался и пошел чешуйчатой рябью. Колес, вроде, тоже стало больше.

— Приложи телефон к левому плечу, потом — к правому, — зарычал голос хозяина.

Капитан повиновался, втайне надеясь, что сам он от этой операции не изменится. Действительно, не изменился. Вздохнул.

— Зря надеешься, — хохотнул хозяин, — теперь ты мой.

— Я и без того твой, — буркнул Капитан.

— Телефон не выключай, положи рядом, на сидение. И поехали.

Капитан упихал всхлипывающего Боцмана внутрь салона, захлопнул дверцу. Сам сел за руль, положив включенный телефон на соседнее сидение, как велел хозяин.

— Вперед! — зарычал телефон.

И Капитан повернул ключ зажигания. Никакого звука не последовало. Просто машина рванулась вперед, не дожидаясь, пока Капитан отпустит сцепление. Капитан едва не слетел в кювет, но быстро выровнял странную машину. Внутри «Сааба» тоже все изменилось: сиденья блестели и казались липкими, приборы на приборной доске исчезли. На их месте выросли какие-то шерстистые извивающиеся хвостики, из зарослей которых торчал руль. Хоть руль остался рулем!

— По счету «Три» поворачивай направо. Раз…

Дорога шла прямо, свернуть можно было только в кювет.

— Но…

— В ушах говно! Три! — оглушительно зарычала трубка.

И Капитан крутанул руль. Он не стал зажмуриваться. Он видел надвигающийся кювет, видел зеленоватые вспышки, видел, как горизонт пошел крупными волнами, а потом застыл.

Волны остались… То есть, не волны, а плавные холмы, покрытые зеленой травой. Машина неслась по дороге, мощеной розовыми плитами. А кругом было лето. И степь. Теплый ветерок приятно дует в лицо…

Капитан содрал с головы жаркую кепку, кинул на сидение, к телефону. И сразу понял, что изменения еще не кончились. Машина теперь превратилась в открытую, без верха… И, кажется, перестала быть машиной. Вместо шуршания шин слышался ровный топот. Перегнувшись через низкий бортик, покрытый чешуей, Капитан увидел три широкие когтистые лапы. С правой стороны, догадался он, долно быть еще столько же. Передок машины вытянулся еще больше и вдруг выгнулся вверх. Капитан понял, что это — мощная шея, на которую насажена мелкая голова, похожая на жабью, только без глаз. А глаза…

Телефон изменился самым радикальным образом. Вытянутый, искривленный, вороненое лезвие блестит… Меч!

— Что пялишься! — зарычал меч голосом хозяина, — веди своего шваба, а то он тебя сожрет, если руль отпустишь! Пялиться — мое занятие.

Действительно. С широкой гарды меча на Капитана смотрели два глаза. Два ужасных, нестерпимо живых круглых глаза.

ГЛАВА 3

Стены Йормунграда занимали уже большую часть горизонта. Степь сменилась полями, вдоль дороги начались лесозащитные полосы — деревья напоминали поставленные на попа сосульки. Ветвей не было, зато сверху донизу топорщились огромные, растущие прямо из стволов, треугольные листья.

Дмитрий не удивился, но испугался — именно тому, что не удивился. Все это казалось знакомым. СЛИШКОМ знакомым. И ядовитые птицеморы вдоль дороги (именно так называются деревья-сосульки), и сама розовая дорога, и поля, и громадные стены столицы. И низкие двухэтажные домики предместий. И даже неуклюжие восьминогие создания, пощипывающие редкую травку между досчатыми заборами.

— Слейпы, — прошептал Дмитрий.

— Верно, — кивнул полубородый, — память не обманешь. Имя-то свое не забыл?

Дмитрий ухмыльнулся:

— Дима Горев меня зовут, для друзей — Фленджер, — он вдруг почувствовал, что соврал.

Теперь, в свою очередь, ухмыльнулся полубородый:

— Забыл. Ладно, вспомнишь. Не отвертишься.

Толик уже стянул теплую куртку и остался в грязном синем рабочем халате:

— А меня как зовут?

— Не знаю, — пожал плечами полубородый, — вообще не пойму, братушка, откуда ты взялся.

— Как! — возмутился Толик.

— Наперекосяк! Друга твоего я специально сюда вытащил. А ты просто случайно, как говорится, «на хвоста упал».

Почему-то при слове «хвост» Дмитрий с новой силой ощутил мускусную змеиную вонь. И, наконец, решился:

— Чем пахнет?

— Драконом, — охотно ответил полубородый.

— А разве пахнет чем-то? — удивился Толик, — я ничего не чувствую.

— Тебе и не полагается. Драконов чувствует наш друг. А знаешь, почему?

Толик помотал головой. Дмитрий неподвижно скорчился на сидении. Несмотря на жару, ему не хотелось скинуть верхнюю одежду. Ему не хотелось открывать себя этому миру, в котором, он знал точно, его ожидают опасные приключения и крупные неприятности.

Приключения Дмитрий ненавидел. А уж что до неприятностей…

— Эй, храбрый рыцарь, где же твой меч? Раскольников, где твой топор? — неожиданно запел Толик фальцетом. Толику, по всей видимости, новый мир понравился. Действительно, что Толик терял? Семьи, можно считать, нет: жену свою Толик так ненавидел, что убил бы, наверное, если бы не проводил почти все свободное время в лаборатории. Зарплату уже полтора года не платят, комната в коммуналке — еще теснее, чем кабинет в подвале Института нефти. Тараканы, толстая Клава, зима. Здесь, хотя бы, лето!

А что потерял Дмитрий? Фактически — всю свою жизнь. Жизнь свою он любил. Но с другой стороны, именно поэтому он здесь и оказался. Здесь… В предместьях столицы мира. Чужие воспоминания, кружившиеся в голове Дмитрия, подсказывали, что он должен ненавидеть предместья. За что? Приятные домики, нижние этажи каменные, верхние — из бревен. Только выкрашены по-дурацки, в серый цвет.

Народа на улице было немного, но яркие одежды жителей резко контрастировали с серыми каменными стенами. С высоты кабины грузовика казалось, что это разноцветные бабочки попали в мрачную пещеру и теперь, уставшие и голодные, еле ползают в поисках выхода.

Полубородый нажал на тормоз, и машина, хрипя и натужно постанывая, остановилась. Мотор недовольно взревел, и водитель крикнул, стараясь перекрыть скрежет деталей:

— Бар «Дракон»! Здесь жилье найдете. И все прочее… Вон, слева бар, через дорогу.

Дмитрий оторвался от своего окна и поглядел в другую сторону, куда указывал полубородый. Грузное трехэтажное здание с окнами-бойницами вплотную подступало к дороге. Рядом, у коновязи, топтались на многочисленных ногах оседланные слейпы.

— Нам точно туда? — спросил он на всякий случай.

— Точнее не бывает, — подтвердил полубородый и вдруг хмуро спросил, — если тебя спросят, как зовут, ты что ответишь?

Дмитрий пожал плечами:

— Фленджер.

— А что это значит?

— Прибор такой. Электронный. Звуки портит.

— Сойдет. Ладно, снимай шубу и проваливай. Если они тебя там сдуру станут в рыцари посвящать — не сопротивляйся. Пусть.

— Они — кто?

— Рыцари Предместий, шушера. Собрались, ситуацию

обсуждают. Тайный совет. Они нам сейчас нужны, но именно как шушера. Что ни предложат — соглашайся. Да. А спросят, откуда ты, скажи — тебя Нифнир прислал. И все, ничего больше. Ясно? — Полубородый повернулся к Толику, — а ты вообще молчи по возможности.

Дмитрий и Толик, подхватив сумки и бесформенные кули, в которые превратилась их зимняя экипировка, вывалились наружу. Полубородый, перегнувшись через всю кабину, захлопнул за ними дверцу. Она как-то влажно хлюпнула.

В следующий момент мотор взревел, «Колхида» резко дернула с места и оставила в воздухе черное вонючее облако выхлопа.

— Бр-р-р… Жуткое место, правда? — сказал Толик и демонстративно поежился, улыбнувшись во всю мордочку. На самом деле он чувствовал себя превосходно.

Зато Дмитрию и впрямь было жутко. Предательские воспоминания, серые стены… Хорошо хоть, мускусная вонь пропала. Мимо бочком скользили местные жители. Их утонувшие в плечах головы и подобострастные взгляды не сулили ничего хорошего. Какой-то мужик в малиновом камзоле с роскошными фестонами и в рваных на коленях джинсах отсалютовал путешественникам длинной ржавой шпагой. Они неловко поклонились, и мужик проследовал дальше.

— Что делать будем? — Дмитрию хотелось вжаться в стену и исчезнуть, настолько ему было не по себе. Он шагнул к каменной кладке, оперся на нее спиной и внезапно почувствовал, что сзади ничего нет.

Замахав руками, Дмитрий чуть не завопил. Толик вовремя вытащил его из стены:

— Ты сейчас провалишься.

Обернувшись, Дмитрий заметил, что на месте каменных блоков теперь находится узкая распахнутая дверь. А над ней тихо гудит неоновая надпись кривыми рунами: «Бар Дракон». Дмитрий мрачно отметил, что понимает руническое письмо.

— Это не дом, — тихо сказал Дмитрий, — это и есть тот самый кабак.

— «Дракон»? Сюда-то нам и надо, если верить водиле.

— А если не верить? — Спросил Дмитрий, но тут же понял, что обращается к спине Толика. Толик, не раздумывая, топал в душный полумрак, начинавшийся за дверью. Дмитрий пожал плечами и вслед за Толиком проследовал внутрь.

Зал заведения был практически пуст. В конце длинного стола сидели несколько человек и о чем-то шептались. Еще двое молча стояли у стойки, угрюмо пялясь прямо Дмитрию в глаза. За

стойкой небритый толстяк в накрахмаленном переднике протирал матовые стаканы, а над ним…

Над толстяком прямо из стены торчала гигантская голова фантастического чудовища. Судя по сверкающим чешуйкам, каждая из которых напоминала размерами и цветом компакт-диск, многочисленным шипам, рогам и зубам, ощерившимся в хищной ухмылке, она когда-то принадлежала доисторической рептилии.

Дмитрий сделал шаг вперед и налетел на низкорослого Толика, чуть не сбив того с ног.

— Вот это зверюга… — Восторженно прошептал Толик. — Ее, наверное…

— Закрыто! — прорычал толстяк, — я же дверь запер! Как вы сюда вошли?

— Что значит закрыто? — возмутился Толик, — вот у вас народ…

Дмитрий со всей силы пнул Толика коленом под зад. Толик заткнулся — но уже было поздно.

— Народ в поле, — спокойно сказал один из мужчин, стоявших возле стойки. На нем были короткие кожаные штаны до колен, мягкие полусапожки, стальной шлем-шишак. Красная шелковая рубаха навыпуск перепоясана двумя ремнями, и с каждого ремня свисают увесистые ножны. Но пока что этот воин не тянулся к оружию, полагая, видимо, что справится и так.

Дмитрий подумал, что справится, конечно же справится. Мужчина в красной рубахе пошел к Толику, раскачиваясь, поигрывая мощными мускулами под тонкими рукавами и с шумом выпуская воздух через сжатые губы. От каждого выдоха его белые длиннющие усы выгибались вперед и становились похожими на клыки кабана.

Толик замер, он не мог двинуться с места от страха. Дмитрий тоже испугался было и решил, что надо бежать… Но тут понял, что бояться нечего и бежать некуда. Хуже того: Дмитрий прекрасно знал, что следует делать. Никогда раньше его не посещало знание такого рода.

Никогда раньше он не понимал рун.

Никогда раньше он не чуял драконов по запаху.

Никогда?

Как только воин в рубахе подошел к Толику вплотную, Дмитрий швырнул на пол свой куль одежды и высоко подпрыгнул. Его нога стремительно пронеслась над головой Толика и врезалась пяткой в белые усы. Воин удивленно отпрянул, руки его упали на рукоятки мечей, но Дмитрий уже был рядом. Схватив воина за руки, он резко дернул их на себя,

выворачивая кисти. Мечи выскочили из ножен и с грохотом повалились на чистые крашеные доски пола. Одновременно Дмитрий нанес воину удар в грудь коленом, а потом уперся носком в широкий пояс, на котором болтались опустевшие ножны и, оттолкнувшись, оказался на стойке. Толстяк как раз замахивался увесистым стаканом. Дмитрий выхватил у толстяка стакан, свободной рукой сбил с воина шлем-шишак и со всей силы опустил стакан донышком на белесую макушку. Воин мешком повалился на пол, к своим мечам. Дмитрий соскочил следом, поставил воину ногу на грудь и сжал в кулаке его усы.

За спиной послышался тихий скрипучий голос:

— Что, Теофил, с длиннополыми легче воевать?

Дмитрий вовремя оглянулся: тихо вжикнула сталь по коже — это второй воин, бывший у стойки, выхватил свой меч. Перекатившись через голову, Дмитрий ушел от удара, потом сразу оказался на корточках и, не вставая, сделал подсечку. Воин упал на спину, описав мечом неловкую кривую. Дмитрий поймал лезвие меча между ладонями, выпрямился и пнул воина в пах. Жалобный вой сотряс темный воздух бара. Дмитрий добавил ребром ладони по крепкому затылку. Второй воин тоже повалился мешком, меч остался у Дмитрия в руках. Размахнувшись, он метнул меч в стену, словно это был не меч, а перочинный ножик. Меч воткнулся в каменную стену почти по самую рукоять.

Толстяк уже пришел в себя и спокойно стоял, вытянув в сторону Дмитрия руку ладонью кверху. Дмитрий подобрал с пола стакан и протянул толстяку. Тот принялся как ни в чем ни бывало протирать этот стакан.

Дмитрий плюхнулся на скамью, положил локти на стол. Люди у дальнего конца стола шептались, уныло изучая свои стаканы. Толик все еще торчал возле дверей.

Первым заговорил толстяк:

— Ты откуда, рыцарь?

— Я не рыцарь, — ответил Дмитрий, не глядя на толстяка.

Толстяк помолчал. Потом снова спросил:

— А откуда ты?

«Не откуда, а от кого. От Нифнира,» — хотел ответить Дмитрий, но передумал. Полубородый урод уже накатал колею, глубокую и абсолютно непонятную. Если сейчас на него сослаться — все, пропал, из колеи пути не будет. Поэтому Дмитрий решил рискнуть по-своему:

— Меня Бурт привел. Медвежатник.

Разговор на дальнем конце стола сразу стих, посетители уставились на Дмитрия — огромный бородатый детина,

обмотанный шкурами и беспорядочно перетянутый различными ремнями, сухонький старичок в тяжелом высоком шлеме и толстая тетка с высокой прической, похожей на шлем старичка. Но бармен остался невозмутим:

— Бурт служит Клаю, Клай — полковник гвардии Арконы, так? Это я для ясности спрашиваю…

— Так, — Дмитрий кивнул.

— Значит, гвардии Арконы что-то от нас нужно, так?

И тут снова у Дмитрия внутри зашевелились чужие воспоминания — сначала где-то в животе, потом выше, протягивая скользкие прозрачные щупальца в сердце и в мозг, и, наконец, дотянулись до рта. Дмитрий со всей силы хлопнул кулаком по столу:

— Если мастеру Бонифацию что-то понадобится от вас, вы все побежите это исполнять и ни о чем не догадаетесь! Уже забыли?!

Бармен, наконец, смутился. Дмитрий закончил спокойно:

— А если мастер Бонифаций прислал сюда человека, значит, он просто хотел прислать сюда человека. Зачем — не ваше дело.

Воспоминания растаяли. Теперь Дмитрий сам удивлялся своим словам — насколько вообще был еще способен удивляться. Он сидел, стараясь не выдавать удивления. Слова, кажется, подействовали: бармен снова протирал кружку, посетители избегали глядеть в сторону Дмитрия. Толик сидел рядом и хихикал — он принял это все за удачный трюк.

А Дмитрий напряженно думал. Только что он ввязался в какие-то местные дела, непонятные и, кажется, абсолютно идиотские. Объявил себя человеком этого самого «Клая Бонифация, п. г.» Хоть одно ясно: «п. г.» — полковник гвардии. Ну и что? Чем это поможет?

Чем? «Медвежатник Бурт»! Диск с программой все еще был у Дмитрия с собой. Если здесь делают такие программы, значит, должны быть и компьютеры. Эх, добраться бы хоть до самого завалящего, до поганой «четверки»! И тогда…

— Тачка в кабаке есть? — Машинально спросил Дмитрий у хозяина.

Хозяин удивленно вскинул брови. Он, наверное, не понял вопроса, тем более, что Толик спросил одновременно с Дмитрием:

— Пиво есть?

— Могу предложить строфарии… — Начал хозяин, но тут дверь за стойкой распахнулась и в помещение вбежала девушка.

Дмитрий обомлел. Та самая девчонка! Никаких сомнений: он только что думал о программе-взломщике и как раз припомнил эту девушку с Митинского рынка. Только сегодня утром она была

в вязаной шапке, а сейчас — в смешном голубеньком чепчике.

Девушка встретилась глазами с Дмитрием и легонько подмигнула. Но улыбки на ее лице не было, девушка выглядела очень напуганной. Склонившись к уху хозяина, она начала что-то быстро шептать.

— Скажи всем, — прервал ее хозяин.

Девушка оперлась ладонями о стойку и громко сказала в зал:

— Я только что видела… Я на втором этаже была и видела в окно. Стража короны, человек двенадцать. Идут сюда!

Детина в шкурах вскочил с места, чуть не опрокинув скамейку:

— Рогачи? — Зарычал он.

Девушка кивнула, нервно сглотнув.

Детина, отшвырнув недопитую кружку, шумно кинулся вдоль стола к стойке. Толстуха, не отставая, бежала следом — ее чудовищные габариты переваливались под полупрозрачной тканью легкого платья, словно дыни в мешке. Позади семенил старичок, волоча по полу тяжелый меч-эспадон.

— Сюда! — хозяин суетился возле открытой двери, — наверх!

— Может, вниз? — Предложила толстуха.

— Ни за что! — Хозяин всплеснул руками, — ты сама знаешь, кто у меня там бегает. От тебя один скелет останется, да и тот не весь. Наверх!

— Что стряслось, — нахмурился Толик, — менты?

— Быстро! — Девушка выбежала из-за стойки, схватила Толика за руку и потянула к двери, за которой уже скрылись толстуха и старик.

Толик упирался:

— Дим! А ты?

— Он от Клая, ему ничего не будет.

— Стой! — Дмитрий уцепился за один из ремней бородатого детины. — Поможешь…

— Не-е… — Детина оскалился, выставив напоказ неровные пеньки, оставшиеся от зубов, — если я страже попадусь, они меня на кол посадят — только для начала.

— Хоть дружков своих забери… — Дмитрий кивнул на двух забияк, все еще валявшихся без сознания возле стойки.

— Плевать на них, — бородач последним вошел в дверь и запер ее изнутри.

Одновременно распахнулась входная дверь, и зал стал наполняться людьми. Действительно, стражники — Дмитрий догадался об этом не только по одинаковой одежде: на всех были гладкие металлические панцири, одинаковые короткие кожаные юбочки, одинаковые сапоги до колен и одинаковые шлемы,

похожие на повернутые рогами кверху полумесяцы. О том, что перед ним стражники, Дмитрий понял по выражению лиц — наверное, во всех мирах у ментов одни и те же лица.

«Плевать на них,» — повторил Дмитрий про себя слова бородача, хоть и не знал точно, на кого ему плевать. Наверное, на всех сразу… Кроме девчонки. Она очень милая.

— Та-ак… Попрятались, крысы… — сказал один стражник, наверное, старший. На его панцире была выдавлена эмблема, простая, словно детский рисунок: волны, два берега, между берегами — мостик, а сверху висит контур трехзубчатой короны. — А ты кто? — Старший, казалось, только что заметил Дмитрия.

— Фленджер я. Дима, — приветливо ответил Дмитрий, как бы между делом подобрав с пола мечи, оброненные парнем в красной рубахе.

— Та-ак… Тесаки-то положь, да?

— Один я тут. Нет никого, — невпопад ответил Дмитрий.

— А это что за падаль? — Стражник покосился себе под ноги, — Теофил из Арконы, Добужин с Бильреста. Смотри-ка! А говоришь — один! — Стражник хохотнул, остальные тоже ухмыльнулись, поигрывая кривыми саблями в коричневых ножнах.

— А ты, значит, Фленджер… Не слыхал. Отдавай тесаки, короче, — старший направился к Дмитрию, вытянув перед собой пустые руки ладонями вверх.

Дмитрий ждал. Если новые инстинкты не подведут, скоро имя «Фленджер» тут будут знать все.

Инстинкты не подвели. Мечи одновременно свистнули, мелькнув в воздухе, и замолкли. А стражник хрипло завопил: его отрубленные руки глухо хлопнулись об деревянный пол. Упав рядом с руками, стражник катался по полу, оставляя темные липкие следы.

Остальные стражники несколько секунд оторопело молчали, а потом, выхватив сабли, бросились на Дмитрия. Дмитрий спиной вперед запрыгнул на стойку, сразу рубанул мечом по чьей-то руке, сжимавшей саблю, одновременно заехав пяткой в лицо другого стражника, потом снова прыгнул и, сделав под потолком сальто, оказался на столе, за спиной у толпы стражников. Двоим, не успевшим обернуться, он сразу срубил головы, еще одного пнул в глаз носком ботинка. И вдруг почувствовал, как пространство, бешено вращаясь, уходит куда-то в сторону… Блюдо! Дмитрий поскользнулся на большом овальном блюде с какими-то головастиками в розовом желе. Упав на плечо, он еле успел откатиться — блюдо рассыпалось под ударами двух сабель.

Пройдя сквозь блюдо, сабли застряли в мягкой древесине стола. Хозяева сабель на миг замешкались — этого Дмитрию хватило, чтобы заколоть одного из них ударом в горло, над панцирем, и, вытаскивая меч из тела, заехать черенком рукояти в висок другому, одновременно отразив вторым мечем еще несколько сабельных ударов. Резко перекатившись к краю стола, Дмитрий упал на пол, снова покатился, выскочив из-под стола с другой стороны. Сейчас перед Дмитрием был всего один стражник. Ударом правого меча Дмитрий вышиб саблю у стражника из рук, концом левого меча проткнув ему горло, и развернулся в прыжке — как раз вовремя: последние три стражника швырнули в Дмитрия скамью. Поняв, что увернуться от длинной скамьи не получится, Дмитрий со всех сил рубанул обоими мечами. Получилось! Скамья разлетелась на две половинки, которые врезались в стену где-то за спиной.

Криво улыбнувшись, Дмитрий пошел на стражников. Стражники пятились, но защищались отчаянно. Несколько раз лезвия мечей Дмитрия скользили по металлу панцирей. Наконец, поймав перекрестием мечей саблю самого активного, Дмитрий нанес ему сильный удар ногой в пах. Стражник согнулся пополам, и Дмитрий сразу срезал ему голову, потом пинком отпихнул тело на второго стражника и присел, уходя от сабли третьего. Второй стражник, сбитый обезглавленным трупом товарища, совершил неловкое движение и раскрылся — Дмитрий погрузил лезвие ему в горло. Остался последний. Он стоял, выронив саблю, и хмуро ждал.

«Нельзя его оставлять, — подумал Дмитрий, — он подмогу приведет, мы уйти не успеем. Связать… Лень возиться.» Это были чужие мысли, отвратительные и ненужные, но Дмитрий ничего не мог с собой поделать — его руки действовали сами. Быстрый взмах мечом, и голова последнего стражника покатилась по полу.

Тишина… Нет, слышны стоны. Старший, без рук, все еще жив. Дмитрий подскочил к нему и добил. Потом добил еще троих, оглушенных ударами. Теперь все.

Дверь за стойкой тихонько приоткрылась и оттуда выглянул Толик.

— Дим, сюда! — Заверещал он, — тебя подставили! Я…

Широкая лапа, протянувшись сзади, зажала Толику рот.

— Я их перебил, — громко сообщил Дмитрий.

Лапа отпустила Толика. Посетители вывалились в зал. Бородач подошел к Дмитрию вплотную, положил лапы ему на плечи и заглянул в глаза. Осклабился:

— Спаситель!

Дмитрий передернул плечами, детина убрал лапы.

— Спаситель!!! — Взвизгнула толстуха, принимая Дмитрия в свои объятия. Дмитрий выронил мечи — они звонко стукнулись о доски.

— А эти два субчика все проспали! — Хмыкнул бородатый.

— Ты садись, садись, — хозяин мягко надавил Дмитрию на плечи, усаживая на забрызганную кровью скамью.

— Подожди, папа! — Это говорила девушка, — мы же видели, там еще двое было снаружи, они за подмогой побежали!

— Ничего, — хозяин засеменил к стойке, — еще успеем хлопнуть по чашке строфарии. Под стойкой что-то зашипело, и по воздуху, никем не поддерживаемый, сам поплыл запотевший бокал, через край которого переливалась густо-зеленая пена. Бокал долетел до стола и аккуратно опустился перед Дмитрием. Дмитрий не удивлялся и этому — он был в ужасе.

ГЛАВА 4

Хозяин, бородач и старик тем временем подошли к мрачному сундуку, стоявшему в дальнем конце зала, сдвинули его в сторону и открыли прятавшийся под сундуком люк. Потом стали кидать в люк мертвые тела, ногами закатывая туда же отрубленные головы. Оставив люк открытым, хозяин принялся мыть пол влажной тряпкой. Старик и бородач сели за стол возле Дмитрия.

— Я — Илион из предместий. Отсюда, — представился бородач. Дмитрий не ответил. Слева вплотную к нему жарко пыхтела толстуха — не добившись взаимности от Дмитрия, она переключилась на Толика. Толик, Дмитрий знал, любит полных женщин.

Внезапно пол задрожал, со стороны люка послышалось гулкое рычание.

— Вот, — хозяин отвлекся от уборки, ткнул пальцем себе под ноги, — жрут, гады. Пожрут, успокоятся, тогда и мы пойдем. Успеем, — он снова принялся драить пол.

Дмитрий поднял бокал ко рту, пригубил. «Строфарией» здесь называли, судя по всему, луковую настойку. Вкус у настойки был отвратительный, зато по телу растеклась приятная истома, ужас отступил.

Потянувшись через телеса толстухи, Толик ухватился за бокал Дмитрия:

— И мне!

Дмитрий не возражал — он, в отличие от Толика, вообще пил мало. Девушка присела напротив и, наклонившись к Дмитрию, прошептала:

— Привет. Программка понравилась?

Он молча кивнул, улыбнулся.

— Меня Алмис зовут, — сказала девушка, — а тебя?

Дмитрий не знал, что ей ответить. Любое из имен, которое он мог сейчас произнести, было бы ложью. А врать не хотелось.

Положение спас хозяин. Отшвырнув швабру с тряпкой, он встал у люка:

— Все, почтеннейшие! Мыши сыты, можно идти!

— Мыши? — Дмитрий, наконец, удивился.

Алмис хихикнула:

— Мы так кербов дразним. Пошли, пока они спят, — и, вскочив с места, первая нырнула в люк. Она, наверное, понимала, что сейчас это — единственный способ заставить Дмитрия двигаться.

Двигаться за ней.

Луковый дух строфарии победил все прочие запахи. Почти все. Еще со своего места Дмитрий уловил, что из люка дует чем-то промозглым, плотным и одновременно пустым. Плотная промозглая пустота. Дмитрий понимал, что так не бывает, но при этом чувсвовал, что запах ему знаком. Наверное, очередные всплески чужой памяти — Дмитрий к ним уже почти привык. Осторожно заглянув в проем люка, он обнаружил, что там абсолютно темно. И в тот же миг снизу раздался протяжный девичий крик.

Не раздумывая, Дмитрий ринулся в темный проем. Он еще успел услышать, как охнул хозяин, как бородач Илион по-бабьи взвизгнул:

— Съедят же!..

Верхняя ступенька оказалась скользкой. Дмитрий не удержал равновесия и покатился вниз, неловко растопырив ноги. Крик раздался снова, дикий, истошный. Ему вторил гулкий рев. Этот рев заставил Дмитрия собраться. Ноги чуть согнуты в коленях, руки сами легли на рукояти мечей. Дмитрий скользил по ступеням навстречу пустоте, готовый к очередному бою.

Лестница кончилась. Ноги Дмитрия со всего маху врезались в какую-то тушу. Существо коротко рыкнуло и резво откатилось во мрак. В полумертвом лучике света, пробившемся сверху, сверкнули квадратные чешуйки. Дмитрий едва успел высоко подпрыгнуть, спасаясь от ударившего по ногам длинного похожего на акулий хвоста.

— Я здесь! — Возглас девушки послышался очень близко. — Их только один или двое. Но они голодные!

— Цела? — Дмитрий быстрыми шагами пошел на звук. Глаза сразу привыкли к темноте. Света, который проникал сквозь незакрытый люк, оказалось достаточно, чтобы разглядеть крупную кладку арки подземного хода и прижавшуюся к камням Алмис. В ее руке блестел короткий кинжал.

— Я, кажется, одному глаз выколола…

В глубине хода послышался резкий скежет. Дмитрий помнил: именно так скребут по камню когти кербов — крепкие, как их квадратная чешуя. Керба невозможно убить… Нет, вроде, существует один способ. Но какой? Чужая память внезапно отказала.

— Слышь, а где…

Девушка вопросительно поверулась к Дмитрию. Несколько секунд назад она кричала, но сейчас, когда Дмитрий стоял рядом, в ее глазах уже не было никакого страха.

— Там, — Алмис показала волнистым лезвием кинжала в сторону. Дмитрий проследил за ее жестом и увидел пять горящих

точек.

— Пялится, — пояснила Алмис.

— Нет, где у него дырка в броне?

— А ты забыл?

— Да… Я и не знал, — спохватился Дмитрий.

Алмис кивнула:

— Позади средней головы, у основания шеи. Кинжалом не достать, а мечом, может, получится.

— Может, получится, — грустно повторил за ней Дмитрий.

И в этот момент свет исчез. Дмитрий обернулся. В проеме люка маячило сразу несколько голов — те, кто остался в баре, пытались разглядеть, что происходит внизу.

— Алмис, рыцарь, вы живы? — Кричал, вроде, хозяин бара.

— Если будете своими башками свет загораживать — то не знаю… — Раздраженно ответил Дмитрий.

И вдруг скрежет послышался прямо рядом с ним. Девушка коротко взвизгнула, но Дмитрий уже отражал правым мечом удар когтистой лапы. Острый клинок, казалось, не причинил лапе никакого вреда. Дмитрия развернуло, на мгновение он оказался к твари спиной, но левый меч словно сам по себе сделал рубящий мах. И, крутанувшись на пятке, Дмитрий понял, что его левая рука успела отбить вторую лапу чудища. Но лапы уже снова двигались навстречу друг другу с огромной скоростью, словно подземная тварь хотела поиграть в ладушки. Дмитрий поспешно отскочил и присел на корточки. Страшные лапы с загнутыми когтями соединились почти перед самым носом Дмитрия, он рубанул по ним обоими мечами — и вновь безрезультатно. За спиной кто-то неловко топтался. Дмитрий вовремя удержал себя от очередного удара: это была Алмис.

— Наверх! — Приказал Дмитрий.

Фигурка девушки, взбегавшей по ступеням, на миг снова заслонила свет. Враг не замедлил этим воспользоваться: три пасти лязгнули клыками перед самым лицом — Дмитрий не видел самих голов чудовища, но услыхал три громких щелчка и почуял волну мускусной вони. Неожиданно (наверное, от страха) включилась чужая память. Дмитрий понял, что перед ним всего один керб — трехголовый. Значит, самец. Что-то очень важное, помнил Дмитрий, связано с кровью самцов. И что-то ужасное — с самками. Такое ужасное, что клыки и когти самцов можно вообще не принимать в рассчет…

Но сейчас перед Дмитрием был самец, а на раздумья не оставалось ни секунды. Правая рука сама совершила круговое движение — четкое и плавное. Керб отпрянул, издав хриплый вой из трех глоток. На лицо Дмитрия попали какие-то теплые капли.

Кровь, понял он. Меч распорол правую пасть. Это не особенно повредило кербу: Дмитрий знал, что в течение суток рана зарастет. Но тварь разозлилась — а значит, может совершить ошибку. По нарастанию вони Дмитрий понял, что две головы движутся к нему с обеих сторон, и подпрыгнул, вслепую нанося удар ногами. Каблуки уперлись во что-то мягкое. Гол! Единственная мягкая часть керба — его нос. Теперь керб на пару секунд выведен из строя. Дмитрий упруго приземлился на камни, глубоко вздохнул и облизал сухие губы… Сухие? Нет! На губах Дмитрия была кровь керба! Отвратительный вкус, нечто среднее между машинным маслом и лекарством под названием «фурацилин», которым Дмитрия часто мучали в детстве. И ужас. Теперь Дмитрий легко победит самца — но не уйдет от самки.

Темнота поблекла, приобрела мутно-желтый оттенок. Кровь керба начала действовать. Дмитрий ясно видел растрескавшиеся каменные плиты пола. С одной стороны пол упирался в стену — тупик. А в другую сторону тянулся коридор, изгибаясь плавным поворотом. И возле самого поворота сидел керб… Нет, он не сидел, он только полуприсел, готовый к прыжку. Три длинные массивные головы мягко покачиваются на изогнутых шеях, акулий хвост ходит ходуном, словно у нервной кошки. Одна глазница на правой голове темная, развороченная, остальные пять глаз уставились на Дмитрия. Дмитрий понял, что в этих глазах нет никакой злобы: самец был старый, опытный, на ошибку с его стороны рассчитывать не придется.

Расставив передние лапы чуть в стороны, керб присел еще глубже на мощных задних лапах, мусулы надулись под чешуей… Прыжок!

Дмитрий понял, что не успеет отскочить, не успеет даже упасть на плиты…

Керб все еще летел, вытянув шеи, выставив когти, летел медленно, будто и не летел вовсе, а плыл под водой. Дмитрий сделал шаг вправо, к стене — шаг дался с трудом, словно вместо воздуха в подвал действительно налили воду или, хуже того, глицерин. Еще один шаг, еще… Дмитрий прижался к стене. Чешуйчатая туша проплыла мимо, похожая на товарняк, идущий мимо загородной станции. В ушах раскатилось негромкое шуршание. Дмитрий понял, что теперь так звучит скрежет когтей керба. Керб спружинил на все четыре лапы возле тупиковой стены, развернулся, замер. Воздух снова стал обычным — пустым и затхлым. Керб не двигался, смотрел в пол. Потом поднял все пять глаз на Дмитрия.

И тут послышался голос. Слова, тихие и четкие, звучали у Дмитрия в голове, но он знал, что голос принадлежит кербу:

— Слышишь меня?

Дмитрий кивнул.

— Кровопийца, — керб облизал длинным заостреным языком порезанную пасть.

— Я не нарочно, — ответил Дмитрий и, не торопясь, принял низкую стойку, разведя руки с мечами. Но керб пока не собирался нападать, он хотел говорить:

— Теперь только я могу тебе помочь, рыцарь.

— На фига ты мне нужен?

Керб ударил хвостом по полу и легонько ковырнул блестящим когтем между зубов средней головы:

— Я-то? Я могу тебя убить, рыцарь.

— Хороша помощь, — усмехнулся Дмитрий, не меняя стойки и не опуская мечей.

Керб переплел шеи, снова расплел. Дмитрий понял, что это он так «пожимает плечами»:

— Помощь как помощь, — ответил керб, поглубже приседая на задние лапы, — по-твоему, лучше плодить бастардов со святой Ма-Мин?

При упоминании о святой Ма-Мин Дмитрия передернуло так, что он чуть не выронил мечи. Самка!

— Святая матушка, ржущая как лошадь, прядет колыбельку… Для рыцаря короны! — Керб засмеялся. Смех раздавался и внутри головы Дмитрия, и снаружи — керб смеялся, разинув пасти. — Хочешь этого? — Чудовище, наконец, перевело дух и снова внимательно смотрело на Дмитрия пятью глазами и одной пустой глазницей.

Дмитрий помотал головой.

— Тогда стой спокойно, рыцарь короны. Я тебе помогу.

Дмитрий снова помотал головой и крепче сжал рукояти мечей, одновременно расслабляя запястья. Улыбнулся через силу:

— Да ладно, мужичок. Уж как-нибудь без тебя…

— Но я все равно попробую, — сказал керб и прыгнул.

Воздух превратился в глицерин. Дмитрий на этот раз не стал приседать или отскакивать в сторону. Он тоже прыгнул. Ноги разогнулись с трудом, пол медленно ушел вниз. Керб приближался, нацелив на Дмитрия только одну пасть, среднюю. Остальные две шеи были разведены в стороны, чтобы не дать рыцарю короны ускользнуть с пути «доброго помощника». Но Дмитрий все равно ускользал — вверх. Несколько раз он крутанул в глицериновом воздухе мечами, тело начало вращаться в другом направлении — как раз вовремя. Длинная морда керба прошла всего в паре сантиметров под спиной Дмитрия. Вращение продолжалось, ноги уперлись в потолок. Внизу ровно двигался

керб, теперь похожий на сухогруз, проплывающий под мостом. Вот шея, вот основной корпус… У основания шеи Дмитрий разглядел розовую точку. Нацелив туда острие меча, он со всей силы оттолкнулся ногами от потолка. Раздался влажный хруст, меч вошел в тело керба по самую рукоять.

Воздух так быстро потерял густоту, что Дмитрий не успел приземлиться на ноги, неуклюже плюхнулся плечом на плиты. Керб лежал неподалеку, мертвый, нелепо раскинув головы и лапы. Из загривка у него торчала рукоять меча. Дмитрий доплелся до туши, взобрался по правой шее на чешуйчатую спину и выдернул свой меч. Поискал, обо что бы вытереть. Не нашел, вытер о собственные штаны, пихнул меч в ножны. Потом обернулся и помахал головам, сгрудившимся у люка:

— Сдох!

— Спаситель! — Раздался сверху нестройный радостный хор.

Внезапно Дмитрий обнаружил, что уже стоит около лестницы в компании Толика, бармена и толстухи, а на его шее висит плачущая Алмис и целует его то в ухо, то в щеку.

— А ну-ка, отвали!.. — Послышался голос хозяина. Дмитрий поднял глаза. Возле самой туши, примостившись к шее зверя, на корточках сидел Илион и своим кинжалом отколупывал чешуйки, стараясь добраться до вены керба. Но как только ему удалось это сделать и на пол потекла струйка вязкой жидкости, бармен бесцеремонно оттащил богатыря за шиворот и сам подставил к отворенным венам непонятно откуда взявшуюся здоровенную бутыль.

— Никак наш спаситель керба мочканул!.. — Старичок, гремя по ступенькам своим эспадоном, медленно спускался по лестнице. По выражению его лица было видно, что он хочет двигаться гораздо быстрее, но доспехи крайне замедляли его перемещение. Добравшись, наконец, до поверженной твари, старичок сорвал с головы шлем и, оттеснив бармена, подставил шлем под струю крови.

— А ты чего? — Услышал вдруг Дмитрий голос спасенной девушки.

— Я? Я не знаю…

— Давай же! — Алмис взяла Дмитрия за рукав и настойчиво повлекла в сторону зверя. — Ты его убил — и кровь его твоя!

— Не хочу я эту гадость… — Вяло отбивался Дмитрий.

— Да ты знаешь, какая это редкость! — Вскричал Илион. — Керба срубить не всякий сможет! — он незаметно отпихнул старого рыцаря от источника крови и подставил под вонючую струйку свою необъятную флягу.

Видя, что герой-спаситель не собирается пользоваться

источником, Алмис отняла у старичка его шлем, наполненный почти доверху, и протянула Дмитрию:

— Мажься! Смотри только, чтобы в рот не попало.

Девушка начала понемногу наклонять шлем. Безропотно сложив ладони лодочкой, Дмитрий подставил их под струю. Потом, вздохнув, опрокинул кровь на лицо. В нос шибануло мускусом, из желудка к горлу стремительно понесся ком тошноты.

— Все! — Алмис обворожительно улыбнулась. — Теперь к тебе никто не пристанет.

— Я так жутко выгляжу? — Дмитрий попытался улыбнуться. Он знал, что теперь к нему никто не пристанет, и вовсе не потому, что от него воняет кербовой кровью. Нет. Теперь он сам, в некотором роде, керб. И никто из людей не должен об этом знать.

— Кровь керба отпугнет всех подземных жителей, — щебетала Алмис, — а еще она приносит удачу, а еще ее можно заливать в компьютер. Главное только, ее нельзя пить.

Теперь Дмитрий заметил, что лица всех собравшихся — и Илиона, и бармена, и даже лицо Алмис — резко потемнели. На общем желтоватом фоне лица казались абсолютно черными. Возле дальней стены стояли, пошатываясь, черноликие Добужин и Теофил, между ними переминался с ноги на ногу такой же черноликий Толик. На него бармен уже нагрузил две бутыли и теперь что-то в полголоса ему втолковывал. Дмитрий расслышал лишь слова «Аркона», «такая маза» и «вернуть тару».

— Папа! — Возмутилась девушка. Слух у нее оказался весьма тонким, — Как тебе не стыдно!

— А что? — Повернулся бармен. — Всего-то и попросил бутыли с оказией вернуть…

— У тебя дохлый керб в подвале, а ты о такой мелочи!

— А куда я гениев буду закупоривать? — Всплеснул руками хозяин бара. — Это же пузыри заговоренные, я их специально в Китгарде заказывал!

— Да за одну голову этой зверюги ты сотню таких бутылок выменяешь! Я тебя знаю!

Бармен потупился, ковыряя носком сапога каменный пол. Дмитрий не хотел вмешиваться в семейную сцену, за него это сделал Теофил:

— Мы чапаем, или куда? Рогачи нагрянут — всех нас тут повяжут!

— Ты за себя базарь! — Неожиданно резко откликнулся Дмитрий. — Кого повяжут — кого и нет.

Теофил опасливо взглянул на Дмитрия и почел за лучшее не спорить. Но Дмитрий вспомнил, как тот представлялся — точнее,

как представил Теофила стражник. Аркона. Теофил из Арконы. А там Медвежатник Бурт, компьютеры и решение всех загадок.

— Так, Теофил… — Дмитрий хмуро уставился на усатого рыцаря. — Веди-ка ты нас в Аркону…

— По подвалам?.. — Испуганно пробормотал Теофил. Его усы, густо пропитанные кровью керба, обвисли, как показалось Дмитрию, еще сильнее. Краем глаза Дмитрий заметил движение. Это, Добужин хмурясь, укоризненно качал головой. Илион же едва сдерживал смех.

— Запросто! — Играя бодрячка, закончил фразу Теофил. — За мной!

Раздраженно пнув поникший хвост керба, он направился в темноту тоннеля.

ГЛАВА 5

Как проводник, Теофил вынужден был идти впереди процессии. Рядом с ним держались Илион и Добужин. В руках рыцарей нещадно чадили смоляные факелы, давая больше копоти, чем полезного освещения. Блики неровного света выхватывали из темноты ребристые осклизлые своды прохода, и от этого создавалось странное ощущение, будто кавалькада идет по внутренностям какого-то гигантского существа. Дмитрий видел эту картину глазами обычного человека и одновременно — глазами керба. Казалось, сквозь темноту, заляпанную бликами факелов, проступает графическая схема, начерченная на желтом пергаменте зеленой тушью.

Коридор петлял, иногда становясь чуть уже, иногда — чуть шире. На развилках Теофил выбирал путь, не раздумывая. Было ясно, что дорогу он знает. Дмитрий шел упругим шагом вслед за провожатыми. Рядом, нога в ногу, шла Алмис, а чуть поотстав, придерживая обеими руками бутыли, семенил Толик. За ним бок о бок, занимая почти весь проход, вышагивали бармен с толстухой, а позади всех плелся старичок, волоча свой тяжеленный эспадон. Податься в Аркону решили все — опасности подземелья были, наверное, не так страшны, как встреча с «рогачами». Это, правда, не относилось к Дмитрию: он знал, что главная опасность ждет его именно здесь, под землей. Алмис улыбалась. Дмитрий тоже улыбнулся ей, хоть и знал, что Алмис не видит его улыбки. В темноте может видеть только он, Дмитрий — невольный избранник святой Ма-Мин, матери кербов.

Четверть часа никто не говорил ни слова. Только пыхтел тоненько старичок, да Толик, которого неожиданно превратили в оруженосца героя, бормотал себе под нос что-то из разряда химических ругательств. До Дмитрия доносились валентности, разного рода радикалы, короче, ничего осмысленного, кроме разве что единственной фразы: «Декан пропил бутан!..» Наконец, Толику это надоело и он, завистливо поглядывая на силуэт Дмитрия, идущего налегке, достал пачку «Магны». Открыв ее, он щелчком извлек сигарету, точнее, попытался извлечь. Из фольги показалось что-то толстое и черное — даже в слабом свете факелов было видно, что это вовсе не обычный фильтр. Ухватив за конец непонятный предмет, Толик извлек длиннющую сигару, которая никак не могла помещаться в сигаретной пачке. Удивленно крутя ее в пальцах, он прочел надпись, тлеющую на глянцевой ленточке:

— Ишь ты, «Аркона клаб»!

Примостив сигару во рту, Толик извлек зажигалку. Та, как оказалось, претерпела еще более странные изменения. Обычный «Крикет» трансформировался в небольшую светящуюся ящерку. Толик, не зная, что с ней делать, слегка щелкнул ящерку по голове. Ящерка разинула пасть, и оттуда вырвался язычок пламени. Прикурив от него, Толик засунул живую зажигалку в карман, где она завозилась, устраивая себе временное гнездышко.

Алмис легонько тронула Дмитрия за локоть. Она смотрела одновременно с восторгом и недоумением:

— Скажи мне, Фленджер, а кем был твой оруженосец в вашем мире?

— Ну как? — Дмитрий развел руками, — Он — нефтехимик…

— Алхимик? — Уточнила Алмис.

Вспомнив постоянные сетования Толика на невезуху, в обилии вываливаемые во время перекуров, Дмитрий решил, что его приятель действительно скорее алхимик, нежели что-то другое.

— В общем — да… — Ответил он, пожав плечами.

— Я так и знала! — воскликнула девушка. — Только настоящий алхимик мог приручить саламандру! Как тебе удалось заполучить такого великого человека в оруженосцы?

— Великого? — Переспросил Дмитрий и покосился на Толика, желая узнать, не появилась ли в том хоть капля величия. Однако Толик каким был, таким и остался, если не считать обильного пота, который он периодически стирал рукавом, уже ощутимо сгибаясь под тяжестью бутылей.

Заметив, что на него смотрят, новопроизведенный алхимик тут же заканючил:

— Димка, давай привал!.. Или возьми у меня эти штуки…

Но Алмис решительно встала на сторону Дмитрия:

— Это нельзя! Кровь керба должны использовать лишь настоящие алхимики, а не рыцари!

— А таскать ее рыцари не должны? — Ехидно осведомился Толик.

— А таскать ее должны те же алхимики! — веско отрезала девушка.

— И давно меня записали в алхимики? — шепотом осведомился Толик.

— С тех пор как курить начал, — так же тихо отозвался Дмитрий. После слов Алмис он решил пристальнее присмотреться к странной девушке, запросто шастающей между мирами и приторговывающей при этом компакт-дисками. Она наверняка знала, что Дмитрий соврал, заявив, что явился от самого Клая Бонифация. Но кто же этот Клай Бонифаций на

самом деле? И почему при одном его упоминании трепещет местная братва?

— Алмис… — Нерешительно начал Дмитрий.

— Что, рыцарь? — с готовностью отозвалась девушка.

Но Дмитрий молчал, уставившись вперед поверх голов. Коридор исчезал в желтой дымке, непроницаемой даже для зрения керба. Дымка медленно надвигалась, а из ее глубины доносилось тихое конское ржание.

— Алмис, ты слышишь… лошадь? — Наконец, спросил Дмитрий.

Алмис испуганно прижала ладонь к губам:

— А ты?.. Ты ее слышишь! И видишь в темноте, да? Ты пил кровь!

— Я…

— Бежим! — Алмис схватила Дмитрия за руку и поволокла куда-то назад, чуть не сбив с ног опешившего Толика. Мечи неприятно били по спине — Теофил отдал Дмитрию ножны, но с удобной портупеей расставаться отказался наотрез. Взвизгнула толстуха, Дмитрий наступил ей на ногу.

— Вы куда? — Удивленно проблеял бармен.

— Боковой ход! — на бегу крикнула Алмис.

— Эй… Эй! — испуганный голос Теофила, — там атсаны! Нельзя!..

Но Алмис волокла Дмитрия все дальше и дальше. Вот и боковой ход, такой же широкий, как основной коридор, только не вымощенный камнями. Дмитрий почувствовал под ногами мягкую землю. Через несколько минут Алмис остановилась, тяжело дыша. В спину Дмитрия ткнулся не успевший затормозить Толик. Его сигара потухла. Вдали показалось переливающееся с боку на бок брюхо толстухи, за ее спиной мелькали факелы. Народ подтягивался.

И тут раздался тяжелый глухой рокот. Дмитрий привстал на цыпочки, оглядывая проход. Взгляд уперся в глухую стену. Сначала Дмитрию показалось, что мутная пелена, скрывающая святую Ма-Мин, нагоняет его, но тут подскочил бармен:

— Обвал. Ход завалило.

Дмитрий облегченно вздохнул.

— И куда теперь? — мрачно спросил Теофил.

Дмитрий пожал плечами:

— Вперед, наверное. А куда еще?

Но, сделав несколько шагов, он остановился. В его руках появились мечи. Проход спокойно тянулся вдаль почти по идеальной прямой, не было слышно ничего, кроме сбивчивого дыхания людей. Но кругом упругими жаркими волнами струилась

ОПАСНОСТЬ. Опасность надвигалась со всех сторон, опасность была конкретной, осязаемой — правда, чувствовал ее только Дмитрий. Остальные непонимающе галдели. Илион положил Дмитрию на плечо тяжелую ручищу:

— Эк тебя дернуло-то в эту задницу! Ладно, веди, не стой. И тесаки спрячь, некого тут резать…

Только он это сказал, сквозь землю начали пробиваться какие-то волосатые щупальца. Они на мгновение застыли, словно кобры перед броском. Дмитрий успел заметить, как шевелятся волоски на концах щупалец, выискивая ближайшую жертву. И вдруг, все разом, щупальца ринулись на людей.

Раздался протяжный визг толстухи. Рядом с Дмитрием появился Теофил:

— Атсаны, рыцарь, я предупреждал. Верни один тесак.

— Факелом обойдешься, — Дмитрий двумя махами мечей перерубил несколько ближайших щупалец. Те брызнули темным соком и задергались на изрытом полу прохода. Илион и Теофил орудовали факелами — огни выписывали в темноте замысловатые кривые. Добужин куда-то делся. Внезапно земля под ногами Илиона закипела, огромное щупальце обвило тело бородача и утащило вниз. Теофил подпрыгнул, прижигая факелом другое такое же щупальце. Щупальце метнулось в сторону. В этот миг раздались крики Алмис и Толика.

Обернувшись, Дмитрий увидел, что оруженосец и девушка валяются на полу, а их руки и ноги обвиты шевелящимися щупальцами, которые подбираются уже к шеям. Вновь закипела земля — Теофил скрылся в толще стены, увлекаемый ползучей сетью щупалец. Мечи Дмитрия работали, как два смертоносных пропеллера. Перерубив одним мечом щупальце, обвившее Алмис, другим мечом Дмитрий сумел освободить правую руку Толика. Отрубленные щупальца моментально теряли цепкость и начинали биться в агонии, разбрызгивая вокруг себя капли сока.

Толик вытащил из кармана саламандру и теперь вовсю пользовался огненной ящеркой как маленьким огнеметом. Впрочем, саламандра сама знала, что делать. Языки пламени, вырывавшиеся из ее рта, превращали щупальца в пепел. Кислый запах сока мешался с древесной гарью. Агрессивные мохнатые веревки, попав под огонь саламандры, безвольно обвисали, вспыхивая искрами. Сам Толик сидел в огненном кольце и непонимающе глазел по сторонам, не в силах ни двигаться, ни принять какое-либо решение. Он лишь прижимал к себе баклаги с кровью керба и подслеповато щурился, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь за стеной искр и копоти.

Теперь земля закипела под Дмитрием. Подпрыгнув, Дмитрий

рубанул под собой правым мечом наугад, левым пытаясь отсечь очередное щупальце, потянувшееся к Алмис. Но щупальце увернулось и, метнувшись сквозь огонь, обвилось вокруг Толика. Алмис накрыла земляная волна — девушка тонула в земле, почти полностью погребенная под живой шевелящейся массой. Последний всхлип — и Дмитрий остался наедине со щупальцами. Щупальца почему-то замерли, не торопясь нападать. Дмитрий ждал, что сейчас земля опять закипит, и был готов к следующему прыжку, но земля под ногами оставалась твердой.

Зато стена перед Дмитрием начала медленно осыпаться. Огромные комья бесшумно проваливались в темноту, освобождая широкий проем. В проеме стояло нечто. Оно больше всего походило на осьминога, но не мокрого, а покрытого сухой растрескавшейся коркой. Наверху этой твари находился огромный белесый нарост.

Внезапно нарост стал стремительно увеличиваться, распадаясь на отдельные составляющие, и Дмитрий понял, что это собранные в огромный бутон листья или лепестки. Когда же странный цветок раскрылся полностью, вместо прекрасной маленькой Дюймовочки, которую подсознательно ожидал Дмитрий, среди лепестков появилась отвратительная рожа — угловатая, как бы недолепленная, напоминающая картофелину. А может, это и была картофелина? Обладатель картофельной рожи встал на ноги и оказался карликом около полуметра ростом.

— Сдавайся, млекопитающий, — спокойно проговорил карлик хорошо поставленным басом и мелко почесал волосатое брюшко, — сдавайся сам. А то ты сейчас у нашей осины все корни перерубишь.

— Это — корни? — Дмитрий удивленно повел мечом в сторону замерших щупалец.

— Корни, корни, — карлик, по идее, должен был усмехнуться, но, судя по всему, его картофельная рожа не была способна к мимике, — сдашься, так работать пойдешь, а не сдашься — пустим на удобрение.

Теперь усмехнулся Дмитрий:

— Я нарежу из тебя чипсов, атсан. Рыцарю короны не пристало сдаваться. И к тому же я принадлежу святой Ма-Мин.

— Мне твоя блудливая личинка — не указ. А тем более, какая-то там корона. У меня своя корона есть! — Карлик поправил на шишковатой макушке венок из тонких высохших веточек.

«Ма-Мин ему не указ? А ведь это — выход!» — вдруг подумал Дмитрий.

И сдался.

II. ПАСЫНКИ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

ГЛАВА 1

Пистолет почти не изменился. Капитан ожидал, что в этом странном месте, где все меняется, краденый ментовской «макарка» превратится во что-то более пристойное — в ручной миномет, например. Ан нет. Только рукоятка стала деревянной и покрылась изящной резьбой. Зато заплечная портупея как-то неудобно обвисла.

— Останови, — приказал меч.

Капитан надавил на педаль тормоза, которая, вместо того чтобы уйти, как полагается, в пол, свернулась тугим жгутом. Но шваб остановился, недовольно рыгнув.

— Ножны как следует поверни…

— Какие? — Не понял Капитан.

— Портупею, дубина! Кобуру! Пугач в карман положи, пригодится. А ножны — за спину, и телефон туда засунь.

Капитан вспомнил фильмы про «американского ниндзя». Там у Майкла Дудикова меч торчал из-за спины. Приладив ножны как следует, Капитан заправил в них меч, и тут же услыхал над самым ухом злобный окрик:

— Козел! Глазами вперед!

— Но я же не вижу…

— Зато я все вижу.

Наконец, меч был устроен, как полагается. Капитан тронул ногой педаль газа. Из-под педали прямо в лицо Капитану поднялась струйка сладковатого дыма, и шваб, оттолкнувшись всеми шестью лапами от розового камня, рванулся вперед.

Меч снова заговорил:

— Слева курган. Будем проезжать, тяни руль на себя, автопилот включится. Но руль не отпускай, а то сожрет.

— Автопилот?

— Шваб тебя сожрет, если руль отпустишь, — устало выдохнул меч. Ругаться у него уже не было сил.

Вскоре по левую руку показался огромный холм, увенчанный небольшим павильончиком типа часовни. Не иначе — тот самый курган. Капитан дернул руль — и похолодел: руль остался у него в руках. Меч молчал. Может, так и надо?

Шваб вытянул длинную шею, оглушительно взвыл и, соскочив с тракта, потрусил напрямик, через поля, канавы, плетни к видневшимся впереди, по прикидке Капитана, километрах в трех, низеньким строениям. Капитан, как ни пытался, не мог приладить руль на место, и зверюга упрямо перла по бездорожью.

Когда шваб очередной раз перепрыгнул канаву, Боцман пришел в себя, открыл глаза.

— Опущу, падла!.. А… а где? — Простонал он, пытаясь устроиться на жестком липком сидении так, чтобы поудобнее примостить сломанную ногу. Капитан лишь скосил глаза на коллегу. Шваб мог прыгнуть в любой момент и, чтобы не вывалиться и не пасть жертвой зубов собственного скакуна, этот момент надо было уловить заранее, ухватившись левой рукой за чешуйчатый борт. В правой руке Капитан сжимал оторванный руль.

Повозившись и устроив травмированную конечность, Боцман стал искать глазами своего обидчика. Обидчика не было, зимы тоже не было, и дороги, и даже крыши «сааба» над головой. Только небо, летний теплый воздух бьет в лицо, кругом пологие розоватые холмы, какие-то ручейки, огороды, птички…

«Замочил меня тот лох, простой водила в ватнике! Позор! — подумал Боцман, потом вздохнул поглубже и вдруг улыбнулся, — зато я в рай попал, а тому лоху еще маяться и маяться! Только… Капитан-то что здесь делает? Что этой суке в моем раю?» Боцман так и спросил прямо:

— Нахренна ты тут сдался?

— Базары фильтруй, — беззлобно отозвался Капитан. Сжимая в руке оторванный руль, он сквозь твердый прищур зорко следил за дорогой, точнее, за бездорожьем, через которое ломился сказочный зверь. Боцман сразу понял, что зверь — сказочный, и холмы, и ручейки, и огороды тоже сказочные. Именно так он и представлял себе рай, с самого детства. Девок бы еще сюда пяток. Но к девкам, наверное, его как раз и везут, а Капитану там делать нечего. Боцмана на весь пяток хватит, он уже недели две не тешил своего «старичка».

— Вали отсюда! — Заорал Боцман и потянулся к Капитану, но тут же взвизгнул и скорчился от страшной боли в ноге. Нет, это не рай. Это дрянь. Боцман понял, что накурился дряни и теперь видит глюки. Вот, например, из-за спины у Капитана торчит какая-то глазастая рукоятка. Глаза страшные, ничего в них райского нет, как и в самом Капитане.

Страшные глаза внимательно посмотрели на Боцмана, и вдруг раздался знакомый писк сотового телефона. Капитан по привычке похлопал по карманам, потом сообразил и, переложив руль в левую руку, правой потянул за рукоятку. Боцман догадался, что рай отсюда далеко: в руке у Капитана был черный блестящий меч со слегка зазубренным кривым лезвием.

— Слушаю, — сказал Капитан в набалдашник.

— Говно кушаю. — Отозвалась рукоять голосом хозяина. —

Что с этим делать будешь?

— С Боцманом? — догадался Капитан.

— Нет, с задницей его! В анатомии сечешь?

— Плохо.

— Плохо станет, когда раком поставят, — буркнул меч. — Снимай с него штаны! Операцию будешь делать.

— Но я…

— Головка от керба! Делай, что приказано!

Не выпуская руля, Капитан положил меч на сидение и принялся помогать напарнику стягивать штаны. Боцман притих и не сопротивлялся. Когда штаны оказались сняты, меч опять подал голос:

— Приложи набалдашник к отеку.

Капитан немедленно сделал это.

— Ага… — медленно проговорил хозяин. — Перелом берцовой кости. Внутреннее кровоизлияние. Параша… Лечить будем. Режь острием вдоль!

— Ты чо!.. — Возмутился Боцман. Но было уже поздно. Меч сделал разрез. Из разреза выплеснулась багровая кровь, обнажилась сломанная кость. Боцман приготовился взвыть, но понял, что боль почему-то исчезла и выть поэтому не имеет смысла. А привычные окрики хозяина настолько успокоили Боцмана, что он сам, следуя указаниям меча, соединил обломки костей, после чего Капитан приложил к ним набалдашник рукояти. Подержав так с минуту, он отнял ее. Кость была на месте, уже целая.

— Прижми меч плашмя к ране! — Прозвучала следующая инструкция. Капитан исполнил и это.

— Шевелится… — Удивленно проговорил Боцман.

— Побазарь у меня!.. — Рыкнул меч, и Боцман замолк.

Шваб очередной раз скакнул, лезвие само отскочило от раны, и Капитан уставился на то место, где она должна была находиться. Там ничего не было, кроме покрытой густым волосом кожи Боцмана.

— Теперь так. — Глаза меча посмотрели сперва на Капитана, потом на Боцмана. — В городе найдете бар «Дракон». Мимо него ваш клиент не пройдет. Дальше — по обстоятельствам.

Послышался характерный щелчок закрываемой трубки, запикали гудки отбоя.

— Слышь, а где это мы? — Боцман с трудом расстался с мечтами о рае или хотя бы о приятных глюках. Кругом была реальность — странная, но настоящая.

— Хрен его разберет, — ответил Капитан, — сам здесь впервой. Главное, шеф базарит, что пацан сюда драпанул.

— Ну, раз шеф базарит… — Схватившись обеими руками за борта, Боцман озирал окрестности.

Домики приблизились, и теперь было видно, что это не деревня, как могло показаться сначала, а настоящий город. Вдруг зверь резко затормозил. Пассажиров тряхануло.

— Что за блин!.. — Капитан от внезапной остановки свалился на пол и теперь мог видеть лишь Боцмана на фоне чистого вечернего неба.

— Тут знак… — Боцман показывал на что-то пальцем. Выбравшись из щели, Капитан посмотрел туда и тоже увидел знак. На шесте висел большой деревянный круг, белое поле, красная кайма. А на белом изображено шестиногое животное с длинной шеей, перечеркнутое красной полосой. Краска потрескалась, местами облетела, но в рисунке безошибочно угадывался именно тот зверь, на котором бандиты прибыли к городу.

— Видать, дальше пехом… — Догадался Капитан и первым спрыгнул со шваба, кинув руль на сидение. Наверное, не надо было оставлять руль. Голова шваба моментально повернулась к оказавшемуся на земле Капитану, лязгнули челюсти — Капитан еле успел перекатиться на спину, чуть не оставив голову в огромной лягушачьей пасти.

Воспользовавшись тем, что зверюга занята охотой за пропитанием, Боцман резво спрыгнул с другого бока шваба и, забежав за указатель, прокричал уже из безопасного места:

— Жми сюда! Он за знак не ходит!

Капитан, уклонившись от очередной атаки, встал на карачки и, резво перебирая конечностями, устремился к знаку. Последний бросок шваба застал бандита уже пересекшим невидимую границу. Зубы ездового хищника клацнули в нескольких сантиметрах от задницы Капитана, отодрав здоровый кусок куртки.

— Ты чего мне не помог! — бросился Капитан на напарника.

Боцман присел, пропуская над собой кулак Капитана и одновременно нанося головой удар под дых. Капитан охнул, но удержался на ногах и, схватив Боцмана за уши, насадил его лицом на свое колено. Удар получился не слишком сильным: Боцман вцепился в колено зубами, прокусив толстую ткань брюк и одновременно ткнув Капитана пальцами под ребра.

— Вот сука! — Капитан отскочил, переводя дыхание.

Боцман не собирался останавливаться. Он прыгнул к Капитану, нацелив пальцы ему в глаза. Капитан хотел поставить блок, но промахнулся. Боцман, правда, тоже промахнулся, и его пальцы, вместо того, чтобы погрузиться Капитану в глазницы,

сплелись у того на горле. Капитан в ответ сразу вцепился в горло Боцману, и бандиты покатились по траве, пытаясь задушить друг друга. Шеи у обоих были крепкие, но первым выдохся Боцман. Оттолкнув от себя Капитана, он вскочил на ноги и заорал:

— Здесь что, рай?!

Капитан тоже поднялся и удивленно уставился на Боцмана:

— С чего ты решил?

— Вот и я говорю, — продолжал плаксиво орать Боцман, — ты видишь здесь облака, да? Тут что, пахнет ладаном? Или у меня крылья? Ты скажи, падла, ты видишь у меня хоть одно сраное крыло?

Капитан помотал головой:

— Да ты…

— Да вот я и спрашиваю, у меня на лбу написано «ангел»? Нет? Или, может, у меня башка сияет? Или у меня на заднице надпись: «Скорая помощь»? Скажи, у меня есть на заднице такая надпись, мать твою, или нет?! С чего это я должен вдруг тебе помогать? Скажи!..

Капитан усмехнулся:

— У тебя на заднице много чего нет. Штанов, например.

Боцман испуганно ощупал себя — штанов действительно не было. Штаны остались в швабе. Шваб стоял неподвижно и внимательно следил, пока кто-нибудь из противников случайно окажется на его территории. Но ждать уже было бессмысленно: драка кончилась. Раздались аплодисменты.

Бандиты недоуменно переглянулись, потом посмотрели по сторонам. Оказывается, за ходом драки следило около сотни человек. Вся эта толпа радостно выла и улюлюкала, мало того, какой-то мужик, несмотря на лето — в треухе и тулупе, снял свой головной убор, обнажив блестящую лысину, и собирал у зевак мелочь. Обойдя круг, добровольный собиратель гонорара протянул кучку монет Капитану:

— Держи, брат, заработали.

От наметанного глаза Капитана не укрылось, что самодеятельный помощник попытался заныкать в кулаке несколько монет. Занесенная пятерня и зверская рожа, которую состроил Капитан, заставили мужика переменить решение и не оставлять себе мзды за помощь.

Зрители постепенно разбредались, осознав, что ничего интересного уже больше не будет. Боцман же, подойдя к коллеге заглянул тому через плечо:

— Много дали?

— А хрен их разберет. Не наши бабки.

В горсти Капитана лежала тяжелая горка квадратных, со

скругленными углами, монет. Среди красных, очевидно, медяков, попадались и белые, серебряные.

— На опохмел хватит. — Веско резюмировал Боцман. — Кстати, чего там шеф приказал? В бар «Дракон»?

Капитан важно кивнул.

— Так какого хрена мы еще тут околачиваемся? Пошли искать! Хотя подожди. — Боцман в два прыжка догнал мужика в треухе:

— Распахни-ка робу!

— Ась? — Осклабился мужик, но тулуп распахнул. Под тулупом у него скрывались широченные зеленые бриджи, подшитые золотистой бахромой.

Выбирать не приходилось — остальная публика была уже далеко. Боцман вздохнул:

— Сымай штаны.

ГЛАВА 2

Саламандра продолжала бой. Толик валялся, плотно оплетенный корнями, но бравая рептилия жгла все вокруг себя.

— Слышь, рыцарь, урезонь своего гада, — нетерпеливо проворчал атсан.

— Это не мой, — ответил Дмитрий. Ему, сдавшемуся добровольно, оставили оружие и сумку. Руки сами тянулись к рукоятям мечей, но Дмитрий сдерживался: картофельные карлики могли стать хорошей подмогой в предстоящей игре… Игре? Вот гадость-то! Дмитрий понял, что уже стал мыслить совсем как местный рыцарь. Или даже как керб.

— А чей? — Атсан начинал злиться, — черви его заешь!

Дмитрий ухмыльнулся:

— Сегодня у нас на ужин печеная картошка! С поджаркой из осиновых корешков.

— Не шути так, рыцарь. Я сам могу скормить тебя жрутеру.

Саламандра мало-помалу прожигала себе дорогу к Толику среди извивающихся корней. Теперь, когда все стены коридора обвалились, кругом простиралась просторная пещера. Коридор, судя по всему, был фальшивкой, ловушкой, которую картофельный народец соорудил специально для глупых путников. У дальней стены пещеры валялись веретенообразные коконы, среди которых Дмитрий пытался углядеть Алмис. Кокон Толика он определил по направлению движения саламандры.

— Вон, — ткнул пальцем Дмитрий, — оруженосца развяжи моего, он зверька урезонит. Я ему прикажу.

Атсан кивнул. Корни, спеленавшие Толика, обмякли и расползлись в стороны. Толик сидел, прижимая к груди драгоценные бутыли, и хлопал глазами. В отличие от Дмитрия, он ничего не видел в темноте.

Дмитрий обошел саламандру, окруженную бешено извивающимися корнями, и наклонился к Толику:

— Слышь, это я.

— Куда бежать? — сразу спросил Толик.

— Никуда. Думаю, никуда бежать не надо. Мы вообще зря барахтались.

— Ага, зря! — Обиделся Толик, — меня чуть не сожрал этот…

— Заткнись. И позови свою зажигалку. Давай, не ломай мне дипломатию!

Толик поджал губы. Потом кивнул и крикнул:

— Крикет!

Саламандра, услыхав голос хозяина, утроила усилия.

Дмитрий обернулся к атсану:

— А ты, давай, отзови своих червяков!

— Это корни, — буркнул атсан. Корни перестали атаковать саламандру, и она радостно потрусила к Толику, раскидывая вокруг себя багровые блики. Прыгнув к любимому хозяину на грудь, она ткнулась ему в лицо сухим округлым рыльцем и лизнула щеку раздвоенным язычком. Толик невольно зажмурился, потом, щурясь от ужаса, погладил саламандру по чешуйчатой шкуре. Крикет довольно заурчал, съёжился и заполз в свой любимый кармашек. Темнота стала абсолютной.

Атсан перевел дух.

— Ладно, рыцарь, теперь посиди спокойно. Я вас обоих опять свяжу.

— Не стоит, мы сами пойдем.

— Сквозь землю? То-то. Сиди.

Дмитрий позволил корням себя спеленать.

— Ну что, рыцарь, поехали? — с видимым облегчением проговорил атсан.

— Поехали. — согласился Дмитрий.

Карлик уселся на своем скакуне, и над ним вновь сомкнулись белые лепестки-листья. Корни пошли волнами, поползли, соединяя коконы друг с другом. Земля со всех сторон начала бурлить и осыпаться. Дмитрий почувствовал, как его подхватило и поволокло вперед. Он оказался спеленат на совесть — не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Даже дышать было трудно. Единственным органом, сохранившим возможность шевелиться, были глаза. Но все поле зрения закрывала плотная мешанина волосатых корней. Какой-то звук пробился к ушам Дмитрия сквозь шуршание осыпающейся земли. Может, это стонет Алмис? Дмитрий прислушался и понял, что это вовсе не Алмис: издалека доносилось призывное ржание кобылицы.

Казалось, блуждающим корням было все равно, в какой ориентации перемещаться. Кокон с Дмитрием безжалостно крутило. Однажды, когда бродячее дерево забрало круто вниз, Дмитрий даже несколько минут провел кверху тормашками.

Вскоре постоянное шуршание земли прекратилось. Осина с пленниками какое-то время перемещалась по свободному пространству, потом остановилась, корни начали распутываться, и Дмитрий вывалился из своего кокона. Он сразу попытался встать на ноги, но наступил на волочащийся по полу корень и, не удержав равновесие, растянулся на ком-то из богатырей.

— Ты, это… Слез бы… — послышался из-под Дмитрия голос Теофила.

Поднявшись, Дмитрий, наконец, смог оглядеться. Кругом

было светло. Свет исходил от множества переплетенных нитей, на которых дрожали, переливаясь бриллиантовыми искрами, какие-то большие капли. Капли отражались в гладких лиловых плитках кафельного пола и таких же кафельных стен.

Пленники находились в полукольце, образованном бродячей осиной. Теперь дерево, состоявшее, казалось, из одних корней, застыло, лишь самые кончики его мохнатых щупалец подрагивали, словно выискивая источники пропитания. Полностью свободными были Дмитрий с Толиком, у всех остальных руки и ноги оставались скручены длинными корнями.

С другой стороны подковы толпились атсаны. Теперь Дмитрий мог разглядеть их гораздо подробнее. Они действительно напоминали какой-то корнеплод, картофель-не картофель, а, скорее, длинную зеленоватую японскую редиску. Карлики о чем-то спорили, издавая резкие скрипучие вопли и активно жестикулируя коротенькими лапками, но Дмитрий не понимал из их разговора ни слова.

Главный атсан все еще сидел среди лепестков своего цветка и задумчиво пялился на Толика. Наконец, спросил:

— Так ты алхимик?

— Да, вроде… — Толик обреченно пожал плечами, понимая, что отнекиваться смысла уже не имеет.

— Пойдешь в лабораторию работать?

В слове «лаборатория» была для Толика некая магическая притягательность. Ведь в других местах он, если не считать картошки, никогда и не работал.

— Пойду… — радостно закивал алхимик.

— Остальных в шахту! — Распорядился карлик. — Девчонку и старуху — в детскую!

— Это кто тут старуха?! — возмущенно заверещала толстуха. — Я тебе таких старух покажу!.. Ап!.. — Длинный отросток корня метнулся к ее рту и плотно набился туда, образовав кляп. Толстуха мычала и злобно щурилась.

Алмис жалобно посмотрела на Дмитрия. Тот улыбнулся кончиками губ и вполглаза подмигнул. Девушка чуть-чуть склонила голову в знак того, что на него, рыцаря, вся надёжа, и повернулась к отцу. Бармен невозмутимо стоял между Добужином и Илионом, хмурый, однако по нему было видно, что надолго он в шахтах не задержится. Богатыри же, как только прослышали о своей участи, принялись вырываться, но корни держали крепко — местная братва лишь пыхтела, бранилась и исходила потом в бесплодных усилиях.

— А ты, рыцарь, куда хочешь? — Атсан соскочил, наконец, с цветочного насеста, подошел вплотную к Дмитрию и теперь

смотрел на него снизу вверх своими круглыми черными глазками.

В шахты Дмитрию не хотелось. В детскую тоже. Зато лаборатория внушала некоторые надежды — в том числе и на скорое освобождение.

— А там компьютеры есть?

— Пьютеры! — воскликнул карлик, — Да у нас пьютеры лучшие во всей Рунике! Жрутеры так себе, но на жрутере тебе работать опасно… А на пьютере в самый раз. Особенно после того, как ты кой-чего хлебнул. Я, рыцарь, сразу понял, почему ты сдался. Пойдем. Это и к тебе относится, — атсан кивнул Толику и зашагал прямо сквозь бурелом осиновых корней. Корни торопливо расползались с его пути.

Дмитрий бросил последний взгляд на Алмис, потом подхватил Толика под локоть и заспешил вслед за карликом.

Карлик некоторое время шел вдоль стены, потом остановился и пнул стену кривой ножкой. Часть стены пошла рябью и вдруг рассыпалась легкими хлопьями, открывая узкий тоннель. Тоннель был освещен такими же каплями, висевшими на паутине. Через некоторое время тоннель вывел на галлерею, висевшую под потолком огромного зала. Перила галлереи были из отполированного черного дерева. А далеко внизу из земляного пола росли, переплетаясь мясистыми стеблями, ядовито-красные цветы, каждый размером с небольшой автомобиль. Плоские лепестки цветов трепетали, хоть в зале и не было ветра. Неожиданно все цветы разом встрепенулись и развернули бутоны к галлерее.

— Вас почуяли, — пояснил атсан, — теперь скалиться начнут.

Действительно, бутоны начали раскрываться один за другим. А под бутонами прятались влажные зубастые пасти. По всему залу прокатилась волна отрывистых команд, от цветка к цветку забегали суетливые карлики.

— Это жрутерный парк. Вашим туда никак нельзя, — атсан ткнул корявым пальцем в сторону плотоядных цветов, — сожрут. — Повернувшись спиной к цветам, карлик опять пнул кафельную стену и повел Дмитрия с Толиком через новый тоннель. Тоннель вывел в следующий зал, на этот раз не под потолок, а прямо в самую гущу оранжереи. Это была именно оранжерея: пол не земляной, а кафельный, кругом стоят ровные ряды фарфоровых кадок, в каждой кадке — цветок со свисающим вниз желтым бутоном.

— Пьютерный парк, — коротко пояснил карлик и добавил, — осмотритесь.

Эти цветы были значительно меньше предыдущих, но тоже весьма велики. Стебли их соединялись друг с другом гибкими

трубчатыми листьями. За цветами ухаживали атсаны, люди в белых длиннополых рубахах и еще какие-то существа — Дмитрий не стал к ним приглядываться. Он уставился на карлика.

— Что пялишься, рыцарь? — Спросил карлик, чуть склонив набок шишковатую голову.

Дмитрий ухмыльнулся:

— Все верно. Те живоглоты меня съедят, а тебя — нет. Значит, ты…

— Растение, — подтвердил карлик, — а жрутерам только мясо подавай.

— Картошка! — Вдруг радостно хмыкнул Толик.

Атсан резко подпрыгнул на месте. Дмитрий понял, что если бы карлик мог корчить рожи, то скорчил бы сейчас самую свирепую. Подпрыгнув еще пару раз, карлик взял себя в руки и ответил:

— Сам ты бифштекс! Тебе понравится, если я тебя козлом назову или свиньей? Или даже обезьяной?

— Вырвалось… — Смутился Толик.

Атсан окончательно успокоился, оперся спиной о ближайшую фарфоровую кадку и почесал брюшко:

— Я не верю в эту чушь, будто кто-то там от кого-то произошел — вы от обезьян, драконы от кербов, кербы от эквапырей, там, а швабы — от велосипедов. Бонифизм, вздор. Большое Ру-Бьек отрыгнуло всех сразу такими, какие мы сейчас. Ну, понятно, у атсанов в дикой природе есть свои родичи, как у вас — обезьяны. Только это не картошка.

— А кто? — сразу спросил Толик.

Карлик пожал плечами:

— Мандрагора. Бонифаций полагает, что мы произошли от мандрагоры. Он кретин. Тогда и я могу сказать, что сам он произошел от жрутера!

Дмитрия передернуло. Он понял, что больше не хочет встречаться с Клаем Бонифацием. Все, что угодно, только не гигантский плотоядный цветок в чине полковника гвардии!

ГЛАВА 3

Бриджи аборигена оказались слишком широки. Когда они свалились с Боцмана в третий раз, он оторвал тесьму с бахромой и приспособил ее в качестве импровизированного пояса.

Капитан важно вышагивал по тротуару, сопровождаемый семенящим Боцманом, и зыркал во все стороны. На самой улице, собственно, разглядывать было практически нечего. Но если поднять глаза… Улица состояла из двух-трехэтажных построек, у которых первый этаж был каменным, без особых выкрутас. Все выкрутасы начинались со второго, деревянного, этажа: резные фавны выглядывали из стен между окнами, наличники сверху переходили в головы — то рыбьи, то птичьи, а то и вовсе каких-то непонятных зверюг. Деревянные ухмылки этих голов не сулили ничего приятного.

Капитан некоторое время шел вперед, задрав голову, и вдруг остановился так резко, что Боцман по инерции ткнулся ему носом в спину.

— Так… — сказал Капитан, переведя глаза с деревянных морд на глупое лицо Боймана, — ты дорогу знаешь?

— Это ж ты первым рассекаешь… Я думал…

— Нехай керб думает — у него бошек много и все здоровые! — внезапно для самого себя выдал Капитан. — Ну, что остановился? Давай, спроси у кого!

Боцман осмотрелся. Вот только что здесь бродили толпы народа, и в момент город словно вымер.

— У кого? — хмыкнул Боцман. — У стенок?

— Да хоть у них!

Боцман облапил потной пятерней свой подбородок. У стенок спрашивать явно не имело смысла.

— Ну? — В голосе Капитана слышалось истеричное повизгивание. Это означало, что нервы его на пределе и скоро он полезет драться. Боцман подошел к массивному подъезду ближайшего здания: подъезд был украшен фронтоном, который поддерживали три атланта и одна кариатида. По обе стороны от этой пестрой колоннады сидели гранитные львы — здание было явно официальным, хоть и не имело на входе никаких табличек.

— Ну?! — Повторил Капитан, окончательно срываясь на визг. Видно, странное путешествие его доконало. Чтобы не злить приятеля, Боцман подошел ближе к подъезду и спросил, обращаясь к левому льву:

— Эй, командир, где тут бар «Дракон»?

— Там, — махнул лапой лев, — в переулок свернешь, потом

на параллельную улицу, и топай в сторону центра.

— Или по бульвару, — уточнил другой лев, — но впрочем, можно и дворами.

— Да ты что?! — Испугался первый, — они же заплутают! Их там сисопы сожрут!

— Какие сисопы? У них по средам спячка.

— Так сегодня же вторник!

— Что ты гонишь!..

Пока каменные львы выясняли, кто из них прав, Боцман и Капитан неслись по указанному маршруту. Вот бульвар, вдоль которого растут гигантские мухоморы, вот и еще одна улица, такая же, как и предыдущая. И ничего, похожего на бар.

— Ну, и?.. — Капитан был вне себя.

— Буи! — с вызовом ответил Боцман, переняв манеру выражаться у шефа, и подтянул штаны.

Тут неожиданно прорезался шеф, точнее, меч с голосом шефа:

— Чего вы, ублюдки, толчетесь? — Раздалось из-за спины Капитана. — Входите!

Голос шефа моментально успокоил Капитана. Так бывало всякий раз: казалось, шеф чувствует, когда Капитан готов сорваться, и звонит на мобильный именно в этот момент, чтобы грубым окриком привести своего помощника в чувство.

— Куда, шеф? — Капитан попытался заглянуть мечу в глаза, но шея оказалась не приспособленной для такой акробатики.

— Тьфу, недотепы, — выругался меч, — Вон — буквы горят!

И действительно, приглядевшись в указанном направлении, бандиты увидели надпись. Тлевшие тусклым синим пламенем непонятные руны почти полностью сливались с фоном серой стены. Двери под буквами не было.

— В натуре горят, — залыбился Боцман.

— Давай, двигай вперед! — подтолкнул коллегу Капитан.

— Куда? — Удивился Боцман и с этими словами прошел сквозь стену.

Изнутри проход выглядел, как обычная дверь. Бар был пуст — лишь на стене над стойкой скалила пасть громадная башка непонятного вида рептилии.

— Эй, есть кто? — рявкнул Капитан, надеясь, что после такого вопля тут же из-под стойки вынырнет бармен, который лишь на секунду нагнулся, чтобы разбавить пиво.

Но никто не отозвался. Лишь эхо, отразившись от потолка, звонко повторило:

— Кто?!

Решив не терять времени даром, Боцман тут же перепрыгнул

через стойку бара, схватил самую большую кружку и подставил ее под первый попавшийся кран. После нажатия рукоятки кран разразился струей жидкости ядовито-оранжевого цвета.

— Фу, блин, — огорченно протянул Боцман, — Фанта, что ли?

Но отпив глоток, расплылся в широченной улыбке:

— Эй, Капитан, а выпивон тут ништяк!

Капитан, который все это время озадаченно рассматривал прибитую к стене голову странной твари и пытался вспомнить, где же он совершенно недавно такую видел, отвлекся от созерцания и, приняв поданную Боцманом кружку, в несколько глотков осушил ее.

— Еще? — наивно спросил Боцман.

— Мы чего, нажираться сюда приехали? — Капитан рыгнул и состроил страшную рожу. — Видишь, нет никого. А нам надо клиента искать.

— Может, подождем? — с надеждой в голосе предложил Боцман, не желая покидать уютное место.

— Кого, на фиг, ждать? Пошли отсель!

Капитан направился к выходу, уверенный, что его коллега последует за ним. Боцман, кряхтя от сожаления, что не отведал содержимое всего длинного ряда кранов, перелез обратно. Но перед Капитаном вдруг возникла проблема: дверь отворяться не желала. А после удара ногой дубовые створки вообще моментально заросли каменной кладкой.

— Вот, падла! — разъярился Капитан и выхватил меч. — Открывайся, зараза!

Сталь уже готова была соприкоснуться с камнем, но тут что-то пошло не так. Волшебное оружие, вместо того, чтобы пробить кладку, резко изогнулось, и лезвие будто бы протекло по поверхности новообразованной стены, не причинив ей ни малейшего вреда.

— Почтеннейшие торопятся скипнуть? — послышался вдруг сзади голос — негромкий и вкрадчивый, но одновременно жесткий, словно звук варгана. — Извольте сперва расплатиться.

Не выпуская меча из пальцев, Капитан подошел к стойке, бросил на нее несколько монет и направился обратно к бывшей двери.

Голос слегка утратил вкрадчивость, став еще более жестким:

— Ты, хавчик для жрутера, думаешь, мне нужны твои грошики? Деньги — это пыль, почтеннейшие, пыль под ногами исторических личностей.

— Да кто ты такой? — Повернулся Капитан на голос, — Чего ты мне тут дешевые понты крутишь?

Последние слова он произнес уже совсем тихо. До него, наконец, дошло, что разговаривает с ним та самая прибитая к стене голова рептилии. Боцман, который мог наблюдать артикуляцию чучела, делал странные жесты и пританцовывал на месте:

— Ее за веревочку дергают! — Закричал вдруг Боцман и, подбежав к голове, зашарил руками в воздухе, пытаясь найти невидимые нити. За это он чуть не поплатился: голова на обрубке шеи изогнулась и едва не отхватила бандиту кисть, клацнув зубами буквально в миллиметре от золотого перстня-печатки на мизинце. Но Боцман не унимался:

— Или не веревочку, там моторчик внутри!

— У тебя самого моторчик промеж баклажанов! — Огрызнулась голова, поняв, что обидчик вне пределов досягаемости, — моторчик… Вздор! Пошлый вздор!

— А что тебе надо? — Капитан сообразил, что если уж на улицах здесь разговаривают каменные зануды, то почему бы не поговорить и чучелу? Кроме того, раз никого из людей нет, то чучело вполне может сойти за хозяина при фуршете.

— Так, пустяки, — голос головы снова приобрел прежнюю вкрадчивость, — слова, слова… Кое-какая информашка.

— Какая? — осторожно полюбопытствовал Капитан.

— Вы ведь с Земли?

— А чего, по нам не видно, образина?! — выкрикнул Боцман, пока Капитан соображал, как бы не отвечать на этот вопрос.

— Видите ли, почтеннейшие, мне было бы приятно узнать, как вы сюда попали, зачем, и можете ли вернуться обратно.

— А к чему это тебе?

Голова чуть прокашлялась, выпустив из пасти вонючее облачко:

— Братаны… почтеннейшие, там, на вашей Земле, мне кое-что нужно. Так, пустяковина. А здесь… Короче, достанете — озолочу!

— Да кто ты такое, чтобы нами тут командовать? — возмущенно прокричал Боцман и швырнул в голову опустевшую кружку. Голова щелкнула зубами, глиняные осколки шрапнелью разлетелись по всему помещению бара.

— И что это за пустяковина? — Капитан переложил меч из руки в руку. Внутри меча что-то щелкнуло, и тихий, едва слышный голос шефа прошептал:

— Капитан…

— Что шеф?

— В носу джеф! Не трать время на этого ублюдка!

Из меча раздались похрустывание и скрежет. Бандит

настороженно вслушивался, пытаясь вычленить из какофонии знакомые слова.

— Он связь экранирует! Понял? — Шеф, очевидно кричал, но звук все равно оставался на пределе слышимости. — Выбирайся оттуда. Там пусто, я уже все видел, нехрена там делать!

— Как же, выберешься… — хмыкнул Капитан, уставившись на место, где раньше находилась дверь. В следующее мгновение стена неуловимо переменилась, и в ней возник широкий проем, сквозь который сверкала освещенная солнцем улица. Но едва бандиты ломанулись в открывшийся проход, как его заслонила фигура в латах.

— Что за беспорядки? — Спросил усатый стражник, крутя головой. Это движение сопровождалось пронзительным скрипом несмазанного железа.

— Все ништяк, — Уверил его Боцман и попытался проскользнуть мимо, но наткнулся на металлическую руку и вынужден был отскочить назад.

— Почему меч обнажен? — повернулся вошедший к Капитану. — И где наш отряд? Порубали, кербово отродье?

— А тебе, жестянка, что за дело? — презрительно бросил бандит, — Вали отсюда, пока цел!

— Ребята, сюда! — скомандовал стражник и защелкнул забрало шлема, прищемив при этом свои длиннющие усы.

В бар немедленно ввалилось с десяток таких же латников. Вооружены они были кто двуручным эспадоном, кто короткой острой пикой. Наставив на бандитов пики, стражники молча стали теснить Капитана и Боцмана к стене.

Меч все еще находился в левой руке Капитана и почти не подавал признаков жизни. Даже глаза на рукоятке были полуприкрыты и подернуты какой-то мутной пленкой. Не собираясь сдаваться, Капитан выхватил изменившийся «макаров» и нажал на курок. Ничего не произошло. Не было привычной отдачи после выстрела, никто из наступавших стражников не захрипел и не повалился на пол. Лишь через мгновение, за которое латники успели сделать еще один шаг, пистолет разразился диким хохотом, напоминающим звуки из «мешочка со смехом», но усиленные раз в десять.

Стражники от неожиданности попятились. Капитан, затолкав дурацкий пистолет в карман, перекинул меч в правую руку и пошел в атаку. Как управляться с мечем, он знал лишь приблизительно — смотрел пару лет назад по видаку кино, где Майкл Дудикофф рубил негодяев направо и налево. Капитан попытался выписать мечем восьмерку, но в результате чуть сам себе не отрубил ногу. Меч не подавал признаков жизни. Главный

стражник, между тем, пришел в себя и крикнул остальным:

— Ребята, это ж лохи!

Остальные стражники бросились гурьбой на Капитана. И тут в них полетели кружки. Боцман наполнял из крана одну кружку за другой и швырял в стражников. Кружки разбивались о стальные забрала, едкое питье заливало стражникам глаза.

— Ух ты! — Главный стражник приподнял забрало, чтобы слизнуть оранжевую жидкость, низвергавшуюся с его шлема. Капитан изловчился и ткнул концом меча стражнику в глаз. Оглушительный вопль смешался со звоном разбивающихся кружек. Стражники, не разобравшись, в чем дело, оставили Капитана и принялись штурмовать прилавок.

— Менты вонючие! Волки! Ща по маслине каждому! — Боцман полез в карман за пистолетом. Капитан похолодел: он вспомнил, как пистолет Боцмана превратился в руках того водилы в мятый комок стали…

Но пистолет неожиданно оказался цел. Боцман дернул курок…

У Капитана в голове взорвалась атомная бомба. У остальных, впрочем, тоже. Капитан поднялся первым — стражники все еще катались по полу. Некоторые, сорвав с голов шлемы, ошалело терли виски.

Боцман, прищурясь, глядел в дуло своего пистолета.

— Не стреляет… — сообщил он Капитану.

— Так ведь…

— Только звук.

— Глушак, — догадался Капитан, — твоя пушка преврвтилась в глушак… А где башка с зубами?

Говорящая голова, сбитая звуковой волной, упала со стены и валялась на полу, злобно лязгая челюстями. Капитан кивнул:

— Ладно, скипаем, — и, перескакивая через ползающих по полу стражников, ринулся к открытой двери. Когда он уже стоял в дверном проеме, сзади послышался визг. Визжал Боцман. Обернувшись, Капитан увидел, что Боцман, выронив глушак, выплясывает за прилавком и визжит, разбрызгивая во все стороны слюни и слезы.

— Ты чего?..

— Зверюга… За яйца!.. — Сквозь вой сумел проговорить Боцман. Заглянув за стойку, Капитан увидел, что голова впилась мощными челюстями Боцману в пах и не желает отпускать.

— Ща, погодь, я ему меч меж зубов…

Но как только Капитан сделал первый шаг, меч проснулся:

— Стой, где стоишь! В дверях стой, зуб моржовый!

Капитан замер. Боцман продолжал визжать, безуспешно

отбиваясь от хищной головы. А стражники окончательно оклемались, даже главный — Капитан перешиб ему нос, но глаза остались целы.

— Трое к тому, кто визжит, остальные к этому… И я тоже, — хрипло проговорил стражник, приближаясь к Капитану. Капитан ждал.

— Ну что, говнила, нос тебе отрезать? — Криво ухмыльнулся стражник, остановившись на расстоянии вытянутой пики от Капитана.

За Капитана ответил меч:

— Это я сейчас твоим носом накормлю Ру-Бьек, козел!

И с этими словами меч ринулся в атаку, чуть не вывихнув Капитану руку. Капитан вовремя успел расслабить кисть и изумленно наблюдал, как меч, в одно мгновение нашинковав пику стражника, добрался до головы, увенчанной шлемом, и, пролетев по широкой дуге, снес ее с плеч.

— Заговоренный меч! — Начали шептаться стражники.

— Нет, заговоривший! — Возразил кто-то. Но эти разногласия не помешали стражникам дружно отступить.

— Кончать вас буду! — Прорычал Капитан и бросился на стражников. Как только Капитан сделал несколько шагов вглубь бара, меч в его руке щелкнул и сразу обмяк, превратившись в тупой кусок железа. Капитан, все же, рубанул мечем пару раз и даже, вроде, кого-то задел. Стражники испуганно рассыпались в стороны. Капитан рубанул снова — и разрубил пополам стойку. Следующим ударом он, промахнувшись по ближайшему стражнику, сокрушил табурет и, прислонившись спиной к каменной стене напротив двери, снова занес меч над головой:

— Подходи, суки.

Странно, но стражники вдруг перестали бояться. Нехорошо улыбаясь, они вразвалочку начали приближаться к Капитану. Капитан попытался опустить меч на чью-нибудь голову, но тут почувствовал, что меч неподвижен. Оглянувшись, он увидел, что меч плотно засел лезвием между двумя камнями стены. Камни, противно чмокая, продолжали засасывать меч все глубже…

А потом свет померк — кто-то со всей силы треснул Капитана в висок кулаком, защищенным стальной перчаткой.

— Командир-то убит, вроде… — Первое, что услышал Капитан, очнувшись. Времени прошло немного, кругом все еще возвышались стены разгромленного бара. Боцман, спеленутый по рукам и ногам кожаными ремешками, валялся рядом на полу и тоненько похрапывал. Его, видать, еще лучше приложили по маковке. Капитан попытался подняться с пола, залитого липкой жижей, или хотя бы пошевелить руками — но не смог: его руки и

ноги тоже были стянуты ремешками.

— Да, командир у Ру-Бьек в брюхе, вкушает сласти, — согласился стражник, который аккуратно вешал голову твари на место.

— А кто теперь за командира? — Спросил первый стражник. Перевернувшись на спину, Капитан смог его увидеть: здоровенный лысый детина почти безо всяких усилий вытащил из стены застрявший там меч-телефон.

— Ты командуй, Бородыня, — ответил второй.

Остальные стражники, рассевшиеся на столах и уцелевших табуретах, одобрительно загалдели. Детина кивнул. Имя Бородыня подходило ему так себе: не только на голове, но и на всем лице Бородыни не росло ни единого волоса. Даже бровей не было.

Аккуратно завернув меч в мешковину, Бородыня махнул лапой в сторону двери:

— Значит, меч я понесу. Азальд и Старослав тащат этих субчиков. Грольп, ты что-то криво повесил… Ну и уродина! Не понимаю, с чего князь…

— На себя посмотри, почтеннейший, — весело ответила зубастая голова, — ты, право, напоминаешь мне один предмет мужской гордости.

— Прошу прощения, — осклабился Бородыня и обернулся к стражникам, — Азальд, Старослав, взяли, понесли!

Один из выбранных Бородыней стражников, видно, все еще ничего не слышал после выстрела глушака. Бородыне пришлось показать небольшую пантомиму: взвалить себе на голову несуществующий груз, а потом пошевелить опущенными вниз двумя пальцами. Оглохший стражник нахмурился, но Бородыня пресек возражения, показав ребром ладони, как перерезают горло.

Глухой стражник снял шлем и, подхватив Капитана, взвалил его себе на голову. Острая макушка стражника больно упиралась под ребра, но Капитан решил не выпендриваться. Второй стражник точно так же взвалил на себя сопящего Боцмана — тому было хоть бы хны, он только сладко пожевал губами.

«Наверное, баб во сне видит,» — с завистью подумал Капитан.

Деревянные фигуры медленно плыли мимо, отгороженные от Капитана лесом пик. Стражники держали пики наготове, чтобы пронзить пленников, вздумай те вихляться и мешать себя нести. Боцман спал, а Капитан вел себя спокойно. Он размышлял. Вся эта подстава не могла оказаться случайностью. Кто-то целенаправленно навел сюда местных ментов. Первым вариантом, конечно, является босс. Помозговав над такой

версией, Капитан решил, что как последний крайняк она сойдет. Для того, чтобы шеф навел ментов, бандиты должны были запороть крутой косяк. Типа упустить клиента. Так оно, собственно, и было, но Капитан боссу верил, уважая того за силу и неизбывную грубость.

Низкие дома кончились, начались дома повыше, целиком каменые. Капитан выгнул шею: с крыш глядели траченые временем горгульи, а каменные наличники на окнах изображали все тех же то ли рыб, то ли птиц. Перед некоторыми домами были разбиты небольшие садики, в которых росли разноцветные гигантские грибы. Бородыня легонько ткнул Капитана пикой:

— Не вертись.

Капитан не стал отвечать, чтобы не получить второй тычок. Он размышлял дальше. Следующим вариантом пошел сам клиент. Зная что от Капитана с Боцманом просто так не смыться, он явно решил рубануть концы и устроил шухер, заставив хозяина бара драпануть за ментами. Эта версия наиболее подходила для самолюбия бандита, показывая, что шеф направил его на охоту за непростым клиентом. Но догадка все равно ничего не меняла: как Капитан оказался пленником, так он им доселе и продолжал быть.

Солнце на миг исчезло и вновь появилось — отряд прошел под аркой ворот. Улица сузилась и начала забирать круто вверх. Обступившие ее дома лепились друг к другу почти без промежутков. На тонкой каменной резьбе темнели грязные следы от высохших потеков, в нос бил мусорный запах. Есть и третий вариант, самый паршивый. За ментами каким-то непонятным образом могла послать зубастая голова. Капитан помнил, как бережно вешал ее на стену стражник. Но тогда в дело влезла новая сила, причем сила чекнутая, как и весь этот мир.

Размышления бандита прервало новое исчезновение солнца. Низкий потолок, факелы, ступени… Путь, судя по всему, близился к концу. Боцман прочухался, заворчал:

— Суки!..

Получил тычок пикой и успокоился. Стражники свернули в боковой проход, долго опускались по неровной лестнице и, наконец, оказались в круглой комнате без окон, освещенной единственным факелом, воткнутым в щель между плитами под самым потолком.

— Скидовай басурман! — крикнул Бородыня. Боцман, оказавшись на грязном полу, тут же радостно возопил:

— Слышу!

Капитан догадался, что Боцман сам оглох от своего глушака — а теперь слух к нему возвращается.

— Я тя, швабова лепешка, тоже слышу! — рявкнул Бородыня, — заткнись и жди, пока спросят!

Капитан принял это к сведению, но Боцман решил покачать права:

— За что нас замели? Я требую адвоката! И вообще, кто тут главный?

— Ишь, — хохотнул один из стражников, беззлобно ударяя Боцмана носком кованого ботинка по ребрам, — Адвоката ему подавай! А может, тебе еще и прокурора в горчичном соусе?

— Жрать дадут после допроса! — сообщил другой стражник, — Если живы останетесь…

Это Капитану совсем не понравилось. А что делать? Только ждать. Последовали целых полчаса томительного молчания и лежания на камнях, прежде чем пленников востребовали. Появились новые охранники, внутренние: латы блестят, вместо шлемов на головах ярко-красные пидорки. Охранники бесцеремонно подхватили бандитов за руки и, не обращая внимания на многочисленные неровности пола, поволокли в неизвестном направлении. Впрочем, большей частью направление это называлось «вниз». Ботинки пленников дробью стучали по ступенькам, путь освещали факелы, которых по мере спуска становилось все меньше. После пятого поворота спуск стал не таким крутым. Пленников проволокли еще чуть-чуть по ровным каменным плитам и поставили на ноги перед двустворчатыми дверьми, украшенными грубыми фигурами из листовой стали. Капитан успел разглядеть нечто вроде трехглавого змея, только с рыбьим хвостом.

Стражник распахнул двери, потом мечем разрезал ремни, стягивавшие Капитану ноги. Другой стражник точно так же разрезал ремни на ногах Боцмана. Два мощных тычка под зад — и пленники вкатились в огромную залу. Здесь было светло, как наверху. Взгляды бандитов скользнули по стенам… Обстановка не оставляла сомнений.

Одна стена помещения была увешана цепями, которые кончались грубыми кандалами. Остальное пространство, вымощенное неровными плитами желто-серого камня, было пустым, если не считать кресла, стоявшего в самом центре. Кресло чем-то напоминало электрический стул — с ремешками для рук и ног. Только вместо обычного колпака над высокой жесткой спинкой покачивалось страшное ажурное приспособление, которое Капитан сразу определил как высверливатель дырок в черепе, совмещенный с глазоколом и языкорезом.

— Я не хочу!.. — хныкнул Боцман.

Капитан сурово промолчал.

К пленникам тотчас подскочили пятеро низкорослых крепышей. На дубленой коже их фартуков из-под слоев запекшейся крови проступала эмблема: речка, схематичные берега, через речку перекинут мостик.

Боцман начал сопротивляться — его успокоили двумя ударами под дых, потом ловко укрепили на ногах кандалы. Капитан стоял смирно. Ему тоже сковали ноги. Один из крепышей, подбежав к стене, повернул самый большой камень. Цепи лязгнули и пошли вверх. Боцман извивался и орал, Капитан все переносил молча. Несколько секунд спустя оба бандита висели рядом головами вниз, похожие на две большие сосиски.

Боцман хрипел, извивался, гремел цепями, кричал, что все расскажет (кому, интересно?) Его вопли не производили на палачей никакого впечатления, словно те были совершенно глухими… Да ведь они и в правду глухие! Капитан понял это, наблюдая, как палачи переговариваются, используя какую-то пальцевую азбуку.

— Они не слышат. — сообщил Капитан, когда его приятель, наконец, в изнеможении обвис на цепях. Боцман, несмотря на упадок сил, принялся замысловато материться.

В самый патетический момент его тирады дверь в пыточную распахнулась, на пороге возник старикашка с позолоченным посохом. Он внимательно дослушал до конца, покачал головой, над которой возвышался настоящий панковский ирокез, собранный из жидких остатков шевелюры. Потом звонко стукнул посохом об пол и провозгласил неожиданным басом:

— Князь Руники Валгахал Тихий! Повелитель Ермунграда с предместьями, Арконы, Бильреста, трех драконов, двух бастионов и восемнадцати сторожевых башен.

— Девятнадцати, — поправил чей-то голос сзади. — Забыл, вчера уже закончили?

— Девятнадцати сторожевых башен! — послушно повторил старикашка.

Представление владыки завершилось. Сам он оказался седеющим мужчиной средних лет и среднего роста, одетым в строгий черный камзол с наглухо застегнутым стоячим воротом. Из-под узких рукавов виднелись кружевные манжеты. Капитан из своего неудобного положения не мог толком глянуть князю в глаза и понять, что это за человек. Вроде, мужик как мужик, только лицо слишком грустное.

— Иди, Ротеон, я сам, — отпусил князь старичка, потом обернулся к ожидавшим приказов палачам и махнул рукой. Видимо, это означало, что их он тоже отпускает: палачи

засеменили гуськом к выходу. Оставшись один, князь присел на краешек страшного стула.

— Ну что ж, — он поднял взгляд на Капитана. Действительно, очень грустный взгляд. Потом повторил задумчиво, — ну что ж… Сейчас сюда принесут кошку. Ей выколют глаза, отрежут язык и хвост, спалят на ней всю шерсть, а затем разорвут на пять частей! Что вы на это скажете?

Боцман от удивления перестал материться. Капитан тоже был озадачен:

— Э… Такими шалостями я в детстве баловался, — пробормотал он.

Валгахал чуть склонил голову на бок. Пожевал тонкими губами, нахмурился:

— Ладно, — сказал он, — кошка отменяется. Пусть будет старик. Сюда приведут старика, я прикажу его кастрировать. Потом вырву у него ноздри. Сломаю обе руки, а череп распилю тупой пилой. Как вам это понравится, почтеннейшие?

Капитан и Боцман одновременно попытались пожать плечами. Князь кивнул:

— Ясно, — откинувшись на спинку пыточного кресла, он улыбнулся, — номер последний. Девственница.

Не переставая улыбаться, он перечислил с десяток самых извращенных пыток. Капитан молчал. Ему в голову неожиданно пришла страшная догадка. Как жаль, что нельзя сейчас дать пинка Боцману! Трепло позорное…

Боцман капал на пол слюнями, слушая князя. Валгахал еще не закончил, а Боцман уже радостно покрякивал:

— Ух ты! Ништяк!

Улыбка исчезла с лица князя. Поднявшись с кресла, он прошелся туда-сюда по залу, остановился прямо под двумя бандитами и сделал вывод:

— Результат — ноль. Ноль… — он снова присел на краешек кресла и постучал холеными пальцами по подлокотнику. — Вы, почтеннейшие, не имеете никакого отношения к светлой памяти Тромпа.

— Не имеем! Мы вообще здесь не при делах! — Заверещал Боцман. Капитан висел молча. Он догадался, что для них обоих выгоднее было бы иметь отношение к этой самой светлой памяти, но болтливый козел Боцман уже все бесповоротно испортил. Догадку подтвердил князь:

— Однако собственную память вы, полагаю, не потеряли. Сейчас при помощи универсального пыточного снаряда, — он еще раз постучал по подлокотнику пальцами, — над вами, почтеннейшие, будут произведены все те… хм… опыты, о

которых я только что говорил применительно к разного рода невинным жертвам. В том случае, разумеется, если вы не расскажете мне…

— Расскажем! — Завопил Боцман.

И принялся рассказывать. Князь почти не задавал вопросов — Боцман выложил все: и про «Мерлин», и про шефа, и про клиента. Капитан не перебивал приятеля, ждал, пока князь дослушает до конца. Когда признания Боцмана иссякли, Валгахал обратился к Капитану:

— Теперь ты.

Капитан с расстановкой, избегая слов-паразитов, добавил несколько важных деталей по поводу деятельности «Мерлин-пресс», последнего задания и характера шефа. Не забыл упомянуть и о том, что шеф поначалу хотел клиента живьем, а после передумал и велел мочкануть. Единственное, о чем умолчали Капитан и Боцман, это о связи с шефом через меч. Боцман просто забыл от страха, а Капитан решил, что хоть один туз надо заныкать в рукаве — на всякий случай. Конечно, если к стенке припрут и зададут прямой вопрос…

Но князь больше не задавал вопросов. Он кивнул, сложил ладони вместе, еще раз кивнул:

— Так… Светлая память, значит, не у вас… И я теперь знаю, у кого. Я, почтеннейшие, имею право это знать, — прибавил он весело, — а то, о чем я знать права не имею, выяснят цветочки… Да, цветочки.

Почему-то при упоминании о каких-то цветочках Капитану стало страшно.

— Но мы…

— Мы что знали, то и выложили, жопу дам! — Закончил Боцман.

Улыбка князя стала грустной — еще грустнее, чем обычно:

— Человек знает обо всем, кроме собственного незнания. Ладно, — он быстрым шагом подошел к дверям, распахнул их и крикнул в темноту:

— Стража!

В пыточную ввалились стражники. При виде пленников, все еще висящих кверху тормашками, стражники презрительно скривились: пленники явно раскололись со страху, даже не попробовав «хитрого стульчика».

— В цветочник их, — приказал князь.

— Но… — стражник в высоком металлическом колпаке, видимо, офицер, чуть поморщился от необходимости перечить высшему начальству, — светлейший, кочерыжки уже отработали…

Князь не разгневался, только пожал плечами:

— Тогда в камеру. А завтра с утра — к жрутерам. Данные сканирования не читать, не сохранять, сразу отправить по основному адресу.

— А самих? — Спросил офицер.

Князь не раздумывал ни секунды:

— После сканирования скормить цветам. Это мразь.

«Боцман мразь, точно, — думал Капитан, пока их с Боцманом волокли по темным лестницам куда-то еще ниже, на самое дно, — но я-то не мразь! Я работаю, не хуже других. И имею право… Кстати, о правах. Их у князя, получается, не выше крыши. У князевой крыши прав побольше будет. Основной адрес… Чей, интересно? Короче, надо выяснить, что у князя за крышак. Только, наверное, уже не успею.» Какой-то предмет неприятно впивался в правое бедро. Пистолет! Меч отобрали, а волыну оставили! Правда, толку с той волыны… Смех один.

Факелы кончились. Разбитая каменная лестница вела все ниже и ниже. Кругом была полная темнота.

ГЛАВА 4

Стены коридоров были обиты снизу пластиковыми панелями под дуб, а сверху выкрашены в бежевый цвет. Дмитрий никогда не думал, что бежевый цвет может вызывать тошноту — однако, вот ведь: создатели этого мира постарались на славу.

Из-за поворота вынырнула секретарша, обычная тетка в очках, даже симпатичная, если не считать четырех рук и кожистых крыльев за спиной. Лучше бы это был какой-нибудь монстр — секьюрити или террорист. Стрелять в секретаршу почти бессмысленно, а шоколадок у Дмитрия осталось всего три. Он поспешно сунул секретарше по одной шоколадке в каждую протянутую руку. Одна рука продолжала тянуться к нему, блестя в тошнотворном бежевом свете длинными смертоносными ногтями, покрытыми ядовитым лаком. Ладно, была не была, поворачивать назад — значит, проиграть окончательно. Дмитрий вскинул базуку и пальнул по секретарше в упор. Взрывной волной его откинуло на несколько шагов, но жизненных сил еще оставалось в избытке. Секретарша потеряла крылья, но продолжала наступать. Дмитрий пальнул еще два раза. В базуке осталось всего два заряда…

И тут под каблуком у Дмитрия что-то хрустнуло и зашипело. Авторучка! И как прошляпил? Надо было сразу на нее прыгать. Чернильно-синий дымок быстро поднялся к ноздрям — живительный дымок, дающий целых три минуты неуязвимости! Дмитрий сделал глубокий вдох и подошел к секретарше вплотную. Острые ногти царапнули воздух в миллиметре от лица — но на это можно не обращать внимания. Дуло базуки ткнулось в оскаленный рот секретарши. Отдачи почти не было, равно как и взрыва — весь заряд ушел в эту фурию. Секретарша даже не изменилась в лице. Неужели…

Ага, получилось! Страшная рука зашипела, упала на пол и растаяла. Секретарша приветливо улыбнулась:

— Проходите, вас ждут, — сказала она, посторонившись.

Дмитрий побежал дальше. Надо заглянуть туда, откуда вылезла секретарша… Так и есть, два амбала-секьюрити. На них обоих хватило последнего заряда базуки. Когда трупы осели на пол, Дмитрий заметил у стены письменный стол. Зеленое сукно столешницы покрывали разбросанные документы. Назначение вицеспикером с допуском в южную кормушку. Берем. План пожарной эвакуации. Обязательно надо взять. Судя по плану, лестница на последний этаж была совсем рядом. И это… Нет! Прошение об отставке. К этому нельзя даже прикасаться. Так, а

что в ящиках?

Ящики стола выдвигались легко. В верхнем лежала базука с вечным зарядом: шикарно! В среднем… Дмитрий почему-то решил сперва проверить, что в нижнем. Бутылка строфарии. Пьем. Бутылка рыбьего жира. Тоже пьем. Теперь жизненных сил хватит надолго, а реакция ускорится в полтора раза. Так, а вот сигара, на колечке золотится надпись: «Суматра», а под ней еле заметным мелким шрифтом: «Дублон». Нет, от дублоновой «Суматры» можно загнуться в три минуты. Читайте мелкий шрифт, особенно — на колечках сигар! Ладно, теперь можно осторожненько заглянуть в средний ящик. Колесики крутятся, цифры бегают… 7, 6, 5… Бомба!

Дмитрий выскочил из тупика и ринулся вперед по коридору. Поворот, там один мент и два секьюрити. Базукой их! Мент остался жив, но Дмитрий сунул ему в сизую лапу мешочек золота (мешочков оставалось много) и вовремя нырнул на лестничный пролет. Позади раскатилась река пламени.

Лестница вывела к стальной двери. Интересно, пост вицеспикера позволяет сюда лезть? Позволяет. Ура, верхний этаж. Лакатош предупреждал, что здесь водится специфическая нежить. Правота Лакатоша подтвердилась сразу: прямо по воздуху на Дмитрия плыла акула! Выстрел базуки остановил акулу лишь на секунду, но базука была вечная, поэтому Дмитрий палил и палил. Жизненные силы начали таять — видимо, базука разогрелась. Зато и акула больше не щелкала страшной пастью: гладкая туша пошла морщинами, один глаз лопнул, второй затянулся пленкой. Наконец, акула плюхнулась на красную ковровую дорожку.

Дмитрий осторожно обошел труп и выглянул в основной коридор. Коридор был пуст и с одной стороны кончался дубовой дверью с какой-то табличкой, а другой стороной упирался в тяжелый малиновый занавес. Сначала надо поглядеть, что за дверь. Дмитрий метнулся к двери, постоянно оглядываясь на занавес. Табличка… Неужели все так просто? На табличке сияла багровая надпись:

«ПРЕДСЕДАТЕЛЬ».

Теперь убить председателя, и дело сделано.

Дмитрий уже хотел было вышибить дверь ногой, но тут почувствовал, что ноги отказываются слушаться. Ковровая дорожка плотно опутала ноги Дмитрия. При этом она на глазах покрывалась мерзкими пупырышками, становилась липкой и влажной.

За спиной послышалось шуршание материи и низкий рык. Оглядываясь, Дмитрий упал. Ковровая дорожка потащила его в

сторону распахнувшегося занавеса, за которым ждала огромная рожа, наполовину свиная, наполовину человечья, полностью занимавшая пространство от пола до потолка. Прорычав нечто типа «Чта-а-а!», рожа пошире разинула пасть. Дмитрий с ужасом понял, что ковровая дорожка превратилась в язык, который волок его прямиком в пасть чудища. Выставив перед собой толстый ствол базуки, Дмитрий нажал на курок три раза подряд. Рожа даже не моргнула, только снова, не закрывая пасти, издала свое «Чта-а-а!» Базука оказалась бессильна, пасть приближалась. Дмитрий выхватил из-за пояса лазерный резак — думал, на этом этаже не пригодится, но, тем не менее, вдруг поможет?..

Действительно, пара взмахов — и язык был перерублен. Конец языка вновь превратился в ковровую дорожку, точнее — в обгорелый лоскут, который безвольно свернулся на полу, отпустив ноги Дмитрия. Рожа не двинулась с места, продолжая рычать. Дмитрий вскочил и бросился к заветной двери.

Но теперь на двери вместо таблички светился квадратный экран, а с экрана глядела вытянутая мордашка Лакатоша.

— В чем дело? Я тут добрался до председателя, подожди… — сердито буркнул Дмитрий.

Лакатош шмыгнул черным шариком носа:

— Быстро сохраняйся и вылазь. Жардинеры в зале.

— Спасибо, я сейчас…

— Сейчас же!

— Да, да. — Дмитрий дал команду на сохранение и на выход. Лакатош исчез, исчезли дверь, стены, страшная рожа. Вокруг Дмитрия плыла душистая желтоватая пустота. Дмитрий заполнил эту пустоту стандартными панелями картотеки и снял с головы бутон пьютера — как раз вовремя: сквозь ряды фарфоровых кадок к нему приближались два жардинера, долговязый парень Кун, выслужившийся из рабов, и мохнатый коротышка Фейерабий, кимор, с детства воспитанный атсанами. Третьим был Брюква, тот самый атсан, который пару месяцев назад взял Дмитрия в плен. Настоящее имя атсана звучало слишком длинно, поэтому млекопитающие и яйцекладущие работники официально имели право называть атсана Брукс, а неофициально промеж собой дразнили его Брюквой.

Троица остановилась перед Дмитрием. Кун сверлил Дмитрия бесцветными глазками и криво улыбался. Но молчал. Первым должен был заговорить атсан. Он и заговорил:

— Рыцарь, тут в жардинерию поступили сведения, что ты режешься весь день в «Думу», а работа стоит.

— Откуда в жардинерии такие сведения? — Дмитрий невинно вскинул брови и перевел взгляд с атсана на Куна, — от

этого недоноска, что ли?

— Не смей так называть жардинера, раб! — Тяфкнул Фейерабий.

Атсану было плевать, как кто кого называет — лишь бы его самого не называли в лицо Брюквой. Дмитрий всплеснул руками:

— Ладно, ладно, пускай будет доносок.

— Я тебе… — Кун замахнулся кулаком, но вовремя вспомнил, что Дмитрий легко может сломать ему руку, да еще таким образом, что снаружи покажется, будто Кун сам случайно упал и ударился о край кадки.

— Заткнись, — бросил Куну атсан и повернул бугристое лицо к Дмитрию:

— Сделал?

— Еще с утра.

— Ага, а весь день в «Думу» гонял! — Обрадовался Фейерабий и пару раз подпрыгнул на месте. В отличие от своих диких собратьев, кимор, воспитанный атсанами, не обладал никакой мимикой и выражал свои чувства прыжками, как и его воспитатели.

— Картотека готова, взгляни… Собственно, можно было и с центрального монитора взглянуть, я уже наладил доступ.

— Отсюда взгляну, — атсан взобрался на край кадки и натянул бутон пьютера на голову.

Дмитрий, пользуясь тем, что атсан сейчас ничего не слышит, приблизил лицо к мятой длинноносой физиономии Куна и, оскалясь, процедил:

— Еще раз полезешь в мои дела, сука, я твой нос запихну тебе же в задницу.

— Я все слышал! — Заверещал Фейерабий. Дмитрий занес ногу, якобы намереваясь пнуть кимора:

— А тобой, мячик, я почищу унитаз в сортире у эквапырей. В конце-концов, — он снова повернулся к Куну, — мы можем заявить о нашем конфликте формально. Увидишь тогда, кто полетит к жрутерам.

Кун попытался ухмыльнуться:

— Не забывай, раб, мне как жардинеру на поединке полагается преимущество.

Дмитрий сложил руки на груди, склонил голову на бок:

— Это ты не забывай, деревня. Мне как рыцарю короны полагается победа. И, кстати, если еще раз назовешь меня рабом, я действительно добьюсь официального поединка. Понял?

Дмитрий, резко выбросив правую руку вперед, щелкнул Куна по кончику носа и сразу молниеносно вновь скрестил руки на груди. Как только он это сделал, атсан содрал бутон с головы:

— Нормально, — сказал он, спрыгивая на кафель. — Пойдем, в центральную прогуляемся.

Атсан двинулся вперед, Дмитрий за ним. Жардинеры тоже сделали несколько шагов, но атсан их остановил:

— А вы, ребята, прошвырнитесь тут, там, все ли в порядке. Не мешайте нам.

— Но бон Брукс… — возразил Кун, — твоя безопасность… Кругом рабы. И еще этот ра… рыцарь.

— Рыцарь меня и защитит, если чего, — ответил атсан. — Не забывай, жардинер, рыцарь сдался добровольно, спасая не свою жизнь, а свою честь. Спасаясь от несчастной любви, — прибавил он шепотом.

— Ладно, — пожал плечами Кун, — Фер, пошли в детскую.

Дмитрий нахмурился. Атсан, конечно, все понял:

— Нечего вам в детской баб щупать. Млекопитающие, козлиное племя… Прости, рыцарь. Короче, жардинеры, узнаю, что были в детской, разжалую.

Оставив стеснительный экскорт, атсан и Дмитрий прошли к овальному люку, из которого винтовая лестница вела в помещение центрального сервера. Помещение тоже было овальным. В центре, окруженный твердой прозрачной загородкой, возвышался жрутер. Это был «Князь-победитель», единственный жрутер такого класса, которым владели атсаны. Обернув голову листьями ввода, возле жрутера сидел мелкий атсан по имени Крокс. Вдоль потолка помещения протянулись корни осины, по которым из отверстия в стене передавались куски мяса. Каждую минуту корни отправляли в ненасытную глотку жрутера новый кусок.

Вдоль стен были установлены обычные пьютеры, на которых работали техники, в основном — люди, добровольные перебежчики от князя. Но сейчас пьютеры были свободны, техники ушли на обед. Брукс оперся о ближайшую кадку.

— Вот отсюда, рыцарь, ты как на ладони. Во что ты режешься, вообще — все, что ты делаешь, отсюда видно.

— Да я… — начал Дмитрий, но атсан его перебил:

— Режься, во что влезет. Главное, чтобы работу выполнял вовремя. Сейчас, я понимаю, дело-то быстро идет, как мы кровь керба в поливалку пустили. Но и ты пойми, если я тебе официально позволю в игрушки баловаться, народ ныть начнет… А неофициально, так этот носатый обязательно по новой сюда заглянет и тебя вычислит. Что он тебя так не взлюбил? Вы же оба люди, кажется…

— Мы из разных социальных кругов, — ответил Дмитрий.

— А по-моему, во всем виновата ваша идиотская система

размножения… Ага, вижу, покраснел. Мне плевать, как ты догадываешься, на ваши разборки. Хочешь, поединок объявим? Только ему самострел дадут, а тебе вручную придется.

Дмитрий встрепенулся:

— Прекрасно!

Но атсан помотал головой:

— Нет, все-таки, не стоит. Вдруг он тебя пристрелит? А на корм жрутеру он, по-моему, куда лучше тебя годится. Может, тебе не играть в «Думу» эту?

«Можно и не играть, — подумал Дмитрий, — только вся суть именно в том, чтобы играть». Никто не знал, что Дмитрий, на самом-то деле, ненавидел компьютерные игры. Его игра в «Думу» была частью куда более серьезной игры. Поджав губы, он ответил:

— Не могу. Мозги начнут путаться, работа встанет.

— Понимаю… Ладно. Ныряем. — Брукс залез на кадку и натянул на голову желтый бутон. Дмитрий залез на соседнюю кадку и последовал примеру атсана. Вокруг благоухала пустота, посреди которой в светлом квадратике виднелось лицо Брукса.

— Сейчас я вызову основной интерфейс, — сказал Брукс, — и ты увидишь, как мы с тебя глаз не спускаем.

Пустота раздвинулась в стороны и оформилась в виде круглой комнаты, стены которой были изрыты ходами.

— Сюда, — квадратик с лицом атсана зажегся над одним из ходов. Дмитрий поплыл к этому ходу — силы тяжести здесь не было, равно как и прочих украшений: чисто деловой строгий интерфейс. Ход забрал круто в сторону, потом еще раз вильнул и вдруг его стенки сделались прозрачными, точнее — полупрозрачными. Со всех сторон в пустоте висели, переплетаясь, такие же полупрозрачные трубы других ходов.

— Быстрее, — торопил квадратик, плывя перед Дмитрием, — сейчас техники вернутся, а я не хочу, чтобы нас тут поймали. Нехорошо это.

Ход вывел на длинную площадку, тянувшуюся вдоль стены. В стене были прорезаны аккуратные окошечки. В одном из окошечек Дмитрий увидел свою картотеку как бы с обратной стороны, словно у каталожного шкафа свинтили заднюю стенку. В другом окошечке виднелась мастерская, в которой Дмитрий собирал для атсанов боевого вируса.

— Вот это, — квадратик висел над соседним окошком. Дмитрий заглянул туда. Вид сверху: коридор, дверь с надписью «*ПРЕДСЕДАТЕЛЬ»,* ошметки ковровой дорожки…

— Заделай его аккуратненько, остальные не трожь, — приказал Брукс.

Вот! Ради этого Дмитрий целый месяц мучил себя, играя в

тупую «стрелялку». Все срослось. Теперь главное, изобразить удивление:

— Бон Брукс, как же…

— Давай, давай. Я тебе доверяю. Скоро сам жардинером станешь, а еще через месяц — хортикультуртрегером. Мне что тебя, думаешь, выгодно всю жизнь в лаборантах морозить? Мы еще с тобой, рыцарь, великих дел наворотим…

«Зря ты мне доверяешь, пан Брюква,» — усмехнулся Дмитрий про себя и принялся заделывать окошко. Для начала он его слегка расширил и проник в коридор. Сразу появилась тяжесть, Дмитрий чуть не свалился на пол, но удержался на весу, вцепившись руками в края окошка: всякие монстры сейчас ни к чему, а чтобы они не начали тут ползать, надо держаться подальше от пола. Закинув ноги в окошко, Дмитрий устроился поудобнее и стал двигать сегменты бежевого потолка, разворачивая их бежевой стороной наружу. Брукс, вероятно, ничего не смыслит в этом деле, иначе немедленно остановил бы Дмитрия. Но Брукс молча ждал. Подтащив к себе побольше сегментов, Дмитрий стал потихоньку вылезать из окошка на площадку, заделывая ими окошко. Наконец, последний сегмент был установлен. На месте окошка виднелся бежевый квадратик. Там, в коридоре «Думы», на потолке появился точно такой же квадратик, только серо-голубой.

— Покрасить его можно как-то? А то выпирает, — неуверенно проговорил атсан.

Дмитрий прижал ладони к серо-голубой стене и проник в стену на глубину внешней пометки. Скопировал пометку, перенес ее на бежевый квадратик… Вот и все. Внешне — глухая стена. Если кто-то захочет ее продырявить, то наткнется на защиту: ведь Дмитрий развернул сегменты! Сам он теперь зато может вылезти из «Думы» через серо-голубую дырку в потолке.

И тогда начнется настоящая игра. Достать бы еще крови керба…

— Закончил? — Спросил атсан.

— Как видишь, бон Брукс.

— Пошли отсюда.

Дмитрий плыл по трубе и старался запомнить все, что было видно сквозь полупрозрачные стенки. Узлы ходов, бесчисленные площадки, длинный светящийся тракт — то ли к серверу, то ли к жрутерам. И вон еще неприметная дырка… Надо разобраться. Дмитрий представил себя той самой акулой, которую только что замочил на верхнем этаже «Думы». С ним это будет не так просто: он — рыцарь короны. И при этом он — хакер.

Он — Фленджер.

ГЛАВА 5

Позади остались длинные неосвещенные коридоры с осклизлым полом, закопченным потолком и удушающей вонью. Туда же сгинули ухмыляющиеся стражники, подбадривавшие пленников веселыми прибаутками типа: «Пошел в цветник — превратился в шашлык» или «Идешь к цветам за советом — мажь задницу хреном».

Это народное творчество, хотя и страдало отсутствием ритма и рифмы, все же помогло бандитам понять, что за испытание их ждет.

В камере было абсолютно темно.

— Капитан! — сразу же истерично завопил Боцман, — Ты тут?!

— Ут… Бут… Жрут!.. — ответило гулкое эхо, к которому, как показалось, примешался еще чей-то голос.

— Да здесь, гроб твою колотушку! — пробурчал из темноты возглас второго бандита. — Не ори, сориентироваться надо.

— Как?

— Дай зенкам к темноте привыкнуть!

На некоторое время все звуки стихли. Вскоре из общей ватной тишины проступило слабое журчание. Да и темнота слегка рассеялась — точнее, самую малость отступила от тусклой тоненькой полоски.

— Ты видишь? — спросил Капитан.

— Чего? — свист воздуха показал, что Боцман начал яростно крутить головой.

— Вон, льется чего-то.

— Я и рук-то своих не вижу…

— Стой тут, а то потеряемся.

— Ха, в хате? — Но реплика Боцмана потонула во мгле.

Раздались крадущиеся шаги. Капитан, ощупывая пол носком ботинка, продвигался к источнику света. Во время этого путешествия что-то невидимое гулко выкатилось из-под его ноги. Наконец, Капитан приблизился к светящейся полоске. Это оказалась струйка воды, лившаяся из отверстия в потолке и исчезавшая, судя по всему, в дырке на полу. Лужи, по крайней мере, не было.

— Эй, Боцман. Вода!

— Вот здорово! — невесело ответил Боцман, — От жажды не помрем. А может, тут еще и жрать дадут?

— Кой ляд нас кормить? — выразил сомнение Капитан, — Все равно эти жрутеры нас самих схавают.

— Чтоб им больше досталось… — голос Боцмана был полон такого самопожертвования, что Капитан невольно поежился. Потом сразу разозлился:

— Ты мне тут гнилые базары не заводи! — Рявкнул он так, что от эха заломило в ушах. — Если хошь, иди, жрись, а я шкуру свою ни за грош отдавать не намерен!

— Да как мы отсюда выберемся? — заныл невидимый Боцман.

— Маза будет — свалим. Впервой, что ли? — Капитан отвлекся от содержательного диалога и, не думая о последствиях, подставил рот под струйку светящейся воды.

После первого же глотка все вокруг переменилось. Сперва Капитан не понял, что конкретно, но в следующее мгновение до него дошло. Те невнятные тени, которые раньше лишь очерчивали контуры каких-то предметов, маячивших в темноте, резко выдвинулись вперед. Капитан стал видеть.

Первым делом он осмотрелся. Боцман, сидел на корточках около двери и, подперев голову ладонями, натужно всматривался во мрак. Кроме бандита здесь находилось еще несколько обитателей. Правда, все они были давно мертвы: десятка два скелетов, прикованных к стене ржавыми цепями. Ближайщий скелет сидел на полу, положив одну костлявую ногу на другую. В позе его не чувствовалось предсмертного страдания, и вообще, казалось, он следит своими пустыми глазницами за новыми посетителями подземелья. Приглядевшись, Капитан заметил, что именно его смущало в облике этого конкретного скелета: глаз у того при жизни было явно больше двух и даже трех.

Камера тянулась далеко во все стороны. По тюремным меркам здесь могло бы уместиться сотни две человек, однако столь обширое помещение полностью отдали на откуп двум пленникам.

Сопоставив факты, Капитан, стараясь громыхать подошвами, приблизился к Боцману.

— Кто тут? — испуганно отшатнулся бандит, услышав стук подошв и чье-то дыхание неподалеку от себя.

— А у тебя есть варианты? — усмехнулся Капитан. — Давай пять, пойдем.

— Куда?

— Сношать скелета.

После глотка фосфоресцирующей влаги прозрел и Боцман.

— А тут не хило… — закрутил он головой. Подойдя к одному из висящих скелетов, Боцман ткнул его пальцем в ребра. Не выдержав такого обращения, костяк рассыпался на отдельные составляющие, а к ногам бандитов упало сразу два черепа.

— Эх, где мои семнадцать лет! — воскликнул Капитан и слегка пнул череп. Тот откатился, вращаясь.

— Держи! Пас! — обрадовался Боцман и отфутболил череп Капитану. Тот, принимая игру, провел импровизированный мяч от одного угла до другого, потом обвел неуклюжего Боцмана и что было сил направил черепушку в стену. От мощнейшего удара то, что когда-то было головой, разлетелось на мелкие кусочки.

— Го-о-ол! — радостно запрыгал бандит.

— Ну ты залупил! — Огорчился Боцман. — Такой мяч разгрохал.

— Не боись. — Капитан усмехнулся. — Их нам с тобой еще на десяток голов хватит. Десяток голов на десяток голов. Каламбур.

— Продолжим? — Боцман озирался в поисках подходящего предмета для очередного тайма. Взгляд его остановился на сидящем скелете. Все прочие черепа, обладатели которых висели на цепях, были не очень приспособлены для футбола. Некоторые оказались украшены рогами, другие были приплюснуты сверху, словно носили кепку-аэродром, третьи вообще имели форму правильного куба. У сидящего же костяка череп являл собой почти идеальный шар.

Подбежав к нему, Боцман попытался открутить черепушку. С первого раза это не удалось а второго не последовало, ибо скелет внезапно зашевелился и помахал перед носом Боцмана пальцем, состоящим из одних костей:

— Не советую… — прозвучал слегка шепелявый стук зубов о зубы. — Ваша игра и непочтительность к бренным останкам позабавила меня, но я-то не совсем мертвый…

— А какой? — Капитан, пока Боцман, пятясь, отползал от говорящего скелета, взял инициативу на себя.

— Псевдоживой, естественно! — Развел руками костяк прогромыхав при этом ржавыми цепями.

Только теперь Капитан заметил, что кольца, удерживающие на месте этот живой скелет, вплотную прилегают к костям. Получается, заковывали сами кости, а не кого-то, у кого они находились внутри. Интересно, можно ли взять костяк на мушку? Капитан не столько боялся живого скелета, сколько хотел проверить, насколько тот ощущает себя живым: собственная близкая смерть странным образом пробудила в бандите стремление к экспериментам.

— Не шевелись! — Он вытащил из кармана штанов «макарку». Жаль, Боцмановский глушак остался в том кабаке…

Скелет испугался:

— Ты что, зёма! — он примирительно застыл на месте. — Я ж вам ничего плохого не сделаю. Я тут так, крысок кушаю, а чтоб на

человека — ни за что!

— Ни за что, говоришь? — язвительно ощерился Капитан, — А эти? — Он чуть повел дулом преображенного «макарки» в сторону длинного ряда висящих скелетов — очевидно, мертвых по-настоящему.

— Так то разве ж люди? — Голый многоглазый череп попытался улыбнуться. — Так, шантрапа. Крысы, одно слово… Без понятий чувачки. А вы, я сразу просек, свои, братаны!

— Свои, сука? — Боцман уже пришел в себя и успел разъяриться, — Кэп, снеси ему башку. В футбол поиграем.

Капитан нажал на курок. Пистолет, как и прежде, издал утробный хохот. Но скелет, в отличие от стражников, не перестал бояться нелепого «оружия»:

— Только пластины не сдвигай!

— Кэп! — крикнул Боцман, — Замри!

Бандит в недоумении обернулся на приятеля. Тот стоял рядом, протянув руку:

— Дай цинкануть…

Пожав плечами, Капитан перехватил пистолет за ствол и подал Боцману. Тот внимательно осмотрел оружие, хмыкнул:

— Пластины… Как на выкидухе. — И прицелился. Скелет был в панике.

Капитан нахмурился, отобрал у Боцмана пистолет. Действительно, пластины на рукоятке были сдвижные. Не очень удобно, однако, все же, пистолет явно превратился не в простой мешок-хохотунчик.

— А вот теперь побазарим, — ласково улыбнулся Капитан, усаживаясь на пол в паре метров от разговорчивого костяка. — Кто ты такой?

— Я? — удивился скелет. — Я из эрликов. Я думал, вы и так это знаете.

— Да на фиг нам твоя родословная! Эрлики-мерлики… Бурбоны-дурбоны! Ты по жизни кто?

— Да я, скорее, по смерти…

Капитан угрожающе направил на эрлика пистолет.

— Я, это, мертвых сопровождаю. — Поспешно добавил скелет. — Байки им травлю. Ну, и убираю из них то, что от жизни осталось…

— Вампиришь?!

Скелет не ответил, скромно потупившись.

— А тут чего делаешь?

— Да незадача случилась… Послали меня нынешнего князя сопровождать. Я к нему пришел, давай, мол, по-хорошему, по-добрососедски, пошли, братан, в ад. А он попросил по пути

заглянуть в какой-то бар. Только я туда вошел — чую, нехорошее место. Там-то меня и повязали.

— «Дракон»?

— Какой? Строитель?

— Бар «Дракон» назывался?

— Ну да, он самый, Нафнир. Только я поздно это просек.

Капитан и Боцман переглянулись. Эрлик рассказывал бойко, даже охотно, но смысла от этого не прибавлялось.

— Теперь колись — кто такие жрутеры? — вставил свое слово Боцман.

— Пацаны, вы откуда свалились? — Если бы голая кость могла морщиться или хмуриться, она бы точно сделала и то, и другое. — Цветы такие, здоровые, хищные. Они тебя едят всего, целиком, по всем измерениям…

— Чего-чего? — Капитан склонил голову на бок и машинально поскреб большим пальцем по рукоятке пистолета. Скелет резко дернулся, громыхнув цепями:

— Осторожно, ради Ру-Бьек!.. Прямо, как…

— Как кто? — Ядовито поинтересовался Боцман. Но скелет понял, что на Боцмана можно не обращать внимания.

— У всего есть своя мерность, — объяснил он, обращаясь к Капитану, — длина, ширина, высота, имманентное видение, различные типы трансцендентного видения…

— А, понял! — Вдруг обрадовался Боцман, — крутизна, размах крыльев, цепь с «гимнастом»…

— Вот-вот, типа того. Жрутер ест тебя вместе со всеми цепями и что не переварит, то запомнит.

— Или отправит по адресу, — задумчиво добавил Капитан, — скажи-ка, под какой крышей ходит князь?

Видя, что теперь скелет сам не понимает, о чем речь, Капитан пояснил:

— Кто командует князем?

— А, я же сказал. Нафнир. Его заговорили, но не до конца. Тромп работал наспех… Об этом даже песня сложена.

И скелет запел:

— Как приятно золотистой рыбке Резвиться в чистой воде!

Павлину в сапфировом небе, А пахарю — в борозде…

Странные скрипучие слова носились под низкими сводами, многократно отражаясь от стен, гремя в старых костях, обволакивая ржавую сталь цепей… Странные?! Капитан и Боцман переглянулись. В самом деле, скелет пел на совершенно незнакомом языке, который почему-то оказался знаком двум бандитам.

— Постой, а на какой это фене мы ботаем? — удивленно

застучал зубами Боцман. Скелет перестал петь:

— На нашей. Это язык эрликов и эрликенов. Его любой мертвяк понимает.

— Так мы ж не мертвяки! — возразил Боцман. — Или?.. — он испуганно стал щупать сам себя.

— Да живой ты пока, — махнул рукой скелет, не забыв самую малость придвинуться к Капитану. — Вы же отпили из священного источника Ру. Ваша мерность возросла, и вы, пацаны, теперь понимаете языки всех миров по эту сторону Бильреста. Кстати, и по ту тоже. В общем, слушайте. — Скелет поерзал, устраиваясь поудобнее, насколько позволяли цепи. При этом он придвинулся к Капитану еще на несколько сантиметров. — Сперва, как известно, не было ничего, а только одно большое Ру-Бьек. Но потом, подавившись косточкой арконского яблока, Ру-Бьек закашлялось и случайно отрыгнуло свой язык.

— А косточка откуда взялась? — Перебил Боцман. Скелет нервно потряс головой:

— Заткнись. Язык упал на хижину Тромпа и раздавил ее. Тромп разозлился, схватил лопату, выкопал в языке огромную яму и помочился туда. Едкая моча Тромпа соединилась с нежной плотью Ру-Бьек, отчего образовалась голубая слизь. Видя это, Ру-Бьек пришло в такой ужас, что отрыгнуло вслед за языком целый мир. Мир попал в ту самую яму. Язык не выдержал и разорвался на мелкие части, а части эти разнесло по всем землям с этой стороны Бильреста. Немножко перепало и на ту сторону. Теперь ясно, как возникли языки?

Капитан и Боцман кивнули, хоть им, разумеется, ничего не было ясно. Скелет еще чуть-чуть придвинулся к Капитану и продолжил:

— Потому некоторые и говорят, что язык — дом бытия. Это чушь, как вы понимаете. Настоящий дом бытия — вовсе не язык, а желудок большого Ру-Бьек. Итак, язык разнесло в разные стороны, осталась только голубая слизь. Эту слизь Тромп поместил в подземелье и позволил личинке земляной лошади ее пить. Выпив слизи, личинка родила первого керба, которому разрешила купаться в слизи. Вот почему личинка такая умная, а кербы такие сильные. Над озером слизи Тромп выстроил город и назвал его Ермунград, что значит «Град великий». Град сей сторожит святыню кербов…

— А мы, значится, из той святыни отхлебнули, — подытожил Боцман.

— Вот-вот…

Внезапно эрлик резко дернулся, пытаясь перехватить руку Капитана, в которой был зажат «макаров». Но бандит давно

следил за медленным продвижением скелета и успел отпрянуть. Эрлик, поняв, что игра проиграна, вскочил на ноги и ринулся в атаку. Капитан отступил на шаг и, направив ствол пистолета на скелет, нажал на спусковой крючок. Подземелье огласилось раскатами хохота.

— Нет, только не это! — заверещал эрлик, пятясь к стене. — Ты не понимаешь!.. Восьмимерная выкидуха! Вас всех завалит! Только не сдвигай пластины!

Капитан подумал: «А что мы теряем?» И сдвинул пластины рукояти.

Из дула вырвалось нечто. Оно сверкало тысячами граней. Казалось, конус, начинавшийся дулом и тянувшийся непонятно докуда, моментально заполнился мириадами острейших бритв. Они на миг возникали и вновь исчезали, чтобы появиться в новом месте. Среди этого мельтешения разглядеть было невозможно абсолютно ничего.

Капитан приотпустил рукоять. Резные пластины со щелчком и хохотом встали на место, лезвия убрались обратно. Эрлик стоял, как и прежде, скованный цепями. Но двигаться и болтать он перестал.

— Бызня… — хмыкнул Боцман.

От этого легчайшего движения воздуха обстановка преобразилась. Скелет вместе с цепями рассыпался в мельчайшую пыль. Мало того, в пыль превратилось совершенно все, что попало в радиус действия восьмимерной выкидухи. Когда пыль осела, в стене возник пролом, точнее, аккуратное круглое отверстие диаметром метра полтора. А за отверстием в глубь земли тянулся широкий коридор.

— Воля! — завопил Боцман и поскакал к пролому. Но едва он сделал несколько шагов, камни пола под ним пришли в движение… Выкидуха поработала на славу. Капитан опасался, что теперь весь мир превратился в пыль. Придется этой Ру-ру, или как ее, снова блевать.

Боцман исчез, на его месте зияла еще одна дыра, из которой бил поток голубоватого света. Оттуда же слышались плеск и крики:

— Кэп! Тону!

Капитан лег на грязный пол и осторожно, как по льду, стал подползать к провалу. Внизу оказалось обширное светящееся озеро, в котором, хлопая руками по воде, бултыхался Боцман.

Внезапно чистый голубой поток пересекла тусклая дрожащая полоса. Лязгнули дверные петли.

— Выходь на обед, хо… Бьек! Не прыгай! Там кербы! — Стражник, появившийся в дверях, от удивления выронил факел,

однако сразу подобрал. — Ребята! Уходят! Сюда!

Но было поздно. Несмотря на предосторожности, камни под Капитаном внезапно зашатались и бандит, не успев удержаться, рухнул в озеро. В камере наверху тут же началась суматоха. Кто-то кричал, слышался топот множества ног. Около Капитана просвистело копье и упало в воду.

— Поднимайтесь! — звали стражники, — на допрос…

— Допрос-купорос, — буркнул Капитан. Вдоволь нахлебавшись воды, он понял, что глубина озера, самое большее, по грудь. Зацепив барахтающегося Боцмана за шкирку, бандит поволок того к видневшемуся невдалеке берегу. Сверху бросили еще несколько копий, но копья прошли мимо и беглецы благополучно выбрались на сухое место рядом с огромной грудой камней. Перенервничавший Боцман тут же сел на дно, привалившись к камням. Над светящейся поверхностью воды торчала только голова… Воды? Голубая слизь, вот как это называется! Капитан брезгливо сплюнул и стал карабкаться на кучу.

С высоты нескольких метров пещера не казалась ни огромной, ни величественной. Чуть больше камеры (наверху, было слышно, все еще суетятся стражники), в центре — озеро, которое справедливее было бы назвать лужей. Боцман усмехнулся: если этот самый Тромп, про которого базарил скелет, такой крутой великан, почему он не мог напрудить целое море? Дешевая получилась баечка. Обычная зоновская гонка, объясняющая, отчего у зеков пальцы растут веером, и то интереснее.

От озера во все стороны расходились темные ходы. Капитан поискал глазами тоннель, прорытый выкидухой… Нет. Выкидуха, судя по всему, рыла дырки ограниченной глубины. «Славно, — пришла вдруг в голову неожиданная мысль, — а то провалились бы в Трехмерную Контору, а там ни вздохнуть, ни пернуть!..» Капитан сам удивился своему страху: что еще за «Трехмерная Контора»?

И тут камни задвигались под ногами. Вопль Боцмана исчез на фоне мощного хорового рыка, потом возник снова — совсем рядом. Оглянувшись, Капинан чуть не столкнулся с Боцманом лбами. Тот висел…

Капитан испугался не того, что увидел, а, наоборот, того факта, что увиденное не вызвало в нем никаких чувств. Боцман свисал по обеим сторонам огромной вытянутой пасти. Пасть принадлежала голове, похожей то ли на крысиную, то ли на крокодилью. Голова крепилась к шее, а шея — к той самой куче камней… То есть, к телу, которое бандиты по дури приняли за

безобидную кучу. От этого же тела поднимались еще две шеи, увенчанные безобразными головами. Тварь стукнула длинным акульим хвостом, подняв тучу светящихся брызг, из двух свободных глоток снова вырвался рык. Капитан стал тихонько тащить из кармана выкидуху.

— Оставь свою игрушку для земляных работ, ублюдок, — хором проговорили головы, — на меня это почти не действует.

Капитан пихнул выкидуху обратно:

— Верю.

— Еще бы ты не верил, сын кимора и обезьяны, — проговорила та голова, что торчала слева. Правая голова заметила:

— Святость и сила достались двум идиотам…

— В одном флаконе, — закончили головы хором.

Тело снова зашевелилось, поднявшись на четыре мощные лапы.

Челюсти, державшие Боцмана, разжались, бандит плюхнулся рядом с Капитаном, продолжая вопить. Капитан со всей силы хлопнул его ладонью по макушке:

— Заткнись, козел!..

— За козла ответишь, — сразу успокоился Боцман.

— Вы оба ответите, — рыкнула первая голова, — перед святой Ма-Мин. Пускай святые разбираются друг с другом.

Боцман дернулся, порываясь спрыгнуть со спины чудовища, но Капитан его удержал. Осклабился:

— Ответим, коли что не так. Поехали.

И они поехали.

Бесконечные земляные стены уносились назад, к озеру голубой слизи. Капитан молча глядел вперед, ухватившись за какой-то бугор на неровной спине твари. Боцман озирался по сторонам: он никак не мог привыкнуть к тому, что прекрасно видит в темноте.

— А кто это? — Вдруг спросил он.

— Кто? — Нахмурился Капитан.

— Ма-Мэн этот…

— Неуч! — Обернулась к Боцману центральная голова, — Ма-Мэн и Ма-Мон — сестры. Они убьют нашу мать.

— Вашу мать… — Эхом повторил Боцман.

— Да, Ма-Мин, святую мать кербов. Мою мать. И всех остальных.

Капитан кивнул, попытался устроиться поудобнее… Внезапно его палец уперся во что-то мягкое. Керб затормозил так резко, что бандиты чуть не свалились:

— Убери лапы, мартышка!

Капитан поспешно поднял руки над головой, Боцман сделал то же самое. «Ага, — понял Капитан, — вот куда надо тыкать выкидухой.» Керб успокоился и понесся дальше по темному коридору, вытянув вперед шеи и оттопырив хвост.

Скоро коридор сделался шире. Навстречу стали попадаться другие кербы. Увидев всадников, они застывали в удивлении, вытягивали шеи, рычали. Капитан надеялся, что сможет понимать их язык, но кербы, видимо, от удивления потеряли возможность выражаться членораздельно. Повороты, развилки, небольшой участок, мощеный желтоватыми каменными плитами, опять земля. Мощеный участок был чем-то усыпан, кажется — полуобглоданными человеческими трупами. Трупы не пахли — потому, наверное, что кругом стоял резкий смрад, больше всего похожий на вонь подгорелого машинного масла. Стены коридора потерялись окончательно: теперь керб нес бандитов через огромную пещеру мимо древних развалин. Когда-то здесь был подземный город, но теперь от домов остались только уродливые фрагменты стен. По кучам щебня, сверкая красными глазами, ползали кербы. Широкая прямая улица оканчивалась единственным уцелевшим строением — огромной аркой, украшенной сверху четверкой каменных кентавров. Стертые лица кентавров оскалились в вечной ярости. Из арки стелился плотный молочно-белый туман. Именно этот туман пах подгорелым маслом. Но теперь почему-то запах тумана не казался Капитану противным. Напротив, так должен пахнуть родимый дом…

Впрочем, Капитан родился и вырос на «малолетке» и имел весьма смутные представления о том, как должен пахнуть этот самый «родимый дом». Не исключено, что именно подгорелым машинным маслом.

Керб ссадил бандитов возле самой арки и подтолкнул в спины чешуйчатыми лбами:

— Вход к голове.

— Там — Гудвин, великий и ужасный! — Обрадовался Боцман. Керб не понял шутки:

— Кто бы ни был твой Мудвин, его давно раздавило языком Ру-Бьек. Там вас ждет голова святой Матери. Пусть она решает, как с вами поступить. Что до меня, то я бы вас съел. Вперед, гниды!

— Это обязательно? — полюбопытствовал Боцман, вглядываясь в туманную завесу. Ответом ему послужил еще один сильный тычок кербовой головы.

Капитан, которому хотелось найти хотя бы какую-нибудь определенность, шагнул в туман. В тот же момент спереди раздалось тихое конское ржание.

Не сговариваясь, Боцман и Капитан радостно заржали в ответ.

III. КОРИДОРЫ ВЛАСТИ

ГЛАВА 1

Путь в детскую лежал через мастерские и рабочую столовую. Дмитрий понимал, что эта география отнюдь не случайна: рабочие ненавидели как лаборантов, так и жардинеров, а самих рабочих сторожили атсаны. В детскую, таким образом, мог проникнуть далеко не каждый.

Разрешение Дмитрий выпросил у Брукса еще в первые дни плена. Брукс чуть-чуть поворчал насчет «идиотских методов размножения», но потом выдал Дмитрию аккуратный квадратик бересты со своей подписью:

— На, поглядишь, заодно, как размножаются цивилизованные существа.

Поэтому с атсанским кордоном проблем не было. Но оставались мастерские и рабочая столовая. Брукс настрого предупредил, чтобы Дмитрий не убивал рабочих. А вот рабочих предупреждай-не предупреждай — им терять нечего. Дмитрий не слишком часто пользовался разрешением Брукса: каждый раз получались стычки, потом объяснения, выговоры и отсрочка с производством в жардинеры. Лучше уж наладить связь с пьютером в детской, на котором работала Алмис. После «думских» хитростей Дмитрия это будет легко.

Но сейчас надо было обязательно оказаться в детской самому. С утра в комнату Дмитрия ввалились Толик и Лакатош. Длинный голый хвост Лакатоша, высовываясь из-под подола белой лаборантской рубахи, нервно стучал кончиком по кафельному полу, усы вокруг черного носика мелко дрожали. Ничего хорошего. Толик тоже нервничал, дергал себя за отвороты синего халата. Где он добыл у атсанов синий халат — уму непостижимо. Видимо, атсаны Толика очень ценили: отдельный кабинет, свободный выбор темы, лучший пьютер затащили в этот кабинет из парка, дали синий халат и неограниченный запас дорогих арконских сигар.

Дмитрий потянулся, встал. Пару раз взмахнул руками, потом, закинув ноги на резной табурет, отжался от пола. Мясистый лист мышебоя, служивший ложем, свернулся аккуратным рулончиком. Поговаривали, что иногда мышебой начинал бунтовать, вспоминал о своей хищной природе и съедал того, кто в нем спал. Так лаборанты пугали новичков. Алмис рассказывала, что точно так же работницы детской пугали новеньких, будто по ночам осиновые корни насилуют девственниц. В первую неделю разыграть не удалось одного лишь Толика — наверное, потому что он абсолютно не считал себя пленником и, кажется, не совсем

понимал, чем лаборатория в подземелье атсанов отличается от лаборатории в подземельях Института Нефти. Нет, отличия были довольно существенными: в Институте Нефти у Толика не ладилось решительно ни одно дело, а здесь, наоборот, получалось решительно все. Но Толик не видел в этом ничего странного, искренне считая, что ему просто-напросто наконец поперло. Когда Лакатош, знакомя нового алхимика с оборудованием, попытался у него под носом в порядке демонстрации смешать две бесцветных жидкости, не имевших ни вкуса, ни запаха — русалочьи слезы и божью росу, Толик вдруг схватил его за шерстистую серую лапку и серьезно спросил:

— Ты что делаешь? У тебя, может, насморк, а мне здесь работать!

Лакатош, конечно, знал, что божья роса в смеси с русалочьими слезами на свету дают молоко Шивы, детский страх и аммиак — вещества не шибко опасные, но очень вонючие. Но как об этом узнал Толик? Лакатош еще раз попытал счастья — эквапыри очень упорны, когда речь идет о том, чтобы кому-то поднасолить. Он подвел Толика к шкафу в дальнем углу кабинета и ткнул коготком в пузатую колбу, одиноко стоявшую на полке. В колбе пузырилась густая зеленоватая жидкость:

— А вот это трогать нельзя.

— Почему? — удивился Толик.

Лакатош придал своей длинной крысиной мордашке самое суровое выражение:

— Яд трупного слизня, экспериментальный образец.

— Ну-ка, ну-ка… — Толик поднес колбу к носу, помахал ладошкой над горлышком, а потом вдруг отхлебнул добрую половину и со стуком вернул колбу на место:

— Скажи слизню, чтобы нацедил еще пару литров. Этого нам и на сегодня не хватит.

Лакатошу ничего не оставалось, как расхохотаться и допить грибную настойку. Больше Толика не пытались разыграть. Зато Дмитрия в первый день разыграли по всей масти: и хищной койкой попугали, и подсунули вместо пьютера цветок-мухоловку, известный тем, что питается навозными мухами и, чтобы приманить еду, издает соответствующий аромат. Дмитрий только улыбался и демонстративно чесал затылок, но потом отвел одного самого веселого лаборанта, козлонога Кабриона, в сторону и ласково предложил поменять ему местами рога и гениталии. Кабрион не испугался, но так удивился, что Дмитрий понял: ребята просто шутят, и ставить себя здесь надо не грубо, а по-доброму. Похлопав Кабриона по горбатой спине, Дмитрий поволок его в буфет и напоил в счет будущего жалования.

Буфетчик, старый атсан Флокс, купился на покровительственный вид Дмитрия и наливал щедро. Лишь потом Кабрион узнал, что формально Дмитрий считается рабом и поэтому не получает жалования, а значит, цену выпивки сдерут с него, Кабриона.

Дмитрий на этом не успокоился и на следующий день, отыскав у себя в пьютере «Думу», связал первые два этажа с рабочими интерфейсами коллег, напустив в эти интерфейсы ментов, террористов, секьюрити и секретарш. Получился отличный скандал. Именно тогда Дмитрий впервые столкнулся с Куном, точнее, Кун впервые столкнулся носом с кулаком Дмитрия. Этой стычки никто не видел, и Кун затаил злобу.

— Вы что бледные такие? — Спросил Дмитрий, кончив отжиматься. Теперь он сидел на полу в прямом шпагате и отрабатывал удары. — Кун завалил Брукса, а Фейерабий стал атсаном?

— Хуже, Дим… — Толик переминался с ноги на ногу.

— Говори, говори, — подбодрил Толика Дмитрий, ловко переходя со шпагата в низкую стойку.

— Кун… — Начал Толик и замолк.

— Ага, все-таки, Кун. — Дмитрий прыжком встал на ноги, потом, выгнувшись назад, сделал сальто и вновь оказался в прямом шпагате.

— Кун, Кун, — продолжил за Толика Лакатош, — в детскую повадился, вот что.

Дмитрий подтянул ноги и остался сидеть на корточках:

— А рабочие? Люлей ему не навешают?

— В том-то и дело, — Лакатош поскреб мохнатую верхнюю губу, — он с ними договорился как-то. Ты не думай, он не дурак. А вчера в буфете настойки перебрал и Флоксу похвалялся, мол, девку приметил, знаешь где? В детской! Знаешь, какую? Молодую, которая там на пьютере сидит…

— Алмис?! — Дмитрий вскочил на ноги и принялся быстро одеваться. Лаборантскую рубаху ему позволяли носить поверх обычной одежды и даже выдали для смены удобный боевой камзол — трофейный, снятый с княжеского «рогача». Этот камзол Дмитрий и натянул, потом хотел взять мечи, висевшие на стене, но Толик покачал головой:

— Кун не столько к твоей Алмис подбирается, Дим, сколько к твоим ножикам. Ты их сейчас возьмешь, запорешь кого, и тебя уже Брюква не отмажет.

— Точно, — подтвердил Лакатош.

— Точно, — согласился Дмитрий и, уже одетый, повторно отработал все удары. Бриджи чуток жали в промежности, зато длинные полы со вшитыми свинцовыми шариками при

правильном повороте выписывали великолепные восьмерки. Толик и Лакатош испуганно попятились к двери — занавеска из осиновых корней услужливо раздвинулась.

— Ты, Дим, даже если фалдами кого зашибешь до смерти, все равно не отмажешься.

— Зашибу только одного. И не до смерти, — мрачно улыбнулся Дмитрий, сунул в карман берестяной пропуск и, легонько отстранив друзей, побежал по галерее, протянувшейся над пьютерным парком. Капли на паутине горели в полнакала — рабочий день в лабораториях еще не начался. Но в детской уже работают, там начинают рано.

Галлерея переходила в винтовую лестницу, рядом с которой безвольно протянулись корни грузового транспортера. Дмитрий, ухватившись за корень, поплыл вниз — так быстрее. Проплывая мимо открывшейся в стене светлой арки буфета, Дмитрий приветливо кивнул Флоксу, который старательно обматывал паутиной бутылки с «вековой» строфарией.

— Далеко ли собрался, рыцарь? — спросил атсан, не отрываясь от своего сомнительного занятия, — может, хлебнешь за счет Кабриона?

— В детскую, — честно ответил Дмитрий, — подружку проведать.

Флокс неодобрительно подпрыгнул на своем месте за стойкой, но сказать ничего не успел — Дмитрий уже проплыл мимо буфетной галереи. Теперь началась галерея жардинеров. Свет нигде не горел, жардинеры встают лишь чуть пораньше, чем лаборанты. Ну вот, посадка. Дмитрий отпустил корень и побежал вдоль стены, отсчитывая шаги. Казеные сапоги приятно обхватывали ногу, добавляя уверенной тяжести. Такими сапогами хорошо месить носатую рожу носатого выскочки, деревенщины, посмевшего встать на пути у рыцаря короны…

Дмитрий поймал себя на чужих мыслях, но не стал останавливать: сейчас эти мысли пригодятся в самый раз. Итак, Кун хочет его подставить. Интриган он тот еще, все его ходы очевидны даже для Толика. То, что Кун договорился с рабочими, создает проблему, конечно, но в еще большей степени это годится как прикрытие… В конце-концов, Дмитрий тоже может договориться с рабочими, если не будет себя с ними вести, как рыцарь короны.

В полумраке замерли пьютеры, упрятав бутоны под листья. Над люком, ведущим к серверу, поднимается прозрачный сноп уютного золотистого света — техники уже на местах, следят, сволочи. С техниками Дмитрий так и не смог договориться за два месяца: для них он был рыцарем короны — той самой, из-под

власти которой они бежали под землю.

Ну вот, тридцать восемь шагов. Повернувшись к стене, Дмитрий пнул кафель и ринулся вверх по открывшемуся наклонному ходу. Наклон становился все круче. Наконец, под ногами появились истертые ступеньки. Лестница выводила на очередную галерею, справа и слева терявшуюся в полумраке. Почти над самой головой тускло блестели осветительные капли — город еще не проснулся. Он лежал далеко внизу угловатыми кучами деловых зданий, аккуратными полусферами богатых особняков и гигантскими пирамидами общественных спален. Город ждал утреннего часа, когда ярко вспыхнут небесные капли, транспортные корни понесут во все стороны корзины с грузом, эквапыри и люди в серых униформах бюрократов деловито побегут по пешеходным дорожкам, киморы потянут свои пестрые тележки-лотки, а торговцы оружием, беглые рыцари и богатые атсаны начнут потягиваться в просторных спальнях на верхних этажах своих особняков. Атсанов в городе было не так уж и много: в основном они предпочитали жить по старинке, в норах. Город же был выстроен для всех, кто решил уйти в подполье. Город готовился к штурму Руники.

Дмитрий несколько секунд любовался видом этого гигантского благоустроенного подполья, потом зашел в нишу возле выхода на галерею и тронул за плечо толстенного атсана, спавшего в плетеном кресле.

— Торкве, всавать пора.

— Хрен тебе тертый, а не пора, — лениво ответил Торкве. Глаза его оставались закрытыми.

Дмитрий запустил руку в карман, добыл оттуда мелкую колбу, сорвал зубами затычку и поднес колбу к мясистому носу атсана. Атсан глубоко вдохнул:

— Ага, вставать, значит.

Открыв глаза, он схватил колбу и вылил содержимое в рот.

— Хороша? — Спросил Дмитрий.

— Лучше нет будильника, чем пивко из холодильника, — ответил атсан, возвращая пустую колбу, — Толик твой постарался?

Дмитрий кивнул:

— Кстати о хрене. Это из него, родимого, и сделано как раз.

— По мне хоть из мандрагоры. Толик твой — величайший мастер. Свинец, там, в золото, или черное дерево в красное — это все чушь. Он настоящий алхимик. Он из всего может сделать пиво.

— Может и водку, да тебе, я знаю, нельзя… Ладно, ты меня к детской подкинешь, чтобы мимо гадюшника?

Атсан, кряхтя, поднялся с кресла и пошел туда, где из стены выходили толстые основания транспортных корней.

— Совсем мимо не получится, не протянули еще. Мимо мастерских. А через столовку уж как-нибудь сам, рыцарь.

Дмитрий встал рядом с атсаном. Атсан прикрыл глаза и принялся отдавать корням команды. Тонкие жгуты оплели тело Дмитрия, оставив на свободе руки и голову, кокон оторвался от пола галереи и медленно двинулся над спящим городом.

— Наваляй им там, чтоб не ленились! — Крикнул в догонку атсан.

— Будь спок, — ухмыльнулся Дмитрий и добавил про себя:

«За этим и еду».

Купола и пирамиды кончились, под ногами плыли правильные пятиугольники тренировочных комплексов, окружавшие Арену Тромпа. Кто такой этот Тромп? И курган ему, и арену посвятили, а никто толком не отвечает. Едва ли Брюква такой темнила, чтобы невинного корчить и разводить руками только из соображений секретности. Скорее всего, он и правда не знает, что это за Тромп. Ладно, сейчас важнее другое. Кун выслужился из рабов, значит формально он будет считаться неблагонадежным, пока не получит хортикультуртрегера или техника. Техника он точно не получит, мозгами не вышел. А до хортикультуртрегера ему месяца три, не меньше. Может, и больше: надо быть полным кретином, чтобы накануне повышения затевать скандал с рыцарем короны, любимчиком атсанов. Видимо, приспичило парню: неужели он и впрямь запал на Алмис?

Так или иначе, пришло время намутить воды среди рабочих. А случись какая бяка, все можно свалить на Куна.

Корни свернули в сторону, к стене. Вон впереди виднеется темная дыра грузового тоннеля. Дмитрий бросил последний взгляд на город. Кое-где уже светились окна. Надо успеть начать и закончить разборку побыстрее, чтобы не опоздать на работу. Но подгонять грузовой транспортер — без толку, это не боевая осина, а самая простая, глупая.

Грузовой тоннель кончился быстро, в лицо пахнуло металлическим перегаром. Работа в мастерских уже кипела во всю. Рабочие, звеня кандалами, шуровались вокруг станков, подносили на шестах мясо жрутерам, заливали из ведер питательный состав в пьютерные поилки. Жалко, что всю кербову кровь Брюква пустил в общий котел. Быстродействие выросло вдвое, и это всего от нескольких бутылей на весь парк! А если пьютер чистяком залить, тогда, наверное, что-то грандиозное получится… Только где ее еще добыть-то, крови этой? Дмитрий

мог, конечно, рискнуть и отправиться в поход за новым кербом, но Брюква не позволит. Брюква, наверное, хочет самым крутым здесь стать, выращивает себе соратника. Почему бы и нет? Но сначала надо решить свои проблемы, а потом уже Брюквины, коли очередь дойдет.

Вдоль галерей стоят стражники-атсаны, направив самострелы на рабочих. Кто-то из стражников, узнав Дмитрия, помахал ему. Дмитрий помахал в ответ. Снова тоннель. Теперь необходимо приготовиться. Хватка кокона ослабла, и когда тоннель закончился, кокон распался, оставив Дмитрия на верхней ступеньке стальной лестницы. Лестница вела вниз, в гулкий зал рабочей столовой, где как раз собиралась жрать вторая смена.

Выход из столовой темнел слева от раздаточной стойки, узкий, круглый. Вся левая стена была прорезана квадратами проходов в жилые отсеки. Из этих проходов валили понурые невыспавшиеся мужики. Кандалов на них не было — кандалы надевают только на пропускном пункте в мастерские. Пункт сторожат атсаны на боевых корнях, но стража не полезет в столовку, даже если вспыхнет драка… Особенно, если вспыхнет драка. Убитых рабочих быстро заменят. Скорее всего, запрет лаборантам и жардинерам убивать рабочих (да и вообще кого-либо) имеет какой-то дисциплинарный смысл. Сами рабочие могут друг с другом делать, что хотят. Они обычно и делают.

Пока, правда, все было тихо. Рабочие не глядели вверх и не видели Дмитрия. Дмитрий попытался отыскать взглядом кого-нибудь из знакомых, но не смог. Видать, братва так и осталась в шахтах. Значит, бузит. Это славно… Нет, одно знакомое лицо Дмитрий, все-таки, углядел: мятое и носатое. Кун спокойно сидел за алюминиевым столиком в компании работяг и жестикулировал глиняной кружкой браги из хрена. Дмитрий знал, что работяги так и зовут эту брагу: «хренофария». Кун, в отличие от рабочих, частенько поглядывал наверх. Вот он поднял глаза в очередной раз — и наткнулся на взгляд Дмитрия. Дмитрий приветливо кивнул, начал спускаться. Кун смотрел на Дмитрия, не отрываясь, но пока ничего не предпринимал. Дмитрий спускался все ниже и ниже.

Обычно посетители детской норовили пробраться вдоль глухой правой стены, чтобы меньше мозолить глаза рабочим. Но хитрые атсаны не зря вход в детскую сделали слева от стойки. Посетителю все равно пришлось бы пройтись у всех на виду. Дмитрий никогда не терял лица, шел сразу вдоль левой стены, поперек движения. После первых нескольких стычек рабочие его запомнили и больше не задирали. Но сейчас здесь был Кун, и был он по его, Дмитрия, душу. Может, Кун действительно положил

глаз на Алмис, но на Дмитрия он явно положил еще более тяжелый, злобный и влажный глазище. Ну что ж, дверь между столовой и детской — это, на самом деле, граница между обычной дракой и серьезным преступлением. Эх, Кун, Кун, бедолага…

Дмитрий уже почти достиг заветнго круглого хода, когда почувствовал на плече чью-то лапу. Остановившись, он медленно повернул голову, удивленно вскинув брови… И уперся взглядом в мохнатый пупок. Алмаст! Здоровенный, голый по пояс, метра под три ростом! И где Кун его прятал? Кстати, интересно: ведь алмасты все в шахтах, для станков они туповаты. Значит, Кун не поленился, протащил этого из шахт специально.

— Тебе чего? — Спокойно спросил Дмитрий, но не улыбнулся. Алмасты легко путают улыбку и оскал. Длинная верхняя губа на обезьяньем лице приподнялась, обнажая клыки, стальные пальцы сжались на плече Дмитрия. Вторую руку зверь занес для удара, а третьей и четвертой попытался ухватить Дмитрия за горло, но тот увернулся и что есть силы пнул алмаста промеж ног. Алмаст ухватился за ушибленные причиндалы всеми четырьмя руками и зарычал. Ноги зверя, обутые в тяжелые шахтерские башмаки, звонко затопали по кафелю. Народ начал собираться. Рабочие ждали, чем кончится, хотя для многих было ясно: одной силы явно недостаточно в драке с рыцарем короны.

Но тут сквозь толпу протолкался Кун:

— Картофельный любимчик… — Процедил жардинер, — зачем ты ударил Чича? Хороший парень, ребята, — обернулся Кун к рабочим, — глупый, но хороший, хотел просто спросить, кто идет и зачем. Мы-то понимаем, зачем этот козел в детскую намылился, а Чичу тоже хочется понять!

Дмитрий улыбнулся Куну в лицо и с расстановкой ответил:

— Соси редьку, говнюк.

— Ах, падла! — И Кун бросился на Дмитрия с кулаками. Дмитрий выставил локоть, хоть и был уверен, что Кун в последний момент свернет в сторону. Но Кун не свернул, налетел на локоть носом. Брызнула кровь.

— Кровь! — Завопил Кун. Этого простые рабочие души уже не могли вынести, и толпа, сердито урча, поперла вперед. Чич остался на месте, что не удивило Дмитрия: он знал, что у алмастов принято драться до первой боли. Зато у рабочих — начиная с первой крови. Кун, конечно, хитрюга… На своем уровне. Теперь пришла пора надеть этого хитрюгу на палец.

Продемонстрировав толпе кровь, Кун хотел было ретироваться, но Дмитрий вовремя ухватил его за шиворот, развернул к себе спиной и ребром ладони рубанул по почкам.

Длинное тело жардинера обвисло в руке у Дмитрия и позволило использовать себя в качестве щита: сразу несколько тяжелых кулаков, метивших Дмитрию в лицо, попали по Куну. Развернувшись, Дмитрий швырнул Куна об стену, а сам, продолжив круговое движение, заехал кому-то ногой по челюсти, потом упал в низкую стойку и снова крутанулся, мощной подсечкой сбив с ног сразу троих. Задние наседали, спотыкались о тех, кто упал, началась свалка. Нанеся несколько прямых ударов ногами, Дмитрий снова схватил Куна и, взвалив на спину, повернулся ко входу в детскую. Пнул еще кого-то, пробежал несколько шагов до круглой двери, чувствуя спиной удары, которые доставались жардинеру. Потом, удерживая Куна одной рукой, другой выхватил из кармана берестяной пропуск и приложил к красному квадратику на черной полированной поверхности. Пока дверь отпирали, Дмитрий успел развернуться и, отпустив Куна, нанести пару ударов кулаком наотмашь по чьим-то рожам. Кун, к удовольствию Дмитрия, остался стоять на ногах и даже попытался что-то сделать, но тут дверь отворилась, и Дмитрий ввалился в детскую, незаметно потянув за собой жардинера. Удар Куна пришелся прямо по картофельному брюху стражницы. Засвистели стрелы, послышались вопли рабочих, дверь захлопнулась. Могучие лапы подняли Дмитрия и Куна, поставили на ноги.

— А теперь, млекопитающие, потрудитесь объяснить, как вы здесь оказались вдвоем по одному пропуску.

Дмитрий легонько поклонился стражнице:

— Пропуск мой, бона. Выписан боном Бруксмелхисторинпиктом для разрешенного свидания с техник-сестрой Алмис.

Самки атсанов во всем походили на самцов, кроме размера: размерами они походили скорее на алмастов. Стражница, толстенная громадина, увенчанная пучком жесткой ботвы, плавно присела. Это означало довольную улыбку: Дмитрий, назвав Брюкву по полному имени, показал чудеса учтивости. Кун же, не успевший толком прийти в себя, снова вяло махнул кулаком.

— Возьми, — стражница протянула Дмитрию пропуск, одновременно хлопнув тяжелой ладонью Куна по макушке, — а это кто?

— Жардинер Кун, бона.

— Вы шли вдвоем — и не смогли отбиться от толпы болванов? Ввалились сюда, девочкам пришлось стрелять… — Стражница сделала попытку подпрыгнуть, но была для этого слишком тяжела, и лишь резко дернулась всей тушей. «Девочки», две стражницы таких же размеров, вооруженные самострелами,

тоже одновременно дернулись.

— Ни в коем случае, бона. Я, признаться, был сильно удивлен, застав его в столовой.

— И что же он там делал, если не шел сюда?

Дмитрий наивно пожал плечами:

— Пил хренофарию с рабочими, говорил с ними о чем-то. Я прошел к двери, тут все и началось… Ну, ты же меня помнишь, бона, ко мне уже давно никто не лезет. А тут… И жардинер оказался рядом. Я знаешь, что подумал…

— Не желаю знать, лаборант. Иди куда шел, а мы с девочками разберемся, какого Ру-Бьека этот жардинер-хердинер…

И, коротко буркнув что-то «девочкам» на своем языке, стражница поволокла Куна в караульную нишу.

— Прости, бона…

— Чего еще? — Недовольно обернулась стражница.

— Слово и дело. Вообще-то, этот жардинер меня ударил.

— Серьезно?

— Я его тоже серьезно приложил…

— Нет, — стражница чуть заметно дернулась, — я спрашиваю, ты серьезно хочешь заявить ябеду?

— Да, я хочу заявить официальную ябеду.

— Мне?

— Почему нет? Тебе. Я имею право?

— Но твой статус…

— Раб-лаборант.

— А он — жардинер. Тебе что, жить надоело? Давай, я его выпущу в столовку, тебя — к нему, и отметель его, как хочешь. Просто прибей. Я потом все на рабочих свалю…

Дмитрий покачал головой:

— Я желаю официального поединка.

— Жаль. Алмис будет по тебе горевать.

— Я — рыцарь короны, — хмуро ответил Дмитрий.

— Ты дурак. Иди. О времени поединка тебе сообщат за час до начала.

— Я знаю правила, бона. — Дмитрий отвесил еще один легкий поклон и пошел к грядкам.

Атсанская молодежь торчала стройными рядами в гидропонных ваннах. Те, кто постарше, галдели, почесывая брюшки, совсем как взрослые, а малыши молча пялили бессмысленные круглые глазенки. Пьютер Алмис стоял возле бака с минеральным раствором. Алмис как раз слезала с кадки, радостно размахивая руками. Дмитрий побежал навстречу девушке, широко улыбаясь. Обнял, поцеловал сперва в темечко, потом в лобик, потом в щечку и, не переставая улыбаться, шепнул

ей на ухо:

— Упроси своих картошек, чтобы отпустили тебя в город на праздники, хорошо?

Несмотря на улыбку, голос у Дмитрия был серьезный и даже чуть-чуть зловещий. Алмис сразу все поняла, поэтому улыбнулась еще шире и шепотом ответила:

— На всю неделю не отпустят.

— На один день. Первый.

— Именно первый?

— Да, он самый веселый.

Дмитрий не стал объяснять Алмис, что поединок могут назначить на вечер первого дня Недели Приплода. До праздника у атсанов идет Неделя Ожидания, сейчас — Третий день Ожидания, никаких поединков. А с вечера первого праздничного дня атсаны начинают беситься, особенно самки: ведь для многих атсанских дам Неделя Приплода станет последней неделей в жизни, и провести ее надо так, чтобы не было мучительно стыдно на том свете.

Впрочем, эта неделя вполне могла стать последней и в жизни Дмитрия.

ГЛАВА 2

Общедоступная часть картотеки представляла собой бесконечную кучу полной ерунды, но Дмитрий верил в рациональность атсанов: они не собирают ничего лишнего. Сведения, хранящиеся в открытом доступе, должны казаться ерундой тому, для кого закрыты специальные пути. Но взламывать защиту Дмитрий не торопился, хотя времени уже почти не осталось: четыре дня — и начнутся праздники.

Ряды ящиков тянулись во все стороны, заполняя интерфейс пьютера. Перед носом Дмитрия висела в пустоте гладкая берестяная табличка, над которой парило блестящее стило. Взяв стило, Дмитрий написал на табличке: «Аркона». Ряды ящиков принялись смещаться в разные стороны, перемешиваясь, словно игральные карты в чьей-то невидимой руке, и вдруг замерли. Возле Дмитрия оказался ящик «Арканзас-Арктика», но к Арконе в этом ящике имел отношение лишь один мелкий текстовый файл:

«Наиболее престижная работа с точки зрения рядового арконца — техник по борьбе с насекомыми. И не зря: ведь даже самое маленькое арконское насекомое, железнодорожная тютелька, по величине и весу как раз совпадает с паровозом, но, в отличие от последнего, питается вовсе не углем…»

Дмитрий не сомневался, что найдет в открытом доступе море информации по арконским насекомым, но его интересовала другая живность. Снова перед глазами замелькали ящики. Дракон, дракон… Ага:

«ДРАКОН себе устроил пир.
Ему прекрасную принцессу
Вчера крестьяне привели.
Дракон откусывал, хрустя,
Куски дрожащей нежной плоти,
Из бочки элем запивал…
С утра гремело в головах,
Усы повисли, как мочала,
Рога саднили — и дракон,
Поднявшись в небо неуклюже,
Крылами задевая горы,
Хвостом с кустов сбивая пыль,
Поплыл куда-то…»

И все? Нет, вот еще чуть-чуть:

«ДРАКОН, бар. Расположен в северных предместьях Ермунграда. Возник во времена Тромпа одновременно с Черным Замком и транспортной компанией «Авторун». Приличные люди, независимо от своих политических и эстетических предпочтений, в это место стараются не ходить.»

Про Тромпа — ни слова, про Черный Замок — нечто невнятное: внутри Замка, если верить картотеке, побывала лишь группа рыцарей короны во главе с Ланцом Банником. Живым вернулся один командир, да и того родные узнали только благодаря мечу.

«Сам же рыцарь Ланц, по свидетельству своих родственников, сделался телом извилист, а умом слаб, за что и подвергся изгнанию в предместья,» — сообщил файл. Что ж, надо добраться до братвы и порасспросить. Илион, небось, в курсе.

Про «Авторун» картотека коротко сообщала, что это компания международных перевозок, специализирующаяся по особо ценным грузам. Интересно, между какими народами курсируют «ценные грузы»? Дмитрий сразу вспомнил о вагонах платины, отправленных «Мерлином» в Рунику. Но статьи «Мерлин» в открытом доступе, разумеется, не существовало.

Ладно, и так неплохо. Внезапно Дмитрий почувствовал, что кто-то настойчиво хлопает его по спине. Содрав с головы бутон, он спрыгнул на пол. Перед ним стоял Брюква.

— Ты сволочь, — начал Брюква без предисловий, — ты глупая и наглая княжья сволочь! Твоя честь…

— Прости, бон Брукс, — ответил Дмитрий, напустив на лицо каменное выражение, — но моя честь…

— Удобрение. Испорченное. Заткнись. Пошли.

Брюква резко развернулся и засеменил между кадками. Дмитрий за ним еле поспевал. Лаборанты молча сидели на своих местах, но многие из них, сняв бутоны, пялились на Дмитрия. Быстро же расходятся слухи.

Зайдя в нишу стражы, Брукс рявкнул на трех жардинеров:

— Брысь, гадье!

Потом обернулся к Дмитрию:

— Садись.

Дмитрий присел на краешек табурета. В отличие от остальных помещений подземелья, ниша не была залеплена кафелем. Отштукатуренные стены покрывала сложная роспись — драконы, переплетенные с кербами и еще какими-то тварями, а сверху надо всеми, раскинув мантию, словно крылья, парит рыцарь в длинной белой рубахе, похожей на лаборантскую. В одной руке рыцарь сжимает меч, а вдругой — желтый цветок.

— Подвиги Тромпа, — пояснил Брукс, увидев, что Дмитрий

разглядывает роспись, — тебе придется совершить нечто сходное. Только противником твоим будет не дракон и не керб, а сраный жардинер. Я-то надеялся…

— На что ты надеялся, бон Брукс?

— А вот сейчас скажу, чтоб тебе, кретину, обидно стало перед смертью. Ты, вообще, знаешь, кто правит у нас?

— У вас? Атсаны…

Брукс вскочил со своего табурета и несколько раз высоко подпрыгнул, чуть не задев головой низкий потолок ниши.

— Атсаны! — Сокрушенно повторил он, — потсаны! Круассаны! Зассаны! Так вот, обезьяна, здесь правят пестики! Не понял?

Дмитрий нахмурился, помотал головой. Брукс сел на место и продолжил спокойно:

— Бабы здесь правят, если по-вашему выражаться, по-обезьяньи. А теперь слушай внимательно, я буду говорить тихо. — Он склонился к уху Дмитрия и зашептал, — я хотел все изменить, рыцарь. С твоей помощью. Тебе отсюда никак нельзя, ты же кровь керба пил, так?

Дмитрий кивнул, поджав губы.

— Значит, — продолжал атсан, — всюду, кроме как здесь, тебя ждет личинка. Ржет, как кобыла, извивается и все мечтает, пока ты при ее дыре кувшинчиком станешь. У тебя, я понимаю, планы там были, ты в Аркону зачем-то шел с толпой ублюдков, кровь керба нес. Где ты ее достал, кстати? Ладно. Забудь. Личинка тебе не по зубам. Все по зубам, только не она. Ты и сам знаешь.

— Но ведь я…

— Ты теперь — жрутерный корм. Сейчас объясню, почему. Ты думаешь, хлебнул крови, так теперь самым крутым стал? Почти угадал. Почти. Сегодня с утра Кун, твой приятель, ходил инспектировать поливочный резервуар. Оступился случайно — да и бултых туда! Минерального раствора наглотался, пронесет его, бедолагу. Но в растворе том не только соли, да и упал Кун неспроста. Понял?

Дмитрий понял. Но не мог поверить:

— Кровь?

— Она самая. Мало ее там, но ему хватит, как и тебе хватило. Ее много ли надо? В общем, Кун теперь тебе ровня. такой же керб, как и ты. Только ты будешь гол, как та личинка, а он при сбруе и с самострелом. А планы мои — и твои — накрылись горшком. Вот так.

Дмитрий потер подбородок. Мрачно посмотрел на Брукса. Кивнул:

— Спасибо, бон Бруксмелхисторинпикт. Спасибо. Но еще не все потеряно, вообще-то. Знаешь, как я достал кровь керба?

— А плевать мне, у кого ты ее купил…

— Купил… — презрительно повторил Дмитрий, — все-таки ты дурак, бон Брукс. Но я тебе помогу, как помог себе. — И, положив атсану руку на покатое плечико, Дмитрий сказал с кривой улыбкой, — кровь керба я добыл, убив керба. Как и полагается рыцарю короны.

Атсан не стал стряхивать руку Дмитрия. На «дурака» он тоже, судя по всему, не обидился.

— Истинно так?

— Истинно так. Про личинку не скажу, а самца керба я могу убить, как выяснилось. Но все равно, спасибо за информацию. — Дмитрий встал, намереваясь вернуться к своему пьютеру.

— Подожди, — удержал его атсан, — ты, я знаю, сейчас в картотеке роешься. Это разрешено, никто супротив слова не скажет. Но ты неверно ищешь. Возьми файл «Медицина, общие сведения», там кое-что про кербову кровь. Отдельного файла по ней в открытом доступе не создано, а в «Медицине» есть… Удачи, рыцарь.

Брукс остался сидеть в нише, сгорбившись, а Дмитрий заспешил к себе мимо кадок. Лаборанты провожали его пристальными взглядами — кто с жалостью, кто со злорадством, но больше — просто с любопытством. Многие, многие из коллег будут проситься в город на Неделю Приплода. Всем хочется увидеть, как атсанского любимчика пристрелит простой деревенский парень или, что еще интереснее, как рыцарь короны голыми руками до смерти заломает вооруженного жардинера.

Уже надевая на голову бутон, Дмитрий замер. Он так привык считать себя рыцарем короны, что уже почти не задавался вопросом, чьи воспоминания влезли к нему в башку. Как звали этого рыцаря, в смысле — настоящего рыцаря короны? «Рыцарь короны Дима Фленджер» звучит глупо, а «рыцарь короны Дмитрий Горев» — еще глупее. Надо поискать что-нибудь по этим самым рыцарям короны. Но сперва, конечно, «Медицина, общие сведения».

«После введения медицинской вилки в вульву ягодичные мышцы пережимают каллопиеву трубу, что позволяет произвести препарирование нижнего гипоталамуса медицинским топором…» Не то, не то.

«С учетом внешней формы, структуры и характера развития кости подразделяют на трубчатые, губчатые, попчатые и леворадикальные. С последними дело обстоит особенно туго: стоит мужской особи заснуть, как из этих костей начинают

толпами образовываться женщины, которых следует своевременно удалить мокрой тряпочкой…» Никуда не годится. Впрочем, само по себе это, конечно, забавно. Другой мир, другая медицина. А люди — такие же.

«Родовспоможение у швабов. Чтобы произвести слесарево сечение…» Чушь, чушь… Нет, кажется, нашел:

«Края родовой пробоины можно увлажнить кровью керба, что приводит к быстрому заживлению. Кровь действует при любом разведении, но использование неразведенной крови категорически не рекомендуется, поскольку неразведенная кровь керба, смешиваясь с кровью шваба, превращает последнюю в себя, благодаря чему шваб, не изменяя фенотипа, внутренне превращается в керба и теряет управление.» Дмитрий так быстро сорвал с себя бутон, что чуть не остался без головы. Неужели… Или это действует только на швабов? Но тогда бы Брукс не присоветовал копаться в этом информационном дерьме. И темнить Бруксу нечего: он уже наговорил на цистерну пестицида.

Дмитрий бежал вверх по широкой прямой лестнице, перескакивая через три ступеньки. Эквапыри с папками документов, жардинеры, лаборанты — все шарахались у него из-под ног. Стены расступались перед Дмитрием еще до того, как он успевал их пнуть. С потолка упало несколько осветительных капель. Проносясь через зал испытаний, Дмитрий успел заметить, как лаборанты разложили на верстаке переднюю часть шваба и шепчут над ней заклинания, одновременно копаясь внутри своими отвертками. Некогда, некогда…

За следующей расступившейся стеной висел тяжелый ядовитый туман. Лаборатория алхимии. Кабинет Толика — наверху, в нише. Дмитрий схватился за транспортный корень, дернул хорошенько и через несколько секунд уже стоял перед Толиком.

— Пивка? — Сразу спросил Толик.

На длинном столе перед великим алхимиком выстроились разнокалиберные реторты, в каждой из которых шевелилась какая-то гадость. Одну из таких реторт Толик держал щипцами над горелкой, внимательно наблюдая, как гадость мечется, пытаясь спастись от жары.

— Нет, нет, но мне — срочно…

— Водки?!

— Анализ крови.

— Опаньки! А нафига?

— Сейчас узнаешь. Если я угадал, конечно.

— Ладно. Все равно этот пехотинец вялый вышел, — Толик метко швырнул реторту в камин, выполненный в виде головы с

разинутой пастью. Дмитрий узнал голову: та самая, из «Думы». Реторта сразу лопнула и исчезла в яркой вспышке. Толик подскочил к шкафу черного дерева, вытащил с верхней полки колбу, наполненную зеленой жидкостью, хлебнул, поставил на место и взял с той же полки другую колбу, жидкость в которой была бесцветной. Потом пошуровал в ящике стола и подал Дмитрию тибетскую медицинскую иголку с серебряным набалдашничком.

— Кровь твоя, как я понял.

Дмитрий кивнул, нервно сглотнув.

— Коли палец, цеди в колбу.

Проколов палец иголкой, Дмитрий выдавил в колбу крупную бардовую каплю.

— Так-так, — Толик чуть поболтал колбой, разглядывая ее то на свету горелки, то на свету камина, — так-так.

Видимо, в Толика незаметно тоже влезла чья-то чужая память. Дмитрий уже не удивлялся тому, что Толик может проводить химический анализ на глаз поточнее любого прибора. Коллеги по лаборатории, правда, никак не могли к этому привыкнуть.

— Так-так… Наперекосяк… — У Толика отвалилась челюсть, а пальцы, сжимавшие колбу, чуть не разжались. Дмитрий вовремя выхватил колбу из ослабевшей руки Толика.

— Ну, что? Я прав?

— С…смотря в…в чем… — Промямлил Толик. — Болезней у тебя нет. Практически. Трипак леченый, в детстве — гепатит… Но… А это твоя кровь?

— Моя. Ты же сам видел, как я цедил.

— Нет. Не твоя. — Толик оперся руками о стол и вперился в Дмитрия круглыми глазами. — Это кровь керба.

— Значит, я прав, — спокойно подытожил Дмитрий. — Что у тебя было в колбе?

— Физиологический раствор.

— Сойдет. Я заберу.

— Нет… Это же открытие!

— Открытие сие до тебя уже давно открыто. А ты помалкивай. Выбраться отсюда хочешь?

Толик потупился. Дмитрий ухмыльнулся:

— А если и не хочешь, все одно — помалкивай. Прошу.

— Хорошо… — ответил Толик в спину убегавшего Дмитрия.

Дмитрий возвращался быстрым шагом, пряча драгоценную колбу за пазухой камзола. Драгоценную? Да этой крови в нем — все пять литров. А тут и одной капли достаточно, чтобы превратить его пьютер из «двушки» в «юникс»… Если выражаться,

пользуясь земными метафорами. Что ж, теперь можно начинать игру.

Снова проходя через зал испытаний, Дмитрий чуть замедлил шаг. Лаборанты (все, определил Дмитрий, вольнонаемные) продолжали копаться в швабе. Звучала какая-то веселая музычка, кажется — знакомая…

— Проходи, давай! — Заорал на Дмитрия стражник-атсан.

— Прости, бон, — ответил Дмитрий и прибавил шагу. Видимо, атсан нервничает. Обычно атсаны на Дмитрия не орали. Значит, что-то важное здесь делается, а Дмитрий вошел в критический момент. Что ж, скоро все разнюхаем.

Но добравшись до пьютера, Дмитрий понял, что апгрейд делать рановато. Сперва надо закончить войну с самим пьютером — и незачем его перед этим кормить. Натянув бутон, Дмитрий загрузил «Думу».

Рожа все так же бестолково таращилась и рычала. На закрытой двери все также горела надпись

«ПРЕДСЕДАТЕЛЬ».

Дмитрий ударил по двери сапогом. Дверь дрогнула, но осталась на своем месте. Ладно. Дмитрий сделал несколько шагов назад. За спиной предупреждающе свистнул обрезанный язык монстра. Дмитрий оглянулся: в запасе было еще три шага. Что ж, раз, два, три. Пли!

Вскинув базуку, Дмитрий выпустил заряд по двери. Дверь затрещала, но выдержала. Тогда Дмитрий выпустил пять зарядов подряд. Дверь разлетелась на кусочки, которые, замерцав, растаяли.

Кабинет был пуст, если не считать обширного письменного стола, тоже пустого. А за столом сидел Председатель. Дмитрий никогда бы не поверил, что существуют такие председатели: круглая туша разделена на две половинки глубокой бороздой, справа и слева извиваются щупальца, и на конце каждого — оскаленная обезьянья голова в темных очках. Рискуя сам пострадать от взрыва, Дмитрий выпустил по Председателю заряд… Председатель этого даже не заметил. Поднявшись в воздух над своим креслом, он медленно поплыл к Дмитрию. Обезьяньи головы угрожающе визжали, щелкая острыми клыками. Дмитрий попробовал лазерным резаком, но тоже без толку. Все остальное оружие, так хорошо себя показавшее на других уровнях, здесь, наверняка, тоже бессильно… Все? Нет, был еще меч, подобранный на первом этаже у входа, сразу за бюро пропусков. Меч так до сих пор и не пригодился. Может, он как раз под Председателя заточен?

Дмитрий выхватил из заплечных ножен длинный вороненый меч с извилистым лезвием. Председатель был уже совсем близко. Дмитрий рубанул наугад… Одна голова слетела со своего щупальца и растаяла в облачке блестящих искр. Работает! Но теперь Председатель начал двигаться быстрее. Второй удар Дмитрия прошел мимо, третий тоже. Тут из-под туши Председателя показались новые щупальца. Эти щупальца были черными и оканчивались аккуратными белыми манжетами, из которых торчали крепкие кисти рук. Каждая рука сжимала кривую саблю.

Туша ринулась в атаку. Дмитрий высоко подпрыгнул, перелетел через Председателя и оказался на столе. Что-то странное мелькнуло со стороны потолка… Дмитрий поднял глаза и увидел на бежевом фоне потолка серо-голубой квадрат. Окно наблюдения! Оно потеряло проницаемость, но продолжает перемещаться вслед за игроком! Мало того, с этой стороны его легко можно прошибить. И Дмитрий снова прыгнул, делая на лету сальто. Подошвы сапог ударились в серо-голубую мишень и прошли насквозь. Дмитрий повис, уцепившись ногами за края окошка, потом подтянулся и вытолкнул себя на площадку.

На площадке, слава Богу, никого не было. Краем глаза Дмитрий заметил вдали какое-то движение… Так и есть, техник плывет по одной из полупрозрачных труб. Присмотревшись внимательнее, Дмитрий понял, что это его собственная труба. Надо торопиться. Председатель внизу успокоился и вновь заполз в кресло — он не предполагал такого безобразия, как атака из соседнего интерфейса. Выставив меч перед собой, Дмитрий рыбкой нырнул в кабинет. Меч вошел в председательскую тушу, почти не встретив сопротивления. Все обезьяньи головы разом взвыли — и кресло опустело. Меч торчал из блестящей обивки. Дмитрий сидел на пустом столе. Выдернул меч из кресла, отправил обратно в ножны. Соскользнул со стола на пол, перебрался через мясистый подлокотник, плюхнулся на место председателя. Бросил быстрый взгляд на потолок.

Серо-голубой квадрат остался на месте. Прекрасно. Теперь можно пошарить в столе, оставшемся без хозяина. Верхний ящик…

Бомба!

— Остановись! — Приказал Дмитрий, но бомба продолжала отсчитывать секунды: 9, 8, 7…

Дмитрий вдруг понял, что от этой бомбы просто так не убежишь: если бы он программировал «стрелялку», то обязательно бы на финише установил заряд помощнее, чтобы разнес начисто пару этажей. Но выход обязан существовать.

Наверное, бомбу полагается швырнуть в пасть коридорной головы — Дмитрий видел голову сквозь пустой дверной проем. А если не получится? Добежать до головы по коридору с бомбой под мышкой Дмитрий явно не успеет. Он совершил ошибку: надо было сначала обыскать стол, а уже потом забираться в удобное кресло!

Дмитрий дернул ящик на себя. Бомба помещалась в удобной прозрачной коробочке. На вес она была не то, чтобы очень тяжелой. 5, 4, 3… Оставалось одно. Схватив бомбу обеими руками, Дмитрий с силой швырнул ее в потолок, целясь по серо-голубому квадрату. Бомба ударилась в самую середину квадрата — и исчезла. Интересно, что там сейчас творится у техников? Явно, полный бардак.

Дмитрий перевел дух и открыл средний ящик, надеясь, что там не окажется вторая бомба. Нет, бутылка. «Вечная строфария». Виртуальное бессмертие — это здорово. Почти так же здорово, как настоящее.

В третьем ящике лежало прошение об отставке, из-под которого выглядывал краешек другого документа. Прикасаться к прошению нельзя. Вытащить нижний документ легко, но если это еще одно прошение об отставке, то все пропало. Дмитрий решил рискнуть и аккуратно поддел ногтем нижнюю бумажку. Ничего не произошло? Нет, произошло: голова в коридоре перестала рычать.

Дмитрий пригляделся к вытащенному на свет документу. Гол! Назначение Председателем Думы!

ГЛАВА 3

Откинувшись на высокую спинку, Дмитрий снова перевел дух. Вот он и стал хозяином тошнотворно-бежевого мира. Что ж, проверим, как это действует.

— Монитор, — скомандовал Дмитрий.

И перед ним сам собой появился широкий монитор.

— Вестибюль.

На мониторе возник вид вестибюля. Среди трупно-сизого мрамора слонялся одинокий недобитый мент.

— Двести секретарш ко входу.

У входа выстроились две сотни готовых к бою секретарш. Если теперь кто-нибудь попытается загрузить этот вариант «Думы», то не сможет сделать даже первого шага.

Дмитрий отдал команду сохраниться и вывел на монитор второй этаж. Просторный зал, высокие потолки, двое летучих секьюрити. Добить их? Нет, пусть живут:

— Этих — тоже в вестибюль.

Секьюрити отправились в вестибюль.

Пора приступать к апгрейду. Еще раз сохранившись, Дмитрий снял с головы бутон. По пьютерному парку разносились испуганные матюги. Возле люка техников собралась толпа, атсаны размахивали лапками, жардинеры орали на всех подряд и даже на атсанов. Сквозь толпу продрались две массивных стражницы с носилками и понесли кого-то прочь — наверное, того техника.

Аккуратно вытащив из-за пазухи колбу, Дмитрий спрыгнул с кадки и вылил раствор своей — кербовой — крови в поддон. Пьютер встрепенулся, лепестки бутона тронула чувственная рябь. В общей беготне никто не заметил манипуляций Дмитрия.

Но теперь предстояло произвести еще одну манипуляцию, посложнее. Изображая на лице праздное любопытство, Дмитрий пошел к люку техников. Навстречу ему выскочил Брукс:

— Твоя работа?

— Где?

— У керба в гнезде. Не твое дело. Иди, работай. Иди, делай, что хочешь. Тут такое…

— А что случилось? — Спросил Дмитрий.

— Пьютеры повяли вокруг сервера. Все, напрочь. Хорошо хоть, сам сервер не накрылся. Зато техник накрылся. Ладно, некогда мне… Произвести тебя, что ли, в техники, ты бы, небось, исправил… Нет, не разрешат, бабы жирные. Не разрешат. Все, иди, пока.

Дмитрий подавил ухмылку. Ромашки скрючились, повяли пьютеры… Теперь весь день можно, как это здесь называют, чинить воровство. Буробить по полной. Главное — успеть. Подскочив к грузовому корню, Дмитрий поднялся в буфет. Там уже было полно лаборантов, все пили строфарию из обмотанных паутиной бутылок, размахивали руками, лапами, копытами, спорили… Флокс хмуро наливал стопку за стопкой.

— Мне плеснешь? — Спросил Дмитрий.

— Как всегда, в счет жалования после повышения? — Флокс переступил с ноги на ногу и легонько подпрыгнул, что Дмитрий сразу перевел как кривую усмешку.

— Понимаю, ты не веришь, что я переживу праздники. Тогда налей за так.

— Рыцарь короны честен, как полагается. Слыхал я, осень наступила, цветочки вянут…

— Да, — Дмитрий, не торопясь, тянул строфарию, выдувая через нос луковый дух, — не пойму, черви, что ли, завелись?

— Тля тебе на язык, рыцарь. Червей мы повывели еще прошлым годом, а вирусы все в ангарах, уже проверено. Что стряслось — никто не знает. И ты, я вижу, как все.

— Это уж точно, — Дмитрий опрокинул в глотку остатки строфарии, — спасибо тебе.

Флокс в ответ что-то пробурчал — он был занят. Дмитрий аккуратно вытянул из-за пазухи пустую колбу и опустил в мусорное ведро, потом протиснулся от стойки к галерее и стал спокойно подниматься по лестнице к себе на этаж. Вошел в спальню, снял камзол, натянул джинсовку на голое тело — он так ходил довольно часто. Наконец, достал из сумки лазерный диск, тот самый, купленный давным-давно и совсем в другом мире. Купленный на Митинском рынке у смешливой девчонки. У Алмис. Диск с программой «Медвежатник Бурт», которую написал разумный арконский жрутер.

Если кто и обыскивал сумку Дмитрия, то не обратил на диск внимания: специально, чтобы пресечь несанкционированный ввод крупных файлов, пьютеры в парке, да и вообще везде, были лишены дисководов. Дисководы полагались жрутерам. Атсаны думали, что для безопасности этого достаточно — и были почти правы. Почти. Дмитрий как-то в буфете подслушал болтовню техников, из которой узнал, что конфигурацию пьютера можно менять программно: не надо ничего привинчивать, ничего подсаживать в кадку, ни в какого Мичурина играть не надо. Достаточно добраться до системного нерва, навести там шухер — и пьютер сам отрастит все необходимое. Техники говорили, что на это требуется два дня…

У Дмитрия не было двух дней: завтра увядшие пьютеры заменят, и продолжится слежка. Но у Дмитрия была зато кровь керба — не только в жилах, но и в капиллярах пьютера. Бомба-сюрприз оказалась очень кстати, Дмитрий на такое и не рассчитывал — боялся, придется копать самому.

Но поначалу действительно надо копать вручную. Забравшись в кадку, Дмитрий медленно, с опаской, приладил бутон. Пустота чуть изменилась: стала глубже и пахла гуще. Интересно, потянет пьютер после апгрейда сразу две больших программы?

Дмитрий вызвал «Думу», спустился на второй этаж. Шаги каблуков по мрамору звучали скрипучими щелчками. Пусто, просторно. Вольно. Может, забить на все и устроить тут гарем из секретарш? Крылья, там, да лишние руки пообрывать им, ядовитые ногти — тоже… Только едва ли у секретарш есть то главное, без чего женщина, собственно, и превращается в секретаршу. «Девичья честь,» — ухмыльнулся Дмитрий и, обернувшись к северной стене, вытянул руки вперед ладонями.

— Мастерская.

Неужели сорвется?

Нет, апгрейд помог. Почти мгновенно исчезла северная стена. Мрамор оборвался сталью, холодный свет думских помещений смешался с жарким светом рабочих ламп. Перед Дмитрием была его мастерская. Инструменты на полках, стрела подъемника протянулась через весь потолок, а в центре на специальном помосте — сигарообразное мощное тело боевого вируса.

— Мастерскую копировать, — скомандовал Дмитрий. Черты предметов дрогнули, чуть размылись, но быстро вернулись в норму. Пьютер работал замечательно. Дмитрий повернулся к мастерской спиной и развел руки в стороны.

— Мастерскую вклеить.

Мрамор исчез под сталью, вдоль стен протянулись все те же полки, потолок перечеркнула жирная линия стрелы, в центре вырос помост с водруженным на него вирусом. Теперь мастерских стало две, тайная и явная. Явную можно закрыть.

— Закрыть, — скомандовал Дмитрий, ткнув пальцем за спину. За спиной выросла стена. Итак, вот она, собственная мастерская. Отсюда, со второго этажа побежденной «Думы», будет сделан первый ход в настоящей игре. А может, первым ходом была та бомба? Начинать с бомбы несколько вульгарно: соображения чести…

Дмитрий тряхнул головой: рыцарские «тараканы» ему сейчас были ни к чему. Здесь, в мастерской, он почти не чувствовал себя рыцарем короны. Тот, настоящий рыцарь, не знал, наверное, за

какой конец брать паяльник.

Длинный острый хвост вируса лежал полностью готовый на верстаке. Дмитрий подцепил хвост крюком подъемника, переместил к основному корпусу и принялся не торопясь закреплять. Соединил все кабели, запустил руку в кабину, пошевелил рычагами. Хвост работал замечательно, при каждом движении оставляя след благоухающей пустоты. Нос, такой же длинный, острый и гибкий, уже был установлен. Теперь пришло время наладить движок. Движок примитивный, но надежный, а главное — автономный. Дмитрий использовал древнюю игрушку под названием «Жизнь»: глупые квадратики, реагируя друг на друга и на пустые поля, образуют неустойчивые конструкции, иногда переходящие в устойчивые — «пульсары». Если теперь взять такой «пульсар» и слегка изменить правила взаимодействия с пустыми полями, то от пульсара бесконечной чередой пойдут волны. Характер изменений задавался при помощи педали газа и рулевого рычага. Отдельный движок, управлявшийся от гашетки, питал орудия. Для орудий Дмитрий взял несколько думовских базук, причем на турели носового орудия укрепил самую ценную базуку — с неиссякаемым зарядом. Но главную прелесть вируса составляли пятипалые манипуляторы, превращавшие вирус из тупой машины разрушения в инструмент изощренных диверсий.

Нацепив защитные перчатки, Дмитрий по локоть запустил руки в двигательный отсек и наощупь отыскал замковый квадратик. Теперь просунуть палец в пустое поле, щелчок…

Квадратик сместился на одно деление, Дмитрий еле успел выдернуть руки. Движок заурчал. По направляющему желобу двинулась волна жизни. Через несколько секунд она достигла орудийного движка и сместила на одно деление точно такой же замковый квадратик. Урчание стало более глубоким. Вирус ожил, зажглись приборные панели.

Одним прыжком Дмитрий забрался в кабину, опустил защитный колпак. Щелкнул тумблером ручного управления, взялся за рычаг, чуть утопил педаль газа. Вирус поднялся с помоста и завис над полом мастерской. Дмитрий сделал два пробных круга. Вирус прекрасно слушался руля. Тогда Дмитрий вернул управление в автоматический режим. Вирус продолжал выписывать медленные круги, ни на один бит не смещаясь со своей траектории. Дмитрий продел руки в перчатки манипуляторов, пошевелил пальцами. Манипуляторы слушались идеально. А защиту можно проверить только в деле. Выстрел из базуки или укол стандартным хакерским долотом броня держит, а там уж, как решит Ру-Бьек.

Серо-голубой квадрат налип на потолке. Окошко, понял

Дмитрий, всегда нацелено на него, но сейчас развернуто в другую сторону. Подведя вирус вплотную к потолку, он расширил квадрат при помощи манипуляторов. Поплевал через левое плечо. И, задрав острый нос, выплыл наружу.

Вирус повело в сторону — на месте площадки зияла пустота, но не такая, как во входном интерфейсе пьютера. Это была опасная пустота, по которой хаотические вихри носили обломки жестких конструкций и полупрозрачные хлопья, оставшиеся от эластичных проводных труб. Но автономный вечный движок продолжал работать ровно, а автоматика сразу выровняла движение машины. Дмитрий двинул вирус малым ходом вдоль внешней границы «Думы». Граница отсюда выглядела сферической и уходила вниз. Вот этот устойчивый вихрь наверняка остался от соединения «Думы» с мастерской. А там, за пульсирующей дымкой, громоздится и сама мастерская. Издали мастерская напоминала огромный глаз, стоящий на стебельке собственного нерва. Наверняка у «Думы» есть такой же стебелек. Да, вот и он. Дмитрий опускался все ниже, следуя плавным изгибам стебля. Пустота вокруг становилась все менее зловещей и, наконец, приобрела ровный оттенок входного интерфейса. На границе видимости маячила еще какая-то программа. Чем-то эта программа привлекла внимание Дмитрия — настолько, что он даже остановился и решил рассмотреть ее повнимательнее. Программа, кажется, не имела стебля… Странно… Своими очертаниями она напоминала человеческое лицо, причем очень знакомое.

И тут Дмитрия передернуло. Он узнал это лицо. Свое собственное лицо! Глаза закрыты, губы вытянулись в напряженную ниточку, щеки бледны до синевы. Но ведь это значит…

Ладно, сейчас не время для спонтанных исследований. Дмитрий, чуть прищурившись, кивнул сам себе. Голова ответила, не открывая глаз и лишь приподняв уголки губ в намеке на улыбку.

Стебель, по мере приближения к корням, становился все толще, шел все более крутыми изгибами. Пустота давно утеряла свой гостеприимный оттенок. Теперь она была серо-коричневой и угрожающе подрагивала. Движок уже не гудел тихонько, а мощно выл, но пока без перебоев. Дмитрий крепко держал рычаг обеими руками. В ушах могучим маршем отстукивали барабаны, вой движка напоминал одновременно гитару Ангуса Янга и голос Бона Скотта. «Ха-а-айвэй ту Хэлл!» — начал про себя подпевать Дмитрий. И сразу загрустил: могучий человек был Бон Скотт, а умер глупо, потому только, что заснул по пьяни, лежа на спине, и

не успел проснуться, когда виски с пивом, не поделив желудок, рванули через горло наружу…

От таких мыслей расхотелось петь. Но барабаны остались. От каждого удара корпус вируса дрожал. Дмитрий понял, что это вовсе не барабаны. Резко утопив газ, он пустил вирус в пике, потом, вывернув рычаг и отпустив газ, развернулся. И встретился глазами с чудовищем. Аморфная туша цеплялась за корни длинными тонкими задними лапами, передние же лапы, чуть покороче, напоминали формой колотушки. Впрочем, где у чудовища перед, а где зад, можно было решить лишь условно: ни пасти, ни ноздрей, ни вообще головы — только глаза растут на стебельках из центра туши. Глаза эти глядели умно и злобно.

Новый удар. Видимо, сзади подвалило еще одно чудовище. Пьютер начал защищаться. Дмитрий сместил вирус в сторону, уводя из-под очередного удара, и, нацелив базуку на первое чудовище, вдавил пальцем кнопку гашетки. От выстрела чудовище разлетелось в клочья. Описав дугу, Дмитрий вернул вирус на прежний курс и уже приготовился расстрелять второе чудовище…

Чудовище было не одно. Сплошная упругая масса из склеенных тел, ощетинившаяся глазами и лапами. Толпа чудовищ колыхалась и двигалась, пытаясь взять вирус в подкову. Дмитрий дал еще несколько залпов, но дыры быстро заполнялись новыми защитниками. В пустоте кружились темные ошметки тел. Масса приближалась. Дмитрий рванул в сторону и чуть вверх, сшиб из базуки край огромной подковы и двинулся на максимальной скорости вертикально вниз. Здесь чудовища не могли его достать, но стебель, изгибаясь, уходил вправо. Казалось, стебель дышит: он был весь усеян чудовищами. Пустота стала намного гуще, движок выл с надрывом, иногда кашляя. И тут появились рыбы. «Рыбами» Дмитрий их окрестил второпях: глаз у них не было, как и жабр, а острые носы по форме совпадали с хвостами. Это были вирусы — собственые вирусы пьютера. Две рыбы остались баражировать впереди, а две другие устремились прямо к Дмитрию, норовя носами проткнуть обшивку. Вильнув, Дмитрий избежал одного удара, но вторая рыба повредила хвост вируса. Приборы показывали падение эффективности в три раза. Теперь отступать некуда — вирус начал оставлять след, по которому сейчас пойдут новые и новые рыбы. С ними не управиться никак: только убежать.

Ловко проскочив между двумя следующими рыбами, Дмитрий дал полный газ, рискуя взорвать движок. Индикатор утечки зашкалило. Дмитрий молился Ру-Бьеку, Бону Скотту и просто абстрактному Боженьке, чтобы движок не рванило раньше

времени: иначе прощай не только пьютер, но и жизнь. Взбесившийся пьютер может запросто отхватить башку — так, во всяком случае, говорили лаборанты и, кажется, не шутили.

Снизу быстро надвигалась темнота. Дно. Но Дмитрию нужно было не дно как таковое, а общее основание всех стеблей. Он надеялся, что цель близка и что нос его вируса может ее почуять. Левой ногой Дмитрий нажал на педаль компаса. Теперь на сигнал компаса ринется вся свора, вся ужасная живность, которую пьютер растил специально для подобного случая.

Нос дрогнул и нацелился чуть вправо. Дмитрий перевел управление на автомат и целиком сосредоточился на гашетках. Боковые базуки, уничтожив еще несколько поднявшихся со дна рыб, замолкли, израсходовав свой заряд. Вечная базука палила без остановки. Теперь рычаг управлял не вирусом, а передней орудийной турелью. Движок кашлял все чаще, но тянул. Вот нос выровнялся в струнку — вирус лег на окончательный курс. Впереди переползали друг по другу чудовища. Дмитрий огнем базуки выстриг в их массе глубокую воронку, но все равно недостаточно глубокую, чтобы добраться до системного нерва пьютера. Вирус врезался в упругую массу, Дмитрий чуть не разбился о приборную доску. На пару секунд он потерял сознание, но не снял ногу с газа. Корпус сотрясали удары. Хвост окончательно вышел из строя, движок нагрелся так, что это чувствовалось в кабине. Дмитрий пришел в себя от жара и от тряски. И еще — от отвратительного запаха. Смесь гнили и гари витала в тесной кабине. Видимо, обшивка не выдержала, и пустота начала просачиваться внутрь. Дмитрий прорубал себе дорогу выстрелами, понимая, что уже не успеет, что придется все начинать сначала — даже если удастся выбраться живым.

Внезапно сквозь грохот ударов проступил мелодичный звон. Звон шел из внутренних динамиков. Неужели… Да! Нос воткнулся в системный нерв и выпустил розочку. Сделав еще несколько выстрелов, Дмитрий локтем нажал на нужный тумблер, объединяя ходовой и орудийный движки в один. Газ — и пустота сменилась тьмой. Вирус погрузился в мякоть нерва. Стоп. Выпустить распорки. Теперь никто не сможет вытянуть вирус из его логова. Удары по корме ощущались как слабенькие толчки: на кормовую броню кабины ушла чуть ли не половина всего обшивочного материала. Приборная доска снова светилась спокойным зеленым светом. Дмитрий заглушил движок и продел руки в перчатки манипуляторов. По переднему окошку поползли светящиеся прекции схем. Вот ложные сигналы, их легко определить: прямые и никуда не ведут. Вот поперечные линии. Выделив их, Дмитрий на пару секунд врубил движок, пустив

поток квадратиков по каналам манипуляторов. Поперечники сперва потускнели, а потом и вовсе исчезли. Удары в корму сразу же прекратились: пьютер перестал замечать Дмитрия.

А вот и главное: две продольные линии. Подцепив наугад одну из них манипулятором, Дмитрий включил контакт — и увидел себя стоящим посреди опустевшей мастерской. Не то. Отключив контакт, Дмитрий вернул линию на место. Это внешняя. Значит, вторая — внутренняя. Потянув за нее обоими манипуляторами, Дмитрий сделал аккуратную петельку, которую ввел в контактное гнездо…

Гниль и гарь исчезли, сменившись благоуханием — почти нестерпимым. Теперь Дмитрий общался непосредственно с пьютером.

— Дисковод, — скомандовал Дмитрий.

Благоухание на миг исчезло, потом появилось вновь. Розы, полынь и, кажется, чуть-чуть жженого сахара. Это вопрос? А может, согласие? Скорее, вопрос. Дмитрий представил себе обычный сидюк, четырех… ладно, хрен с ним, двухскоростной. Полынь исчезла, появились астры, роз стало больше, жженого сахара чуть меньше. Посреди экрана вспыхнул голубой кружок: пьютер приступил к исполнению.

И тут возле голубого кружка вспыхнул красный. Как так?

— Отторжение, — подтвердил мертвый голос из внутреннего динамика.

— Отторжение задачи? — испуганно спросил Дмитрий.

— Отторжение объекта.

Сигналы и схемы стали меркнуть, розы, астры и жженый сахар растворились в спертом воздкхе кабины. Отторжение… Наверное, часть нерва с перерубленными поперечниками автоматически отторгается. Значит, пора. Дмитрий вытащил руки из манипуляторных перчаток и вмазал кулаком по красной грибовидной кнопке в углу приборной доски. Катапульта.

Корни, чудища, рыбы, сигналы — все завязалось в путаный узел и бросилось плясать по спирали. Мелькнула мастерская, пронеслось мимо пузо атсанской стражницы, переходившее с одной стороны в голову Алмис, а с другой — в оскалившееся рыло керба. Но вскоре всю эту кутерьму пожрали вальсирующие жрутеры, верхом на которых сидели Капитан и Боцман.

— Ну что, рыцарь, доигрался? — Ехидно пропищал Капитан.

С каких это пор Капитан зовет Дмитрия рыцарем? И почему он пищит?

— Тебя что, кастрировали? — Спросил Дмитрий. И добавил, — ты не думай, я не против. Просто скажи…

— Кто это меня кастрирует? — Обиделся Капитан, — меня

нельзя кастрировать. У меня ничего такого нет, чтобы кастрировать. Тупая обезьяна…

Голос Капитана становился все тише и тише. Дмитрий открыл глаза и увидел густую шерсть на спине удаляющегося Фейерабия. Кругом продолжалась паника, но уже в полнакала: рабочий день шел к концу. Дмитрий сидел на полу, привалившись к своей кадке. Встав на ноги, он потянулся, потом упал на шпагат, снова вскочил… Получилось или нет? Оглядываться было боязно, но, все-таки, пришлось.

Из густого пучка листьев торчал язычек лазерного дисковода. Наверное, получилось… Или это одна видимость?

Дмитрий снова взгромоздился на кадку. Опасливо оглянулся. Кажется, все спокойно. Народ занят, Фейерабий ушел. Тихонько вынув из кармана диск, Дмитрий положил его на язычек. Язычек с приятным урчанием заполз внутрь стебля. Что ж…

Надев на голову бутон, Дмитрий столкнулся нос к носу со странным существом. Точнее, столкнулся своим носом с твердой бородкой золотого ключика.

— Не надо так резко, — сказало странное существо, — лепестки порвешь, если так резко будешь натягивать.

— Что? — Не понял Дмитрий.

— Бутон, — ответило существо.

— Нет, я в смысле — что ты такое?

Существо почесало тонким длинным пальцем нос… То есть, не совсем нос, а отливавший золотом ключ, торчавший вместо носа посреди сморщенного личика. Хлопнуло здоровенными, как у чебурашки, ушами, вильнуло коротким мясистым хвостиком.

— Дурацкий вопрос, хозяин. Я — Медвежатник Бурт. Ну, что тебе тут сломать?

ГЛАВА 4

Пролистав еще раз для верности отчет о выпускной диплоидной группе, Алмис сверила показатели хемотропизма и результаты теста Люшера-Мушеринга. Все в норме. Гаплоидная группа икс-хромосомных носителей направлялась на достойное осеменение в Первый день Недели Приплода, а остальные, с искривленными хромосомами (кривунки, как называли их стражницы-атсанки) пошли учиться дальше — до полного пыльцевого созревания.

Алмис волновалась: это был ее первый отчет на Культурном Собрании. Если все пройдет удачно, ее могут повысить из техник-сестер в вольнонаемные техник-жардинеры. Она даже потеребила синие нашивки на халате и осторожно коснулась чуть подвядших лепестков пьютера. Прощай, рабство!

На пульте загорелся сигнал срочного вызова из второй палаты четвертого отсека. Там досиживают свое выпускницы диплоидного отделения, сейчас у них нервы не в порядке, могут отчебучить что угодно. Передав сигнал на пост стражи, Алмис побежала вдоль грядок рассады ко входу в четвертый отсек. Стражницы приветливо кивали ей, малыши радостно гукали. Рыцаря атсаны тоже любят, а вот он их — не очень. Замышляет что-то… И ведь у него получится! Дядя Клай говорил, что у этого рыцаря все получится, еще тогда говорил, когда Алмис и знать не знала никакого рыцаря. Придется бежать отсюда вместе с рыцарем: и Клай велел его из виду не выпускать, да и самой Алмис хотелось быть возле этого парнишки — простого и добродушного, но, помимо собственной воли, овеянного сомнительной благодатью Высшей Злобы. Алмис не совсем понимала, что это за благодать такая, но верила дяде Клаю.

И еще она хотела остаться здесь, в детской. На первом разводе два месяца назад Алмис здорово оробела перед стражницей с суровым именем Брундильгнеда, заведующей садом второго уровня. Стражница не скрывала, что мечтает добиться для своего сада статуса Оранжереи — хоть и рисковала заслужить неприязнь коллег. Грозно прикрикнув на выстроенный в шеренгу взвод сестер, она провела ознакомительную экскурсию по саду, инструктаж по правилам асептики и антисептики в семенном и рассадном отделениях. После, определив новеньких по местам, она удалилась к себе в кабинет.

Алмис для начала оказалась на прополке — она проводила экспресс-анализы рассады, промывала ботву и следила за гигиеническими показателями гидропонных растворов.

Брундильгнеда зачитала ей короткую инструкцию о возрастной и половой категориях диплоидных особей: оказывается, диплоидные атсанки, то есть особи с двойным набором стандартных хромосом, существовали исключительно ради следующих поколений: созрев, семена разрывали оболочку матери. Поэтому так важен был уход и своевременная сегрегация особей на тех, кто дает простые диплоидные семена, и тех, кто способен дать полиплоидные семена. Из полиплоидных семян потом вырастут новые стражницы.

В саду у Брундильгнеды полный жизненный курс проходили только простые дети, выраставшие в мужиков и матерей. Девочек, способных выносить полиплоидные семена, у Брундильгнеды отбирали и переводили в оранжереи. А в оранжереях растили «теток» — стражниц, суровых и толстых. Как-то вечером, когда дети уже спали, стражницы пустили Алмис в свою компанию. На плетеном столе в кабинете Брундильгнеды выстроились пыльные бутыли вековой строфарии; за решеткой камина, стилизованного под морду керба, пылал огонь, отражаясь в розовом кафеле стен. Стражницы налили Алмис полный бокал, подивились ее стойкости — Алмис, выросшая при баре, опрокинула бокал единым махом. Сами атсанки захмелели довольно быстро и принялись жаловаться на судьбу: им больше всего на свете хотелось растить себе подобных. Алмис с удивлением узнала, что разумными, в конечном смысле этого слова, толстые атсанки считают исключительно себя.

— Ты понимаешь, — встряхивая ботвой, говорила Саскис, младшая начальница стражи, — мужики с этими своими тычинками — все говно, удобрения! Их мерность на двадцать единиц ниже нашей. Почти как у вас, обезьян. Вот они на жрутеров и молятся.

— А у вас? — подливала ей новой строфарии Алмис. — У вас-то мерность какая?

Строфарию гнал Толик. Дмитрий говорил, что на людей эта строфария действует, как обычная, зато атсанов валит с ног и делает болтливыми.

— Восемьдесят, девяносто, и это самое маленькое, а случается и весь стольник, — проворочала языком Саскис. Потом понизила голос до пронзительного шепота, — Говорят, в оранжерее у Сафонды вырастили тетку на двести пятьдесят!

— Ну, уж это ты, сестренка, того… — Чуть не протрезвела Брундильгнеда, — выше, чем у Ру-Бьек, мерность не бывает.

— Значит, вам не нужны ни пьютеры, на жрутеры, — не унималась Алмис.

— Не-а.

— А зачем…? — не успела задать вопрос Алмис.

— А затем, — Саскис обвела помещение широким жестом, — ты в самом, по-вашему говоря, сердце работаешь, в самом главном месте! Мы имеем много хромосом, но никто из нас не хочет жертвовать собой на удобрение для семян, пойми ты. Вы — млекопитающие, рожаете себе и рожаете просто так. И умираете просто так. А мы бессмертны! Главное — правильная организация жизни: дурочки-диплоидные семена дают, жизни радуются, мужики диплоидные — пыльцу, ну и еще шебуршат там себе, чтоб не скучали. Вот, Рунику завоевать хотят. Кретины.

— Да ну? — Алмис подлила еще строфарии. — А вы что же?

— А для нас главное — Порядок! Порядок во всем! Ты, как женщина, сама поинмать должна… — Саскис опустила палец в стакан и поболтала там, чтоб пузырьки вышли.

— А мужики полиплоидные бывают? — неожиданно пришло на ум Алмис.

— Бывают. Размером с пятерых кербов. Безмозглая туша. Хромосомы-то неполноценные, мелкие и кривые. Пыльцы много, а так — одно удобрение. Из них порошок для гидропоники гонят. А эти хмыри, — ткнула отростком в сторону двери Саскис, — все свою революцию хотят сделать, патриархат, мол, как у вас, у млекопитающих, им покою не дает. А в природе только матриархат и бывает! Кто тетка — тот и прав! Власть — это размножение, держись с нами, не пропадешь!

Первую группу, которую доверили Алмис вести до выпуска, составляли тридцать девочек-атсанок. Их почти оформившиеся бутоны кокетливо свисали на листья ботвы. Девочки весело шушукались и обсуждали свои планы на «после выпуска», самые смелые находили способы пробираться в палаты к мальчикам и там смущали их своими шутками и вопросами. Впрочем, никто из отряда Алмис так и не попался старшим сестрам и стражницам, поэтому она смотрела на эту возню сквозь пальцы. И даже застукав пару раз в палате юного атсана из другого сада, не придала этому случаю большого значения.

А зря. Весь четвертый отсек стоял на ушах. Без толку носилась туда-сюда толстая Крильда, «фея из бара». Мрачно матерились стражницы, раздавая тумаки сестрам. Сестры не замечали тумаков и носились по всему отделению в точности, как Крильда. Посреди второй палаты возвышалась внесенная сюда из запасника гидропонная ванна. В ванне лежали двое — юная атсанка с набухшим бутоном и ее воздыхатель, сорвиголова, у которого еще не прорезались тычинки. На полу валялись разорванная ботва, клочья нежно-зеленой коры и кусок кабеля. Вокруг ванны, стоя кружком, тихонько завывали девчонки. Им

вторила иногда пробегавшая мимо Крильда.

— Наша Фрока! Они отравились!

— О Ру-Бьек, прими их души! — Громче других прокричала красавица Бертрасса, запустив длинные пальцы себе в ботву.

— Горе-то, горе! — Ввернула Крильда, и унеслась по своим несуществующим делам.

Алмис мгновенно оценила ситуацию:

— Всем по койкам! Отбой уже был. Нарушителей очищу, огрызка не останется. Марш, ну!.. Объясняться будете у самой тетки Брундильгнеды!

Упоминание тетки подействовало — девчонок как ветром сдуло. Алмис взяла пробу воды и тканей. Обработала ожоги у корней и на месте сорванной ботвы. Омыла и перетащила тела в соседние ванны, наполнив их физраствором. В помещение, лениво почесываясь, зашла Саскис:

— Ну, что тут у тебя?

Алмис показала на бассейн и два тела.

— А, опять потравились?

— И часто они так? — ошеломленно спросила Алмис.

— Ну, на выпуск раза по два-три. У тебя первый раз? Ах, ну да… — Саскис принялась почесываться о косяк двери, — Вот, ходила в город, тлей, что ли, подцепила. Не посмотришь?

Алмис обработала толстую щкуру стражницы фиолетовой жидкостью.

— Хорошо! — удовлетворенно хрюкнула стражница, — Только зря ты этих отхаживаешь. Они, видишь, бутоны попортили. Их теперь на удобрения только. Лучше уж, чтоб не мучились! Сразу.

— Рапорт писать? — испугалась Алмис. Перспектива свободы сразу стала меркнуть.

— Да нет, кинь их кусками в толоконку, пока в себя не пришли. Все одно, на червей спишут. Вон, в соседнем саду эпидемия, скоро и до нас дойдет. Их выводи-не выводи, а поросль подчистую съедят.

Алмис поежилась:

— А пестициды?

— Тля тебе на язык! — стражница возмущенно подпрыгнула. — Строфарии у тебя не найдется, этот твой заходил?

Порывшись в шкафчике с реактивами, Алмис отыскала наконец нужную колбу и протянула стражнице:

— Вот, попробуй.

Саскис подобрела:

— Что не веселая? Из-за этих? Брось!..

— Да вот, в город бы. Праздник у вас, посмотреть хочу, — ответила Алмис. На самом-то деле, невеселой она была именно потому, что надо идти в город. Если бы рыцарь просто так пригласил… Но он просто так ничего не делает, даже когда хочет. Против Высшей Злобы не попрешь.

— А-а-а-ааа! — Саскис замахала ботвой, — ну-ну, знаю! А чего, составь прошение, после ритуала опыления все твои разбегутся, и ты с ними! Чего зря в заперти сидеть — пестик морозить! Давай, я сама у Бруни подпишу, мы с ней еще в саду в одной кадке сидели. Она мне не откажет!

— Ой, правда? — выдавила улыбку Алмис.

— А то у твоего скоро вся пыльца увянет, что будешь делать?! — стражница весело замахала всеми отростками, радуясь остроумной шутке.

Прихватив колбу, Саскис удалилась в свои покои. Алмис проверила состояние обоих атсанов — раны на удивление быстро заживали. Она провела сканер-обследование — полная регенерация! «Молодец, Толик! Не подвел, надо его поцеловать, — подумала Алмис, — с живой водой у него все получилось. Эти субчики к завтрашнему утру станут как новенькие, а мне премия полагается за исследования в области витальных технологий.» Теперь можно было спокойно вернуться на свой пост и нырнуть головой в бутон пьютера. Пора разобраться с червями. Стражницы недавно сболтнули (как обычно, за стаканчиком Толиковой строфарии), что под городом проходят какие-то священные тоннели. Саскис их назвала, кажется, «Ходами Старшего» или «Ходами Главного»… Не важно. Засыпать их, так или иначе, нельзя, раз они священные. Но вот перегородить — другое дело. Стражницы на это пойдут, если будут точно знать, где перегораживать. В том-то и состояла проблема: расположение тоннелей оказалось почти напрочь всеми забыто. Напрягать память или искать наугад стражницы ленились… Или делали вид, что ленились.

Но во втором случае план тоннелей оказывается тайной, нужной рыцарю. Алмис не хотела себе признаваться в том, что не знает, почему ее так интересуют тоннели. Борьба с червями? Сами атсанки, вроде, на червей не шибко жаловались. Во время каждого нашествия бегали вдоль грядок с медными щипцами наперевес и собирали червей с ботвы своих отпрысков. Странно, что так вот бегать им вовсе не лень. То, что атсаны категорически против пестицидов, еще можно понять: яд — он и есть яд. Но почему предложение перегородить тоннели спускают на тормозах? Не отбрасывают, а именно тормозят? Наверное, решила Алмис, с тоннелями связано что-то постыдное, что-то

такое, о чем атсанки не хотят думать. Может, они правы — у них мернось высокая…

Но и в низкой мерности есть своя прелесть. Алмис решила, что интересуется тоннелями, потому что хочет помочь атсанам против червей. И еще потому что хочет помочь рыцарю против атсанов. Противоречие? А наплевать: пусть противоречия волнуют умников, у которых мерности выше головы.

Сперва Алмис запросила статистику нашествий червей. Перед глазами замелькали мелкие строчки. Выведя в пространство интерфейса свой аккуратный верстачок, Алмис уложила эти строчки на гладкую поверхность. Потом, не отпуская статистику, вызвала из открытого доступа сведения по тоннелям. Сведения были на редкость скудные и противоречивые. Уложив эти сведения поверх статистики, Алмис вздохнула и запустила свою программку. Программку эту она ваяла целый месяц.

Строчки обоих файлов засветились зеленоватым светом и начали перетекать друг в друга. То и дело вспыхивали красные пятна — это уничтожались данные по тоннелям, противоречившие данным по червям. Алмис знала точно, что черви ползают только по тоннелям. Через несколько минут красных пятен стало меньше… Вот они исчезли совсем, а на верстаке из зеленого мессива возникла стройная картина. Алмис гордо улыбнулась: перед ней был план тоннелей. Теперь надо все сохранить…

Но как только Алмис отдала команду на сохранение, в правом верхнем углу интерфейса замелькал сигнал срочной почты. Верстак, не выдержав перегрузки, начал разваливаться. Алмис с ужасом смотрела, как смешиваются строгие линии, вновь обращаясь в месиво, а потом пропадают — вместе с верстаком и программой, результатом месячного труда.

План тоннелей и верстак растворились, оставив в нижней части интерфейса противную зеленую лужицу. Зато в центре интерфейса победно блестела розовая дуля, плод странного остроумия Брундильгнеды: все свои сообщения заведующая сопровождала этим знаком.

Под дулей бегущей строкой шел приказ о переводе Алмис в техник-лаборанты (вместо жардинеров!). Приказ сопровождался дозволением недельного отпуска — «в связи с величайшим праздником года». Это, очевидно, был отлуп, практически полный. Еще год рабства — как минимум. Разница между техник-сестрой и техник-лаборантом состояла лишь в том, что лаборант имел право работы на пьютере… А ведь у Алмис неофициально и так уже было это право!

Девушка хотела яростно сорвать бутон с головы, но розовая

дуля вдруг сморщилась и пропала с легким хлопком, а на ее месте появилось… лицо рыцаря! Надо успокоиться, решила Алмис, а то уже от злости глюки пошли. Но лицо не желало исчезать. Мало того, оно заговорило голосом рыцаря:

— Привет. Подожди, не отключайся. И не злись, ладно?

Алмис машинально кивнула.

— Хорошо, — продолжал рыцарь, — ты не беспокойся, что они тебя прокатили с повышением. Это ерунда. Мы тут с Буртом всю картофельную сеть изнасиловали…

Рядом с лицом рыцаря вынырнула из пустоты странная мохнатая мордашка с ключом, весело торчавшим вместо носа.

— Бурт — это я. Медвежатник Бурт, если полностью. Приветик. Сделали мы эту сетку, как солдат вдовушку.

— Не мешай, Буртик, — прервал рыцарь Медвежатника, — а ты слушай внимательно, милая. Отпуск тебе дали на неделю, это хорошо. Главное для нас — быть вместе в Последний день. До этого у меня дела в городе…

Алмис не стала дослушивать, сорвала с головы бутон так резко, что один лепесток чуть не остался в руке. Пьютер протестующе задрожал.

Вот скотина! Мало ей унижения от жирных картошек, еще и этот гад решил от нее отделаться. Последний день! А остальные шесть — гуляй сама? Ну уж хрен морковный! Алмис решила, что всю неделю будет висеть на рыцаре, как приклеенная. Из принципа.

Прийдя в себя, Алмис услыхала тихие голоса. Разговаривали молодые атсаны. Так и есть: опять шашни. Хватит, набегались! Запахнув халат, она решительно направилась к нарушителям тишины.

— Морковь, морковь, Ты правишь миром!

Питает нас морковный сок, Как над полуденным эфиром Алеет яростный восток…

Юный атсан уже сидел на краю ванной и, размашисто жестикулируя, читал стихи своей возлюбленной, которая плавала в растворе, свесив на пол готовый раскрыться бутон.

— Это что такое? — как можно строже спросила Алмис.

— Ой, — атсанка подобрала бутон с пола.

— Я тебя спрашиваю, молодой э-э… — Алмис слегка запнулась, — молодой бон!

— Я читал стихи своей возлюбленной, цветку Вселенной, прекраснейшей Фроке! — атсан даже не посчитал нужным погрузиться обратно в ванну.

— Про морковь? — удивленно переспросила Алмис.

— Это сложный аллегорический символ древних, — ответил

атсан.

— Ты нарушил дисциплину…

— Я готов понести дисциплинарное наказание вплоть до лишения тычинок! — юноша гордо вскинул голову, из макушки которой торчал реденьким пучком драгоценный атрибут самца.

— О-ооо! — жалобно простонала из своей кюветы Фроке.

— Владычица моих тычинок, Хозяйка дивного песта, Моя пыльца дорогой длинной К тебе стремится без конца! — немедленно продикламировал ей атсан.

— Равным Ру-Бьеку кажется мне по мерности Существо, которое так близко-близко Пред тобой растет, твой звучащий нежно Слушает голос, вдыхая твою пыльцу.

У меня при этом Пересохли бы капилляры… — продекламировала в ответ Фроке.

Алмис поняла, что нужно срочно спасать положение, и произнесла строгим голосом:

— Дико прыгает букашка С беспредельной высоты, Разбивает лоб, бедняжка, Разобьешь его и ты!

Ребята смущенно смолкли.

— Все понятно?

— Я не могу допустить, чтобы моя любовь была осквернена безымянной пыльцой в угоду нелепым традициям! Сама эта идея… — Атсан вылез из ванной и встал перед Алмис, едва дотягиваясь ей до груди.

— Друг мой, — подала свой жалобный голосок Фроке, — клянусь, ни одна чужая пылинка не коснутся моего пестика. Я лучше умру, чем подчинусь суровому закону! Сохрани память о своей Фроке!..

— Мо-олчать! — взорвалась Алмис, — Немедленно покинуть гидропонную, вернуться по своим местам! И спать! Все…

Она еще постояла в дверях, глядя вслед двум удаляющимся по коридору фигурам. Они шли, сплетясь отросшей заново ботвой, и терлись неоформившимися зачатками тычинок по нераскрывшемуся бутону с пестиком… Что-то глухо защемило у Алмис в груди, она почувствовала, как на глаза вновь накатили слезы.

— Все погибнет, все исчезнет…

— От дракона до червя… — рядом стояла Саскис, помахивая пустой колбой из-под строфарии, — М-да, увольнительную получила?

Алмис кивнула:

— Спасибо.

— Да, ладно. Надо выпить! Где же кружка?! Сердцу будет веселей…

Алмис полезла за второй колбой. Они со стражницей сидели на жестких табуретах возле опустевшей ванны и молча пили строфарию. Алмис не знала, чего ей сейчас больше хочется: умереть или наоборот, стать бессмертной. Она всех ненавидела. И, в то же время, ей было всех-всех-всех ужасно жаль.

Строфария пенилась, наполняя палату ароматами зеленого лука и полыни.

ГЛАВА 5

Архив сервера походил на сокровищницу пиратов. Ненужные до поры программы-исполнители валялись на земляном полу кучами, под ногами шелестели текстовые файлы, а посреди этого бедлама, озаренный идущим от сталагмитов желтым светом, возвышался огромный сундук, в котором, судя по всему, хранилось главное.

Сперва Дмитрий завел Бурта в мастерскую и предложил соорудить новый боевой вирус, но Бурт скорчил такую гримасу, что его и без того сморщенное личико окончательно приобрело вид кукиша:

— Так пройдем, хозяин.

Бурт долго обстукивал стены носом, прикладывал к ним то одно ухо, то другое, потом вдруг ринулся на верхний этаж. Один раз на лестничной площадке им встретился секьюрити. Вытянувшись в струнку перед Дмитрием, секьюрити отдал честь.

— Много у тебя таких ребят? — Через плечо спросил Бурт.

— Сколько захочу.

— Пригодятся. Позже… Ага.

Они были на верхнем этаже. С одной стороны зиял дверной проем, за которым громоздился стол председателя, а с другой стороны молчаливо разевала пасть голова. Бурт подошел к голове вплотную, заглянул в глотку.

— Здесь, кажись. — Он присел на корточки возле правой щеки, провел лапками вдоль соединения щеки и пола, приложил ухо сначала к стене, потом к полу, потом к щеке, опять к стене и вдруг, расковыряв в щеке дырку, запустил туда свой нос-ключик. Повертел головой, выдернул нос, снова приложил ухо к полу. Выпрямился:

— Готово, хозяин. Пошли.

— Куда? — Испуганно спросил Дмитрий, надеясь, что его догадка не верна. Но Бурт уже уверенно прошагал в пасть. Дмитрию пришлось семенить следом.

Ковровая дорожка висела в жаркой багровой пустоте, извивалась, огибая отсеки ада — Дмитрий с ужасом глядел на сцены, которые могли возникнуть только в воображении садиста-маньяка. Банальные черти, замершие со своими вилами возле котлов, кончились еще в самом начале этого путешествия. Дальше шли похмельные зубные врачи с дрожащими руками, шестеренки для перемалывания костей, электрические стулья, толпы китайцев, вооруженных пыточными иглами и пожилая дама в очках, вооруженная мегафоном. Потом дорожка провела

Бурта и Дмитрия над интерьером обычной квартиры. В углу стоял телевизор, перед ним — кресло, тоже самое обычное, но с ремнями для рук и ног. А по телевизору шла реклама жевательной резинки.

— Спускаемся, — сказал Бурт и прыгнул вниз. Дмитрий последовал за ним. Из комнаты с телевизором один выход вел на кухню, где возле плиты замерла женщина с квадратной фигурой и злобным лицом. Женщина жарила на обугленной сковородке что-то отвратительное. Облако чада висело как раз на уровне лица. Рот женщины был открыт — видимо, если бы ад действовал, женщина бурчала бы себе под нос всякие гадости о своем муже и о семейной жизни вообще. Но ад не действовал. Вонючее облако, да и все остальное, оставалось без движения.

Бурт пошарил на кухне, заглянул в буфет, полный тараканов, потом покачал головой и отправился через комнату к другому выходу. Дмитрий чуть задержался у пыточного кресла. На тумбочке рядом с креслом стояла открытая бутылка пива, около нее валялись пачка сигарет, зажигалка, стопка неоплаченных счетов за телефон и телевизионная программа. Программа была замечательная: по первому каналу — сплошные боевики, по второму с утра до вечера шло ток-шоу «Про это самое» с участием порнозвезд мировой величины, по третьему гоняли комедии, а по четвертому — турецкий сериал «У богатых тоже есть вторая мама». Телевизор, естественно, был включен на четвертый канал, а до пульта (как, впрочем, и до пива с сигаретами) невозможно дотянуться, когда руки привязаны ремнями к подлокотникам. Дмитрий содрогнулся, представив, что бы произошло, попадись он в пасть.

— Хозяин, телевизор смотришь? — Позвал Бурт из соседней комнаты. — Не стоит, там одни сериалы.

Посреди соседней комнаты замерла в воздухе подушка. Подушку, судя по всему, кинул мальчик лет шести, целясь в голову девочке лет восьми. Засаленные пижамы висели на детях криво, словно на гвоздиках. Или на скелетиках. Пол устилали обломки дешевых китайских игрушек.

— Здесь я уже пошуровал. Голяк. — Бурт прошагал к двери в чулан и отворил ее. За дверью не было решительно ничего. Темнота. Бурт долго принюхивался, шарил лапками, тыкался в темноту носом и, наконец, разочарованно обернулся к Дмитрию:

— Пытка темнотой. Пусто. Но ход — где-то рядом… Постой, а что тебя дернуло к телевизору-то?

— Не знаю, — Дмитрий пожал плечами, — любопытно…

— Любобытство не порок, а средство передвижения. Ну-ка, я тоже…

Бурт проскочил мимо Дмитрия назад в комнату с телевизором и принялся шарить вокруг кресла. Заглянул за телевизор, приподнял с тумбочки бутылку пива (пиво в ней замерло, как и все вокруг, поэтому не желало выливаться). И вдруг распахнул дверцу тумбочки:

— Нашел!

Тумбочка была пуста, если не считать тараканов. Бурт принялся внимательно перебирать тараканов одного за другим. Дмитрия чуть не вырвало, пока он на это смотрел. Но вот Бурт поднял одно насекомое двумя пальцами, а остальных, чтобы не мешали, небрежно выгреб из тумбочки на пол:

— Есть! — Пояснил Бурт, — одноразовый проход для ремонтников. Пошли, — и он, приложив таракана к задней стенке тумбочки, с хрустом его раздавил. Стенка, замерцав, исчезла, открывая узкий лаз. Бурт первым юркнул в тумбочку и пополз. Дмитрий не был уверен, что протиснется в узкое отверстие, но, все-таки, попробовал. Получилось. Метра через три лаз сделался шире, а еще через пару метров и вовсе достиг таких размеров, что можно было идти, лишь слегка пригнувшись.

— Держись правой стенки, — предупредил Бурт, — левая прохудилась.

На взгляд Дмитрия, обе стенки были одинаково крепки. Но Бурт, понимая, видимо, что Дмитрий не верит, специально подошел к левой стенке и ткнул в нее пальцем. Стенка покрылась трещинами и обрушилась. Дмитрия чуть не сбил с ног порыв ветра. Обломки каких-то конструкций свисают сверху, полупрозрачные хлопья кружатся, уносимые хаотичными потоками… Да ведь Дмитрий здесь уже летал на вирусе!

— Наворотила твоя бомба, — подтвердил догадку Бурт, — но наш ход, вроде, цел.

Скоро опасный путь кончился. Впереди была лестница. От ступеней исходил жар.

— Жрутер, — определил Бурт. — Какой тут жрутер ближе всех?

— Сервер.

— Значит, нам туда. Следи внимательно: после лестницы тяжести не будет. Хотя, не знаю…

Лестница вывела на площадку, окруженную дверьми. Все двери, кроме одной, были заперты. Сила тяжести оставалась прежней.

— Комфорт, комфорт, — ухмыльнулся Бурт, — все для удобства лохов. Только память лишнюю жрет тяжесть эта…

За открытой дверью находилась средних размеров комната, пустая, всю заднюю стену которой занимало лицо атсана. Глаза,

каждый — метра два в диаметре, удивленно уставились на пришельцев.

— На сервере кто-то… Я сейчас, — Бурт разбежался и, подпрыгнув, ловко заполз атсану в ноздрю. Атсан выругался на своем языке, лицо покрылось рябью и начало исчезать, но вдруг появилось снова. Глаза его были закрыты.

Бурт выбрался из ноздри, упруго соскочил на пол и подошел вразвалочку к ошалевшему Дмитрию:

— Все, — сказал он, — больше этот хрен картофельный нас не замечает.

— Так ты…

— А что тут такого?

— Ты можешь вскрывать мозги?!

— А что тут такого? — Повторил Бурт, — у атсанов мозги мерностью не выше шестидесяти, я вскрываю сети до ста одного. Легко!

— И у меня можешь вскрыть?

— Элементарно. У людей мерность в среднем — тридцатник, а если ты шибко умный, то у тебя — сороковник. Пошли.

Дмитрий обиделся:

— А у тебя сколько?

Бурт почесал за мохнатым ухом:

— Меня делал полковник Бонифаций, у него — сто двадцать шесть. Червонец на амортизацию, еще пятак на жуки-пуки… Выходит, у меня мерность сто одиннадцать. Ну правильно! Отними десять, получится как раз сто один, мой рабочий потолок. Пошли, говорю. Куда ты здесь хочешь забраться-то?

Дмитрий для начала хотел в архив. Архив они отыскали не сразу: за первой дверью была такая же комната, только совсем пустая, без лица. Наверное, еще один входной интерфейс. От других дверей вели совершенно одинаковые коридоры. За самой маленькой дверцей пестрел уютный сад. Не зеленел, а именно пестрел: вместо листьев на деревьях росли разноцветные игральные карты.

— Здесь мы еще погуляем, — хмыкнул Бурт.

Архив обнаружился рядом — огромная пещера с земляным полом. С потолка свисают желтые светящиеся сталагмиты, а пол завален всякой всячиной. Дмитрий поднял ближайший текстовый файл:

«Яким Вороб, ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА ОККАМА. Роман.

Глава первая: МЕДИЦИДЫ — МСТИТЕЛИ В ЧЕРНЫХ ХАЛАТАХ…»

— На полу нечего ловить, — бросил Бурт, — давай сундук вскроем.

С сундуком он возился довольно долго. Пытался жать пальцами на резные загогулины, прищурившись, глядел в замочную скважину, облапил все стенки своими ушами. Потом привалился к сундуку спиной, нахмурился:

— Ясно одно: в замок нос совать нельзя, там замка-то нет, зато сигнализация. И нос отхватит, и вообще нас с тобой зажопят сразу. Вообще, давай кругом поищем. — И он нырнул в кучу хлама. Не было Бурта минут двадцать, а прибежал он совсем с другой стороны, таща под мышкой два свитка:

— Вот ключевые файлы, но их всего два, а нужен еще третий… Постой, а ты ведь мусолил какую-то бумажку. Куда дел?

— Выкинул.

— Куда выкинул? А, вот, вижу, — и Бурт поднял с пола роман Якима Вороба, — точно, она! Ну и нюх у тебя, хозяин! Мозгов нет, зато нюх, как у керба!

Дмитрий промолчал. Он начинал бояться этого чебурашку с ключом вместо носа. Бурт водил своим носом-ключом вдоль мелких строчек, потом вдруг скомкал файл и выкинул:

— Больше не нужен. Все понятно, подожди, я сейчас, — и опять скрылся за кучей. Но вернулся почти сразу, таща два черных рабочих халата. — Держи, они там висят, отсюда не видно. Надевай.

Халат был тесным, рассчитанным, наверное, на атсана. Бурту его халат пришелся в самый раз.

— Вот, читай, — Бурт развернул перед Дмитрием второй ключевой файл. Это было что-то из области биологии:

«Разница между двумя популяциями одного вида может заключаться только в одном жесте — например, самцы крылатых бабуинов для жеста, выражающего несогласие, используют левую переднюю конечность, поддерживая ее правой, а самцы плавучих бабуинов используют для того же жеста задние конечности, поскольку вместо передних у них — плавники.»

— Ты понимаешь, о чем речь-то?

— Понимаю, — и Дмитрий, повернувшись к сундуку, продемонстрировал этот самый жест, известный, как выяснилось, не только у людей.

Сундук скрипнул, задрожал, но не открылся.

— Ну-ка, еще разок покажи… Только на меня не направляй, чудило! Это же боевая магия!

Дмитрий снова продемонстрировал жест сундуку. Бурт повторил движения Дмитрия.

— Да, — сказал он, — все верно. Но теперь нужно заклинаньице. А оно, я понимаю, здесь.

На третьем файле стоял гриф:

«Сакральная скатология. Опасно для жизни мерностью ниже 90.» Проглядев шедший ниже текст, Дмитрий всплеснул руками:

— Это же «Чердак офицера», я их знаю! Я им даже альбом помогал писать, вот эту самую песню.

— То есть, ты и мотив знаешь?

— Ну да! — Дмитрий напел мотив… И вдруг замер. Именно такой мотив звучал тогда, в зале испытаний, откуда Дмитрия прогнал атсан. Неспроста, ох, неспроста!

— Что стоишь, хозяин? Сон увидел? — Тормошил Дмитрия Бурт.

— Погоди. Эту песню, мою же запись, точно… Они ее крутили, когда свинчивали какую-то хрень из передка шваба.

Бурт присвистнул:

— Точно?

— Точно.

Бурт снова присвистнул. Потоптался на месте, промямлил:

— М-да… Конец всему.

— А что такое? — испугался Дмитрий.

Бурт посмотрел ему в глаза и тихо ответил:

— Атсаны поют универсальную открывалку и развинчивают шваба… Значит, они тоже доперли. Полковник раньше изобрел такую штуку, но решил молчать. Атсаны молчать не будут…

— Ты объяснишь мне, или нет?

Личико Бурта стало злым:

— Кочерыжки варят раскольник… Да ты, я смотрю, не падаешь в обморок. Правильно говорил один из ваших, Платоном звать. Он говорил, что невежды подобны богам: и те, и другие не стремятся к совершенству — правда, по противоположным прчинам. Ты, обезьяна, торчишь здесь уже Ру-Бьек знает, сколько времени, а до сих пор не слышал про раскольник?

Дмитрий ошалело помотал головой. Бурт вздохнул:

— Навар с яиц шваба. Не с тех, о которых ты подумал. С самых обычных. Шваб должен снести яйцо…

— Подожди, — перебил Дмитрий, — я читал о швабах кое-что. Они ведь живородящие.

— В том-то и дело. Про василиска ты хоть знаешь? Петух сносит яйцо, ну и так далее.

— Знаю…

— Так это чушь мандрагорья. Петух не может снести яйцо, а шваб может. Ежели постараться. Песенку спеть. Усек?

Дмитрий молча кивнул.

— Яйцо варят специальным образом, по-хитрому, — продолжал Бурт. — Единственное, что меня успокаивает: у атсанов всегда было туго с алхимией.

— Пусть тебя это не успокаивает, — мрачно ответил Дмитрий, — теперь на них пашет величайший алхимик всех времен и народов.

— Не обезьяна, надеюсь?

— Человек… Но можно сказать, что и обезьяна. Если подумать.

— Бьек! Витая Хора! Едрена Тара! Тьфу! — Бурт аж присел от злости, — получается, мандрагоры сварят раскольник!

— Да что это за раскольник, мать твою? — Не вытерпел Дмитрий.

Бурт поднялся с пола, отряхнул халат и просто ответил:

— Оружие массового поражения, по-обезьяньи выражаясь. Атомную бомбу представляешь себе? Так она — четырехмерная. Всего-то! А мерность раскольника — двести! Двести сраных единиц! Это дракон! Дракона можно пришибить этой штукой! И весь мир. Останется одно Ру-Бьек, оно, вроде, на двести двадцать потянет. Вот и будет блевать в одиночестве. В полном, надо заметить. Ладно, давай песенку петь, хозяин.

Дмитрий обернулся лицом к сундуку и принялся было петь знакомую песенку, но Бурт остановил его:

— Подожди. Авторов надо объявить, заголовок…

— Но авторы другие… Эти, которые тут, вообще не авторы. Просто шутка.

— Кому шутка, а кому — универсальная открывалка, — оборвал Дмитрия Бурт.

— Кому и калькулятор — «пентиум», — проворчал Дмитрий.

Встав перед сундуком, они начали декламировать хором:

— Музыка Александры Шестакофьевой, слова Николая Толстоевского. Песня про подвиг Раскольникова.

Как приятно золотистой рыбке Резвиться в чистой воде!

Павлину в сапфировом небе, А пахарю в борозде!

Мир тонет в пряных цветах по плечи, Лишь ты один в дерьме до сих пор. О, храбрый рыцарь, где же твой меч? Раскольников, где твой топор? Ну, как там бабка? Все еще жива! Ты скоро сдохнешь, А бабка жива! Мы скоро сдохнем, Все скоро сдохнут, Мир скоро рухнет, Бог навернется, А бабка — жива, ать, два! Сундук озарился голубым внутренним светом, резные украшения потеряли твердость и поплыли, словно были вылеплены из тающего шоколада.

— Жест, быстро! — Скомандовал Бурт.

Они показали сундуку обезьяний жест несогласия. Украшения стекли на пол, скрип перешел в оглушительное тарахтение, свет ярко вспыхнул — и померк. Тяжелая крышка медленно пошла вверх и вдруг резко откинулась. Свет, шедший

от сундука, исчез полностью, уступив место желтым лучам сталагмитов. Бурт подскочил к сундуку, попытался достать лапками до верхнего края, но не сумел.

— Подсади, хозяин.

Дмитрий подсадил Бурта, потом вскарабкался сам. У сундука не было дна. Далеко внизу светился аккуратный прямоугольник — шахта выводила в какое-то помещение. Туда спускалась веревочная лестница. Бурт полез вниз, быстро перебирая лапками и для равновесия помогая себе хвостом. Дмитрий, ухватившись за перекладины, тоже стал спускаться. Лестница свисала до самого пола. Проход, мощеный нефритовыми плитами, тянулся в обе стороны до бесконечности. Одну стену занимали ящики каталога — только это уже явно не был каталог открытого доступа. А вдоль другой стены шли полки, по которым были аккуратно разложены всякие предметы. Прямо напротив Дмитрия, например, лежала вечная базука, точно такая же, какую он нашел в «Думе». Но каталог, разумеется, был важнее бирюлек. Бурт ринулся искать все, что известно атсанам про раскольник, а Дмитрий решил не отходить от своего плана. Статья про бар «Дракон» нашлась в ящике «Базука-Безмазонки». Она мало отличалась от той, которую Дмитрий обнаружил в открытом доступе:

«БАР «ДРАКОН», возник во времена Тромпа наряду с Черным замком и транспортной компанией «Авторун». Причина возникновения — битва строителей. Эксперты (Крекс, Пекс, Крибве) полагают, что изначально бар служил местом переговоров воюющих сторон, и лишь позже стал воровским притоном. Другие эксперты (Крабве, Бумве, Фекс и отчасти Фекис) возражают, что бар появился не во время военных действий, а сразу после них, поэтому не мог служить местом переговоров. Клай Бонифаций (Аркона) добавляет к этому свое особое мнение, согласно которому бар создан Тромпом с целью доставить неприятности одному из строителей, но Фекс и Фекис возражают на это, приводя нижеследующие аргументы…»

Аргументы были путаные и не несли никакой информации. Ладно, теперь надо разобраться с «Авторуном» и Черным замком. Черный замок, как выяснилось, тоже создал Тромп, чтобы кому-то насолить, но, в отличие от бара, создал тяп-ляп и насолить толком не смог. «Авторун» же был организован «младшим строителем». Среди грузов, которыми занималась компания, перечислялись платина, бриллианты и «артефакты, имеющие значение для новой, новейшей и прогнозируемой истории». Дмитрий вспомнил про меч, отправленный «Мерлином» в Аркону. «Мерлин», кстати, тоже упоминался в статье, причем курсивом. Значит, по «Мерлину» есть отдельная информация.

Статья, посвященная «Мерлину», была короткой:

«МЕРЛИН-ПРЕСС, многоцелевая компания, созданная одним из строителей за пределами княжества Руника. Эксперты (Зимеля, Дюргве, Тонс и Вебс) утверждают, что место регистрации компании — мир говорящих обезьян. Клай Бонифаций возражает, считая, что компания зарегистрирована в мире немых механизмов. Помимо этого Клай Бонифаций уверен, что создателем и владельцем компании является средний строитель, но, как обычно, уверенность Бонифация не подкрепляется никакими аргументами. Аргументы же Зимели и Вебса состоят в том, что…»Дальше Дмитрий не стал читать. Ему не терпелось узнать, кто такие «строители» и кто такой Тромп. Файл, посвященный битве строителей, лежал между «Бирмой» и «Бифитером»:

«БИТВА СТРОИТЕЛЕЙ, произошла во времена Тромпа в результате спора между тремя братьями. Согласно арконским хроникам, суть спора состояла в сравнении качеств построек, возведенных братьями. Но это мнение следует считать недостаточным, как и любое другое мнение, составленное существами, постигательная мерность которых ниже 150. Именно такое число называет Клай Бонифаций (Аркона), характеризуя строителей. Другие эксперты (Кирк из Егарда, Якобем с Бильреста, Симеон из Полони) утверждают, что мерность строителей превышала 220, но это утверждение — явно фантастическое. Клай Бонифаций, ссылаясь на труд Мартына Хайдебубера «Вопросы проблематики», показывает, что постижение мира более глубокое, чем у Ру-Бьек, невозможно. Впрочем, значение, названное самим Бонифацием, взято явно с потолка. Тем не менее, является очевидным: мерность строителей слишком высока для того, чтобы нормальное разумное существо могло постичь суть их поступков. Ход битвы арконские хроники описывают так: сперва младший брат возвел свою постройку, которая была легкой и передвижной; затем средний брат возвел свою постройку, которая была тяжелой и помещалась на поверхности земли; наконец, старший брат возвел постройку, основная часть которой помещалась под землей. Для суда было выбрано существо мерностью 40, обладавшее специфическими качествами. Арконские хроники утверждают, что данным существом был Тромп, но описываемый ход событий позволяет в этом усомниться. Средний брат осуществил подкуп существа и выиграл спор. Старший и младший братья, не согласившись с исходом спора, также подкупили существо с тем, чтобы то уничтожило среднего брата. Затем младший брат, еще раз подкупив существо, натравил оное на брата старшего. О конкретном результате битвы хроники умалчивают, указывая лишь, что битва окончена не полностью.

По этому поводу Хайдебубер пишет, что…»

Дмитрий пихнул файл на место. Все оказалось завязано на этого Тромпа. Значит, надо о нем прочесть…Но ящик с файлом Тромпа пропал. Не отсутствовал, не был упрятан в какой-нибудь спецхран, а именно пропал! Вот ящик «Траливания-Троеженство», вот другой — «Трон святого Луки-Туберожа». А между ними зияет пустое место, ящик из которого кто-то просто выкрал! Ужас! Дмитрий уныло брел по бесконечному проходу, сбивая на пол какие-то экзешники с полок, пиная ящики, и сдавленно чертыхался. — Эй, больно же! Дмитрий и не заметил, как пнул под зад Бурта. Бурт повалился мордочкой на огромный файл, расстеленный на полу. — Прости, Буртик, случайно. Я тут самое главное проворонил. Украли.

— Ящик-то? Бывает, — Бурт встал, потирая ушибленный хвост, — я тоже наткнулся на пару дырок. Но главное — вот. Весь план подполья, все ходы. Шахты, трахты, хренахты… Да, я и про раскольник нашел, все верно. И про тебя, кстати.

— Что про меня?

— Глянь, — Бурт поднес к носу Дмитрия файл, вырванный с мясом из ящика. — Расписание Недели Приплода. Ты бьешься с каким-то хмырем вечером Последнего дня, голыми руками против самострела. Хмырь — керб. Ты знаешь об этом?

Дмитрий присел на корточки, обхватил голову руками:

— Да, да… Про то, что в Последний день — нет, а остальное знаю.

— И опять не падаешь в обморок? Платон тебе в бок! Ведь если парень хлебнул…

— Знаю! — Гаркнул Дмитрий. — Плевать!

Бурт понимающе кивнул: — Думаешь свалить отсюда раньше. Может, и свалишь. Действительно. А что тебя так прибило-то?

— Тромп.

— Тромп? Да его, небось, давно уж кербы пожрали, Тромпа. Одна добрая память от него осталась. Как он мог тебя прибить?

Дмитрий уселся на нефритовый пол, поджав ноги, и поглядел снизу вверх на Бурта:

— Сведения по Тромпу украдены. Вместе с ящиком.

— Так я тебе все расскажу! — Бурт хлопнул Дмитрия по спине легонькой лапкой, — подумаешь, Тромп! Был такой парень, алхимик. Сначала на ворье работал, даже кличка у него была — Волчек из Предместий. Но потом перешел к князю, получил даже «рыцаря короны» за свою алхимию… Ну, правда, и драться умел, воры научили. Крутой парень, короче. И, главное, драконов чуял по запаху, до сих пор никто этого не умеет.

— Постой! — Дмитрий вскочил, потом присел на корточки и

положил обе руки Бурту на плечи. — Я тоже чую. Мне об этом Нифнир сказал…

Бурт обомлел:- Ты что, ты имеешь в виду…

— Да, я их чую.

— Я не о том. Ты имеешь в виду, что говорил, вот так, как со мной, с младшим строителем?

Дмитрий нахмурился:- Не знаю, что он там построил. Он грузовик водит, и рожа у него наполовину рыжая, наполовину…

— Зеленая, — закончил Бурт, — все верно. Он. Дракон Нифнир, компания «Авторун». Ты про битву-то прочитал? — Да, но…

— Там все должно быть из хроник передрано, больше нигде о битве не говорится.

— Так и есть.

— Истинно так. У братьев мерность какая?

— Сто пятьдесят, вроде…

— Вроде дяди Володи! — передразнил Бурт, — сто пятьдесят и есть. Это мерность дракона. Значит, с тобой Нифнир возится… Так-так…

— А еще я в «Мерлине» работал… — неуверенно добавил Дмитрий. — У Нуфнира! Круто! Так за кого же ты?

На этот вопрос у Дмитрия был четкий ответ:

— За себя, очевидно.

— Правильно. Волчек из Предместий, как всегда, за себя.

— Причем тут… — Начал Дмитрий, но осекся.

— Притом, — усмехнулся Бурт, — драконов, говоришь, чуять можешь? По запаху? Добрая память, хозяин, она хуже чумы. Словил — не отвяжешься. Как у тебя с алхимией?

— Полный ноль, — признался Дмитрий, — зато, вон, Толик вдруг стал светилом.

— Толик?

— Да, мы с ним вместе. Он сейчас тут, у атсанов, я же говорил. Бурт помрачнел:

— Точно, кранты! Сам Тромп варит раскольник для кочерыжек.

— А я?

— И ты. Вы на пару словили память Тромпа. Хрен тертый!.. Ладно, он пока варит, а ты пока воровство чини. Смотри на план. Видишь? В шахтах два жрутера, к ним можно подключиться через детскую…

— Подожди. А третий где?

— Кто?

— Строитель.

— В баре, где же еще?

Дмитрий представил себе бармена. Отец Алмис — дракон? Быть не может. Алмис еще туда-сюда, умная, но жадина-бармен едва наберет двадцатник по этой идиотской шкале.

— Слушай, — нахмурился Дмитрий, — я бы, в конце-концов, почуял… Бармен не может быть драконом.

— Как бы ты его почуял, дурила? Нафнир заархивирован… Заговорен, то есть. Ты его и заговорил, кстати. Бармен… — Бурт хохотнул, — не бармен, а бар!

— Бар?

— Ну да, сам бар. Бар «Дракон» — он и есть дракон. Нафнир. Ладно, кончай болтать, на план смотри. Вот шахты, вот детская, а вот главный узел — под ареной имени тебя.

IV. БУНТ В ПОДЗЕМНЫХ ЧЕРТОГАХ

ГЛАВА 1

— Один раз в год сады цветут… — проникновенно тянули стройные ряды выпускниц сада, — всего один лишь только раз цветут цветы в головах у нас. Один лишь раз, один лишь раз…

Алмис чуть не прослезилась. Почему-то эта песня растрогала ее больше, чем покорно наклоненная головка Фроке и потупленные глазки других выпускниц группы. Сейчас девочки получат свидетельство об окончании сада и отправятся в свой последний год — Срок Зрелости. Стройные шеренги-грядки (девочкам по традиции полагалось стоять в аккуратных горшочках) словно замерли с последним словом, улетевшим под недосягаемый потолок-купол.

— Теперь, дорогие выпускницы, — затянула речь Брундильгнеда, — разрешите от имени нашего дружного коллектива, в котором вы росли все эти долгие годы, коллектива, заменившего вам матерей, пожелать вам стать достойными своего народа — стать почетными матерями, дать жизнь следующим поколениям. Дорогие мои, вы вступаете в нелегкую пору зрелости и плодоношения…

Дальше Алмис уже не слушала. Погрузившись в свои мысли, она разглядывала девочек, искусно замаскировавших яркий макияж для праздника — дешевые блестки, купленные втихаря у рабынь-сестер, разводы фосфоресцирующей краски, граненые стекляшки, налепленные по всему телу в разнообразнейших геометрических узорах, — все это было ловко припрятано под салатовыми балахонами и замаскировано ботвой. «М-да, у людей так же, — грустно покачала головой Алмис, — сколько лет мечтают о взрослой жизни, а свобода-то всего на несколько дней!»

Алмис слышала, что осемененных атсанок с признаками плодов, а их после каждого праздника оказывается где-то около четверти, отлавливают потом в городе специальные бригады старжниц и отправляют на дозревание в закрытые дома-лаборатории. Слухи об этих отрядах и домах ходили самые противоречивые, но подробнее разузнать ничего не удалось.

— Кассинясаки, — Брундильгнеда уже вызывала девочек на помост для торжественной процедуры «раскрытия бутона», — за успешное окончание курса низшего и среднего растениеводства тебе вручается символическое волокно птицемора! Вместо аплодисментов раздалось дружное позвякивание горшочков.

На помост начинали вызывать лучших, остаться последней считалось позором. Атсанка, чье имя выкликала Брундильгнеда,

не торопясь отряхивала корешки и покидала свой горшочек навсегда. Стражница трожественно разбивала горшочек за спиной будущей «почетной матери». Поднявшись на помост, выпускница опускалась перед заведующей на четвереньки. Брундильгнеда брала ее бутон и демонстрировала стражницам-попечительницам. Те проверяли сохранность лепестков. Когда процедура была закончена, Брундильгнеда ловко надрезала соединение лепестков на кончике, и бутон сам молниеносно раскрывался. Выпускницы только слабо ойкали и радостно топали ножками. Затем на рыльце пестика одна из попечительниц ватным тампоном наносила тонкий слой пыльцы, а Брундильгнеда прыскала пару раз аэрозолем-фиксатором, чтобы пыльцу нельзя было смыть втихаря в гидропонной. Все попытки предотвратить неизбежное опыление пресекались самым строжайшим образом.

Алмис даже пожалела несчастных виновато сучивших листьями девчонок, пытавшихся предохраниться с помощью защитных пленочек или просто накапавших что-либо себе в бутон. Их грубо высмеивали, обман раскрывали и осеменяли общим порядком. Напоследок Брундильгнеда так разъярилась, что сорвала с одной из уличенных выпускниц балахон и потребовала публично стереть с тела все стеклышки и краски. Спустившиеся с помоста выпускницы гордо несли яркие лепестки своих цветков, часто превышавших размерами сами головы — поэтому некоторые помогали себе руками. Теперь они становились полноправными членами общества и могли больше не строиться рядами по группам, а свободно кучковаться по пять-десять подруг. Они были больше похожи на изящные орхидеи, чем на грубую мандрагору. И Алмис их стало жалко. Из толпы выпускниц к Алмис подбежала Фроке.

Алмис заботливо спросила: — Ну, как? — Спасибо, — от смущения юная атсанка чуть не выронила свои нежные фиолетовые лепестки, — спасибо за все, наверное, ты была права… Фроке быстренько спряталась за спины стражниц. С удивлением Алмис отметила, что головы стражниц тоже украшены уже раскрытыми или только готовыми к раскрытию бутонами. По сравнению с цветками выпускниц они казались мелкими и блеклыми: жесткие треугольные лепестки обрамляли толстенький короткий пестик.

— Ну что, лаборант, — Алмис почувствовала на плече мощную руку Саскис. — Пойдем, прогуляемся? Бал окончен, банкет продолжается… О-о-ооо-дин раз в год… И-эх! Один раз живем!!! Алмис протянула ей фляжку строфарии, специально припрятанную в просторном кармане праздничного желтого сарафана.

Стражница в два глотка опорожнила фляжку наполовину, довольно чмокнула губными складками и легонько подпрыгнула от удовольствия: — Держись со мной, сейчас гуляния будут. Я тебе все покажу. — Следующим глотком Саскис добила фляжку. — Сегодня самый лучший день, сегодня битва с мужиками! Сладко поежившись, она почесала между листьями ботвы, рядом со своим бледно-желтым бутоном: — Была-не была! Все тебе покажу…

Город кишел, бурлил, роился и толкался. Невольно Алмис растерялась и, не помоги ей Саскис, наверняка перестала бы бороться с хаотическим потоком атсанов, людей, козлоногов и других тварей, норовившим подхватить, увлечь — и утопить. Саскис была буксиром и якорем одновременно. Как маленькая девочка, Алмис вцепилась в ее руку. Неприятное ожидание чего-то висело в спертом воздухе: никогда раньше Алмис не замечала специфического запаха атсанов, сейчас же он стал ей противен.

— Расслабься, — Саскис, сбив с ног пьяного козлонога в высоком бумажном колпаке, потянула девушку к низким дверям. За дверьми несколько ступенек вели вниз, в прокуренный подвал кабака с тяжелыми столами и такими же тяжелыми скамьями вдоль них. Алмис примостилась неподалеку от двери, у края стола, а Саскис, раздавая тумаки вольным рыцарям, эквапырям в выходных комбинезонах и голым по пояс козлоногам, двинулась к стойке — заказать чего-нибудь покушать.

— Я не хочу… — попыталась возразить Алмис, но Саскис уже возвращалась с плетеным подносом. На подносе, окруженные тарелками с сисопьим рагу, выстроились по росту три сосуда — маленькая фляжка «Драконей крови», обычная бутылка строфарии и гигантский кувшин грибного пива.

— Потом не успеешь, — придавив мощным задом зазевавшегося кимора, Саскис села рядом с девушкой, потянулась и расправила ботву. Алмис отметила, что тело стражницы тоже расписано и обклеено разными блестками, но не так аляповато, как у выпускниц. «Атсан-боди-арт!» — Ешь, пока тычинки не созрели! — Саскис придвинула к Алмис тарелку, а сама присосалась к строфарии, — твое пойло лучше!

Помолчали. Алмис нехотя принялась ковырять в тарелке непонятную бурду — здесь не Аркона, рагу из сисопа делать никто не умеет. Интересно, в мире Дмитрия умеют, или там вообще сисопы не водятся? Алмис была в этом мире несколько раз, но никогда не заходила дальше радиорынка — дядя Клай велел торчать там и ждать рыцаря. Впервые Клай Бонифаций явился к Алмис, обычной дочери обычного кабатчика, когда она от нечего делать шарила с домашнего пьютера по общедоступным

сетям. Квадратик с двумя хомячьими головами внутри появился среди бессмысленных строчек конференции по спиртным напиткам.

— Брось эту муру, — сказала одна голова, а вторая прибавила: — Делом займись. — Папа мне то же самое талдычит, — парировала Алмис. — Я тебе именно дело предлагаю, — ответили головы хором, — а не мелкое жульничество, которым пробавляется твой папаша. Ты хоть знаешь, кто я? — Клай Бонифаций, полковник арконской гвардии, если верить Кацу и Хуману…

— Да, — кивнули головы, — их «Каталог иконок» весьма неполон, но меня там просто не может не быть. Дело, предложенное полковником, оказалось обычным, но весьма интересным: ходить по рынкам в разных мирах и толкать пробные программы. Так Алмис начала путешествовать. На пяти разных рынках в мире пиявок она продавала боевой вирус «Тортилла», на центральном рынке Тирании Добра Алмис договорилась с дирекцией о поставке партии То Ма Го — тренажера для ящеров, готовящихся к хирургической пересадке молочных желез. И вдруг — мир говорящих обезьян, Митинский рынок и один-единственный диск, который требовалось вручить одному-единственному покупателю. Алмис поняла, что дело здесь не в деньгах.

Она так прямо и спросила полковника: — Дядя Клай, это что, политика?

Клай Бонифаций ответил странно: — Это мифология. Благодать Высшей Злобы должна течь не где попало, а по проложенному руслу. Русло проложу я.

— Зачем тебе это нужно?

— Мне? — Хомячьи лица в квадратике тоненько захихикали, — мне? Ты что, всерьез думаешь, что я хочу умереть? Иди и продавай диск вот ему, — рядом с иконкой полковника появилось неподвижное изображение парня лет двадцати семи: длинные прямые волосы, глуповатая ухмылка и внимательные холодные глаза. Очень похож на техника из Арконы, который передавал Алмис товар и деньги от полковника, только бороды нет. Так Алмис и оказалась на Мининском рынке, а после — во всем этом дерьме. Клай Бонифаций велел быть подле парня, которого назвал «рыцарем Бытия». Интересно, какая связь между рыцарством, Бытием и Высшей Злобой? Классическая книжка Каца и Хумана «Измерение нормы жизни» туманно определяла Высшую злобу как «возможность легально обойти божественные заповеди». Алмис, тем не менее, согласилась участвовать в мифологической афере полковника и до сих пор не знала,

почему.

— От Арконы до Бильреста Пестик в лодочке плывет,

Тычинка в лаковых ботинках По бережку идет…

И-эх, — внезапно запела стражница, прервав размышления Алмис. — План, значит, такой! — внезапно она перешла на громкий шепот, — слушай сюда. Меня Бруня за тобой присматривать просила. Ну, чтоб чего плохого не вышло. Мужики, они, знаешь, — народ скользкий! Тут держи ухо востро, глаз да глаз нужен, — она снова почесала в основании бутона. Алмис сдержанно кивнула в ответ. Помолчали.

— У нас тут все по дням расписано, — продолжила атсанка. Алмис поняла, что та просто смущается, и ободряюще похлопала ее по зеленой руке: — Что у нас на всю жизнь, вам на неделю?

— Почти. Пока пыльца у мужиков не созрела, — глянув искоса на прошедшего мимо атсана, Саскис продолжила, — пойдем, я тебе конкурс поэтов покажу, потом балет будет, а дальше… — Она снова хлебнула строфарии, — я, короче, тебя оставлю, а ты уж меня не сдавай. Постарайся не попадать в глупые разборки, в городе не ночуй, а вообще — не пугайся. У мужиков каждый год новый шухер, у нас — все будь спокойна! В случае чего, обращайся к любой стражнице. Как стемнеет, встречаемся здесь или у входа. Скажешь, что от меня, помогут. Хахаля своего встретишь, не грусти! Мир узок, как брюхо у Ру-Бьек.

Алмис приняла к сведению, но переспросила: — Разве тычинки еще не созрели? Саскис затрясла ботвой: — Сама не видишь?! Пока девок выпустят, пока те разойдутся… Мужик, он дозреть должен. Вот на конкурс все соберутся, я тебя в ложу отведу, Арена Тромпа, лучшие места. Потом девки танцевать начнут, тут у них тычинки и лопнут. Тогда держись!!! — Мелко задрожав, Саскис вновь пригубила строфарии.

— И что? — Не поняла Алмис.

— Что-что? — удивилась ее тупости атсанка. — Дальше что будет?

— Праздник! — отрезала Саскис, — сама поймешь. Пошли!

Выбравшись из подвала, они двинулись по узкой улочке к большой площади, в центре которой высилась громада арены. Внешние стены Арены Томпа были абсолютно глухими, только фронтон над входом украшал барельеф на тему дедки и репки, как показалось Алмис. Но Саскис объяснила ей, что барельеф изображает пришествие Тромпа к атсанам и его дар — философию Хор-Ти. Согласно этой философии, атсаны — самые высокомерные существа по обе стороны Бильреста, не считая, конечно, Ру-Бьек, Ма-Мин и Строителей. Ну, еще существует Клай

Бонифаций, но арконский полковник появился на свет случайно, искусственным образом, и может поступать, как ему вздумается. Атсаны же обременены ответственностью за всех жителей Вселенной, а в первую очередь — за самих себя. Поэтому жизнь атсанов должна проходить по науке. Особенно это относится к вопросам продолжения рода…

Утонув в мягком кресле, Алмис рассеянно слушала болтовню стражницы и рассматривала зрителей. Здесь, казалось, собрались все обитатели подземелья. На представление не пустили только шахтеров. Лаборанты, жардинеры, рыцари, торговцы, атсаны, атсаны, снова атсаны… На секунду Алмис показалось, что она видит Дмитрия в обществе какого-то важного козлонога. Алмис привстала с кресла, прищурилась, вглядываясь в пеструю толпу, но Саскис железной хваткой вцепилась в девушку и велела сесть на место.

— Ш-шшш! Действие пропустишь!

На круглую арену выбирались самые смелые атсаны. Почему-то это были, в основном, старики, побитые жизнью, с обвислыми худыми бутонами, плохо прикрывавшими зеленые тычинки.

— Молодой козлоног из Арконы Нарушал регулярно законы, — прокричал первый атсан, толстый и неуклюжий. Второй, худой и кособокий, подхватил:

— И на празднике спьяну Отдался атсану…

После чего оба поэта закончили свою импровизацию хором: — Этот глупый козел из Арконы.

Теперь начинал второй: — Как-то раз жардинер Бармалей Получил от урлы…

Последнего слова Алмис не расслышала — оно потонуло в возмущенных воплях зрителей. Первому поэту тоже не понравилось такое начало, и он кинулся на коллегу с кулаками, что-то визгливо выкрикивая. Постепенно Алмис перестала следить за прениями на арене и принялась разглядывать людей внизу. Ей нужен был Дмитрий, а не этот глупый праздник. Заметив, наконец, как рыцарь о чем-то, не торопясь, разговаривает с козлоногом, она собралась покинуть стражницу. Та, затаив дыхание, слушала спор атсанов-поэтов. В ложбинке ее жирного белого пестика скопилась ароматная влага. Влага подтекла к краю бутона и принялась капать на перила ограждения, потом вниз, на головы атсанов. На это никто не реагировал… Пора!

Но пока Алмис пробиралась мимо атсанки, Дмитрий кивнул козлоногу и исчез. Расстроенная, Алмис села обратно на свое место и уставилась на арену. Мужчин сменили дамы, точнее — юные атсанки. Они сверкали своими красками и стекляшками,

позвякивали прикрученной прямо к коже бижутерией. Алмис невольно поежилась, представив такой наряд на себе. Начались танцы: одни атсанки отбивали глухой ритм ногами, другие руками, шелестя распущенной ботвой. Узнав фиолетовый цветок Фроке, Алмис стала внимательнее перебирать лица и фигуры. Точно, там были ее девчонки! Лихо махая цветками направо и налево, все кружились в одном хороводе, завлекая полезжих на арену из первых рядов мужчин-атсанов. По залу пробежал тихий шелест. Воздух наполнился жгучей пылью. С треском принялись лопаться длинные мужские бутоны, выбрасывая наружу тонкие стебельки прорезавшихся тычинок.

— Бьек! — выругалась про себя Алмис, заметив, что Саскис больше с ней нет. Та уже успела сбежать вниз и теперь весело кружилась в одном скопище со всеми на гигантской арене — старжницы, юные девы-орхидеи, старые атсаны и молодые…

— Ксилему тебе во флоэму!!! — Алмис поняла, что начался беспредел, и теперь Дмитрия уже будет невозможно найти. Она рванулась к выходу, рассчитывая перехватить рыцаря возле дверей. Но чтобы добраться до арки, ведущей на свободу, ей пришлось миновать арену…

Больше не было ни арены, ни трибун. Все смешалось в общем танце. «О! Алеле, алеле телебомба!» — Орал над самым ухом девушки старик, кажется — один из поэтов. Ритм пугал своей животной бессмысленностью. В общее шевеление оказались втянутыми не только атсаны, но и эквапыри, десяток козлоногов… Алмис успела заметить извивающуюся в обнимку с пятью молодыми атсанами Крильду. Ее огромные груди колыхались справа налево и одновременно вверх-вниз. Невольно у Алмис зарябило в глазах. Она остановилась и зажмурилась. И тотчас же оказалась подхваченной этим безумным хороводом. В нее вцепилось шестеро атсанов. Их глаза были зажмурены. «О! Алеле, — вновь послышалось над ухом, — телебомба!!!» Алмис оглянулась, пытаясь отыскать Крильду. Один за другим лопались зеленые коконы, высвобождая снопы ярких тычинок. С пестиков атсанок капала вязкая жидкость. Пытаясь стряхнуть ее с себя, Алмис невольно размазала эту слизь по сарафану… И сечас же атсаны принялись тереться об ее ноги своими отростками.

— Крильда-а-аа!!! — позвала Алмис. Но прижатая к стенке Крильда, раскинув в стороны жирные руки, наслаждалась грубыми ласками атсанов: те терлись тычинками по ее груди, бедрам, оставляя коричневатый след от пыльцы и женских выделений. «Матерь кербов! — С ужасом подумала Алмис, — что я здесь делаю?!» И она принялась отбиваться от назойливых кочерыжек. Чей-то шершавый пестик попал ей в рот. Откусив

сладковатую массу, она выплюнула коричневатый сгусток в ближайшее лицо. Лицо принадлежало Дмитрию. Алмис не могла его сразу узнать, так он был перепачкан.

— Пойдем, — Дмитрий отпихнул беснующихся атсанов и поволок Алмис куда-то в сторону. Алмис расплакалась… а потом принялась смеяться. Дмитрий не понял — он был просто зол. Наверное, с кем-то не договорился… Или договорился, но не так… А может, это и есть та самая Высшая Злоба? — Пойдем куда-нибудь, — он провел рукой по волосам Девушки, — тебе надо вымыться.

— Димочка, родненький, — то плача, то смеясь, завывала Алмис, — эти сволочи там Крильду насилуют!

— Они там всех насилуют, — огрызнулся Дмитрий, пытаясь отыскать нужный переулок, — а ей это, между прочим, нравится!

— О-она нн-не пони-иимает! Она добрая, доверчивая… — пояснила Алмис, — все мужики с ней так!

— Сама виновата. Не отставай! — Дмитрий, наконец нашел нужную дверь и протолкнул Алмис вперед. В коридоре четверо атсанов самозабвенно терлись тычинками по одному пестику. Пестик принадлежал толстой стражнице. Атсаны пытались добраться до изящной выпускницы, точнее, до ее алого огромного цветка. Но стражница вместо тонкого хрупкого стебля умело подставляла свой — маленький и корявый. Наконец, пятый атсан, самый ловкий, обошел ее сзади. И ловко пристроился к вожделенному цветку. Пыль роилась над этой группой алыми клубами.

«Странно, — подумала Алмис, — почему пыльца на тычинках темно-коричневая, а в воздухе красная?» Тут Дмитрий грубо поволок девушку дальше, к служебному выходу. Площадь перед ареной была полна почти так же, как сама арена. Козлоноги плясали, словно они тут самые главные атсаны, хватали всех подряд, похотливо вертя длинными языками. Киморы радостно подпрыгивали вверх, похожие на меховые черные мячики. Какие-то пары, не только атсанские, но и самые невообразимые — рыцарь и козлоножиха, седой эквапырь и солидная техник-лаборантка средних лет — пытались заняться любовью прямо на брусчатке, под ногами у танцующих. Дмитрий пер через площадь, наступая на ноги, на руки и на головы, раздавая тумаки и волоча за собой заплаканную Алмис. Наконец он остановился перед обитой стальными пластинами дверью. Чугунные заклепки скрепляли пластины наподобие затейливой вязи. На месте дверной ручки пестрели кнопки кодового замка. Дмитрий чуть замешкался, подбирая нужный код.

— Куда мы идем? — неуверенно осведомилась Алмис.

— В «Аквариум».

— Ку-да?

— В баню. — Распахнув дверь, Дмитрий остановился в тамбуре входного шлюза.

— Куда? — опять переспросила Алмис.

— Куда надо, туда и идем! — огрызнулся Дмитрий, — дверь прикрой, а то не пропустит. Вторая дверь была деревянной, но, вроде, не менее прочной, чем первая. Над дверью свисал овальный динамик. Приятно загудели кондиционеры, очищая воздух от сладковатой примеси пыльцы, налипшей на волосах и одежде.

— Примите, пожалуйста, душ… — нежно проворковал голос из динамика. — Наш салон готов предоставить…

— Заткнись, — прервал Дмитрий, — код «Двойные копыта». — Введи цифровую часть кода, — по-деловому скомандовал голос. С низкого розового потолка опустился стебель, на конце которого, в обрамлении прямоугольных бежевых лепестков, висела клавиатура. Дмитрий отстучал на клавиатуре код.

— Спасибо, щедрый бон. Не желаешь ли воспользоваться золотой карточкой «Аквариума»?

— Желаю. Давай. Клавиатура сморщилась, пошла складками, и из глубины складок выполз золотистый прямоугольник. Как только Дмитрий подхватил карточку, дверь отворилась.

— Долгих тебе наслаждений, щедрый бон, — проворковал вслед голос. Алмис сразу догадалась, что свою «щедрость» Дмитрий у кого-то спер, но спросила на всякий случай: — Ты разбогател?

— Можно сказать, что разбогател. Я теперь владею всем этим подвальчиком.

— Купил «Аквариум»?!

— Нет, нет, — Дмитрий ухмыльнулся, — устроил небольшой сеанс хакинга, взломал кое-какие файлы… Теперь я, можно сказать, владею всем подземельем кочерыжек. Аквариум, фигариум, строфариум… Пошли наслаждаться.

ГЛАВА 2

Длинные ряды общественных кабинок остались внизу, как и бассейн, в котором резвились мускулистые козлоноги. Они перекидывали друг другу визгливого кимора и радостно блеяли. «Наверное, ребята Силена готовятся к большому делу,» — подумал Дмитрий. Скорее всего, это действительно были ребята Силена, самого влиятельного в Рунике торговца оружием.

Силен постоянно жил где-то в Гельвении, но на Неделю Приплода приезжал, разумеется, в город атсанов — не потому, что праздник у атсанов проходил веселее, чем в других городах по эту сторону Бильреста. Просто после праздника атсанские мужчины испытывали взрыв деловой активности и охотно скупали у Силена мощные автоматические стручки, лемуров, стреляющих глазами, и прочие штуки, необходимые, по их мнению, для победы надо всем миром. Дмитрий так и не понял сути той революции, которую вот уже который год готовили атсаны. Впрочем, если дело выгорит, революция будет в очередной раз отложена.

Силен во время праздника веселился вместе со всеми. Дмитрий, порывшись в архивах, знал об этом старом козле все, что необходимо, включая личный коммерческий код для получения суточной золотой карточки «Аквариума». Сейчас Силен едва ли решит наведаться в этот дворец здоровых наслаждений: выловив Силена среди зрителей на конкурсе поэтов, Дмитрий рассказал торговцу о раскольнике. Такой куш Силен не упустит. Сейчас он, очевидно, сидит у себя, в доме, украшенном гербом в виде головы эрлика.

Силену предстоит хорошенько обдумать операцию. Впрочем, Дмитрий уже все обдумал заранее и вкратце изложил торговцу. В главную деталь операции, однако, Силен посвящен не был, точнее, в две детали. Первая деталь состояла в том, что Дмитрий представился торговцу жардинером по имени Кун. Теперь, начни козел трепаться, все концы сойдутся на жардинере, которого Дмитрий решил не убивать на поединке. Нет, носатого кретина надо просто вырубить и спрятать где-нибудь в заброшенных шахтах. А вторая деталь, главная, узнай о ней Силен, повергла бы козлонога в бешенство: Дмитрий решил отобрать у него раскольник.

Таким образом, Дмитрий прятал концы дважды: если врагом мироздания не станет Кун, значит таковым будут считать Силена. А вот митрию такой имидж был бы очень неудобен. Собственно, именно ради этой конспирации Дмитрий и впутал Силена:

физически отобрать раскольник у Толика было проще простого. Ладно, дела начнутся в Последний День. А сегодня, в Первый День, все тело зудит от пыльцы похотливых кочерыжек. Поднявшись над буфетом, где рыцари, накачавшись строфарии, лапали хихикавших секретарш и вольных девок, Дмитрий остановился перед небольшой зеленой дверцей и сунул карточку в щель. Дверь сморщилась, открывая проход в рай, рассчитанный на двоих персон.

— Сюда!

— А… что…? — Алмис слегка поскользнулась на влажном полу.

— Раздевайся! — приказал Дмитрий.

— За-зачем?! — тихо взвизгнула Алмис, зажав в кулачке обрывки желтого праздничного сарафана.

— Мыться будем, — пояснил Дмитрий, выковыривая из ушей слипшуюся массу пыльцы.

— Гадость-то какая! — А-ааа, — протянула Алмис, разглядывая мощные витые колонны из увлапонского синего мрамора, между которыми стелились розовые мясистые лепестки огромных душевых кабин, — мы пришли, так?

— Ага, — Дмитрий положил золотую карточку возле массивного кальяна на резной черный столик и быстренько скинул шмотки в пасть модифицированного жрутера-прачки. — Давай сюда одежду! В детской таких уродов нет?

— Нет, — призналась Алмис.

— А в Арконе, я слыхал, молодых жрутеров знаешь, как используют? В качестве унитазов! Пока у них зубы не прорезались. И называют метко, одну букву в начале меняют — с «ж» на «с».

Алмис хмыкнула и начала стаскивать с себя остатки сарафана. Потом спохватилась: — Отвернись! Но Дмитрий уже скрылся за листьями растения-душа. Ощутив тяжесть человека на нижнем листе, растение перевернуло бутон и окатило Дмитрия тепловатой водой. Алмис осторожно шагнула на лист самого маленького душика. Сбоку набух розовый мыльный отросток.

— Рыцарь, — осторожно позвала Алмис.

— Ну, — Дмитрий раздвинул стенки душа.

— Ты не смотри, — попросила Алмис, не зная, чем прикрыться и надо ли. — Я просто спросить хотела… Про твою благодать…

— Какую? — Ну, на тебя ведь что-то снизошло… Ты не всегда был рыцарем, я уверена.

— А я не уверен! — Важно ответил Дмитрий. Рожу из отверстия между листьями он убирать не спешил.

— Негодяй! — Алмис плеснула ему в лицо холодной водой.

— Ах так! — Дмитрий на минуту исчез, а на Алмис хлынул поток воды из всех раскрытых соцветий. Взвизгнув, Алмис выскочила из кабинки. Дмитрий уже стоял снаружи, босиком на мраморном кафеле, и почесывал низ живота.

— Иди в сушилку, — он кивнул головой в сторону странного переплетения сухих веток, усеянных острыми шипами.

— Издеваешься? — протянула Алмис. Дмитрий храбро шагнул в самый центр переплетения ветвей — и сейчас же на него со всех сторон обрушился поток горячего воздуха.

— Это пустынный шиподуй, — улыбнулся Дмитрий, — обрезанный вариант, привитый к банному дереву.

Алмис пробралась в середку и с удовольствием подставила под воздушную струю свои густые каштановые волосы: — Рыцарь!

— Ну, — Дмитрий, не стесняясь, принялся разглядывать девушку.

— А куда мы теперь пойдем? Дмитрий пожал плечами: — Я могу проводить тебя до детской…

Алмис обиженно надулась: — Мне дали отпуск на весь праздник! Задумавшись, Дмитрий почесал щетину на подбородке.

— Я хочу куда-нибудь!!! — Продолжала зудеть Алмис, — у меня есть новости.

— Какие? — Информацию за информацию, — хитро прищурилась девушка. — Я тебе нравлюсь?

Дмитрий покраснел: — Тебе именно эта информация нужна?

— Ну, если это все, что ты можешь мне сообщить…

— Ладно, пойдем, я тебе «Аквариум» покажу, самые приятные уголки.

— Зачем? — Не поняла Алмис.

Дмитрий рассверепел: — Кто из нас хотел развлечься?! Ты или я?

— Я, — робко кивнула Алмис, — я хотела тебе про тоннели рассказать.

— Ну вот, — Дмитрий вышел из сушилки, открыл узкий деревянный шкафчик, увенчанный лакированными башенками, и достал пару простыней, — там и расскажешь. Возьмем строфарии, поплаваем.

Закутавшись в алую простыню с ног до головы, Алмис послушно пошла за Дмитрием. Дмитрий прикрыл только ноги, чтоб не видно было пояса с короткими ножнами, который он прицепил прямо на голое тело. Из ножен торчала рукоятка кинжала. Широкий ярко освещенный коридор привел к арке, завешанной бархатной портьерой. Дмитрий отодвинул портьеру. В уютном круглом помещении на мягких диванах развалились

беглые рыцари короны. Они о чем-то беседовали, тихо посмеиваясь и иногда прикладываясь к тяжелым золотым кубкам.

Сбоку примостилась стойка, за которой похабно оскалился старый лысый козлоног: — Чем могу быть полезен, щедрый бон… И бона?

— Строфарией с тремя семерками и шестым кабинетом, — процедил сквозь зубы Дмитрий.

— Для боны ничего не желаете? — Козлоног сделал запись в огромном гроссбухе и выставил на стойку пыльную бутыль. Дмитрий двумя пальцами вытащил пробку, понюхал:

— Милейший, — обратился он к козлоногу, — для боны я желаю три семерки, а не три шестерки! Все так же улыбаясь, козлоног выставил другую бутыль. Дмитрий понюхал и удовлетворенно кивнул.

Козлоног выпростал из-под стойки бутон со щелью в сердцевинке: — Вам на час или два?

— На ночь, — буркнул Дмитрий и сунул в щель свою золотую карточку. Потом подхватил бутылку в одну руку, а Алмис в другую. — Пошли!

Козлоног за его спиной восхищенно цыкнул. Стены «шестого кабинета» были обиты шелковыми обоями цвета морской волны и увешаны картинами в тяжелых платиновых рамах: Далил с Бильреста, «Сорок пять обнаженных стражей порядка, изготовившихся для пассивной формы любви»; Петр Карась с Земли, «Сусанна и поляки»; еще раз Карась, бытовая сценка «Сватовство атсана», стиллистика «Передвижников». Подлинники. Венчало коллекцию огромное полотно Якута из Ермунграда — «Смерть перед Рождеством». Все картины были выполнены в багровых, серых и коричневых тонах.

— Ничего себе местечко, — поежилась Алмис.

— Сейчас, — Дмитрий пошарил за каждой из картин, потом заглянул под широкую странно изогнутую кушетку. Вылез он оттуда, зажав в кулаке несколько стебельков «кербова уха»: — Вот, теперь можно разговаривать. А то клопов понавешали… Смотри, тайный ход. — Дмитрий подошел к картине Далила с Бильреста, отсчитал слева девять обнаженных стражей порядка и надавил десятому на глаз. Стена напротив кушетки плавно ушла в пол.

— Пра-ашу! Интимные покои Силена, неизвестные даже ему. Сокрушив конкурентов, Силен не смог сокрушить их секреты!

— Ого! — Алмис с восторгом разглядывала потолок, выложенный мозаикой из полудрагоценных кабашонов, потом перевела взгляд на фонтан: изо рта миниатюрной платиновой рыбки стекала розоватая жидкость, попадая в сложенные

пригоршней ладони, тоже платиновые. Ладони торчали из мраморной плиты, напоминавшей надгробие, только без надписи. Просачиваясь между блестящих пальцев, жидкость достигала выемки в полу. Выемка выглядела одновременно знакомо и парадоксально… Через мгновение Алмис поняла: эта выемка — отпечаток живота беременной женщины! Жидкость, распространяя ласковое журчание и запах пейотля, исчезала в дырочке пупка. Вокруг фонтана по полу были живописно раскиданы желтые шелковые подушки, у стены под картиной стоял резной кривоногий столик, покрытый инкрустацией — три дракона яростно вцепились друг другу в хвосты. А картина, как сразу определил Дмитрий, принадлежала кисти Низорала из Арконы. Называлась она «Опять перхоть»: обнаженный красавец стоит на голубом кафельном полу, позади — листья душевой кабины, точно такие же, как те, среди котрых отмывались от пыльцы Дмитрий и Алмис. Справа от мужчины стоит женщина в черном деловом костюме и глухой белой блузке. Лица мужчины и женщины отрешенно смотрят в разные стороны.

— Умели жить, — Дмитрий откупорил бутылку и поставил ее на столик, прямо на трех драконов. — Правда, это не в моем вкусе…

— Да? — Алмис, ласково жмурясь, развалилась на подушках и принялась разглядывать тяжелые гобелены, украшавшие остальные стены.

На гобеленах были вышиты подвиги Тромпа, но какие-то странные: вот Тромп длинным мечом убивает красивую белую лошадь, а вот он ведет куда-то за собой вереницу мелких зверьков. Трехголовые зверьки во всем, кроме размеров, похожи на кербов. Дмитрий потянулся к картине и ткнул нарисованного мужчину пальцем в правый сосок. Противоположная стена сморщилась и исчезла. За ней находился роскошный бассейн, выложенный нефритом. Бассейн медленно наполнялся голубоватой водой.

— Иди сюда, — позвал Дмитрий, — и бутылку прихвати.

— Мы что, будем плавать вместе? — Удивилась Алмис.

— Нет, мы будем обмениваться информацией! — Дмитрий оттолкнулся от края бассейна и поплыл.

— Ныряй! Здесь можно.

Алмис взяла с подноса, лежавшего под столиком, высокие шестиграные бокалы и разлила строфарии. Она осторожно пригубила из своего бокала — строфария оказалась непривычно терпкой и приятной на вкус.

— Я нашла тоннели, — Алмис присела на край бассейна, осторожно болтая ножками в теплой воде. — Старые тоннели,

совсем старые…

— Ну и что? — удивился Дмитрий.

— Они оплетают город, атсаны ими не пользуются. Там только белые черви. Атсаны могли бы перекрыть или разрушить, чтобы черви не лезли. Но ничего не делают.

— Может быть, кербы? — Дмитрий вспомил Святую Ма-Мин и поежился.

— Нет, кербы копают небрежно, без облицовки, их тоннели бысто рушатся… — Алмис прикончила первый бокал и налила себе следующий. — Их творения не имеют четкой планировки. А эти выстроены по какому-то плану. Я восстановила чертеж. Но его кто-то стер с моего пьютера. Вроде, Бруня стерла, заведующая наша…

— Хм, — Дмитрий подплыл к Алмис, взял у нее бутылку и отхлебнул прямо из горлышка, — ну и что? — Что-что?! — обиделась Алмис, — судя по плану, ходы не были завершены, для полной симметрии не хватает кольца под ареной, там всего шесть ходов, а должно быть двенадцать…

— Ты так все хорошо рассмотрела? — Дмитрий допил строфарию и зашвырнул бутылку в центр бассейна. Образовавшийся водоворот утащил ее куда-то вниз. С тихим звяканьем в стене открылась ниша, в которой появилась еще одна такая же зеленовато-бурая бутыль.

— У меня хорошая память, — пожала плечами Алмис.

— А что ты хотела узнать от меня? — спросил Дмитрий.

— Кто ты, рыцарь?

— Я — вот! — Дмитрий лениво выставил из воды все свое тело, — какой есть. Алмис слегка смутилась и оглядела его тело с ног до головы сквозь строфарию в стакане:

— И все?

— А которая часть тебя интересует больше? Алмис тихонько прыснула в кулачок:

— Ты несерьезен, рыцарь!

— А ты, моя красавица? — Дмитрий шутя схватил Алмис за ногу и стащил в воду.

— Негодяй! — Алмис вывернулась и отплыла подальше, — я с тобой о важных делах говорю! Ее красная простыня поплыла вслед за ней, извиваясь, словно хищная змея. Дмитрий выбросил простыню на нефритовый берег и поплыл вслед за девушкой.

— Я?! Ты хочешь знать, кто я?! Я — Тромп, великий и ужасный!!! Я победил Строителей и засунул их хвосты к ним в задницы!!! Берегись! Тебе не уйти от меня! Алмис весело взвизгнула, выскочила из бассейна и принялась удирать во все лопатки, прячась среди гобеленов и подушек.

— Ты — Тромп? — весело кричала девушка, — не смеши меня, я сечас лопну от смеха! Ты — великий победитель, создавший мир? Ты — гадкий мальчишка, и мерность у тебя не больше десятки!

— Нет, я помню строителей и их нелепые дрязги, — Дмитрий наконец чуть не поймал ее, но Алмис увернулась. — Я помню их дела и жалкие потуги… Я — память. Я — его жизнь!

— Фу, дурак! — Алмис запуталась в своей мокрой простыне. Сгробастав девушку в охапку, Дмитрий хотел прижать ее к стене за гобеленом. Но гобелен затрещал, они кубарем провалились в черное отверстие и выбили хлипкую дверь, ведущую в соседнее помещение.

— Какого…? — Дмитрий выпутался из под алой простыни и уставился на двух голых мужиков, сидевщих за грубым столом. Между мужиками стояла початая бутылка зеленого цвета с надписью «Портвейн». У Дмитрия от тоски защемило под ложечкой:

— Мужики, вы кто?

— Я — Кац, философ-мокрокосмист… — представился первый, бородатый толстяк.

— Ефим Хуман, — коротко представился второй, усатый карлик с кривыми мохнатыми ножками, — а вы чего такой шум подняли?

Алмис отобрала у Дмитрия простыню и с писком сиганула назад, к голубой воде и нефритовому кафелю. Дмитрий остался один на один с мужиками. Присел за стол.

— Портвею?.. — Предложил Кац, уважительно косясь на пояс с ножнами.

— Угу, — Дмитрий принял у толстяка граненый стакан, до краев наполненный приторной отравой, знакомой до боли. Опрокинул залпом. Хуман подлил еще:

— Давно не пили соков Родины, сударь?

Дмитрий кивнул.

— Вот так, — Хуман повернулся к Кацу, — возрастание мерности не убивает старых привычек. Я же говорил вам, коллега, что мерность — это не более, чем внешняя характеристика.

— Ни фига, — возразил Кац, наливая себе полный стакан, — мерность — характеристика сущностная, но не столько для субъекта, сколько для мира в целом. Любой скачок мерности повышает общую энтропию. Глупые поступки оказываются чудесами героизма, а недавняя история оборачивается мифом. Хуже того: даже новейшая история! Многие, например, всерьез уверены, что атсанские хортикультуртреггеры только тем и занимаются, что выносят за жрутерами дерьмо. Или пожалуйста,

послушать, хотя бы, старого пердуна с его мечом…

— Ланселота, — усмехнулся Хуман, — он, как вы правильно заметили, старый пердун, да еще и маразматик, поэтому не может служить корректным примером…

— Какой Ланселот? — Вмешался Дмитрий в ученую беседу.

— Ланс Банник, — хором ответили Кац и Хуман. Кац ткнул жирным пальцем куда-то в сторону:

— Вон он, нашел друзей и вешает им лапшу про Черный Замок.

— Где?! — Дмитрий вскочил из-за стола.

— Да вон же, вон! Действительно, за соседним столом собралась компания, центром которой был не кто иной, как старичок из бара «Дракон». Старичок опирался, словно на клюку, на свой здоровенный меч. И как ему позволили протащить сюда это чудище? Наверное, в пылу праздника действительно приняли за клюку. Накачанные мужики, судя по гербовым татуировкам на бицепсах — беглые рыцари короны, внимательно слушали, как старик, зажмурившись, монотонно проговаривает какой-то текст.

Дмитрий подошел поближе, прислушался…

— Перед нами стала расти громада Черного Замка, — вещал старик. — Чем ближе мы приближались, тем больший трепет внушало это богомерзкое строение. Оно заставляло сжиматься сердца храбрейших. Оно заставляло опорожняться их кишечники. Оно заставляло смеживать веки, дабы не мог коснуться глаз его омерзительных линий. Пусть этот замок вечно снится стражникам тюремного форта в их гнусных подземельях! Ненавижу их! Ненавижу! Выкрикнув это, старик открыл глаза и увидел Дмитрия:

— Как… Спаситель!

Беглые рыцари короны дружно обернулись к Дмитрию.

— Это спаситель, почтеннейшие, — представил Дмитрия старик, — Рыцарь Предместий Дима Фленджер, победитель тридцати рогачей и одного керба.

— Чушь, — один из рыцарей короны, высокий дородный блондин, усмехнулся. Остальные повторили его усмешку.

— Чушь, — повторил первый, — мы, Ланс, с тобою дружим и готовы тебя слушать. Но чтобы шваль предместная победила керба… Да и тридцать рогачей — многовато для такого глиста. Чушь.

Дмитрий только пожал плечами. Он не собирался настаивать на лаврах победителя. Но Ланс ему был сейчас нужен для разговора. Такая удача! Не придется лезть в шахты, старик все передаст братве!

— Почтеннейшие, — Дмитрий отвесил собравшимся легкий

поклон, — мне нужен рыцарь Ланс Банник на пару слов. Это не отнимет…

— Вали отсюда, вали! — Рыцари замахали руками, — вали, пока пинка не получил…

Дмитрий не двинулся с места. — Кто там сказал насчет пинка? — Тихо процедил он, не глядя ни на кого в отдельности.

— Ну, я, — блондин ухмыльнулся, поглаживая усы, лохматым белесым потоком струившиеся из самых ноздрей.

Дмитрий тоже ухмыльнулся. Потом, в один прыжок оказавшись на столе, со всей силы пнул блондина в нос. Белый поток смешался с красным. Не опуская ноги, Дмитрий добавил еще два раза в лоб. Рыцарь повалился с лавки. Дмитрий, перескочив через чью-то вытянутую руку, спыгнул на пол, точнее, прямо на блондина, не успевшего откатиться в сторону. Кулак Дмитрия вонзился блондину в кадык.

Рыцари короны, наконец, поняли, что их товарища вырубили. Они кинулись на Дмитрия гурьбой, опрокинув стол. Дмитрий выхватил из ножен кинжал, полоснул кого-то по лицу, еще у кого-то отхватил ухо. Несколько ударов ногами, прыжок через опрокинутый стол. Рыцари уже пришли в себя — все, кроме троих. Трое валялись на полу, измазанные в крови. Гладко выбритый крепыш схватил стол, поднял над головой — наверное, решил метнуть в Дмитрия. Дмитрий молниеносно подкатился к крепышу, ухватил под колени и дернул на себя. Крепыш неловко дернулся, выронив стол на товарищей. Дмитрий нанес несколько ударов в мощный торс, потом обеими руками поставил блоки на удары коротких рук крепыша и хлопнул его ладонями по ушам. Крепыш со стоном осел. Из его ушей текла кровь двумя тонкими струйками.

Перескочив через стол, Дмитрий слету отключил ударом ноги в висок еще одного рыцаря. Осталось только двое. Они были пьяны и на удары Дмитрия не реагировали никак — ни ответными ударами, ни отключкой. Кажется, драться они полезли чисто инстинктивно. Дмитрий поднял с пола свой кинжал, вытер о чье-то полотенце. Потом повернулся к Лансу. Тот все так же сидел на лавке, опираясь на меч.

— Ланс, — проговорил Дмитрий, придав голосу как можно больше значительности, — пойдем, уничтожим Черный Замок?

— Истинно так, спаситель, — прошамкал старик, — прямо сейчас.

— Нет, — Дмитрий ласково положил ему руку на плечо, — в Седьмой День, запомнил?

— В Седьмой День, — повторил старик. — Передай остальным, как вернешься в шахту. Вечером Седьмого Дня, скажи,

Фленджер велел собраться и ждать. Именно эти слова. Передашь?

— Передам, — Ланс серьезно кивнул. Дмитрий, хоть и знал, что старик пребывает в глубоком маразме, не сомневался: Ланс выполнит поручение. Еще раз легонько хлопнув старика по хилому плечику, Дмитрий направился к выбитой двери, болтавшейся на одной петле. Кац и Хуман продолжали спокойно пить портвейн. Две пустые бутылки уже катались под их столом, а третья была пуста наполовину.

— Дайте хлебнуть, — попросил Дмитрий.

— Попка слипнется… — сказал Кац, но Хуман налил Дмитрию полстакана.

— Спасибо, мужики, — Дмитрий вернул пустой стакан, вытер губы тыльной стороной ладони, — пойду я…

— Подождите, сударь, — остановил его Хуман, — рассудите наш спор с коллегой. Кац утверждает, что раскольником достаточно плеснуть на дракона, чтобы тот исчез, а мне кажется, что надо не только плеснуть, но еще спеть песенку про бабку. Вы как считаете?

Дмитрий вздрогнул. Потом взял себя в руки:- Какой рассольник, мужики? Я не знаю…

— Ну что ж, — Хуман приветливо улыбнулся, — в таком случае, просим извинения. Однако, коллега, — он обернулся к Кацу, — если бы раскольник действовал от соприкосновения, его было бы невозможно хранить. Ведь в любом неживом или живом предмете с ненулевой степенью присутствия содержится частичка того или иного дракона. Кац хлопнул себя по лбу:- Точно! Ты прав, Фима. Наливай.

Дмитрий вернулся к бассейну с голубоватой водой. Алмис мрачно валялась на подушках.

— Опять ты кого-то бил? — Мрачно спросила она.

— Пошли, — бросил ей вместо ответа Дмитрий. — Но здесь неплохо…

— Пошли, я передумал. Надо готовиться к Седьмому Дню. Прости, душа не лежит отдыхать. Вот сделаю дела, тогда…

— Сволочь! — Алмис вскочила на ноги, — скотина! Вали отсюда, я остаюсь!

— Тебя не выпустят без моей карточки, — мягко ответил Дмитрий. — Давай, там уже вещички, небось, выстирались. А в Седьмой День приходи на арену вечером, я буду Куна мочить. Оттуда мы сбежим, кочерыжкам напоследок какую-нибудь гадость устроим…

— Чем тебе не угодили атсаны?

Дмитрий задумался. Действительно, чем?

— Не знаю, — честно ответил он, — но память Тромпа стучит

в мое сердце. — Тромп никогда ничего не имел против атсанов.

Дмитрий и Алмис торопливо прошли через опустевший бар в душевую. Их одежда, аккуратно сложенная, лежала возле кадки со жрутером-прачкой. Дмитрий немедленно принялся одеваться. Алмис подошла к нему вплотную и встала, коснувшись твердым соском его груди:- Рыцарь, так скажи, я тебе нравлюсь?

— Да, да, милая, но сейчас… Вот в Седьмой День приходи, я там покуролесю чуток, а после…

— Не прийду! Ты с ума сошел: чтоб я после этого с тобой… Ты просто кретин! — И Алмис натянула через голову желтый сарафан.

Дмитрий опоясался ножнами поверх камзола, сунул в карман золотую карточку. Почесал щетину на подбородке. Может, и к лучшему, что девчонка не придет? Да, наверное, к лучшему. Хоть и жаль.

ГЛАВА 3

Кабинет председателя Дмитрий переделал под штаб. Вся переделка состояла в том, чтобы увеличить монитор до размеров стены и поставить еще одно кресло для Бурта. Бурт постарался на славу: теперь на мониторе можно было видеть любой участок атсанской сети.

— Детская, — приказал Дмитрий.

— Это не главное… — попытался возразить Бурт, но Дмитрий положил руку на его сухую лапку: — Буртик, извини, но…

— Ладно, ладно, нам, бесполым, не понять.

На мониторе возникло лицо Алмис. Дмитрий облегченно вздохнул, потом улыбнулся: — Привет, милая. Алмис надула губки и молча глядела изподлобья.

— Ты меня слышишь? — Спросил Дмитий.

— Да, — коротко ответила Алмис.

— На поединке будешь? Очень важно, чтобы ты была.

— Не хочу.

Дмитрий приложил гигантское усилие, чтобы сохранить на лице улыбку: — Алмис, деточка, мы же договорились!..

— Тебе не жаль атсанов?

Атсанов Дмитрию было жаль. Он так и ответил: — Жаль. Но у меня планы…

— Это не твои планы! — Вдруг закричала Алмис, — ты что, ты — Тромп? Ты просто поймал его память, да и то — не всю! Ты…

Дмитрий медленно покачал головой: — Дело не в Тромпе. И не в его планах. Мне наплевать на рыцарство, на корону, вообще на весь этот бардак. Я хочу домой.

— А я хочу остаться здесь. На меня тебе тоже наплевать?

— Нет! Тромп не стал бы с тобой связываться, для него все женщины были, как одна. А я — не Тромп. Я хочу с тобой… Тебя… Я, короче, хочу взять тебя с собой. Пойдешь?

Алмис молчала. Дмитрий выключил связь. Бурт подпрыгнул на своем кресле: — Что ты гонишь, хозяин? Да ведь Тромп… Он всю жизнь любил одну и ту же даму, Дульчис из Коростени. Об этом ты не словил никакого воспоминания? Нет? Странно…

Дмитрий ухмыльнулся: — Наверное, словил. Видишь ли, Буртик, это для меня самого, если честно, до сих пор девки все существовали от туфелек до шеи, не выше. Я на лицо вообще не смотрел, трахал, кого попало. Меня даже иногда не Фленджером звали, а Факером. А теперь вдруг… Мне тоже странно. Как ты сейчас рассказал про эту, как ее, Дулю с кистенем…

— Дульчис из Коростени.

— Не важно. В общем, я на Алмис подсел, полностью. Ты, хоть и бесполый, должен понимать.

— Понимаю, понимаю, — грустно ответил Бурт, — это как «Дума». Некоторые кретины играют только в нее, все остальное их не волнует. Дойдут до верхнего уровня и начинают по новой… Кстати, о «Думе». Пора снаряжать твоих гвардейцев.

— Пора, — согласился Дмитрий и вывел на монитор третий этаж. Третий этаж «Думы» состоял из лабиринта коридоров, сходившихся к центральному залу, почти целиком занятому бассейном с кислотой. Посреди бассейна возвышалась платформа, до которой игроку требовалось допрыгнуть, используя реактивный ранец. Когда-то на этой платформе лежал бесценный приз — вечная базука.

— Убрать бассейн, — приказал Дмитрий. Бассейн исчез. Теперь вокруг платформы стелился желтоватый линолеум. — Десять реактивных ранцев, девять ментов, сто секьюрити — в зал. Строиться, ждать меня.

Когда Дмитрий и Бурт спустились на третий этаж, отряд уже ждал. Вдоль одной стены шеренгой по четыре замерли секьюрити. При виде своего председателя секьюрити вытянулись по стойке «смирно», сложив кожистые крылья за широкими спинами. Менты держались от секьюрити поодаль и даже не удостоили Дмитрия взглядом, но он знал, что менты будут работать не хуже крылатых идиотов. Ранцы валялись грудой возле противоположной стены. Рядом с ними такой же грудой были свалены вечные базуки, притащенные сюда еще в прошлый раз из архива.

— Ментам надеть ранцы, — приказал Дмитрий. Менты разобрали ранцы.

Последний ранец натянул на себя Бурт, шипя под нос: — Тоже мне, нашел мента!

— Вольно, взять базуки!

Менты и секьюрити вооружились базуками. Бурт от базуки презрительно отказался.

— Монитор, — Дмитрий пнул сапогом стену, — общий план.

Монитор, возникший на стене, показал план атсанской сети. Разбив секьюрити по отделениям, Дмитрий во главе девяти отделений поставил ментов. Десятым должен был командовать Бурт.

— Внимание на схему, — Дмитрий прошелся вдоль экрана и ткнул в правый нажний угол, — вот «Дума», для ориентации. Точки операций помечены цифрами, от одного до девяти. Задачи у отделений с первого по девятое сходные. Уничтожить защиту, перекрыть все каналы доступа. Менты переводят каждую из

дверей в открытое положение, после чего виртуальные объекты должны быть разрушены. Доложить о выполнении и остаться возле объектов. Пресекать любую попытку восстановления. Максимальное время выполнения — десять минут. Задача ясна?

— Так точно! — Хором гаркнули секьюрити. Менты молча кивнули. Дмитрий подошел к Бурту:

— А ты действуешь, как договаривались.

— Ага, — подтвердил Бурт, — главный лифт настраиваю на тебя, отсекаю каналы, оставляю дуболомов охранять и возвращаюсь на диск.

— Да. Если что не так — все равно возвращайся. Жертвуй только дуболомами, сам под огонь не лезь…

— Какой здесь огонь? Сеть мерностью двадцать, развлечение для слабоумных.

— Все равно. Удачи. — Дмитрий бросил взгляд на потолок: серо-голубой квадрат висел строго над платформой.

— Выход с платформы через окно. Первое отделение, марш! Второе, марш! Третье…

Загудели ранцы, зашелестели черные крылья. Отделения строились колоннами и вылетали сквозь квадрат окна. Последним отправлялся Бурт. Дмитрий повторил:

— Удачи тебе.

— Ты, главное, на девчонку не отвлекайся, следи, — сказал на прощание Бурт и повел своих дуболомов в атаку на главный лифт подземелья. Дмитрий хотел подняться в кабинет, но передумал, остался в пустом зале. Линолеум гасил звук шагов, схема ровно светилась на мониторе. Почему Алмис дуется? Что ей в этих картошках? Дмитрий не мог разобраться в чувствах Алмис, зато прекрасно разбирался в своих собственных, точнее — в чувствах Тромпа. Сам Дмитрий никогда бы не смог испытывать подобных чувств. Это не любовь, точно. И даже не дружба. Это — холодное знание: Алмис должна быть рядом. Алмис нужна. Для чего нужна — вопрос, но Дмитрий был уверен, что вопрос решаемый. Хорошо бы сейчас снова вызвать детскую… На схеме загорелась голубая единица, сразу за ней — двойка и четверка. Остальные цифры зажглись практически одновременно. Двери открыты. А как там Бурт? Бурт молчал… И тут весь экран заняла мохнатая испуганная мордашка: — Хозяин! Тут такое!..

— Быстро назад!

— Не могу!

— Минут пять продержишься?

— Может, десять. Не больше.

— Я сейчас. — Дмитрий бросился к лестнице на второй этаж. Новый вирус, полностью готовый, лежал на своем помосте.

— Двадцать секьюрити! — рявкнул Дмитрий. Секьюрии возникли с грохотом, уже построенные шеренгой вдоль стены, увешанной полками. Вооружены они были обычными базуками, но мотать в архив за вечными времени не было. — В колонну по два, двигаться за вирусом. Помехи уничтожать.

Прыгнув на сидение, Дмитрий опустил колпак и вывел схему сети на небольшой монитор посреди приборной доски. Теперь надо отключить хвост: это риск, но иначе секьюрити не смогут видеть вирус. Синий квадрат находился там, где полагается, посреди потолка, увеличенный еще с прошлого раза. Дмитрий рванул рычаг, и вирус, пронзив окно, вылетел в пустоту. Интерфейс слежки был восстановлен еле-еле, никаких перегородок, только открытые всем ветрам площадки. На площадках никого — народ бузит в городе. Все правильно. Проведя пальцем по монитору, Дмитрий отметил путь от площадки до контроля главного лифта. Палец оставлял на мониторе зеленый светящийся след.

— Запомнить, — приказал Дмитрий вирусу и дал по газам.

Вирус следовал по проложенному маршруту. На экране заднего обзора виднелись постные рожи секьюрити — дуболомы не отставали, старательно работая крыльями. Со всех сторон мелькали ошметки полупрозрачной пленки, покореженные лестницы, ведущие в никуда, временные канатные мосты. Пару раз вирус нырял в тоннели, расчищенные среди завалов. Дмитрий вновь подивился мощности бомбы. По одному из канатных мостов двигалась белая фигура — какой-то техник решил, видно, поработать. Дмитрий не хотел тратить на него время, но секьюрити, не сбавляя скорости, дружно прицелились и дали залп. Мост вместе с фигурой исчез в облаке пламени. Наверное, сейчас этот техник катается по полу, схватившись за башку, если вообще жив остался. Лететь еще две минуты. Дмитрий понял, что успеет кое с кем связаться. Силен, как и договорились, торчал в игровой директории своего пьютера и раскладывал пасьянсы.

— Ну? — Спросил он, вскинув белесые брови.

— Рога гну, — ответил Дмитрий, — вперед. Бабки не забудь приготовить.

— Святое дело! — осклабился Силен, показав неровные розовые зубы.

Дмитрий отключился. В динамиках прокатился мелодичный звон — вирус подлетал к цели. Балкон контроля за главным лифтом, как ни странно, почти не пострадал при взрыве, даже перила остались целы. Но на балконе творилось неладное. Дмитрий ожидал увидеть толпы защитных чудовищ, но вместо чудовищ балкон был забит туманными бесформенными телами,

похожими то ли на сугробы, то ли на огромные комки манной каши. Трое секьюрити защищали от них Бурта, который съежился возле вскрытого пульта контроля.

Секьюрити, следовавшие за вирусом, рассыпались цепью и, не дожидаясь команды, открыли огонь. «Сугробы» сморщились и потеряли подвижность, но было ясно, что это не надолго: как только огонь ослабевал, «сугробы» начинали приходить в себя. А ведь скоро в базуках кончатся заряды. С вечными же базуками было только трое дуболомов… Нет, уже двое. Вытянув ложноножку, «сугроб» прихлопнул ею одного из секьюрити, защищавших Бурта. Заложив вираж, Дмитрий вмыл над «сугробами» и, перелетев их, опустил вирус возле Бурта. Откинул колпак… И тут услыхал конское ржание. На миг в глазах потемнело, руки отказывались двигаться. Бурт был уже рядом, тормошил Дмитрия:

— Быстрее, хозяин, рвем отсюда! Это Мамаша, у нее мерность сто пять, быстрее! — и он сам задвинул колпак.

— Ма-Мин… — прошептал Дмитрий.

— С какой стати, — начал Бурт и тут замолчал, уставившись Дмитрию в глаза. Дмитрий медленно кивнул. Потом поднял вирус. Экран заднего обзора побелел — «сугробы» сорвались с балкона и бросились в погоню.

— Вниз, вниз, хозяин! И хвост вруби.

Вдвоем в кабине было тесно, Дмитрий с трудом дотянулся до кнопки управления хвостом. Включив, наконец, хвост, он резко вильнул в сторону. Сугробы, облепленные со всех сторон дуболомами, некоторое время двигались по прежней траектории, но потом все разом свернули и продолжили преследование.

— Они нас видят! — Процедил Дмитрий.

— Не нас, а тебя, — поправил его Бурт, — ты, оказывается, керб. И не отнекивайся…

Дмитрий не отнекивался.

— Ладно, хозяин, раз ты керб, у нас есть выход. Правда, если б ты крови не пил, то и выхода искать не пришлось бы… Направо сейчас. Дмитрий нырнул в темный тоннель. За стеклом колпака ничего не было видно, но путь высвечивался на экране.

— Ты хоть разбавлял? — Спросил Бурт.

— Нет.

- Пишите письма. Кобыла не уймется, пока не сделает из тебя примерного папочки… Сворачивай!

Узкое ответвление скоро кончилось, вокруг была пустота, замусоренная плавающими в невесомости обломками.

— Вон видишь, вниз налево, светится, — показал Бурт, — туда. Дмитрий сверился со схемой:

— Сервер жрутерного парка.

— Точно.

Влетая под освещенную арку, Дмитрий бросил взгляд на задний экран. Из черного отверстия тоннеля одно за другим вылетали белые облачка. Секьюрити исчезли.

— Догоняют, — Дмитрий поджал губы.

— Не ссы, хозяин. Я знаю место, куда их не пустят.

— А нас?

— Должны, вроде…

Справа и слева мелькали двери. А спереди обозначился тупик с крохотной дверцей.

— Куда теперь? Заблудились?

— Ни фига. Долби стену пушкой.

На передней турели вируса, как и в прошлый раз, была установлена вечная базука. Дмитрий вдавил пальцем кнопку гашетки. После пятого выстрела стена рассыпалась. Впереди раскинулся сад…

— Карточные деревья! — Удивился Дмитрий.

— Я же говорил, побродим еще здесь.

— Это сюда, что ли, Ма-Мин не пускают?

— Нет, нет, жми на газ.

Так… Ручеек, мостик… Позади появились «сугробы» — почти рядом. — Наверх, резко! Вирус взмыл к низким облакам. Над облаками было небо, твердое и блестящее. А в небе — широкий люк. Вирус нырнул в люк, сбив носом крышку, и снова оказался в полной темноте. Бросив взгляд на экран монитора, Дмитрий с ужасом обнаружил, что экран пуст.

— Жми, хозяин, жми. Монитор работает, просто мы это место не рисовали.

— А почему?

— Потому что это уже не атсанская сеть. Видишь, справа синенькое? Туда.

Вблизи «синенькое» оказалось гигантским прямоугольником, расчерченным белыми строчками. Дмитрию этот прямоугольник показался смутно знакомым, но он не успел ничего разглядеть — вирус проскочил сквозь прямоугольник и вновь оказался в черной пустоте. Справа и слева тянулись, изгибаясь под прямыми углами, светящиеся линии.

— Вдоль той, зеленой, — показал Бурт.

Вирус проносился мимо каких-то массивов, хожих на сложные висящие без всякой опоры небоскребы. Зеленая линия подходила к одному из небоскребов и терялась в темной квадратной пасти входа. Позади опять возникли «сугробы». Дмитрию казалось, что он слышит ржание… Нет, вовсе не

казалось: ржание доносилось из динамиков!

— Нравишься ты старой кобыле, — усмехнулся Бурт, — сейчас осторожно, третий поворот налево, по желтой ветке. Не промахнись.

Но Дмитрий, несмотря на предупреждение, чуть не промахнулся. Желтая ветка возникла неожиданно и пошла от зеленой влево под прямым углом. Вирус занесло на повороте и кабина наполнилась мускусной вонью. Эту вонь Дмитрий не мог не узнать.

— Дракон!

— Да! Да! — Заверещал Бурт, — сворачивай, козел!

Дмитрий выровнял ход вируса, вонь исчезла.

— Мы что, — тяжело дыша, спросил Дмитрий, — мы залезли в сеть какого-то дракона?

У Бурта на тонких губах появилась странная улыбка:

— А ты не узнал, хозяин? Мы же в «Мерлине»! Жми, давай, скоро оторвемся! Дмитрий поперхнулся:

— Это ты… Ах ты, ушанка с говном! Ты меня к Нуфниру…

— Заткнись и веди машину. Скоро выход, оттуда сразу вниз.

Небоскреб «Мерлина» кончился неожиданно, Дмитрий сразу вошел в пике. И снова поперхнулся:

— Так мы уже… — Не на Рунике, — охотно подтвердил Бурт, — ты жми, давай, скоро еще круче будет. Впереди видишь, всякая дрянь копошится?

Далеко внизу двигались, наползая друг на друга, ровные белые линии.

— Ныряй в эту кучу и выравнивайся.

— Разобьемся…

— Нет, нет. Покрушим тут чуток — да не жалко. Треп бестолковый…

Дмитрий не понял, о чем толкует Бурт, но решил во всем его слушаться. Вирус врезался в белую толчею, словно раскаленная пуля в куль сахарной ваты.

— Выравнивай, выравнивай… Вот так, теперь жми.

Белые линии не оказывали вирусу никакого сопротивления. Приглядевшись, Дмитрий понял, что линии представляют собой строчки текста: *«Какой для вас идеал члена? Толстый-тонкий, длинный-короткий…»* — спрашивала ближайшая строчка. На нее наползала другая: «*Да они все примерно одинаковые.»* Первая не унималась: «*…мягкий, твердый, упругий, хрупкий…» «Ну мягкий-твердый — это зависит от возраста и от желания.»* — Отвечала вторая. Ее пересекала третья: *«От чьего возраста? Мужчины, женщины или члена?»* Первая строчка гнула свое: *«Так вот и ответьте мне, какой он должен быть, член?»* Тут на нее кинулись

остальные: «*Длинный член — короткая жизнь.» «Обратное верно?» «Да, чем больше живешь — тем короче член.» «Тогда женщины все бессмертны.»*

Дмитрий понял, что уже где-то это все читал. Совсем недавно. Бурт перехватил его взгляд:

— Не отвлекайся. Через «Фидо» идем…

— Верно! — Обрадовался Дмитрий, — сеть «Фидо», конференция по сексу! Старая, кстати… Бурт рассердился:

— Так и что глазеешь тогда? Личинка на хвосте! «Сугробы» кувыркались далеко позади — вирус, как выяснилось, куда легче резал острым носом дурацкие строчки конференции. Вот перед самым колпаком проплыла очередная — и разбилась. Но Дмитрий, все-таки, успел прочесть: *«Педик Рипал — лучший корм для Вашего друга.»*

— Давай выше, — мрачно скомандовал Бурт.

Дмитрий забрал круто вверх, строчки за стеклом колпака встали стоймя, но Дмитрий, выгнув шею, умудрялся читать: *«Гадость ваш оральный секс! Мы ж этими штуками, простите, писаем…» «А ты посмотри с другой стороны,* — отвечала соседняя строчка, — *тьфу, какая гадость это ваше писанье! Мы же этими штуками, простите, трахаемся. А потом после этого еще и писать!»* Строчки были перевиты третьей: «*Терпеть не могу. Противно и кисло. Это вон Боруздина с Рухлинской давятся, но глотают. А меня хрен заставишь, не поддаюсь. Давай лучше об анальном поговорим?»* Дмитрий сам не заметил, как снизил скорость. Отрезвило его тихое ржание из динамиков, сразу заглушенное визгом Бурта:

— Газу! Газу! Извращенец двуполый! Тебе что, секса мало в жизни? Ща попадешь к личинке — будет тебе секса выше крыши, по самые помидоры! Бурт суетливо размахивал ручонками, пару раз даже заехал Дмитрию по лицу. Дмитрий утопил педаль газа, но через несколько секунд снова притормозил:

— Погоди, этого я еще не видел.

Строчка вилась красивой спиралью: «*Меня тоже возбуждают поверхности воторго порядка! Но далеко не все…»* С ней чувственно переплеталась другая: *«Сексологи утверждают, что женщин возбуждает, когда их обзывают матом. А мужчин, почему-то, нет.»*

— Газу!!! — Бурт взвизгнул так, что у Дмитрия заложило уши.

Ржание в динамиках утихло — «сугробы» увязли в дискуссии по оральному сексу. Но Дмитрий решил, что, действительно, слишком увлекся. Пора отсюда выметаться. У выхода из конференции висел в пустоте огромный плакат:

Дмитрий прошил его насквозь.

— Куда теперь? Вирус летел на полной скорости. Темнота начала понемногу редеть.

— Пятно видишь слева? Красное такое… Туда.

Сперва Дмитрий решил, что опять оказался внутри жрутера, но сразу вспомнил, что жрутеры на Земле не растут. Да и обстановка вокруг была совсем другая: какие-то клочья свисают тут и там, беспорядочные прозрачные трубы, по которым течет густая жидкость… В багровом свете все это выглядело отвратительно.

— Мембрана впереди, — предупредил Бурт, — стреляй.

Впереди виднелась круглая оранжевая мембрана. Дмитрий сделал всего один выстрел — мембрана лопнула, открывая путь в новое странное место. Теперь все вокруг было оранжевым: деревья, извилистая река, даже трава.

— Вдоль реки, — Бурт, наконец, успокоился, голос его звучал ровно. — Там беседка на берегу, над ней бери вверх.

Река сделала крутой поворот. В излучине на самом берегу действительно стояла круглая беседка, окруженная оранжевыми кустами. Дмитрий потянул на себя рычаг и направил вирус вертикально вверх, к оранжевому небу, посреди которого была налеплена круглая желтая мембрана.

— Пли, — коротко процедил Бурт.

Желтая мембрана разлетелась, как и предыдущая, от первого же выстрела. Дмитрий провел вирус через отверстие — и чуть не потерял управление: в желтом мире бушевал ураган. Вирус повело в сторону, Дмитрий еле избежал столкновения с желтой стеной какого-то странного здания без окон.

— Выше! Выше! — Заверещал Бурт. Движок оглушительно взвыл и закашлялся. Кругом в опасной близости тянулись глухие стены. Слава Богу, стены были не сплошные. Когда очередное столкновение казалось неминуемым, стена оборвалась и ураган понес вирус вдоь прямой улицы.

— Выше! — Опять взвизгнул Бурт.

Кругом потемнело. Дмитрий скосил глаза: улица терялась в какой-то темной дыре с рваными краями.

— Выше! — молил Бурт, — только не туда! Этот хмырь воскрешает мертвеца, колдун хренов! Вирус неумолимо сносило к дыре. — Рыцарь, ты же керб! Сделай что-нибудь!

— Что?! — В отчаянии крикнул Дмитрий, — движок сдает!

— Представь себя кербом!

И Дмитрий представил себя кербом, тяжелым, чешуйчатым, правда — всего с одной головой… Ураган сразу утих, а мир потерял свой цвет, превратившись в графическую схему. Рядом с Дмитрием, нелепо открыв рот, замер Бурт. По идее, вирус тоже должен был замереть — шум движка, действительно, перешел в ровное тиканье. Но, против ожидания, скорость вируса не уменьшилась. Вирус ровно пошел вверх, к желтому небу, на котором, словно некое жуткое светило, висела зеленая мембрана. Эта мембрана сдалась после третьего выстрела. Вирус вынырнул из круглого люка в мраморном полу огромного собора. Схема исчезла из глаз Дмитрия, сменившись обычным видом… Если, конечно, есть что-либо обычное в массивных зеленых колоннах, поднимающихся к такому же зеленому сводчатому куполу. Колонны были невероятных размеров — каждая в обхвате не менее ста метров. Бурт ожил:

— Кербом! — Пискнул он, и сразу улыбнулся, — во, получилось. К куполу правь.

Купол сходился к мембране небесно-голубого цвета. Когда до мембраны оставалось совсем чуть-чуть, из динамиков вновь послышалось ржание. Далеко внизу «сугробы» один за другим выскакивали из люка. Дмитрий надавил на гашетку. Первый выстрел, второй, третий… Ржание все громче, «сугробы» все ближе… Четвертый выстрел, пятый… Неожиданно мембрана лопнула, и на вирус обрушился поток воды. Движок взвыл, и вирус, преодолевая поток, влетел в толщу голубого моря. Когда круглое отверстие в песчаном дне осталось далеко позади, двигаться стало легче: сигарообразное тело вируса все быстрее скользило сквозь чистую воду к поверхности. Поверхность была темно-синей.

Дмитрий палил, не отпуская гашетки. «Сугробы» уже появились на экране заднего вида, но двигались медленно — казалось, вода всеми силами сопротивляется их движению. Но синяя поверхность не поддавалась. Ржание в динамиках звучало все громче… Наконец, поверхность пересекли трещины. Огромный кусок, оторвавшись от синей плоскости, начал медленно падать прямо на вирус — Дмитрий едва успел вильнуть в сторону.

Образовавшееся отверстие оказалось достаточно широким. А за ним начиналась синяя пустота. Пустоту эту бороздили по всем направлниям строчки текста — такие же, как в похабной фидошной конференции, только абсолютно непонятные. Дмитрий даже не пытался их читать, он несся вверх, к едва заметному на синем фоне фиолетовому кругляшу. Эта мембрана оказалась такой же хлипкой, как и первые — после первого выстрела она

исчезла, не оставив даже клочков. Вирус стремительно поднимался по прямой фиолетовой шахте, в конце которой что-то ослепительно сверкало.

— Сбавь ход, — приказал Бурт. — Но… — Сбавь, говорю. Дальше надо вежливо. И убери палец с гашетки.

— Но как…

— Вежливо, вежливо. Последняя дырка, самая трудная. Так… Еще медленнее… Стоп.

Дмитрий завис возле столба огня, бившего прямо из стены шахты. За столбом виднелась последняя мембрана, похожая на золотой цветок с семью лепестками.

— Но как… — снова начал Дмитрий. Бурт его перебил:

— Как повезет.

— Кому? Ржание в динамиках нарастало. Зловещие комки манной каши подбирались все ближе, на лету выпуская ложноножки.

— Нам, надеюсь, — вздохнул Бурт, — ждем.

Сугробы надвигались. Ржание стало нестерпимым, оно победно гремело — не только из динамиков, но и вообще со всех сторон. Огненный столб чуть накренился… Аккуратно обогнув вирус, столб уперся в ближайший «сугроб». Ржание перешло в хрип — и стихло. Сугроб обуглился, потом рассыпался облачком пепла. Остальные «сугробы» полетели вниз, похожие теперь не столько на сугробы, сколько на глыбы сероватого камня. Огненный столб вернулся на место. Бурт хмыкнул:

— Нас пропускают, их — нет. Как и обещано. Давай, малым ходом… Да не трогай гашетку, идиот!

Вирус проплыл сквозь золотую мембрану свободно, будто ее и вовсе не было. За мембраной начиналось чистое небо.

— Аккуратнее, — приговаривал Бурт, — не сбей никого…

Дмитрий обогнул овальное облачко, оглянулся… и обомлел: на облачке стоял аккуратный коттедж, крытый черепицей.

— Выше, выше… Вот так, — Бурт облегченно вздохнул, — все, выше некуда. Выравнивай.

Вирус принял горизонтальное положение. Дмитрий огляделся. Внизу расстилалось бескрайнее поле облаков. Поле это было довольно густо застроено: коттежди, богатые кирпичные особняки, уютные бревенчатые хибарки. Вдалеке виднелась роща.

— К деревьям лети… Не торопись, расслабься. Любуйся видом — не скоро еще сюда попадешь.

Вирус неторопливо шел над разноцветными крышами. Но умиротворяющий пейзаж не радовал Дмитрия: что-то свербило внутри, какое-то странное воспоминание — или вопрос… Наконец, вопрос оформился:

— Слышь, Буртик…

— Слышу, — Бурт откинулся на спинку и, лениво прищурившись, глядел куда-то вперед, — эх, здорово тут!

— Слышь, погоди. Что ты там говорил насчет колдуна? Я не колдун… Да ты ведь и не про меня, вроде, говорил… Бурт почесал свой нос-ключик:

— А, да, это когда мы манипуру пролетали…

— Что?..

— Чакра такая. Манипура называется. Чакра власти. Дмитрий поморщился:

— Да плевать мне, как она называется. Кого ты колдуном называл?

— Ну, хмыря того. Сквозь которого мы летели. Он колдуном оказался, мертвеца пытался оживить. Тут мы ему под хвост и… Короче, если бы нас в трупец засосало, то так бы мы там и остались. Мертвеца оживить еще никто не сумел, тем более — мы колдуну все чакры перемесили вирусом твоим… Хороший, кстати, вирус: у колдуна мерность — полтинник, не меньше, а ты его прошил, как осиновым колом. Молодец…

Дмитрий и раньше догадывался, в чем дело, но никак не хотел в это верить:

— То есть, мы уже не в киберспейсе?

— Да уж давненько.

— Постой. Ты хочешь сказать, что мы сейчас в живом человеке? Бурт рассмеялся:

— Рыцарь, ты даешь! Да мы же выскочили из него только что!

— А куда? — Оторопело спросил Дмитрий, хотя уже знал, куда.

— Вниз погляди, сам поймешь, — сквозь смех ответил Бурт.

Теперь вирус летел над рощей. Среди деревьев по облакам гуляли люди в белых балахонах, похожих на лаборантские рубахи. Некоторые, увидев вирус, принимались радостно размахивать розовыми ладошками. В кустах, не обращая на людей внимания, лежал огромный лев и флегматично наблюдал за пасущимся неподалеку оленем. Дмитрий сделал несколько глубоких вдохов и выдохов.

— Не веришь — не надо, — Бурт весело хлопнул Дмитрия по плечу, — забирай чуть правее, к зеленым облакам.

Вскоре облака действительно приобрели зеленоватый оттенок. По этим облакам тоже кто-то гулял… Дмитрий присмотрелся повнимательнее:

— Атсаны!

— Верно, — согласился Бурт, — почти у цели. Ищи брешь в облаках.

Брешь обнаружилась минут через десять — темная, зловещая.

— Давай туда.

Дмитрий направил вирус к бреши. Брешь вела в бурую шахту. По мере снижения стенки шахты становились все темнее, а сама шахта — все шире. Никаких мембран на пути не было.

— М-да, — философски заметил Бурт, — как всегда: туда тяжело, а обратно — проще простого.

Шахта незаметно исчезла, кругом зияла пустота, в которой кувыркался какой-то мусор… Какой-то? Очень даже знакомый мусор! Дмитрий узнал интерфейс, порушенный бомбой.

— Приплыли, — подтвердил Бурт, — тормози. Дальше я сам.

Вирус повис среди обломков и полупрозрачных хлопьев. Бурт откинул колпак:

— Значит, так. Не тяни. Личинка сейчас, думаю, еще кувыркается по твоей любимой конферюге, но через какое-то время опять будет здесь. Я пошел к диску, а ты вирус утопи, а сам — через катапульту.

Дмитрий кивнул. Бурт перескочил через бортик и врубил реактивный ранец. Повисел немного возле вируса, подмигнул Дмитрию и, развернувшись, полетел к громоздившимся в темноте завалам. Дмитрий опустил колпак и направил вирус вертикально вниз. Там, внизу, дно. Чудовища, рыбы… Не дожидаясь, пока рыбы всплывут его встречать, Дмитрий нажал кнопку катапульты.

На этот раз катапультирование прошло спокойно. Только мелькнули перед глазами кербы, на которых сидели верхом все те же Капитан с Боцманом — но сидели молча и смотрели не на Дмитрия, а прямо перед собой. А потом кербы с бандитами исчезли, уступив место благоухающей пустоте. Входной интерфейс. Дмитрий аккуратно снял с головы бутон. Из стебля пьютера торчал язычок дисковода, на котором серебрился диск. Значит, Бурт тоже добрался нормально.

ГЛАВА 4

Входные корни виселибезвольными плетьми — менты и секьюрити поработали на славу. Дмитрий пронесся мимо испытательного стенда, даже не бросив взгляда на копошащихся у верстака лаборантов. Лаборантам плевать, как висят двери. Техникам, может, и не плевать: техники сейчас, небось, сражаются с бравыми ребятами из «Думы». Зато атсаны все в городе. Атсаны сегодня дурные. Последний день Недели Приплода, самый веселый.

Но Дмитрий все равно решил не рисковать: ни одна душа не должна связывать похищение раскольника с его именем. А где же похитители? Ребят Силена что-то не было видно. Ладно, в конце-концов, не получится так не получится. Главное — самому сделать ноги. И прихватить своих. Толик, мурлыкая под нос песенку без меллодии и слов, осторожно переливал темно-бурую дымящуюся жидкость из пузатой колбы в другую такую же колбу, заполненную алой вязкой массой. Соединяясь друг с другом, масса и жидкость исчезали.

Дмитрий подождал, пока колбы в руках у Толика не опустеют окончательно, потом сказал: — Пора.

Толик поднял сияющие глаза: — Получилось! Смотри: эфирное тело врожденного маньяка я растворml в стандартной жидкой плоти, соединил с гневом богов — и они исчезли! Вместе с плотью, вот что! Тут вся плюха в том, как растворять гнев богов…

— Пора, — повторил Дмитрий.

Взгляд Толика потускнел. На Дмитрии не было лаборантской рубахи. Камзол стражника без знаков отличия, под камзолом — куртка на голое тело. Вместо удобных рейтуз Дмитрий натянул джинсы. Из-за спины торчат рукоятки мечей.

— Ты уверен… — начал Толик и запнулся.

— Я уверен, что пора.

— А получится?

Дмитрий кивнул. Толик тоже кивнул:

— Да. Но…

— Но он никуда не пойдет. Ты тоже.

Дмитрий медленно обернулся. У входа в закуток Толика стоял Лакатош, держа обеими лапками боевой стручок. Дуло стручка смотрело Дмитрию прямо в лоб. Лакатош держал стручок твердо, стоял, чуть расставив ноги и упираясь в пол кончиком сильного хвоста. Вместо лаборантской рубахи на эквапыре сейчас был надет серый комбинезон хортикультуртрегера. Дмитрий

улыбнулся:

— А я думал, что хорты только говно за жрутерами выносят. Лакатош тоже улыбнулся:

— Удобная байка, не правда ли, рыцарь?

— Твоя правда, крысенок, — согласился Дмитрий и, не дожидаясь приказа, поднял руки. Но Лакатош сразу догадался, зачем Дмитрий это сделал:

— Лучше опусти, — он слегка повел стручком вверх-вниз, — а то еще случайно выхватишь тесаки да и порежешь кого… Вот так. А теперь скажи, каковы твои отношения с Куном.

Дмитрий пожал плечами, стараясь не выпустить на лицо хищную ухмылку:

— Сегодня я его убью.

— А если он тебя? — Подал сзади голос Толик.

Лакатош покачал головой, шмыгнул черным носиком:

— На этот счет я бы не стал беспокоиться. Разбавленная кровь керба действует слабее, чем чистая, да и тренирован ты чуток получше… рыцарь. Ты убьешь Куна, чтобы никто не узнал, какое ты давал ему поручение.

Дмитрий притворно нахмурился:

— Кун дурак. Я бы с ним ни за что…

— Вот именно, — перебил Лакатош, — дурак. Он не ведает, что творит и чем это для него кончится. Он не знает, кто такой Силен. И в то же время идет к нему с неким предложением…

Дмитрий нахмурился еще сильнее: — А кто такой Силен?

— Ты знаешь.

Дмитрий поджал губы, склонил голову на бок.

— Знаешь, знаешь. И сейчас…

Локатош не успел закончить. Снизу послышались крики, хлопки стручков, звон стрел. И цоканье многочисленных копыт по кафелю. Ребята Силена пришли за своим сокровищем. Брови Лакатоша поползли вверх, руки, сжимавшие стручок, дрогнули: — Так ведь… Ох!..

— Что?! — Дмитрий изобразил самый искренний испуг.

— Бьек! Не может быть! — Лакатош на секунду отвлекся, бросил взгляд вниз. Бравые козлоноги, обвешанные стручками и самострелами, гортанно блея, переворачивали лабораторию вверх дном. Лаборанты сопротивлялись слабо. На помощь лаборантам подоспели техники. Эти были покруче… Но козлоноги были еще покруче. На Силена работают настоящие профи.

— Раскольник! — Пискнул Лакатош. — Гнида!

Смертоносная очередь семян, вылетев из дула стручка, разнесла вдребезги несколько колб и банок на столе Толика. Самая большая банка взорвалась, словно бомба: из брызг зеленой

слизи, перемешанных с осколками стекла, выпал пузатый гомункулус и с визгом заскользил по полу в направлении камина. Толик чудом остался цел — семена прошли в нескольких сантиметрах от его плеча. Дмитрий тоже остался цел: когда Лакатош выстрелил, он был уже в воздухе — развернувшись в прыжке, ударил эквапыря в грудь каблуками обоих сапог. Следующая очередь прошила потолок, на пол посыпалась каменная крошка. Приземлившись в низкой стойке, Дмитрий сделал подсечку. Лакатош упал на спину, попытался нанести удар хвостом — но промахнулся. Рука Дмитрия, извиваясь, словно змея, проникла к горлу эквапыря, пальцы сомкнулись на тонкой серой шейке. Другая рука уже держала стручок.

— Бьек!.. Рас… — пробормотал Лакатош, теряя сознание.

— Кольник, — закончил за него Дмитрий и обернулся к замершему Толику, — Оппенгеймер хренов! Ты хоть знаешь, что ты сварил для кочерыжек, а?

Толик сорвал с носа очки и принялся их протирать полой халата. Дмитрий подскочил к выходу, глянул вниз. Лаборанты уже были перебиты. Техники не сдавались, но дрались так себе: половину козлоноги уже перестреляли, другая половина, пять человек, сгрудилась за верстаком и вела огонь из самострелов. Сверху было видно, что пока четверо козлоногов демонстративно уворачиваются от стрел, еще четверо тихонько обходят верстак, держа наизготовку стручки. Надо торопиться. Дмитрий проверил пульс Лакатоша: пульс был ровный, но слабый. Авось, головорезы Силена не станут добивать полудохлую крысу. Но Толика надо вытаскивать. И обеспечить козлам доступ к «сокровищу». Снизу раздались хлопки стручков. Осталось минуты две, не больше. Лишь бы Толик не уперся рогом. Дмитрий встал, подошел к Толику вплотную, взял за воротник:

— Ты хочешь, чтобы твое варево попало к этим?

— Атсаны… — начал Толик.

— Потсаны! — передразнил Дмитрий, — я не про них! Козлы в лаборатории! Понял?

Толик снова водрузил очки на место. Значит, пришел в себя. Но еще не до конца. Этим надо пользоваться. Дмитрий снова тряхнул приятеля: — Где?

Толик кивнул на камин. Потом аккуратно высвободил воротник халата из руки Дмитрия, подошел к камину, сделанному в форме страшной рожи, и запустил палец роже в правый глаз. Низкий чугунный лоб рожи поехал в сторону, открывая небольшое углубление, в котором тускло блестела запаянная реторта:

— Вот.

Дмитрий замер. В его планы вовсе не входило спасать раскольник от козлов. Теперь надо протянуть время… Но тянуть не пришлось. От двери послышалось довольное блеянье. Здоровенный козлоног целился в Толика из стручка. Дмитрий пальнул в козлонога из стручка, отобранного у Лакатоша: целиться времени не было, пришлось стрелять с бедра. Попал. Козлоног, вопя, покатился вниз по лестнице. Дмитрий еле поборол искушение схватить реторту. Вот она, высшая сила!.. Нет, нельзя. Если хоть кто-то догадается, что Дмитрий к этому причастен, за ним начнется такая охота, что спастись можно будет, только устроив конец света. Подхватив Толика под локоть, Дмитрий поволок его к выходу.

— А как же… — Не понял Толик.

— Черт с ним! Валим отсюда!

По леснице поднимались еще два козла. Дмитрий срезал их из стручка, потом ухватился за грузовой корень, крикнул Толику: — Держись!

Толик вцепился в мохнатую веревку корня, чувствуя, что именно в этом его спасение. Дмитрий дернул корень со всех сил, одновременно оттолкнувшись ногами от стены. Корень пошел вверх. Еще несколько толчков ногами — корень начал раскачиваться. Козлоноги, бранясь, открыли пальбу, но никак не могли попасть по качающейся мишени. Внезапно снизу раздался радостный хохот: «сокровище» найдено! Пальба сразу прекратилась. Достигнув верхней технической галереи, приятели устремились бегом вдоль периметра зала. Козлоноги не обращали на них внимания: они получили то, зачем пришли, и теперь покидали зал через все еще бездействующие двери.

Нырнув в темный узкий коридор, Дмитрий поволок Толика вниз по кафельным ступенькам, потом долго тащил его через заброшенный тоннель, перескакивая через шпалы, пока не наткнулся на вагонетку.

— Садись.

Толик послушно перелез через бортик и скрючился на куче гнилой травы. Дмитрий, уцепившись за специальные рукоятки, встал на подножку и надавил на тормозную педаль. Вагонетка, скрипя, покатилась под уклон. Из стен осыпалась земля. Торчали какие-то корни — судя по всему, не движущиеся, а самые обычные. Светящаяся паутина на потолке озаряла лишь самое себя, не давая возможности разглядеть даже то, что творилось под носом. Дмитрий боялся, что не заметит того места, где рельсы рассыпались от времени… Нет, разглядел, затормозил вовремя.

— Вылазь.

Снова бег по шпалам, потом вверх по земляным ступеням, вниз по ступеням кафельным, коридоры, повороты… Свет. Последний коридор вывел на галерею, тянувшуюся над праздничным городом.

— Понял! — Обрадовался Толик, — я здесь уже был! Но…

— Но с другой стороны, — закончил Дмитрий.

Толик кивнул — и смущенно замолчал. Снова сорвал очки, хотел протирать, но Дмитрий положил ему руку на плечо:

— Ты, конечно, не пойдешь со мной.

Толик молчал.

— Отвечай вслух! — Дмитрию нужно было, чтобы Толик собрался с мыслями. И четко ответил: да, мол, хочу остаться с кочерыжками. Толик не подозревал, насколько Дмитрию сейчас нужен именно такой ответ… Или не Дмитрию, а Тромпу? Но ведь Толик в некотором смысле и сам — Тромп. Он может взбрыкнуть, ответить что угодно.

Но Толик не подвел:

— Да, знаешь…

— Знаю, — облегченно ответил Дмитрий, — знаю.

Они обнялись.

— На поединок заглянешь?

Толик брезгливо поморщился. Дмитрий улыбнулся:

— Тогда прощай.

— Совсем?

— Нет, еще увидимся. И… в общем, не вари ты эту гадость больше. Даже для кочерыжек. Видишь, что получилось? Вари лучше пиво.

— Ты прав, — Толик серьезно кивнул, — пиво лучше. Ох! Бьек! Мне же надо…

— Да, беги на хортипост, скажи, козлы сперли раскольник. Это серьезно.

— Еще бы! Ну, я пошел, вроде…

Дмитрий мягко развернул Толика в правую сторону и подтолкнул в спину:

— Давай быстрее, ближайший спуск как раз к посту. А я тоже пошел.

— Дим…

— Дуй быстрее! Увидимся, не боись.

И они разбежались в разные стороны. Дмитрий знал, что Торкве сейчас бузит в городе, лезет к девкам со своими старческими тычинками, ломкими и кривыми от постоянного пьянства. Придется пешком. Подошвы сапог легко стучали по кафелю, мечи укреплены в ножнах, диск с Буртом лежит на дне кармана. Дмитрий бежал к ближайшему вертикальному корню,

который опустит его в город. Итак, надо залезть в шахты и вывести оттуда братву — если эти остолопы послушались и не пошли в город. Иначе их хрен сыщешь. Ладно, предположим, все сойдет нормально. Тогда уже с братвой — к Силену, якобы за деньгами. Силена придется убить: он может разболтаться. Разумеется, Силен уверен, что имеет дело с неким Куном… Но ведь никто не поверит, что Кун воскрес из мертвых.

М-да, из мертвых. Прежде чем лезть в шахты, надо уладить еще один небольшой вопрос. Победить голыми руками вооруженного ублюдка, обожравшегося кербовой крови.

ГЛАВА 5

Дмитрий встретился глазами с Алмис. Улыбнулся. Алмис тоже попыталась улыбнуться, но тут кто-то сильно толкнул ее. Издали не было слышно, что крикнула Алмис, но судя по ее лицу, крикнула что-то забористое. Толпа запрудила галереи Арены Тромпа. Сама арена была уставлена кадками, из которых, скаля пасти, торчали жрутеры. В основном это были списанные жрутеры, годные только на то, чтобы жрать. И они немедленно сожрут любого, кто упадет к ним. Этим «любым» должен стать Кун.

Противники стояли на узкой крепкой балке, перекинутой через арену почти над самыми жрутерами, на уровне третьего этажа. Два нижних этажа заполнили атсаны, им жрутеры не страшны. Остальная публика — люди, киморы, козлоноги — толпилась на верхних этажах арены, поднимавшихся почти к самым небесам подземного города.

Дмитрий с опаской поискал среди козлоногов ребят Силена, но рассчет оказался верным: сейчас они слишком заняты, чтобы торчать на народных гуляниях. Даже исход поединка едва ли волнует торговца: Дмитрий запросил так мало, что Силен с удовольствием заплатит — и еще столько же пропьет на радостях. Так что, Силену наплевать, явится к нему жардинер или сгинет в пасти жрутера. Дмитрий облегченно вздохнул и вдруг снова увидел Алмис. Она прижимала к груди объемистый сверток — камзол, джинсовка, мечи и, главное, диск. Улыбнулась, наконец! Дмитрий издал хищный рык, высоко подпрыгнул и, сделав двойное сальто, упал в косой шпагат, вытянув ноги вдоль балки. Потом, не помогая себе руками, втал прямо. Публика завыла от восторга: Дмитрий знал, что в большинстве своем зрители ему сочувствуют, хоть и поставили на Куна.

И тут Кун, оскалившись, тоже подпрыгнул, сделал сальто, но опустился не на ноги, а на руки. Качнулся в сторону, перебирая руками, пролетел под балкой, чуть не угодив ногой в потянувшегося к нему жрутера, снова оказался на руках — и, согнувшись пополам, аккуратно встал на ноги. Распрямился, усмехнулся… Публика снова взвыла: Кун начинал ей нравиться. Меч торчал у Куна из-за спины, самострел и колчан были надежно прикреплены к широкому кожаному поясу.

Дмитрию предстояло сразиться без оружия. Он стоял, голый по пояс, джинсы заправлены в сапоги. Перед боем Кабрион, исполнявший роль судьи, придирчиво осмотрел все, что осталось на Дмитрии: джинсы, сапоги, чуть в трусы не полез — но

застеснялся. А зря: именно в трусах Дмитрий кое-что припрятал. Риска тут особого не было: если бы Кабрион обнаружил заначку, то просто изъял бы ее и, погрозив пальцем, напомнил, что нечестная победа карается смертью. Но Кабрион проморгал. А если вдруг припрет, то все угрозы можно послать куда подальше: лучше победить нечестно и потом спасаться от стражи, чем честно полететь в пасть жрутера.

Теперь, после Куновского кульбита, Дмитрий понял, что заначка может пригодиться. Кровь керба, хоть и разбавленная, явно пошла жардинеру на пользу.

Со стороны судейской ложи протянулся гибкий корень с плетеной корзинкой на конце. В корзинке сидел Кабрион. Он размахивал руками, тряс бородой и вещал громким басом, перекрывая гомон публики:

— Два героя! Два героя! Один — раб, другой — жардинер. Раб против жардинера! Раб — рыцарь, жардинер — деревенщина!..

При последних словах Кабриона Кун нахмурился. Кабрион явно симпатизировал Дмитрию и убивал этими словами двух зайцев: подбадривал рыцаря и злил жардинера, надеясь, что тот со злости совершит какую-нибудь ошибку. Но Дмитрий понимал, что козлоног старается зря.

Кабрион достал со дна корзинки овальный медный гонг и колотушку из черного дерева. Бом-м-м!.. Первый удар. Корзинка взмыла к верхним этажам, бас козлонога донесся с небес:

— Последние ставки! Кто поставит на рыцаря? Благородство против здравого смысла! Я сам поставил на деревенщину! Стрела пробьет любую кожу, даже самую белую! Меч пустит любую кровь, даже самую голубую!

Бом-м-м!.. Второй удар. Корзинка пронеслась на бреющем полете над разинутыми ртами списанных жрутеров.

— Ставки сделаны! — Провозгласил Кабрион. — Поставили все! Все, кроме наших милых цветочков! Цветочки в любом случае будут сегодня сыты. А теперь…

Корзинка плавно подплыла к судейской ложе, Кабрион поднялся во весь рост:

— Теперь посмотрим, чего стоит наш здравый смысл, — сказал он нормальным голосом.

Публика замерла. Слова Кабриона, вроде бы негромкие, прокатились вдоль переполненных галерей, унеслись к бутафорским небесам и, отразившись от них, вернулись обратно отчетливым эхом. Подняв руки с гонгом и колотушкой над головой, козлоног свел их вместе последний раз.

Бом-м-м!..К затухающему звону примешался резкий свист —

Кун выпустил первую стрелу. Стрел Дмитрий мог не опасаться: с последним ударом он превратился в керба. Публика этого не заметила, зато Дмитрий прекрасно видел, как сквозь пестрые краски проступает схематический чертеж — зеленым по ядовито-желтому. И через неподвижное пространство чертежа медленно плывет стрела. Чуть посторонившись, Дмитрий вытянул руку и поймал стрелу. Кун не торопился выпускать следующую стрелу. По его спокойной улыбке Дмитрий понял, что жардинер не надеется на самострел. Но согласно правилам, сперва надо расстрелять весь запас стрел, а уже потом браться за меч.

Ухватив стрелу, Дмитрий размахнулся и метнул ее назад. И тут Кун выпустил вторую стрелу — навстречу первой. Стрелы столкнулись. Дмитрий услыхал тихий щелчок на фоне низкого гула. Кувыркаясь, стрелы медленно полетели к жрутерам. Ничего, переварят.

Третью, последнюю, стрелу Кун пустил вверх. Не дожидаясь, пока стрела завершит свой бессмысленный полет, он отшвырнул самострел и выхватил меч. Двигался жардинер быстрее собственной стрелы, но при этом не слишком ловко. Дмитрий подпрыгнул, пропуская Куна под собой, и поймал на лету возвращавшуюся стрелу. Правила позволяют отнимать у противника оружие — так пусть этим оружием будет стрела. Опустившись на балку за спиной Куна, Дмитрий позволил тому развернуться. Низкий гул нарастал, становился все громче. Сперва Дмитрий думал, что это шумит толпа, но теперь засомневался: сквозь гул доносилось еле слышное конское ржание. Неужели…

Кун вновь бросился в атаку. На этот раз Дмитрий низко присел, надеясь, что жардинер об него споткнется — впрочем, надеясь не слишком сильно. Кун прыгнул, выставив перед собой меч, словно жало. Меч чуть не воткнулся Дмитрию в плечо — помогла выставленная вовремя стрела. Меч скользнул в сторону по гладкому древку… И тут древко не выдержало, обломалось. Дмитрий, выпустив обломок стрелы, еле успел спрыгнуть с балки, пропуская Куна. Повис на руках, несколько раз перехватил балку, стремясь отодвинуться от противника подальше, потом закинул на балку ноги и через мгновение уже был сверху. Кун тоже только что поднялся.

— Что, — спокойно спросил он, — ты, я вижу, успел хлебнуть из поливалки. Давно ли?

— Сегодня утром, — ответил Дмитий, напустив на лицо гордую гримасу.

Кун ухмыльнулся: А ты в курсе, что от этого не только реакция возрастает?

Кун, хоть он и быдло, вполне может знать про Ма-Мин… Но Кун имел в виду совсем другое: Сейчас у тебя днище пробьет — будь здоров! А я подожду.

Дмитрий с озабоченным видом запустил руку себе в штаны и нащупал заначку — тяжелый чугунный шарик, который раньше был вшит в его комзол. Кун, разумеется, понял этот жест по-своему:

— Думаешь закидать меня дерьмом? Я на хуторе у отца столько дерьма перевидел — тебе за всю жизнь не навалить…

— Такого ты еще не видел, — Дмитрий вытащил из штанов руку с зажатым в кулаке шариком.

Для публики и судей — пустых зеленых фигурок на желтом ватмане мира — все это происходило настолько быстро, что едва ли кто-нибудь смог хоть что-то разглядеть. Но Кун тоже пока ни о чем не догадался. Он спокойно ждал, пока Дмитрий кинет в него свой снаряд. Дмитрий сделал два шага вперед — Кун не двинулся с места. Дмитрий начал медленно замахиваться, но не доведя замах до конца, резко метнул шарик противнику в голову. Кун слишком поздно понял, что за «дерьмо» в него летит. Он подпрыгнул и спас голову, но шарик все равно достиг цели, влепившись жардинеру в солнечное сплетение. От боли Кун потерял ориентацию и не заметил, как Дмитрий прыгнул вслед за шариком, разворачиваясь на лету.

Кованая подошва сапога ударила жардинера в лоб. Пролетая мимо балки, Кун вытянул руки, пытаясь уцепиться, но удар Дмитрия был слишком силен. Длинное тело, вращаясь, поплыло к разинутым пастям прожорливых цветов. Внезапно жрутеры устремились к своей жертве, все разом… Точнее, устремилась сама арена. Гул перешел в рев — теперь Дмитрий точно знал, что дело не в толпе. Кун еще не закончил полета, но под ним уже не было ни жрутеров, ни самой арены: на месте арены зияла рваная дыра, в котрой клубился серый туман. Конское ржание отчетливо звенело у Дмитрия в ушах. Никаких сомнений: Кун, пивший кровь керба, летел прямиком в объятия чудовищной невесты.

Кругом кувыркались осколки кадок и оранжевые клочья жрутеров, разорванных взрывом. Оранжевые? Да, контуры «чертежа» стали меркнуть, осколки и клочья двигались все быстрее. Дмитий понял, что «завод» кончается. Где же Алмис?..

Алмис стояла у поручней возле того места, где балка крепилась концом к галерее. Девушку больше никто не толкал — зрители, отпрянув от поручней, давили друг друга возле немногочисленных выходов. Некоторые пытались лезть по головам, но срывались, падали вниз. На других галереях творилось то же самое. Судейская ложа опустела. Перескочив

через поручни, Дмитрий оказался возле девушки, выхватил у нее из рук свою одежду и мечи. Когда он защелкнул последнюю пряжку портупеи, время уже текло с обычной скоростью. Алмис вздрогнула:

— Ты?

— Я, я, — успокоил ее Дмитрий.

— Ты мне чуть руки не оторвал! — Прокричала Алмис Дмитрию в ухо.

Кругом стоял дикий ор, вопли людей мешались с писком киморов и истошным блеяньем козлоногов, атсаны на нижних галереях одновременно пытались давать друг другу отрывистые команды. Может, из-за всего этого гвалта Дмитрий не слышал больше конского ржания… Нет, это ржание невозможно заглушить. Глянув вниз, Дмитрий не увидел никакого серого тумана — Ма-Мин, получив жертву, исчезла. Зато вместо мамаши появились детки: из дыры на оставшуюся часть арены, усыпанную выпавшими с галерей зрителями, карабкались два самца. Толпа у выхода, казалось, не становится меньше. Новые и новые неудачники срывались вниз. Кто-то из них уже попал кербам на зубок — а может, не кербам, а уцелевшим жрутерам. Вопли становились все громче и все отчаяннее. Дмитрий еще раз выглянул за поручни…

И понял, что этот мир без его стараний, сам собой, катится черт знает, куда: на кербах сидели всадники. Серебристые камзолы, высокие ботфорты и отсутствие на приплюснутых макушках вечных фетровых кепок не сбило Дмитрия с толку. Он узнал этих всадников — хоть и не желал верить собственным глазам: верхом на кербах сидели Капитан и Боцман!

На секунду Дмитрий подумиал, что все еще находится в виртуалке, катапультируется и видит глюки… Нет. Все слишком реально, хоть и невероятно.

Всадники сердито погоняли кербов пятками, но кербы, обнаружив море свежего корма, не желали думать ни о чем, кроме трапезы. Зрители все сыпались и сыпались — корма было много. Дыра в центре арены, как теперь видел Дмитрий, была не слишком глубокой. На ее дне виднелись чуть колышащиеся оранжевые бока полудохлых провалившихся жрутеров… А собственно, откуда взялась эта дыра?

— Тоннели!

Алмис сразу все поняла: — Да, священные тоннели.

— Ты помнишь схему? Постарайся!

— Зачем…

— Быстрее, дура!

Алмис не обиделась — не тот случай. Она чуть нахмурилась,

прочертила в воздухе пальцем непонятную фигуру…

— Все не помню. Но если идти отсюда туда, — она махнула в сторону судейской ложи, — то попадем прямо в шахты.

«Ага, — улыбнулся про себя Дмитрий, — дверь номер четыре. Мы с думцами ее тоже на всякий пожарный обслужили.»

— Пошли, — он перелез через поручни на балку и протянул руку Алмис. Девушка отпрянула, но тут же снова была прижата к поручням взбесившейся толпой. Дмитрий, выхватив меч, рубанул им пару раз. Толпа чуть отступила. Алмис кивнула и перелезла к Дмитрию. Дмитрий сунул меч обратно в ножны и, осторожно переступая по узкой балке, повел Алмис к самой середине.

Никому не было до них дела: толпа спасалась, кербы самозабвенно работали челюстями. Только Капитан поднял голову:

— Вон он! Вон! — Заорал Капитан и выхватил из-за пазухи какой-то блестящий предмет. Керб не обращал внимания на крики своего всадника, но так не могло продолжаться до бесконечности.

Внизу, на дне ямы, громоздились дохлые жрутеры… Не совсем дохлые: по некоторым оранжевым тушам пробегала дрожь последней агонии. Все равно:

— Прыгаем!

Алмис кивнула.

И они прыгнули. Жрутер мягко спружинил под ногами. Следующий жрутер вяло чмокнул жирными лепестками. А вот и твердая земля. Сверху, из дыры, перекрывая вопли, явственно слышался хруст костей, перемалываемых мощными челюстями. Кербы продолжали трапезу.

— Туда! — Алмис потянула Дмитрия за собой.

Когда они отбежали в темноту шагов на двадцать, позади раздался мощный взрыв. Наверное, Капитан пальнул из своей штуки. Тоннель начал осыпаться. Беглецы неслись во весь дух, а за их спинами обрушивались земляные своды. Через некоторое время своды перестали рушиться, кругом была полная темнота. Тоннель полого уходил вниз. Дмитрий надеялся, что Алмис ничего не перепутала. Земля под ногами становилась все более сухой и твердой, в воздухе чувствовался запах каменной крошки. Так пахнет в шахтах. Впереди возникла тусклая световая точка. Дмитрий резко остановился, прислушался… Нет, ржания не слышно. Вперед!..

Свет проникал сквозь завесу мертвых корней. Дверь номер четыре. Раздвинув корни, беглецы оказались в широком коридоре, вдоль потолка которого тянулась цепочка осветительных капель. Алмис облегченно вздохнула:- Шахты.

Слева коридор кончался тупиком, в котором были кучей свалены кирки, а справа изгибался пологим поворотом. Дмитрий двигался медленно, держа мечи наготове. Алмис бесшумно ступала следом. За поворотом открывалась широкая низкая зала. По низкому потолку, поддержанному деревянными «быками», беспорядочно наляпаны капли. Вдоль дальней стены тянется узкоколейка, на рельсах сгрудились неподвижные вагонетки. Возле вагонеток сидят какие-то люди, скорее всего — шахтеры. Охраны нигде не было.

Дмитрий пихнул мечи в ножны. Некоторые шахтеры лениво обернулись на тихий лязг, но никто не вскочил. Тем более, никто не собирался угрожать. Среди людей Дмитрий разглядел гигантскую фигуру алмаста… Впрочем, наплевать: алмасты не злопамятны.

Дмитрий и Алмис подошли к шахтерам поближе. Шахтеры внимательно слушали старичка — того самого!

— Ланс! — Обрадовался Дмитрий. Шахтеры зашикали:- Не мешай, мужик. Тут такая телега!..

Старый Ланс сидел, поджав ноги, на краю вагонетки, словно петух на насесте. Сходство с петухом усиливали длинный крючковатый нос Ланса и руки, которыми он нелепо размахивал.

Шахтеры вновь обернулись к Лансу, но тот замолчал. Алмаст, недовольно урча, начал чесать себе спину всеми четырьмя руками.

— Забыл? — Участливо спросил молодой парень. Парень развалился в пыли, прислонясь к колесу вагонетки. — Ничего, давай сначала.

Дмитрий понял, что пока Ланс не доскажет свою байку, его не отпустят. Драться с шахтерами он не хотел — и незачем, вроде, да и усталость давала себя знать: ноги казались слепленными из ломкой тяжелой глины, по всему телу бегали жгучие мурашки. Примостившись возле паренька, Дмитрий закрыл глаза.

— Ах, почтеннейшие, — завел свою шарманку старый Ланс, — любой задрипанный менестрель, любой пономарь отставной споет об этом лучше меня в сотни раз…

— Давай, давай, не тяни, — загалдели шахтеры.

Ланс тоненько кашлянул, почмокал губами: — Извольте. — Сказал он тихо и вдруг взвизгнул: — Сорок нас было! Сорок!

Шахтеры затаили дыхание, только алмаст, было слышно, сопит с тяжелым бульканьем, да капает где-то вдалеке вода.

— Сорок, без меня… — Продолжил старик. — Я собрал под своим стягом лучших из лучших! Вот их имена: Сэр Громыжек Будейовицкий, его меч по прозвищу Душегуб и его шваб по имени

Тигр. Сэр Пистадон, его меч Неистовый Рубака и его самоходная колесница Летучий Титан. Сэр Тевтон Ахеронский с мечом Баламут…

Пока старик перечислял имена всей своей армии, Дмитрий приоткрыл глаза и украдкой взглянул на Алмис. Девушка улыбалась. Наверное, она слушала эту историю в тысячный раз.

— …Сэр Брандус Подколодный с мечом Парабел и я… — Ланс закончил перечисление и перевел дух.

Кто-то передал старику бутыль со строфарией. Приложившись к горлышку, старик сделал затяжной глоток. Пустую бутыль он швырнул за спину. Шахтеры, понял Дмитрий, готовы простить старому маразматику что угодно. — Мы выступили на рассвете. Солнце переливалось в каплях росы на зарослях лапотника и второцвета. Петухи встречали нашу армию задорным: «Ко-ко-ко!». Буренки салютовали нам своими хвостами и пускали в нашу честь длинные струи мочи. И вся эта пастораль не допускала и мысли о грядущем поражении.

— И вот, — в голосе Ланса исчезла старческая дрожь, сменившись торжественной бархатной глубиной, — перед нами стала расти громада Черного Замка. Чем ближе мы приближались, тем больший трепет внушало это богомерзкое строение. Оно заставляло сжиматься сердца храбрейших. Оно заставляло опорожняться их кишечники. Оно заставляло смеживать веки, дабы не мог коснуться глаз его омерзительных линий. Пусть этот замок вечно снится стражникам тюремного форта в их гнусных подземельях! Ненавижу их! Ненавижу! — Ланс плаксиво закашлялся.

Парнишка, сидевший рядом с Дмитрием, проворно вскочил и звонко хлопнул старика по сутулой спине. Тот продолжил: — Но мы бестрепетно продвигались вперед! Под копытами наших коней хрустели черепа полегших армий. Доспехи величайших богатырей прошлого рассыпались в пыль при одном нашем приближении. Бесчисленные кости белели на шипах бесокрутки. И вот, Черный Замок своей громадой скрыл солнце! Мы оказались в промозглой тени вражеской твердыни. Еще не поздно было отступить. Но ни один из храбрейших не сделал этого! — Когда мы приблизились на расстояние, равное полету стрелы, то увидели, что ворота Замка распахнуты настежь. Мы пришпорили наших скакунов и ринулись штурмовать обитель ужаса. Наши мечи неистово сверкали в лучах солнца, разгоняя пронизывающий мрак!

Дмитрий сразу заметил несоответствие. Как мечи могли сверкать, если рыцари въехали в тень? Но эта неувязка не смущала ни рассказчика, ни слушателей.

— На полном скаку моя армия влетела во двор Черного

Замка. О, как наивны мы были тогда! Никто не мог и предположить, что отверстые ворота являются ловушкой для достойнейших рыцарей! В тот же миг мы увидели множество окруживших нас всадников в рыцарских доспехах. Но армия моя остановилась, ибо гнусный морок представил врагов в образах моих же рыцарей! «Вперед!» — Крикнул тогда я. — «Не посрамим чести нашей! Руби супостата! Кроши его в тушеную капусту!»

Старик опять раскашлялся и, справившись с приступом, промочил горло глотком строфарии — у шахтеров, видимо, было ее вдоволь. А Дмитрий представил себе любимое блюдо сэра Ланселота: «Супостат рубленый в тушеной капусте». Выглядело аппетитно, но надо было постоянно следить, чтобы не сломать зубы о твердые кусочки лат.

— И вся моя рать кинулась на врага! Но в момент истаяло вражье войско, рассыпавшись стеклянными осколками. Тогда ринулись мои рыцари вперед, по лестнице в сам гнусный замок. Но как только первые и отважнейшие из рыцарей вступили в соседнюю залу, упала кованая решетка, и пол вместе с дюжиной воинов опустился во мрак преисподней. Долго слышали мы их прощальные крики. Но никто не просил пощады у Черного Замка! На миг склонили мы головы, почтя память павших секундой молчания. Но подвиг ждал нас! Великий подвиг! -

Голос старика опять сорвался на визгливый фальцет.

— И увидели оставшиеся в живых, что по стенам залы змеятся толстые жилы. Прислушались мы и поняли, что по жилам сиим струится сама нечистая кровь Черного Замка. В тот же миг все мы стали рубить эти отвратительные сосуды. В несколько взмахов мы отворили их. И тут началось самое страшное…

Ланс трагически затих, выжидая весьма театральную паузу. В наступившей тишине было слышно, как тяжело задышали слушатели в предвкушении развязки.

— Враг понял наш замысел и совершил подлую подмену! Как только лопнули жилы замка, из них на моих доблестных рыцарей хлынули потоки жидкого дерьма! Да-да, дерьма! И пусть я буду гадом из Запольских болот, пусть я буду беременной бродячей сукой, если вру! Старик опять замолчал и тихо, как бы вскользь, добавил: — Никто не выжил после такого позора… Никто…

— Да… — Проговорил парнишка, вернувшийся на свое место. — Жуткая история…

Дмитрий поднялся на ноги, потянулся с хрустом:

— Теперь я заберу его, мужики. Дела у нас.

— Погоди, — седой кривоногий детина тоже поднялся, сжимая в руках увесистую кирку, — ты кто такой, вообще?

Ланс оглядел шахтеров подслеповатыми глазками, потом

соскочил с вагонетки и резво засеменил к Дмитрию. Встал рядом:

— Это рыцарь Фленджер. Он поклялся сокрушить Черный Замок. Пошли, рыцарь, армия ждет тебя.

Шахтеры посторонились, пропуская великих воинов. «Отдых закончен,» — с грустью подумал Дмитрий. Впереди ждали дела. Не Черный Замок, разумеется. Оружейная, Силен, раскольник и свобода… Если все срастется.

ГЛАВА 6

Алмис была права: боевые начинания кочерыжек мало чего стоили. Нет, арсенал у нах оказался великолепный — только его никто не охранял. «Все мозги ушли в пыльцу,» — про себя усмехнулся Дмитрий. Дверь в оружейную висела так же безвольно, как и остальные двери, отключенные думскими отрядами. А за дверью тянулись вдаль бесконечные стеллажи.

Илион, крякая от удовольствия, разглядывал стручки. Наконец, он выбрал себе самый тяжелый, с двумя магазинами (в одном простые семена, в другом — разрывные) и навинченным до кучи самострелом. Отыскав промежуток между стеллажами, Илион поставил стручок на разрывные и дал с бедра короткую очередь в стену. Красивая черно-розовая фреска, изображавшая Тромпа перед каким-то ажурным строением, исчезла в туче пыли и каменных осколков. Старый Ланс тут же шмыгнул в пролом, и через секунду из темноты раздался его радостный визг:

— Мэлорина! Мэлориночка! Ох… — старик вернулся, волоча за собой свой эспадон.

— Незачем было дырку делать. Проход рядом, — Добужин вооружился двумя мечами, как Дмитрий, но добавил еще легкий стручок и пару засапожных метательных ножей. Бармен ограничился одними ножами, зато не двумя, а, наверное, целой сотней — рассовал их, куда только мог. Теофил выбрал самострел, кривую саблю и нахлобучил на голову шлем-шишак. Красная шелковая рубаха, изрядно потрепанная и перепачканная, все еще была на арконском рыцаре. Зато остальные переоделись. Дмитрий велел всем взять длинные бурые плащи — плащами был завален целый шкаф. Илион раздобыл панцирь из шкуры керба Такой панцирь нашелся один на весь арсенал и подходил Илиону в самый раз.

— «Брюхо Тромпа», я точно знаю, это оно. Только Тромп мог победить керба… — Илион удивленно осекся, — и еще — рыцарь Фленджер. Слава Фленджеру, рыцарю Предместий! — Ура! Фленджер, рыцарь Предместий! — Подхватили остальные и чуть не начали качать Дмитрия, но он отбился, сердито подумав, что «рыцарь короны» звучит куда красивее. Ланс вскарабкался на шкаф с плащами, скинув сверху ногами несколько самострелов, и, поднатужившись, взмахнул над головой своим тяжеленным мечом:- Теперь вперед, благородные рыцари! Черный замок будет наш, братва! Я долго ждал этой мазы… Этого волнующего момента! Я…

Илион аккуратно снял старика со шкафа:

— Заткнись, падла, — он повернулся к Дмитрию, — куда теперь, рыцарь?

Дмитрий помолчал, ожидая, пока все успокоятся. Одна лишь Алмис не проявляла бурной радости. И ничем не вооружилась. — Наверх, — сказала она твердо.

Дмитрий покачал головой:

— Нет, девочка. Сперва в город. У нас там одно дельце…

— Верно, сделаем кочерыжек, — подхватил Добужин, но Дмитрий опять покачал головой:

— Не кочерыжек. Силена. Знаете такого?

— Силен в городе! — Оживился бармен, — у Силена много чего можно взять, мужики. Только… А у нас получится?

— Должно, — ответил Дмитрий. — Главное, при нем не называйте меня по имени. Точнее, называйте Куном, ясно?

— Не ясно, — начал Теофил, но Илион перебил его:

— Делай, что говорят, разбогатеешь.

Теофил кивнул. Губы Алмис чуть дрогнули:

— Рыцарь… Зачем…

— Молчи, дочка, — оборвал ее бармен.

Дмитрий ничего не стал к этому добавлять. Он молча пошел вдоль стеллажей ко второму выходу из оружейной. Дальше, если верить плану, начиналась лестница, которая выводила к кварталу техников. Дверь не подкачала, как и все прочие двери. План тоже не подкачал — широкая лестница, мощеная синим гранитом, действительно поднималась к городу. Наверху, в светлом проеме арки, маячили какие-то фигуры. Дмитрий поднял руку. Все замерли, потом начали подниматься вслед за Дмитрием — тихо, на цыпочках.

Лестницу охраняли люди. Дмитрий понял: пока атсаны невменяемы, техники сами стерегут вход в оружейную. Правда, они не ожидают нападения сзади…

Тут Илион не выдержал, вскинул свой стручок-переросток и дал из него по спинам техников очередь. Хорошо хоть, обычными семенами, не разрывными. Трупы покатились вниз, техники так и не успели понять, что произошло. Дмитрий понесся навстречу катящимся трупам, перепрыгивая через ступеньки. Остальные не отставали. Так и есть. Техники — люди серьезные, на праздник не пошли, остались дома. У верхней ступеньки Дмитрий столкнулся нос к носу со здоровенным детиной. Детина был вооружен коротким тесаком. Дмитрий взмахнул своими мечами — рука и голова техника, срезанные одновременно, упали на гранитную мостовую. Сверху на них тяжело плюхнулось тело. Но на помощь охране бежали другие техники. Они прятались за углами аккуратных одинаковых коттеджей и пускали стрелы. Одна

стрела просвистела возле плеча Дмитрия и звонко стукнулась о шишак Теофила. Илион зарычал и дал пару очередей разрывными семенами по ближайшим коттеджам. Стены коттеджей обрушились, обнажив чистые комнатки с лиловыми диванчиками и журнальными столиками на витых ножках. Дмитрий побежал вперед. Рядом, нога в ногу, несся Теофил, метко стреляя одиночными по всему, что двигалось справа и слева. С крыши разрушенного коттеджа кто-то прыгнул с яростным криком, но бармен взмахнул рукой — на мостовую приземлился труп, из горла которого торчала рукоятка метательного ножа. Мелькнуло еще несколько фасадов, квартал техников закончился. Двое попытались скрыться среди хозяйственных построек без окон, но Теофил, неторопливо прицелившись, уложил беглецов.

Дмитрий остановился:

— Остальные сидят по домам. Но могут поднять шухер. Пока мы будем возиться с Силеном…

— Может, сразу наверх? — Предложила Алмис.

— Нет.

Бармен мрачно кивнул.

— Без проблем, — Илион снова вскинул свой страшный стручок.

— За что? — В глазах Алмис блеснули слезинки.

— Эти суки пашут на кочерыжек. Живут на теплых хазах, пока мы в шахтах паримся, — процедил Илион и нажал на спусковой лист стручка.

Стручок с легкими хлопками выплевывал порции смерти. Один магазин с разрывными семенами опустел, но Илион быстро прикрепил следующий — у него за широким поясом было заткнуто не меньше десятка таких же магазинов. Домики рушились один за другим. Всех, кто оставался жив, добивали Теофил и Добужин. Оскаленные рожи головорезов светились радостью мести. Вскоре от квартала техников остались руины. Над каменными грудами там и тут торчали изящные торшеры, по мостовой были разбросаны обгорелые книги.

Бармен, Теофил и Добужин вприпрыжку пробежались вдоль разрушенного квартала. Пару раз хлопнул стручок Теофила, кто-то застонал — но стон сразу оборвался. Алмис плакала, что-то повторяя шепотом. Дмитрий прислушался:

— Высшая Злоба…

— Какая злоба, ты что? — Удивился он, — я просто делаю дело.

Дмитрий попытался погладить девушку по голове, но Алмис отскочила в сторону:

— Не прикасайся! Ты не рыцарь! Ты просто… Волчок из

Предместий!

Дмитрий серьезно кивнул:- Так и есть.

Илион, кряхтя, прищелкивал к своему стручку новый магазин. Два воина и бармен вернулись, слегка запыхавшись. Руки бармена были в крови:

— Едрена Хора, — ухмыльнулся он, — вытаскиваю нож из одного хмыря, а мне прямо в рожу — струя! Вот ведь, сволочи…

— Все нормально? — Спросил Дмитрий.

— Все, — хором ответили Теофил и Добужин. — Тогда пошли… И оружие спрячьте под плащами, незачем зря светить.

Узкая улица петляла среди высоких глухих стен. Дмитрий вспомнил план: склады. Сейчас еще один поворот налево, потом арка…

За аркой бушевал праздник. Маленький отряд чуть не сбила толпа веселых атсанов, измазанных с ног до головы собственной пыльцой. В обнимку с атсанами выплясывали такие же чумазые козлоноги. Илион сразу дал кому-то в морду тяжелым кулаком, но эта выходка осталась без последствий — даже серьезные эквапыри не замечали ничего вокруг. После инцидента с Лакатошом Дмитрий стал иначе относиться к этим безобидным с виду крысятам-бюрократам, поэтому стукнул Илиона ладонью по плечу:- Не бесись. — Ага, — согласился Илион, но в следующий момент не утерпел и снова выписал кому-то в глаз.

На площади перед ареной Тромпа настроение праздника было несколько иным:

— Победа! — Орали одни.

— Кербы! — Орали другие. Кербы, судя по всему, продолжали трапезу. Сквозь толпу, объятую одновременно весельем и паникой, к главному входу продирались стражницы-атсанки, вооруженные такими же стручками, как у Илиона. Несмотря на опасность, стражницы не могли удержаться и приплясывали на ходу.

Внезапно крики стихли, по толпе пробежала волна радостного гомона, все головы — человеческие, козлиные, крысиные, атсанские — обернулись в одну сторону.

— Победитель! — Взвизгнул кто-то.

Дмитрий рванул в узкий переулок, свалил ударом кулака какого-то эквапыря, снова свернул, пробежался по темному тоннелю, остановился. Из отряда никто не пропал. Над головами, перекрещиваясь, тянулись от одного здания к другому длинные веревки с мокрым бельем. Стены зданий, смотревшие во двор, были увешаны красивыми деревянными балкончиками… Все, кроме одной. Эта стена была почти целиком глухая, только под самой крышей блестело широкое круглое окно, похожее на

иллюминатор. А под окном на серой штукатурке было намалевано тоже что-то круглое…Череп с восемью глазницами, голова эрлика! Бурт много чего рассказал об этой голове: герб Силена! Неужели…

Зажмурившись, Дмитрий представил себе все повороты своего пути. Вспомнил план. Так и есть: совершенно случайно он оказался у самой цели. Догадку подтвердил бармен:- Мертвоход нарисован, глянь, рыцарь. Кажись, пришли. Дмитрий молча подошел к ближайшей стене с балконами и, цепляясь за многочисленные карнизы, добрался до самого нижнего балкона. Махнул рукой. Остальные полезли следом. Второй балкон, третий… Теперь самое сложное. Узкий карниз тянулся мимо стрельчатых окошек, загибался под прямым углом, переходя на глухую стену, и вел дальше, к иллюминатору. Дмитрий, осторожно переступая, двинулся по карнизу. Илион, не долго думая, тоже встал на карниз, прижавшись брюхом к стене. Все молчали, понимая, что им необходимо проделать то же самое. За стрельчатыми окнами открывался шикарный вид: дорогая громоздкая мебель, кровати под балдахинами. В одной комнате стоял, хищно скалясь, персональный жрутер. Наверное, здесь живет богатый атсан. Хозяева празднуют, никого нет дома.

Но тут круглое окно распахнулось. Дмитрий, обернувшись на звук, увидел пегого козлонога, который целился в него из длинного стручка. Илион, Добужин и Теофил стояли на карнизе, распластанные вдоль стены. Только бармен и Алмис оставались на балконе…

Бармен успел. Нож вонзился козлоногу в глаз. Выронив стручок, мертвый козлоног свесился из открытого окна. В помещении за окном было пусто: только кресло, полка с бутылками, круглый столик с коробкой арконских сигар. И в углу штабелями сложены стручки. Козлоног, наверное, стерег очередную партию товара. Илион ввалился в комнату сразу за Дмитрием, тут же подхватил труп охранника и выбросил во двор — чтобы не мешал. Бармен чуть не сорвался, но вовремя вонзил нож в круглую деревянную раму окна. Последней впорхнула Алмис. Из комнаты вниз вела деревянная лестница, по которой навстречу отряду спешили три огромных козлонога, таких же пегих, как и первый. Наверное, услыхали шум. Дмитрий, не останавливаясь, подпрыгнул и полетел на козлоногов, выставив каблук сапога. От удара сапогом козлоног повалился, увлекая товарищей. Дмитрий перескочил через них и услыхал за спиной три выстрела. Теофил догнал Дмитрия:

— Все в порядке. Лестница окончилась резными двустворчатыми дверьми.

Дмитрий распахнул их пинком и оказался в овальной гостинной, заваленной коврами и подушками. Утонув в самой пузатой подушке, посреди гостиной сидел сам хозяин. Силен спокойно курил длинную сигару, стряхивая пепел прямо на ковер. Тяжелый дым медленно вился вокруг люстры, сделанной из высушенного птицемора, и впитывался в бардовые гардины.

— А Кун… — Силен нагнулся и запустил длинную руку под соседнюю подушку. Илион и Теофил предупреждающе подняли стручки.

— Отставить, — скомандовал Дмитрий. Он правильно угадал — Силен тянулся вовсе не за оружием. Из-под подушки показался край кожаного кошеля. Силен взгромоздил кошель на острые колени, развязал тесемки. Кошель был полон платиновых квадратиков. — Как и договаривались, тысяча княжеских лепров… Но не полная, если ты не возражаешь, — козлоног вытащил из кошеля два квадратика и отложил в сторону. — Это за Аргона. Еще три квадратика отправились к первым двум. Это за Швана, Вана и Хвариона.

Силен затянул тесемки и кинул кошель Дмитрию. Поймав кошель, Дмитрий передал его бармену. — Пересчитать бы, ры… э… Кун, — шепнул бармен.

— Ни за что! — Дмитрий улыбнулся, — Силен выиграл раз в двести больше, чем потратил. Верно, бон Силен?

— Истинно так, — Силен почесал длинную бороду, — но какого Ру-Бьека, скажи, ты полез через окно?

— Глупая история, — пожал плечами Дмитрий, — лучше ты покажи мне свой выигрыш.

— Зачем это? — Нахмурился Силен, — я все взял, спасибо тебе. И проваливай со своей шпаной…

— Это не шпана, — голос Дмитрия перешел в зловещий свист, — это рыцари Предместий. Они хотят удостовериться, что Жидкая Судьба больше не принадлежит кочерыжкам.

При словах «Жидкая Судьба» Илион испуганно охнул, но Дмитрий наступил ему на ногу. Остальные члены отряда умело сдержали изумление. Силен не двигался с места:

— Бон Кун, с чего ты решил, что я не продам раскольник кочерыжкам?

— Договор прошлого года, меяц Второго Урожая. Подписан тобой по настоянию некоего Клая Бонифация. Припоминаешь?

Козлоног резко выпрямился. — Но откуда…

— Цветы нашептали, — усмехнулся Дмитрий. Силен, конечно же, понял эту фразу по-своему, решив, что «бон Кун» действует по прямому указанию всемогущего жрутера. На самом-то деле Дмитрий просто внимательно покопался в секретных файлах

торговца — и обнаружил, что любое оружие мерностью выше пятидесяти тот должен продавать в Аркону и только в Аркону.

— Ладно, пусть полковник не беспокоится. Сейчас покажу. — Силен поднялся, наконец, со своей подушки, подошел к невысокой круглой тумбочке и надавил пальцами на замысловатый узор, покрывавший полированную поверхность. Часть покатого бока сложилась гармошкой. Силен вытащил из тумбочки заваренную реторту с бесцветной жидкостью, показал реторту Дмитрию: — Вот.

Дмитрий, как учил его Бурт, сложил руки в обезьяньем жесте и произнес: — Ну как там бабка?

Жидкость слегка помутнела и вспенилась. — Ты что! — Испугался Силен, — сдетонирует…

— Ставь на пол, — приказал Дмитрий.

— Но…

— Все еще жива? — Осведомился Дмитрий у реторты. Жидкость закипела активнее. Силен поспешно поставил реторту на пол у ног Дмитрия. Выпрямился, поглядел ему в глаза.

— Отойди, — Дмитрий поднял реторту. Жидкость остывала, снова становясь прозрачной. Дмитрий медленно сунул реторту в карман джинсовки, к диску с Буртом. Потом оглянулся на своих бойцов:- Чего вы ждете?

Илион, поняв, что разговор окончен, поднял стручок и причмокнул от удовольствия. Но Силен оказался быстрее: швырнув подушку в Илиона, он быстро передвинул на полу какой-то рычаг. Подушка взорвалась облаком пуха под градом семян, остальные семена прошили гардину. Силен исчез. На полу с лязгом сомкнулись створки люка.

— Ушел, шашлык, — Илион сплюнул на ковер.

— И мы уходим. — Дмитрий сдернул на пол ту самую гардину, по которой Илион выпустил только что бесполезную очередь. Легонько пнул голую стену носком сапога. Часть стены сморщилась, открывая проход. Из гостинной Силена, помнил Дмитрий, существует два выхода. Один, которым воспользовался хозяин, ведет на нижние этажи, в картинную галерею, оттуда в мастерскую, и лишь из мастерской — к лифту. Удачно. Второй выход, открывшийся перед Дмитрием и его отрядом, вел к лифту сразу. Винтовая лестница, коридор, опять лестница, снова коридор — широкий, вымощенный желтоватым камнем. Ага, вот поворот к мастерской. Двери в мастерскую были закрыты, из-за них слышались отрывистые команды — Силен снаряжал погоню.

Отряд пронесся мимо дверей в темноту. Теперь надо преодолеть метров двести… Лишь бы лифт был готов. Дмитрий очень надеялся на своих виртуальных ребят — ментов и

секьюрити. До сих пор они не подвели ни разу. Темнота стала менее густой. Впереди, за поворотом, горел ровный свет. Лифт. Дмитрий остановился у самого поворота, поднял руку. Потом указал пальцем на Илиона и махнул рукой вперед. Илион вышел на свет.

Сразу же четыре стрелы ударились о «брюхо Тромпа» и отскочили. Илион хотел открыть пальбу, но Дмитрий крикнул:

— Не смей! Повредишь лифт!

Стрелы больше не летели. Из-за поворота раздался низкий чистый голос:- Ты не Кун.

— Я не Кун, — согласился Илион.

— Пусть выйдет Кун.

Дмитрий встал рядом с Илионом. Лифт охраняло два рыцаря, молодой и постарше. Они были очень похожи: у обоих носы картошкой, мощные челюсти. Наверное, отец и сын. Оба носили белые шелковые рубахи, перетянутые портупеями, и синие рейтузы, заправленные в высокие блестящие сапоги серой кожи. В каждой руке у обоих было по самострелу.

Увидев, что Дмитрий вооружен только мечами, рыцари отшвырнули самострелы и вытянули из заплечных ножен одинаковые мечи с чуть изогнутыми лезвиями. Возле самого лифта возился третий человек, лохматый коротышка в просторном балахоне — техник. Ни на кого не обращая внимания, техник пытался починить механизм, но у него явно не получалось. Дмитрий еще раз похвалил про себя ментов и секьюрити. Жаль, что здесь их нет…

Отстранив Илиона, он пошел к рыцарям, вынимая на ходу мечи. Первый выпад сделал сын. Отбив удар левым мечом, Дмитрий присел, пропуская над головой меч отца, потом перекатился на спину и нанес сыну сапогом удар в пах. Отец ловко ушел от такого же удара, высоко подпрыгнув. Дмитрий снова быстро перекатился, спасаясь от каблуков старого рыцаря и сразу попытался сделать подсечку молодому. Но молодой изогнулся в обратном сальто, так что нога Дмитрия пролетела в пустоте, а сам Дмитрий чуть не потерял равновесия. Отец, между тем, развернулся и рубанул мечом сверху вниз. Дмитрий еле успел подставить свой клинок. Сын все еще стоял на руках. Дмитрий, расставив ноги пошире, потянулся всем телом и вонзил острие второго клинка в загривок молодого рыцаря. Молодой повалился на пол мешком. Старый рыцарь не изменился в лице. Он снова занес свой меч, но вместо того, чтобы опустить его, ушел в сторону, разворачиваясь всем корпусом, поэтому удар Дмитрия не достиг цели. Зато удар старого рыцаря оказался точным: Дмитрий чуть не потерял сознание от боли в животе —

блестящий каблук рыцаря был подбит сталью. Хорошо, что рыцарь не попал чуть выше. Реторта с раскольником, вроде, цела. Боль исчезла внезапно, но Дмитрий продолжал сидеть, скорчившись, и сдавленно материться.

Откуда-то из темноты раздался испуганный возглас Алмис. Этот возглас окончательно убедил старого рыцаря в скорой победе. Перехватив меч обеими руками, старик широко размахнулся… И тут Дмитрий свел на его теле свои клинки, словно лезвия огромных ножниц. Старик не успел издать ни звука — две половинки его тела упали рядом, залив кровью весь пол.

Дмитрий встал, подошел к технику. Тот продолжал работать, скручивал какие-то стебельки. Когда стебельки были надежно скручены, Дмитрий заколол техника одним точным ударом. Техник упал на спину. Он был слеп — вместо глаз на его лице торчали какие-то мерзкие прыщики. Может, он был еще и глух? Теперь уже невозможно ответить на этот вопрос.

Раздвинув омертвевшие корни, Дмитрий вошел в кабину лифта. Посреди кабины стояла кадка с мелким жрутером-мутантом. У техника, не исключено, кое-что получилось… Но существует только один способ это проверить. Дмитрий запустил руку в пасть цветка. Рука осталась цела. Мягкие лепестки обхватили кисть, жрутер довольно заурчал. Лифт все еще был настроен на Дмитрия. Можно ехать.

Платформа стремительно уносила маленький отряд все выше и выше. Мимо мелькали этажи царства атсанов. Большинство обитателей этого мира так ни о чем и не узнали, занятые идиотским праздником. Что там Брюква говорил о способах размножения?..

Дмитрий весело расхохотался. Алмис и бармен удивленно посмотрели на него. Илион спросил:

— Вспомнил чего?

— Анекдот, — ответил Дмитрий.

— Так расскажи…

— Нет, при Алмис не могу. Он неприличный.

Этажи кончились. Со всех сторон вниз убегала плотная земля. Вот мелькнули корешки — самые обычные. Платформа замедлила ход и остановилась. С четырех сторон были досчатые стены, сквозь щели которых…

Дмитрий вздохнул. Сквозь щели пробивался яркий солнечный свет. Два месяца без солнца… И как этот кретин Брюква мог подумать, что Дмитрий согласится променять солнце на победу в бессмысленной мужской революции кочерыжек? Скрипучая дверь распахнулась, выпуская людей на свежий воздух. Досчатое строение, из которого они вышли, больше всего

напоминало деревенский сортир. Кругом тянулись заброшенные огороды, упираясь в розовую ленту шоссе. А на шоссе, прямо напротив сортира, неподвижно замерла потрепанная фура. Та самая «Колхида»! Из окошка показалась довольная рожа водителя. Солнце сверкало в рыжей шевелюре и такой же рыжей бороде, покрывавших лишь одну половину головы. Вторая половина отливала зеленым.

Последние сомнения пропали, когда к запаху сырой земли примешалась отвратительная мускусная вонь. Вонь дракона. Не стесняясь Алмис, Дмитрий длинно и грубо выругался — так он не ругался, наверное, еще со времен учебы в МИРЭА.

V. ЛИЧИНКА И ЦВЕТОК

ГЛАВА 1

Досюда Капитан еще никогда не доходил. А может, доходил… Какая разница? Ровно никакой. Дойти до самого конца бесконечных коридоров казалось невозможным. Так и будут тянуться во все стороны коричневые стены, пространство за которыми нашпиговано всякой смертоносной дрянью. Ловушки, летающие иглы, неожиданные водопады едкой жидкости… Впрочем, создатель подземелья постарался оградить соискателей от травм. Потолок, такого же отвратно-розового цвета, как и в «Думе», здесь нес одну полезную функцию. Розовая субстанция обладала способностью проливаться вниз и обволакивать всех участников поединка — за миг до наступления грустной развязки. После одного такого душа Капитан и нападавший на него кимор застыли, причем острие копья, которым был вооружен болотный недомерок, минут двадцать, не меньше, щекотало пупок бандита.

До сих пор Капитану везло. Он благополучно разбил в щепы шестирукого монстра, встретившегося в самом начале лабиринта. Деревянное нутро монстра содержало начинку — перепуганного оператора-атсана. Капитан оторвал атсану правую ногу: сам виноват, нечего было соблазняться денежной работой.

Молодых необученных жрутеров, присыпанных для маскировки землей, бандит без труда вычислил по запаху. Хищные цветочки уже отрастили зубы и поэтому не были годны в качестве унитазов. Но ума в них было все еще не больше, чем в самом обычном унитазе: пара удачно брошенных камней — и жрутеры сомкнули вечно голодные бутоны, выдав себя с головами. Троих козлоногов, выскочивших из-за обвалившейся стены, удалось раскидать меньше, чем за минуту. Образовавшийся проход закончился ямой-ловушкой. Легкое покалывание в районе кобчика сообщило Капитану об опасности. Он уже привык к этому своему странному свойству: любая опасность вызывала покалывание. Шаг, другой, третий…

Вот здесь надо топнуть правой ногой и сразу перенести тяжесть на левую. Пол спереди превратился в пыль. Пыль осела вниз, в яму, на дне которой торчали колья. Впрочем, свались соискатель в эту яму, колья немедленно убрались бы в пазы — но тогда конец путешествию.

Зато с первокурсником — квадратным бородачом, выходцем из сопредельной Янтрии, которого вооружили кривой саблей, пришлось повозиться. Легко уворачиваясь от рубящих ударов, Капитан подобрался к бородачу вплотную и резким движением

схватил того за оба запястья:

— Что, салага, фенарем машешь?

Первокурсник не ответил. Он попытался боднуть Капитана лбом, защищенным стальным обручем, но Капитан увернулся, подпрыгнул, разведя ноги в стороны, и нанес бородачу в живот удар пахом. Пока старый атсан-инструктор не познакомил Капитана с приемами Вин-Дао-Ян, тот не мог поверить, что можно кого-то вырубить вот так, словно в анекдоте — «хреном по лбу». Первокурсник, правда, получил не по лбу, а в солнечное сплетение. Он согнулся пополам, начал хватать воздух ртом, утонувшим в густой русой бороде. Капитан, отпустив руки противника, стукнул его локтем по затылку, сразу добавив туда же ребром ладони. Первокурсник перестал ловить воздух, свалился мешком. Может, умер. Капитан в очередной раз подивился эффективности Вин-Дао-Ян. Инструктор утверждал, что это земная школа — правда, мало кому известная. В Рунике ее называли просто «школой пахопашного боя». С сожалением посмотрев на ставшее бесхозным оружие, Капитан двинулся дальше. По условиям этого лабиринта, пройти его полагалось исключительно с голыми руками, ногами и пахом.

Двое монахов, судя по красно-белым одеяниям — почитатели Катасы, богини лени, выскочили, размахивая посохами, сразу из двух боковых проходов. Капитан сходу получил посохом по хребту. Сгруппировавшись, он упал, перекатился и встретил одного из наглых лентяев ударом ноги снизу в пах… Черт бы взял эти земные привычки! Если бы монах был мастером, за свой удар Капитан мог бы поплатиться пробитой насквозь ступней! Но лентяю, судя по всему, было еще далеко до того уровня, на котором изучают пахопашные приемы: жалобно воя, он откатился под ноги своему единоверцу. Впрочем, выть он сразу прекратил и принял низкую стойку — почти на четвереньках. Другой монах вскочил ему на спину. Капитан сразу понял, что за этим последует, и сделал вид, что собирается прыгнуть. Монахи разогнулись, словно две красно-белые пружины. Тот монах, который был сверху, подпрыгнул до самого потолка, чуть не увяз в розовой слизи, и полетел вниз, выставив перед собой тупой конец посоха, одетый в серебряный наконечник.

Второй монах не успел очухаться — Капитан подкатился к нему и, ухватив руками под колени, дернул на себя. Монах повалился на спину и сразу получил кулаком по кадыку. Первый монах уже стоял на ногах, но теперь ему пришлось драться с Капитаном в одиночку. Несколько круговых движений — и бандит придвинулся к монаху вплотную, буквально пронзив его ударом паха. Теперь предстояло решить, куда идти. Перед

Капитаном было три одинаковых пути. Почему бы не вправо? Снова начало покалывать кобчик. Может, прямо? Покалывание сменилось жгучим зудом. Значит, налево. Кобчик отпустило, Капитан побежал трусцой по свободному пути. Ямы-ловушки он перепрыгивал, сразу ныряя под летучие иглы — вся эта ерунда не замедляла стремительного движения. Ноги сами знали, куда ступить, тренированное тело вовремя изгибалось, пропуская мимо выскакивающие из стен острия, уходя от игл и свистящих в спертом воздухе стальных шариков. Мускулы работали, как хорошо смазанная машина. В прошлые заходы Капитан выдыхался гораздо раньше. Теперь же, после качалок, бандит поднакопил силенок, и усталость прекратила играть для него какую-либо роль.

Коридор, резко поворачивая, завершался тупиком. Осторожно заглянув за угол, Капитан убедился, что в пределах видимости никого живого нет. Выводов можно было сделать только два. Или там впереди очередная ловушка, за которой проход дальше, или там просто ловушка, а путь к следующим дракам придется искать, тупо и методично выстукивая стены в уже пройденных коридорах.

Едва бандит ступил на пол тупика, под ногой что-то щелкнуло. Оттолкнувшись другой ногой, Капитан сделал сальто назад. Вовремя. Там, где он только что стоял, подпрыгивал плод кербоеда. Само по себе это растение было совершенно безвредным, Капитан видел его в арконской оранжерее, однако плоды его, размером с детский надувной мяч, являлись страшными хищниками. Большая часть плода состояла из резиноподобной упругой массы, благодаря которой эти мячики могли скакать на сотни метров. Сердцевина же состояла из множества острых шипов, которые доходили до самой кожуры. Стоило плоду прикоснуться к чему-нибудь живому, как эти шипы, пробив любую кожу, выпускали корни и за несколько минут переваривали добычу. Вывели этого хищника для борьбы с кебрами. Однако растение упорно отказывалось жить в подземельях и, регулярно выпалываемое, встречалось лишь на диких пустошах Гельвении.

Зеленый шар прыгал, медленно приближаясь к Капитану. Как назло, промежуток между стенами оказался слишком узок, чтобы проскользнуть мимо хищного плода. Отбить его тоже не было возможности. Единственное прикосновение — и никакая розовая гадость не поможет. Оставалось принять одно из решений: проскользнуть-таки вперед, или отступать, пока не будет больше пространства для маневра. Но надо проходить на время, отступление приветствуется лишь в самых крайних случаях. Этот случай Капитан крайним не счел. Он внимательно проследил за

прыжками плода. Каждый раз тот продвигался вперед сантиметров на двадцать. Высота прыжка метра полтора. Дождавшись, пока зеленый шар пойдет вниз, Капитан рыбкой прыгнул вперед…

Спасли разведенные во время прыжка ноги: пахопашный бой бессилен против хищного мячика. Путь вперед был свободен. Вперед? Надо проверить. Капитан со всей силы долбанул кулаком по каменной стене. Стена осыпалась. За ней открылся небольшой зал, где собралось каждой твари по нескольку экземпляров, всего существ десять. Они защищали невысокий помост, на котором громоздилась кадка с пьютером. Пьютер этот, стало быть, и являлся целью.

Капитан присел, пропуская над головой стрелы, пущенные двумя атсанами. Значит, эти атсаны начнут так называемый «свальный бой». Хотя, свального в этом бою было не слишком много: противники должны были подходить к соискателю по одному или небольшими группами. Два атсана приближались с разных сторон, восседая на ползучих корнях. Капитан сразу же прикинул, можно ли перерубить корни ребром ладони. Нет, едва ли. Значит, придется действовать очень быстро, практически молниеносно, чтобы обогнать эту хренову осину. Когда гибкие волосатые щупальца корней почти дотянулись до ног Капитана, он высоко подпрыгнул и повис на стене, цепляясь за грубую каменную кладку. Атсаны не ожидали, что их противник останется наверху. Корни ринулись друг к другу и моментально спутались.

Теперь у Капитана оказалось в запасе несколько секунд. Оттолкнувшись от стены, он полетел по широкой дуге, нацелившись ногами в голову ближайшему атсану. Атсан не успел увернуться и оказался на полу. Капитан, схватив атсана, выставил его округлое картофельное тельце перед собой. В брюхо атсана сразу вонзилось две стрелы, выпущенных подряд вторым атсаном. Неудачливый стрелок так огорчился, что замер, превратившись в мишень. Капитан швырнул в него мертвое тельце, выбив из удобного плетеного седла. Теперь оба атсана оказались на полу. Сделав сальто, Капитан перескочил через корни, сразу упал на пол, едва избежав очередной стрелы. Через полсекунды второй атсан лишился головы — Капитан просто оторвал ее. Размахнувшись, он швырнул скользкую от желтого сока голову в следующего противника — рыцаря из Ермунградских предместий, вооруженного двумя кривыми саблями. Голова атсана не достигла цели, упала к ногам рыцаря, нашинкованная тонкими кругляшками. Но рыцарь потерял драгоценное время — Капитан уже был рядом. Схватив рыцаря за

правую руку, он резко вывернул ее, подпрыгнул, разведя ноги — вторая сабля со свистом рассекла воздух в миллиметре от тела бандита. Зато первая сабля со звоном выпала на камни пола из вывернутой кисти рыцаря. Спружинив на пол, Капитан со всей силы пнул рыцаря по почкам, потом, занеся ту же ногу повыше, добавил пяткой по тугому бритому затылку. Рыцарь рухнул на пол. Капитан запрыгнул на противника обеими ногами. Хрустнули кости.

Теперь предстояло вырубить четверых диких киморов и одного козлонога, вооруженного сетью. С киморами Капитан разобрался просто: двоих просто нанизал на пальцы, а третьего и четвертого отправил меткими пинками прямо в сеть козлонога. Козлоног замешкался, вытряхивая товарищей из сети, и получил тяжелым кулаком по макушке. Теперь Капитану не составило труда вцепиться козлоногу в бороду и вырубить двумя пинками — в живот и в горло. Киморы все еще барахтались, опутанные сетью. Раскрутив сеть над головой, Капитан швырнул ее в стену. Киморов расплющило о камни, на стене расползлись два жирных кровавых пятна. Осталось уложить всего троих. Эквапыря, возбужденно клацающего зубами, и двух людей, бородатого арконца с шипастой булавой и высокого поджарого улвапонца с островов…

Послышался гулкий удар гонга и голос Клая-Бонифация сообщил:

— Время истекло.

Капитан, который уже присел, встречая прыжок эквапыря, резко откатился в сторону. Хвостатый приземлился на все пять конечностей и недовольно проворчал:

— Я бы тебя сделал.

— В следующий раз посмотрим, — устало отмахнулся бандит.

Одна из стен зашевелилась, в ней открылся проход, куда и потянулись, кто прихрамывая, кто придерживая голову и другие конечности, оставшиеся в живых участники массовки. Капитан шел вместе с ними, всем видом подчеркивая, что именно он тут главный, что из кармана Ма-Мин (кстати, а есть ли у нее карманы?) оплачивается участие всех этих статистов.

Низкий коридор привел в раздевалку. Там Капитану была отведена отдельная секция с душем. Скинув сандалии и напульсники, другой одежды при прохождении лабиринта не полагалось, Капитан встал на нижний лист душа. Растение, почувствовав тяжесть, попыталось смыть наглеца струей теплой воды. Мыльный отросток уже наполнился, и бандит, выйдя из под душа, стал тщательно скоблить себя этим подобием губки,

обмазываясь по ходу дела пенной массой и стараясь при этом не порвать тонкий питающий стебель.

Смывая с себя землю и грязь, Капитан испытывал лишь пронзительную досаду. Надо же, так близко до конца — и на тебе, нескольких минут не хватило! А тут еще и полковник добавит. Распишет, где и как потерял время, кого уложил не по правилам, с какой ловушкой обошелся так, что ее потом чинить. У него всюду по лабиринту глаза. Жрутер-переросток!

Хотя, как заявлял тот самый Клай Бонифаций, и Капитан, и Боцман двигаются по ступеням мастерства раза в четыре быстрее простых боевиков, которых за деньги обучают в Арконе. Обычно в лабиринт допускали лишь после двух месяцев игры в «Думу», а Капитан проторчал в виртуалке всего полторы недели. Так что, повод для гордости у него имелся. Обсушившись под щиподуем, бандит поспешил в пьютерный класс, полковник гвардии не любил опозданий. Перед мембраной уже стоял Боцман и задумчиво грыз кончик «Швабовой радости». Капитан скривился:

— Охота тебе травиться этим «Дублоном»!

Он не одобрял пристрастия Боцмана к дешевым сигарам. Сам Капитан курил только «Аркона-клаб», свернутые на мануфактуре «Суматра». — Это тебе охота дамские пальчики мусолить, — с усмешкой ответил Боцман. Он слегка постройнел, сбросил лишний жир и, по местной моде, отрастил торчащую во все стороны рыжую бороду. Теперь бандит стал больше подходить к своему прозвищу.

— Срезался? — полуутвердительно спросил Боцман.

Капитан лишь кивнул.

— И я. — Боцман поскреб бороду. — Только начал эту толпу мочить, как…

— Пошли на разбор, — оборвал коллегу Капитан.

— Пошли, — согласился Боцман и ткнул пальцем в дверь. Та сложилась, освобождая арку, за которой стройными рядами стояли пьютеры.

Бандиты подошли к своим кадкам, натянули на головы бутоны и оказались в виртуальном пространстве. Для Капитана это была квартира его мечты. Огромные помещения, в которых живописно разбросана мягкая мебель, аппаратура, клетки с попугаями и крокодилами, гидромассажные ванны и водяные сексодромы с пираньями внутри.

ГЛАВА 2

В самый первый день, когда кербы доставили бандитов в независимый анклав Аркону и договорились о подготовке из них Вольных Рыцарей, бандитов моментально взяли в оборот. Прислужники-атсаны показали бандитам их комнаты, объяснили как ориентироваться в многочисленных коридорах Школы Благородства — местного тренировочного центра, после чего немедленно повели в пьютерную.

Боцман, увидев странные растения с мясистыми листьями, переплетающимися корнями и гигантскими бутонами, стал вырываться и орать, что не позволит съесть себя всякому там жрутеру. Нервному бандиту пришлось наглядно продемонстрировать, чем отличается жрутер от пьютера, но и тогда Боцман с превеликой опаской сел перед пустым бутоном.

Когда присоски пьютера нашли глаза и залезли в уши Капитана, он оказался в незнакомом мире. Везде были какие-то стеллажи с квадратиками выдвижных ящичков, сверху висело небо в странных разводах, на фоне которого проплывали то ли птицы, то ли планеры. Капитан поднял руку, посмотрел на нее и с удивлением обнаружил, что она состоит из слов. Слова написаны были очень мелко, как бы висели в воздухе, создавая видимость плотного тела, но при небольшом усилии их вполне можно было прочесть и понять. Стены, как бандит убедился через мгновение, состояли из того же материала. Слова повторялись, и текст этот оказалось весьма просто изменить.

Поэкспериментировав немного, бандит освоился в этом странном пространстве. Он запросто просочился сквозь стену картотеки и полетел по какой-то трубе, заглядывая в многочисленные окошечки. За ними кто-то стрелял, кто-то проделывал странные плавные движения, кто-то читал свитки пергамента. Чем дальше плыл Капитан, тем сильнее становилось сопротивление среды. Слова, которые ее составляли, стали гуще. Внезапно появились странные создания, типа торпед, которые явно хотели закусить незваным гостем. Бандит лишь отмахнулся от них, и торпеды поплыли по своим делам.

Все чаще стали попадаться торчащие прямо из воздуха лапы. Они состояли из слова «пароль». Пальцы лап находились в непрерывном движении и всякий раз, когда Капитан оказывался рядом, пытались схватить его. Сперва бандит просто разжижал себя до такой степени, что проходил между пальцев, но это затрудняло перемещение, и под конец Капитан просто стал вырывать эти лапы с корнем и отбрасывать в сторону. После

первого же такого акта все вокруг замигало, опять появились торпеды, но теперь уже другого вида. Эти, хотя и не мешали Капитану, почему-то упрямо норовили повернуться к нему носами, из которых вырывались какие-то лучи.

Поняв, что зашел слишком далеко, бандит вспомнил, как выглядела обстановка вокруг него в начале путешествия и моментально оказался там. Он медленно снял с головы бутон пьютера и обнаружил атсана, нервно подпрыгивавшего возле кадки.

— Чего тебе?

— Тревога. Не слышал, что ли? — корнеплод подпрыгнул еще раз и присел.

— Не… — потянулся бандит. — А чего случилось? — Кто-то попытался взломать защиту полковника. — А чего, она такая крутая? — поинтересовался Капитан на будущее.

— Круче не бывает! — Заверил атсан. — У Клая Бонифация самая высокая мерность. Сто двадцать шесть!

— Ишь ты! — Бандит, показывая удивление, закачал бритым лицом. — А выше что, не бывает?

— Почему? Бывает… — атсан выпрямился, потом снова слегка присел. Как впоследствии узнал Капитан, это движение означало у астанов некоторую степень досады. Чем ниже приседал растительный, тем сильнее были переполнявшие его негативные эмоции.

— У Строителей, к примеру, около двухсот. А у Ру-Бьек двести двадцать.

— Как в розетке, — хмыкнул Капитан.

Боцман, который до сих пор молча слушал этот диалог, громко заржал. Несмотря на устроенный Капитаном большой переполох, встреча с Клаем Бонифацием все-таки состоялась. Бандитам опять пришлось нырнуть головами в бутоны. Среди виртуальной картотеки появился некто. Существо это одновременно напоминало человека и летучего хомяка. У него было три человеческих руки, три задних хомячьих лапы и один могучий торс, обросший рыжей щетиной. Торс венчала хомячья голова с тремя острыми ушами и двумя мордами, торчавшими в разные стороны. Урод внимательно рассмотрел бандита, повернув к нему сначала правое лицо, потом левое. Боцман опять куда-то подевался — Капитан был с уродом один на один.

— Ну, побеседуем? — предложило левое лицо.

— Здесь, что ли? — Капитан обвел рукой пейзаж, не располагавший, с его точки зрения, к беседе.

Существо протянуло руку к одному из ящичков. Тот послушно выскочил со своего места и, пролетев по воздуху,

опустился в ладонь хомяка-монстра. Капитан внезапно понял, как это можно сделать. Суть заключалось в нужных словах, которые как бы проговорил про себя монстр. Все это крайне смахивало на магию с помощью заклинаний, но бандит был далек от таких мудреных определений.

Из ящичка появился еще один, даже больших размеров. Потом на свет извлекли третий, совсем маленький, похожий на шкатулку с драгоценностями. А затем появились сами драгоценности. В пальцах монстра сверкнул небольшой ярко-голубой кристалл. Через мгновение он стал стремительно расти, заполняя все окружающее пространство. А еще через миг Капитан увидел, что находится на песчаном пляже. Рядом тихо накатывает микроскопическими волночками пронзительно-голубое море. Под деревьями с широкими листьями (но не пальмами, как сразу отметил Капитан) стояли два шезлонга, а между ними столик с напитками в прозрачных бутылях.

— Присядем? — спросил монстр и занял шезлонг пошире.

— Меня зовут Клай. — представилось правое лицо.

— А меня — Бонифаций. — сказало левое. — Так что вместе мы — Клай Бонифаций, полковник гвардии. Прочие звания и должности тебе знать не надо. Итак?

— Ну, прислала нас… — бандит приложился к одной из бутылей. Пойло оказалось холодным и, на вкус бандита, переслащенным.

— Кто вас прислал, я знаю. Почему? Мне любопытно, но рано или поздно мне это все равно станет известно. Вопрос в том, как именно вас готовить? Что вы уже умеете?

— Стрелять. — уверенно ответил Капитан. — И драться.

— Прекрасно, — кивнул своей странной головой Клай Бонифаций. — Продемонстрируй.

На столике тут же возникли заряженный арбалет и колчан со стрелами. Капитан взял в руки оружие. Слова, из которых оно состояло, оказались весьма простыми, они тут же признали главенство бандита и согласились безоговорочно ему подчиняться.

— Куда стрельнуть?

В воздухе над морем возникла мишень с концентрическими треугольниками. Капитан вскинул руку с арбалетом и, не целясь, спустил курок, уверенный, что не промахнется. Стрела, тихо фыркнув, вонзилась точно в центр самого маленького треугольника.

— Неплохо. — полковник цыкнул зубом, — Весьма… А теперь вон туда, — и он показал пальцем в сторону, противоположную мишени.

Бандит натянул тетиву, наложил болт и, направив его острие в указанную сторону, выстрелил. Проводив болт взглядом, Капитан на мгновение опешил: болт торчал из самой середины солнца! Впрочем, ясно же, что все здесь липовое. Картинки, фуфло!

— Ох, и будет мне с тобой мороки… — вздохнул полковник. — Теперь давай проверим, как ты дерешься.

На пляже возникло подобие человека. Оно состояло из костей, на которые были прилеплены веретенообразные мускулы. Капитан вскочил, потирая кулаки. Но драка странным образом не сложилась. Мускулистый скелет прыгал слишком высоко, а костистая нога при каждом ударе, казалось, вытягивается вдвое. Несколько раз Капитану удавалось поставить удачный блок. Но подлый скелет снял с себя голову и запустил ею в бандита. Твердый череп влепился Капитану в солнечное сплетение. Воздух со свистом выскочил из легких, в глазах потемнело. Первое, что увидел Капитан, с трудом поднявшись на ноги, это хохочущие рожи Клая Бонифация.

— Ой, уморил! Ну, потешил! — заливался полковник, — хватит, хватит!..

— Чо такое, в натуре? — оскорбился бандит. — Я не въехал! Чего за подколы?

— Просто ты борешься, как шут! — сообщил Клай-Бонифаций. — Ну, как скоморох на ярмарке. Твой приятель, кстати, еще смешнее.

Капитан, который кипел от злости, на пике своего возбуждения сумел-таки проникнуть в виртуальную тварь. В следующий момент скелет с мышцами угрожающе направился в сторону Клая Бонифация. Тот, казалось, опешил от такого поворота событий. На мгновение бандиту показалось, что сразу несколько проекций полковника наложились одна на другую. Впечатление было таким, будто монстр слегка завибрировал, оставаясь при этом совершенно неподвижным.

На обеих лицах полковника появилось насупленное выражение, и лишь после этого боевая виртуальная машина растворилась в воздухе.

— И что мне с тобой делать? — Озадаченно проговорило левое лицо.

Капитан молчал, все еще продолжая с ненавистью разглядывать полковника. Наконец, решение было принято, и на лицах полковника расцвели широкие улыбки.

— Если ты и твой друг не захотите, то я ничем помочь вам не смогу. Верну плату вашей Ма-Мин, неустойку, и делу конец. Но если вы действительно желаете научиться Высокому Воинскому

Мастерству, — Клай-Бонифаций произнес эти слова именно так, с прописных букв, — вы должны дать мне обещание ничего не… Изменять. И не ходить туда, где водятся катопеды.

— Это такие вытянутые хреновины?

— Нет, это такие лапы, в которые надо кое-что положить. И особенно не рекомендуется вырывать их с корнем. За это, если такое повторится в будущем — немедленное отчисление без возможности восстановления.

Капитан понял, что полковник раскусил его почти с первого взгляда, а сейчас лишь испытывал, ища подтверждения и, как видно, нашел. Поэтому бандит решил для себя, что впредь будет гораздо осторожнее. В крайнем случае, надо научиться как следует заметать следы. А искусству заметать следы Капитан отдал на Земле не один год.

— Ежели куда-то захочется, а там стоит защита, — миролюбиво проговорил Клай Бонифаций, — зови меня. Проведу.

На этом первая беседа закончилась и начались трудовые будни. Боцман, которому досталось от полковника гораздо меньше, добросовестно исполнял его предписание не ходить в виртуальном мире куда попало. После встречи с матерью кербов он стал каким-то странным. В его глазах изредка зажигались огоньки, присущие только одному сорту людей — фанатикам. Даже во сне Боцман вел себя крайне беспокойно, ворочался и бормотал. Как-то прислушавшись, Капитан разобрал отдельные слова: его коллега на языке кербов звал Ма-Мин. Толстый бандит по всем внешним признакам оказался влюблен в эту скрытую постоянным туманом груду плоти. Что послужило причиной такого странного проявления чувств, Капитан пока не мог понять. Может, Ма-Мин облучила Боцмана какой-то своей чертовой радиацией? Или отравила ферамонами? Почему тогда сам Капитан не испытывал к ржущему сгустку тумана ничего, кроме любопытства? Пора разобраться, кто же такая Ма-Мин и что ей надо.

Но в первые недели две на это просто не было времени. Бандиты заваливались в свою комнату и забывались в глубоком сне до тех пор, пока будильник, встроенный в одеяла, не начинал щекотать им пятки.

Капитан всегда ненавидел компьютерные игры, считая их пустой тратой времени и методом наискорейшего разрушения компьютерной клавиатуры. Теперь же две трети тренировочного времени ему приходилось проводить за игрой в бирюльки. Иначе он это не называл. После завтрака и легкой разминки в тренажерном зале, который Боцман с первого раза принял за очередную пыточную камеру, бандиты перемещались в

пьютерный зал. Сопровождал их личный инструктор, атсан с обычным для этих кочерыжек непроизносимым именем Рогасторстопинклетц, сокращенно бон Рог. В зале до самого обеда им предстояло резаться в виртуальный тренировочный комплекс «Дума-(».

Как потом узнал Капитан, «Думу» создавали именно для тренировочных целей. Лишь позже, когда атсаны несколько раз пытались взломать сеть Клая Бонифация и узнать какие-нибудь из его секретов, полковник специально упростил «Думу», сократил количество уровней и нашпиговал пространство игры разного рода нечистью. Среди нечисти, правда, остались персонажи для обучения боевой дипломатии, но Клай Бонифаций полностью заменил им сценарий бесед, заставив требовать нахождения всяких артефактов или давать бессмысленные советы. В тайниках полковник разбросал несколько поврежденных тренажеров, чтобы атсаны поломали головы над их назначением. Защитив весь этот мусор самым простым паролем, хитрый полковник оставил испорченную «Думу» без присмотра. Каково же было его удивление, когда к нему на аудиенцию приперлась делегация кочерыжек с просьбой о продаже полной версии «Думы». Игра так понравилась атсанам, что они были готовы отдать за нее почти что угодно. Клай Бонифаций потребовал неохватное количество сведений. Атсаны, посовещавшись, урезали требования на половину. Клай Бонифаций поспешно согласился — он не надеялся и на четверть того, что запросил.

Идея превратить тренировку в игру оказалась золотой: полковник гвардии стал торговать компакт-дисками с «Думой» во всех мирах по обе стороны Бильреста — по крайней мере, в тех из них, где существовала вычислительная техника. На Митинский радиорынок первая игра не попала, зато Клай Бонифаций стал строгать ей подобные в огромных количествах. На Земле они получили наименования «квестов», «ролевых игр», «трехмерных ходилок-стрелялок», «симуляторов рукопашного боя». Некоторые земные фирмы занялись плагиатом и начали выпускать игры, всем, даже названием, напоминавшие детище полковника. Но Клай Бонифаций не тратил силы на борьбу с пиратством: доходы Арконы и без того подскочили на огромную высоту — полковник был патриотом и щедро делился с казной.

Капитан узнал это, роясь в многочисленных библиотечных файлах. Ему странным образом начал нравиться сам процесс поиска информации: прямые ссылки, туманные намеки, соответствия и несоответствия текстов, случайные и намеренные ошибки авторов… Иногда Капитану начинало казаться, что он всю жизнь занимался ерундой и только теперь, наконец, получил

возможность делать настоящее дело. Впрочем, возможность не слишком широкую: основное время ему приходилось тратить на дурацкую беготню по виртуальным коридорам, уворачиваясь от медленных виртуальных семян, пущенных из виртуального стручка. Во второе посещение «Думы» Капитан попытался кое-что исправить. Ему не понравился один скелет с атсанским лемуром. Глаза лемура выбрасывали убийственные молнии, мимо скелета никак не удавалось пройти. Но едва Капитан попытался заставить виртуального противника отвернуться, в коридоре вдруг возник Клай Бонифаций и очень по-человечески погрозил бандиту пальцем. После такого явления Капитан на время прекратил попытки, поняв, что находится под неусыпным контролем полковника.

На обед каждый день подавали одно и то же: копченого прокурора, потом в тонкой фарфоровой миске — местный деликатес, суп «остат» с тушеной капустой, а на десерт — блинчики с засахаренными глазами сисопа.

— В первый раз могу выпить пивка и закусить прокурором! — говорил Боцман в редкие минуты просветления, которые происходили у него после принятия пищи. — Если вдуматься, правда, то гадость этот прокурор полная, хотя и птица. Вот супец еще туда-сюда. Ну а сисопьи зенки твердые, как ледышки, не понимаю, почему они тебе нравятся?

— У нас в Рязани блины с глазами, — неизменно отвечал Капитан, — их едят, а они глядят.

Боцман не унимался:

— А почему нет адвоката? Прокурора сожрали, а где адвокат? Я требую адвоката!

Такими разглагольствованиями он заставлял себя отвлечься от того, что ему готовило расписание занятий. Страх перед тренажерами, засевший в душе бандита с ознакомительного визита в этот зал, оставался до сих пор. И тренировочные приспособления отвечали Боцману тем же. Они постоянно ломались, автоматически переходили в другие режимы, просто отказывались выполнять свои функции. Киморы, обслуживавшие эти комплексы, только разводили лапками.

Капитан же занимался с удовольствием. Его не пугали ни «язык анзю», растение с несколькими листами ядовито-красного цвета, которые росли так быстро, что их использовали в качестве беговых дорожек, ни залипан, студенистое и вонючее непонятно что, на котором рекомендовалось делать отжимания и топтаться на месте, ни снабженный огромной зубастой пастью и десятками конечностей ишам, используемый в качестве «шведской стенки».

За несколько дней Капитан перепробовал все живые и

неживые тренажеры. Живые понравились больше. Они издавали непривычные запахи, злобно вращали увесистыми тычинками, сочились скользким соком, но зато не лязгали цепями и пластинами и не стремились защемить тебе палец во время настройки.

Железные приспособления тоже присутствовали в этом зале — сваленные в дальнем углу. Происхождение их было сперва не совсем ясно, но однажды Боцман, очередной раз пиная заевший агрегат со множеством противовесов и балансиров, выбил из-под слоя ржавчины табличку. Стерев с нее позднейшие наслоения, он прочитал: «Мастеръ Шубинъ. Поставщикъ ЕИВ. Хумскъ. 1898.» С тех пор Боцман стал с большим пиететом относиться к этой проржавевшей архитектуре и даже, провозившись несколько дней, удалил с исторических раритетов всю ржавчину. Раритеты заблестели, но шуметь от этого стали сильнее. Раньше ржа хоть немного, да приглушала звуки от столкновения металлических частей. Использовались с тех пор эти допотопные штуковины только Боцманом, к неудовольствию всех остальных посетителей, уже привыкших к тишине. Но все равно, железяки при первой же возможности старались покалечить своего благодетеля. Когда тяжелая штанга, сорвавшись со стойки, в очередной раз чуть не лишала Боцмана пальцев, козлоног Парган, тренировавшийся рядом на залипане, приговаривал:

— Железный человек! Гроза Строителей! Хо-хо…

Боцман неизменно цедил в ответ:

— Коз-зел!

После очередного обмена комплиментами между козлоногом и Боцманом Капитан не выдержал:

— Почему — гроза строителей? Ментов, там, рогачей… Но строители-то причем?

Парган удивился:

— Забавно. Личинка тренирует двух бугаев по высшему обряду…

— Не смей так называть святую Ма-Мин! — Взвизгнул Боцман, уронив штангу.

— Заткнись, — оборвал его Капитан и снова обратился к болтливому козлоногу. — Да, мы тренируемся на средства святой Ма-Мин, чтобы изловить и доставить в ее распоряжение клиента… Ну, то есть…

— Тромпа, рыцаря короны, — подхватил Парган. — Так это чушь.

— Какого такого Тромпа?

Парган удивился еще больше:

— Во дают! Ваш клиент — рыцарь короны! А вы не знали?

Еще он — керб, по праву крови…

— Мы в курсе, — сказал Боцман, снова принимаясь за штангу работы мастера Шубина.

— Все равно, — продолжал козлоног, — высший обряд — это до фига и больше даже против рыцаря короны. Личинка из вас делает знаете кого?

Капитан и Боцман дружно замотали головами.

— Драконоборцев! — Парган поднял кривой палец. — Дипломированных рыцарей-драконоборцев. Вам, мужики, предстоит угондошить Строителей. Короче, я вам не завидую.

— Это почему же? — Нахмурился Капитан.

Парган пожал широкими мохнатыми плечами:

— Да просто потому, что Строители угондошат вас самих. На раз. Не то, чтобы вы, братки, были слабы… Но против Строителей и вам, и личинке, и цветку срать и срать. Мерности не хватит.

Про «постигательную мерность», измеряемую по шкале Хумана-Каца, Капитан уже вычитал в библиотеке. Он считал эту мерность полной чепухой: ни один самый умный-разумный профессор не устоит против тупого подростка из Мытищ — если речь идет, конечно, не о шахматной партии, а о простом мордобое… Так, а что за цветок за такой?

Капитан поглядел козлоногу в прищуренные узкие глазки:

— Ты упоминал цветок…

Козлоног удивился еще больше:

— Шеф. Полковник… А ты разве… Ну ты ваще!

— Клай Бонифаций?

— Значит, смотри. Пойдешь гулять, сверни случайно на третью улицу Строителей, она упирается в площадь Идрис-Шаха. Пересекаешь площадь, там стоит здание с куполом. Кабинет шефа. Зайди внутрь, сам все поймешь, как говорится — нажми на кнопку, увидишь попку.

Капитан так и поступил. После тренировки разрешалось прогуляться по Арконе, зайти в пивняк. Даже драки негласно поощрялись — курсанты Школы Благородства должны были драться всегда и везде. Зная это, завсегдатаи арконских кабачков старались вести себя потише, завидев серебристый камзол курсанта, а то и вовсе сделать ноги. Впрочем, сейчас Капитан не собирался наводить шухер в кабаках. Времени ему было отпущено мало, часа полтора. Надо успеть все разведать. Вот третья улица Строителей, широкая и пустая. Возле стеклянных подъездов официальных зданий припаркованы швабы — кастрированные, а потому смирные и неповоротливые. На таких швабах разъезжают чиновники из Совета Бородачей. Здания становились все выше, стены из голубого тонированного стекла сурово глядели на

одинокую фигуру Капитана, шедшего по середине улицы. Улица заканчивалась двумя дворцами — Дворцом Правоверия с плоской крышей, украшенной по углам фарфоровыми химерами, и Дворцом Совета, увенчанным вместо шпиля десятиметровой медной статуей Тромпа. Капитан остановился, рассматривая медные черты древнего героя. Действительно, лицом этот герой походил на клиента, на Фленджера, вонючего инженеришку. Неужели…

Ладно, об этом стоит подумать в библиотеке. А пока цель — вон то глухое здание на другой стороне площади. По площади гуляли редкие прохожие, в основном эквапыри-клерки. У дверей здания стоял часовой, арконский гвардеец в серой тунике и высоких хромовых сапогах. Он пытался исполнить свою функцию по отношению к двум козлоногам, бьющим копытами и размахивающим какими-то красными картонными прямоугольниками. Занятый непропусканием, часовой не заметил, как за его спиной тихо проскользнул в незапертую дверь Капитан.

После короткого коридора началась круговая галерея. А внизу, между кадками с обычными жрутерами, стоял жрутер-гигант. Его два сросшихся вместе огромных бутона непрерывно поглощали целые туши, подаваемые сверху на крючьях. Мало того, у хищного растения было столько разнообразных периферийных устройств, что Капитан, уже неплохо разбиравшийся в местной биотехнике, не смог идентифицировать и половины.

Бандит сразу понял, кто перед ним. «Цветок»! Клай Бонифаций собственной персоной! Внезапно длинный стебель, вынырнув откуда-то из-под галереи, завис перед Капитаном и вперил в него немигающий глаз. Капитан сделал стеблю ручкой — застукали, значит, застукали. В конце концов, курсант имеет право не только на драку в кабаке, но и на элементарное любопытство. Над глазом выпростался рот, который сказал знакомым по виртуалке голосом:

— Ну, поглазел, и будет!

Капитан кивнул, улыбнулся, изобразив смущение, и покинул кабинет шефа. Пора в библиотеку. Виртуальная библиотека уютно обступила Капитана со всех сторон своими теплыми слегка шершавыми на ощупь ящиками. Нужный текст нашелся практически сразу: он имел форму бутона и оказался хитрым образом зашифрован. Покрутив его так и сяк, Капитан попробовал надавить в местах, показавшихся наиболее подозрительными, но потом, по какому-то наитию, понял, что надо посадить бутон в валявшийся неподалеку пустой цветочный

горшок. Текст сразу пустил корни, и через минуту Капитан уже вырыл клубень в форме капусты. Листья ее были покрыты уже раскодированными письменами.

История Клая Бонифация, полковника гвардии, оказалась достаточно незамысловатой. Техники-атсаны, торопясь на свой ежегодный праздник, оставили стоять рядом два жрутера. Те были соединены и выполняли какое-то задание. Но из-за ошибки в свежевыращенной программе структуры жрутеров вошли в резонанс и принялись программировать друг друга. Результатом этого стало объединение двух жрутеров в один. Те два просто срослись, благо что стояли близко. Мало того, такое объединение придало жрутеру-мутанту разум. А мерность его, вопреки всем известным законам, возросла по правилу геометрического возрастания: 14 первого жрутера умножилось на 9 второго.

Сперва разумный жрутер едва не стал жертвой междоусобицы. Но вскоре обе его личности пришли ко взаимовыгодному компромиссу, поделив между собой сферы влияния. А спустя еще несколько часов и вовсе растворились одна в другой, образовав единый разум.

К возвращению техников жрутер уже придумал себе имя и успел взять под контроль весь жрутерно-пьютерный парк. Но, к счастью для окружающих и Совета Бородачей Арконы, манией величия жрутер-мутант не страдал. Заявив о своем существовании, Клай Бонифаций немедленно занял подобающее место в иерархии Арконы, утвердившись на посту Особого Советника при Бородачах в чине полковника гвардии. Бородачи не возражали: они были настолько заняты собственными интригами, что не заметили, как власть постепенно перешла в корни и бутоны разумного цветка.

Дальнейший текст был Капитану уже не интересен. Он бегло просмотрел подробности разнообразных социальных проектов, осуществлявшихся полковником, разработку им нового способа межгосударственных отношений — боевой дипломатии, историю основания Корпуса боевых дипломатов и Школы Благородства, в которой теперь обучались земные бандиты.

Но едва Капитан засунул «капусту» обратно в горшок, как сзади раздались мягкие удары одной лапы о другую. Повернувшись, Капитан обнаружил там аплодирующего Клая Бонифация.

— Браво! — воскликнуло левое лицо, и Клай Бонифаций весело притопнул всеми тремя лапами. — Тебя интересует история. Это хорошо, но я же просил со всеми вопросами обращаться прямо ко мне.

— Но вы так заняты… — Капитан выдернул уже налившийся

кодированной информацией бутон.

— Мой интерфейс позволяет вести диалог одновременно с двумя сотнями операторов. Ты это знаешь, и не пытайся меня обмануть.

— Тогда вопрос напрямую. — Хмыкнул бандит. — Почему у вас такая внешность? Не могли во что-нибудь более приличное обрядиться?

Обе пасти Клая Бонифация звонко щелкнули от такой наглости.

— А тебе мой вид кажется неприличным?

— А то! — воскликнул Капитан. — Ну, ладно, хомяк. Эти твари хотя и бесполезные, но и безвредные. Разве что на голову нагадят. Но две башки, три лапы, три руки до кучи… Это уж ни в какие ворота.

— Ты прочел легенду о моем зарождении?

— Так это телега?

— Нет. Это секретный канонический текст. Но там не было сказано главного. Один из операторов, запускавших новую программу, сделал для нее иконку — хомяка. Когда пошел сбой, она сдублировалась и на второй жрутер. А там они и срослись. И получилось вот это. — Клай Бонифаций обвел лапами свое странное тело. — Я могу его изменить, но оно напоминает мне процесс моего рождения. Ах, как давно это было!..

Капитан едва не расхохотался. Сентиментальный жрутер. Жрет и плачет.

ГЛАВА 3

Во время ежедневных «разборов» от сентиментальности Клая Бонифация не оставалось и следа. Возможно, он использовал для этих целей другую часть своего разветвленного сознания.

Боцман и Капитан, натянув на головы бутоны пьютеров, оказывались в подобии зала с боксерским рингом. На месте судьи, на высоком стуле, восседал полковник гвардии и комментировал все промахи обучающихся, сопровождая комментарии наглядной демонстрацией. На ринге возникал куб с трехмерной проекцией записи последнего визита в лабиринт. До неудачного поступка она летела с огромной скоростью, и Капитан всегда смотрел ее, раскрыв рот. Приятно было видеть себя самого с руками, ногами и прочими боевыми частями тела, мелькающими, словно лопасти пропеллера, от которых противники разлеталются во все стороны.

Но когда соискатель допускал ошибку, скорость проекции снижалась настолько, что Капитан внутри куба начинал двигаться, как вареная муха.

— Вместо того, чтобы прочувствовать дальнейший путь, ты идешь напролом, и вот результат, — безжалостно вещал Клай Бонифаций. За спиной Капитана рассыпалась, стена и из-за нее показывался вооруженный стручком эквапырь.

— Вот как это должно было быть.

Пространственная картинка возвращалась к моменту ошибки, и бандит видел не реальную картинку, а правильный ход боя, смоделированный полковником. На этой картинке Капитан бил по стене ногой, та осыпалась на эквапыря. Эквапырь начинал прочищать запорошенные песком выпуклые глаза — и терял драгоценные секунды, вслед за которыми терял сознание, а возможно — жизнь: Капитан терпеть не мог этих крыс, поэтому обычно молотил их в полную силу.

Удар в пах монаху-лентяю тоже не прошел незамеченным. А задержка перед плодом кербоеда была расписана в самых язвительных тонах. Да и в последнем зале Капитан немало напортачил, применяя методы борьбы с козлоногами против людей, защищаясь, как кимор, в то время как против него производили атаку в стиле «бешеного горбуна», которую полагалось отражать ударом «вояжирующего дистрофика».

В общей сложности Капитан совершил более десятка ошибок. Но эта цифра являлась его самым высоким достижением. Раньше количество накладок исчислялось количествами, едва не доходящими до сотни.

— Все понял? — спросил напоследок Клай Бонифаций.

— Ага. — отозвался Капитан.

— Тогда — на тренировку. — И проекция жрутера растворилась в виртуальном воздухе.

Бандит вышел из зала и, скрутив зал в небольшой кубик, подвесил на ветку, где уже болтались несколько точно таких же помещений. Те, которые в данный момент использовались, были окутаны светящейся дымкой, сквозь которую Капитан сумел бы с легкостью проникнуть. Но подобные забавы могли кончиться исключением, поэтому бандит направился выполнять распорядок.

Тренировочные залы находились неподалеку. В свернутом виде они напоминали кедровые шишки, но сильно меньшего размера. Клай Бонифаций, или какой-то безвестный техник, скомпоновал их в конус, который медленно вращался на своем острие в метре от пола. Выбрав свой зал, бандит развернул его и вошел внутрь.

Внешне это помещение напоминало зал для бальных танцев и аэробики одновременно. Зеркало во всю стену сохранялось всякий раз, а вот обстановка менялась в зависимости от программы. Сегодня здесь было почти все, с чем Капитан уже успел познакомиться: ступеньки, канаты горизонтальный и вертикальный, стенки разной высоты и ширины, обручи, подвешенные в воздухе, и еще куча всякой всячины. Рядом со входом валялся уже не нужный экзоскелет.

В этом сооружении, состоящем из трубок и шарниров, бандит провел не один час, оттачивая разнообразные движения. Сперва экзоскелет сам вел конечности Капитана. Потом он лишь корректировал, заставляя руки или ноги чуть сместиться для занятия правильной позиции. А теперь его заменил виртуальный двойник.

Этот псевдо-Капитан и сейчас возник перед настоящим бандитом. Дубль сделал шаг вперед, подпрыгнул и оказался стоящим на тонюсеньком горизонтальном канате. Раньше для Капитана такой трюк был бы немыслим, но сейчас, после нескольких недель тренировок, он с легкостью повторил движения двойника. После этого первого шага тренировка, собственно, и началась. Капитан перепрыгивал через препятствия, делал плавные и резкие движения руками, скакал со стены на стену, выполняя при этом сальто, замирал на месте, чтобы через мгновение, в кувырке назад, встать на шаткий обруч. За обручем следовала карусель — плоская чуть наклоненная вращающаяся платформа, через которую следовало пробежать на руках. Потом — римский танец: не вставая на ноги, все так же на руках надо было пересечь небольшой участок, усеянный ножами, воткнутыми

остриями вверх. Наконец, самое трудное и противное: площадка, залитая маслом. На этом масле требовалось сплясать чарльстон, потом подпрыгнуть, сделав сальто, и уцепиться ступнями за свисавшие на тонких шнурах гимнастические кольца. Теперь раскачаться, дотянуться руками до свисавшего рядом мотка колючей проволоки и схватиться за него пальцами, не задев за колючки. Прошлый раз, когда Капитан, решив, что боль вполне можно перетерпеть, сграбастал проволоку всей пятерней, тренировка была остановлена. Повиснув на пальцах, Капитан совершил несколько круговых движений прямыми ногами, заставив свое тело вращаться. Повинуясь этому сигналу, проволока пошла вверх, увлекая Капитана к люку в потолке — выходу из зала. Почти у самого люка перед лицом проплыла треугольная мишень. Капитан попал в самый центр мишени метким плевком. В ушах раздался мелодичный звон — двойник, висевший неподалеку на своем мотке проволоки, исчез. Тренировка закончилась.

Все эти телодвижения казались раньше пустой тратой времени, как и игра в «Думу». Но после определенного времени в них появился смысл. Капитан действительно научился биться гораздо лучше, чем раньше. Он освоил и методы нейтрализации нечеловеческих противников — правда, против кербов никакого комплекса почему-то не было.

Поставив свой зал на место, Капитан выбрался из бутона пьютера и огляделся по сторонам. Боцман, потный, но дышавший на удивление легко, уже сидел у выхода в пьютерную и обмахивался ладонью.

— Ну, на помывку и домой?

— Не, я по городу прошвырнусь, — покачал головой Капитан, — а то давай, в кабак, к бабам. Тут такая козлоножиха есть. Сиськи — во! — он показал руками нечто, напоминающее пару двадцатикилограммовых арбузов.

— А, брось, — сразу помрачнел Боцман. — Развлекайся со своими бабами. Мне строфарии принеси. Бочонок.

— Не лопнешь, кербова задница!? — Капитан не очень любил, когда им помыкали.

— Ладно, — покладисто закивал Боцман. — Сам схожу. Попозже…

Вечером, когда программа на день была закончена, воспитанникам Корпуса полагалась долгая прогулка по Арконе. Некоторые, типа монахов-лентяев, просто лежали на многочисленных газонах и предавались излюбленному способу медитации. Впрочем, делали они это не от хорошей жизни: почитателей Катасы просто не снабжали карманными деньгами,

предоставляя им возможность просить подаяние. Но этот культ не был широко распространен в Арконе, как и вообще любое нищенство — священное или светское. Поэтому монахи-лентяи не имели возможности даже посидеть в самой дешевой забегаловке.

Зато другие курсанты, например, жители высокогорной Одононии, лусыны, дальние родственники атсанов, могли за вечер промотать в кабаках несколько тысяч платиновых квадратов и при этом не обеднеть ни на гран. Эти карлики с телами, напоминавшими золотистые желуди, были до неприличия богаты. Капитан и Боцман не раз порывались растрясти кого-нибудь из них, но драться друг с другом иначе, как на тренировках, курсантам строго воспрещалось. Поэтому бандиты трясли в основном толстозадых ермунградских купцов, неожиданно врываясь в уютные кабачки Вельса — южного района Арконы, застроенного постоялыми дворами. Капитан уже продумал план, как попасть в «Гнездо хомяка» и никого не распугать. «Гнездо» занимало пентхаус постоялого двора «Гесер-Хаузер» — здоровенного отеля, с фасада сплошь обшитого тонированным стеклом. Но задний двор отеля смело можно было назвать мечтой альпиниста-любителя: неровная каменная кладка, многочисленные балконы и пожарные лестницы позволяли легко взобраться на самый верх, к пентхаусу. Потом три метра по узкому карнизу — кто танцевал чарльстон в масле, тому никакие карнизы не помеха. И ты в центре событий: девки визжат, купчишки застревают в узких дверях, сплетаясь длиннополыми меховыми плащами. В хрустальной люстре отражается серебряный блеск камзола — если открыто гуляешь в камзоле курсанта, то можешь вертеть кого угодно на чем угодно. А хозяина «Гнезда», старого эквапыря по имени Петирим, давно пора чуток подраззорить. Ребята в Школе Благородства говорили, что когда-то Петирим был нормальным пацаном, работал на Силена, местного авторитета, и носил погоняло «Сорока». А потом ссучился, кого-то сдал, а на вырученные бабки открыл «Гнездо хомяка». Пусть попляшет над своей строфарией, крыса…

Но тут Капитан понял, что ему лень. Неужели он скоро станет похож на монаха? Нет, едва ли. Все дело в библиотеке. Библиотека манила сильнее, чем кабацкие приключения. А самое главное — Капитан вспомнил, что именно сейчас идет процесс основного вечернего кормления жрутеров. Полковник будет так занят поглощением очередной партии туш, что, авось, проморгает кое-что… Решено. Капитан отправился в пьютерную.

В одном из стандартных ящичков основной картотеки у Капитана лежал плод его недельных усилий. Точная копия его самого, втихую сдублированная с двойника в тренировочном

зале, и приспособление, с помощью которого бандит, по его расчетам, мог становиться невидимым для пьютерно-жрутерной сети. В сущности своей это была универсальная отмычка. Капитан, как специалист по культурному взлому замков, сумел раскусить общий алгоритм кодирования виртуального пространства и за полчаса сваять это устройство. Оно получилось похожим на сковороду с ногами. На гладкой поверхности предполагалось сидеть, а рукоятка автоматически указывала направление на разыскиваемую информацию.

Для проверки Капитан нагло взломал один из ящичков, где, как он точно знал, не содержалось ничего ценного, кроме речей каждого из Совета Бородачей. Кары не последовало. Аккуратно восстановив все как было, бандит принялся осуществлять замысел.

Виртуальный двойник в свернутом виде походил на кубик, каких в пространстве Клая Бонифация было великое множество. Развернув свое создание, Капитан дописал незаконченную кодовую фразу, и двойник, приобретя целостность и завершенность, принялся за работу: открыл разрешенный для просмотра ящик картотеки с текстами и принялся методично, ничего не пропуская, изучать виртуальные пергаменты. В его программу Капитан вставил возможность диалога, но сомневался, что Клай Бонифаций побеспокоит слушателя, который с угрюмым видом читает все подряд.

«Сковородка» тоже была готова к действию. Капитан сел на нее, скрестив ноги, и приказал:

— Ищи информацию о Ма-Мин.

Рукоятка отмычки сперва принюхалась, потом фыркнула в трех разных направлениях и замерла, ожидая указаний.

— Туда, где больше. — уточнил бандит.

«Сковородка» повернулась в нужную сторону. Ножки заработали, и отмычка вместе с Капитаном пошла прямо сквозь стену. Виртуальное пространство словно раздвигалось при приближении затупленного носа отмычки, а затем склеивалось вновь.

Не один раз Капитан просил Клая Бонифация рассказать про Ма-Мин. Но хитрый жрутер, несмотря на постоянные заверения, что Капитану надо всего лишь попросить, и все будет ему выдано на подносе с позолоченными краями, под всякими предлогами постоянно оттягивал выполнение обещания. После третьего завуалированного отказа, когда Клай Бонифаций заявил, что оставил код допуска к этим сведениям в отключенном пьютере, бандит решил добывать их сам.

Освоившись в новой обстановке, Капитан стал разглядывать

окружающее пространство. Отмычка проходила мимо каких-то светящихся построек, невозможных в мире с притяжением. Во все стороны тянулись ветвящиеся трубы, связывающие разные виртуальные массивы, а рядом с постройками сновали туда-сюда уже знакомые Капитану по первому путешествию торпеды.

«Сковородка» без проблем прошла сквозь одну из таких торпед, раздвинула стену, и Капитан оказался в помещении, похожем на бесконечный затхлый подвал с низким потолком — нечто вроде сокровищницы скупого рыцаря. Точнее, нескольких сотен скооперировавшихся скупых рыцарей.

Сколько хватало глаза, почти до горизонта подвал был заполнен висящими в воздухе сундуками. Сундуки различались отделкой, количеством замков наружных и внутренних, некоторые были дополнительно обвязаны цепями. А у одного, центрального, даже стояла охрана в виде восьми вооруженных до зубов монстров, точных копий огнедышащих швабов из «Думы». Впрочем, и обычной охраны тут хватало с избытком. В свободном от сундуков пространстве носились торпеды — не серые, как те, что снаружи, а переливавшиеся всеми оттенками радуги.

Рукоять отмычки, к облегчению Капитана, повлекла всю конструкцию к хранилищу средней защищенности. На этом сундуке была всего одна цепь и три навесных кодовых замка. Но едва нос «сковородки» приблизился к сундуку, как окованая железом крышка разошлась вместе с опутывающими ее цепями, и взору Капитана предстала стопка уже привычных пергаментов.

«Ма-Мин» — крупно было выведено на верхнем листе. Больше ничего. Капитану, однако, требовалось прочесть и все остальное. Рукоятка отмычки лишь разводила виртуальную материю в разные стороны, разрывая досье на две части. Бандиту пришлось поманеврировать своим средством передвижения, пока он не добился того, что «сковородка» встала к рукописи боком и при каждом движении срезала очередной лист. Иначе действовать было невозможно. Попытайся Капитан скопировать текст, поднялась бы тревога.

Вторая страница представляла собой анкету.

«Имя: Ма-Мин.

Пол: Ж.

Возраст: До выблевывания Мира. (См. лист 4.) Видовая принадлежность: Самка керба. (Примечание: единственная особь. См. листы 16, 22, 23.) Функция: Родительница кербов. (См. лист 5.) Общественный статус: Божественна на треть.

Мерность: 100,00. (Примечание: Мерность Ма-Мин принята как эталон.) Хобби: Создание сетей.

Особые приметы: Похотлива безмерно. Ржет как лошадь,

окружает себя туманом, пьет только из Священного источника Ру, передвигается без труда, но в последние 483 года не перемещалась.»

Капитан просмотрел еще с десяток пунктов, но они показались ему маловразумительными, и он стал знакомиться со следующими страницами. На листе номер четыре излагалась история появления Ма-Мин на свет — эту историю Капитан уже слыхал от эрлика. Потом шла легенда о том, как появился первый керб, как сынок с мамочкой рыли тоннели, как благодаря постоянным интригам Ма-Мин кербы воевали с представителями других рас и как все более-менее устаканилось.

На последних страницах оказались уже какие-то предсказания. Их было несколько, они различались лишь некоторыми несущественными деталями, но сходились в одном. Ма-Мин должна была погибнуть после того, как у нее появятся две сестры — Ма-Мэн и Ма-Мон. Сами они не убьют мать кербов, но призовут к ней гибель. А после, если согласятся стать владычицами подземелий, разделят кербов на два лагеря, и те вымрут в начавшихся междоусобицах. Но, по одним сведениям, это уже произошло, а по другим — должно случиться в далеком будущем, так что Капитан, хотя и почувствовал, что эта легенда каким-то боком касается и его, все-таки отнесся к предсказаниям весьма скептично. Самый последний лист, наверное, попал в сундук по ошибке. Капитан прочел:

«Пьерменар из Гельвении. Старик и море.

Старик сидит у моря — а море тихо плещет. Он пьет из чаши горя — а море тихо плещет. Он хочет утопиться — а море тихо плещет. Ему пора жениться — а море…»

На этом нелепый текст обрывался.

Возвращение прошло точно так же, как и путь в хранилище секретов. Без приключений. Но когда отмычка, неся на себе Капитана, прибыла в исходную позицию, бандит увидел перед собой нечто странное. Его двойник, как ему и было положено, перебирал все тексты подряд — а вокруг него творилась настоящая свистопляска. По воздуху, сшибая все на своем пути, носилось несколько синих клякс. Они метались, как сумасшедшие, и оставляли за собой черный след разрушенной информации. При этом кляксы всеми силами пытались привлечь внимание дубля, но безуспешно. А их постоянно атаковали белые облачка — отпихивали кляксы своими аморфными телами, и те поддавались на толчки, но в следующий момент синие глотали белых. Однако, на смену погибшим тут же возникали новые, и битва продолжалась.

Кто такие белые облачка, бандит знал точно. Судя по

секретному досье, именно так выглядели защитники Ма-Мин в виртуалке. Ну а синие чем-то очень напоминали шефа, хозяина Мерлин-пресс. Хотя, чем? Капитан сам удивился своей мысли. В кобчике стрельнуло резкой болью. Опасность. Капитан и сам видел, что дело дрянь. Да и время уже на исходе. С минуты на минуту кормление Клая Бонифация должно закончиться, и он наверняка заглянет сюда.

Не мешкая, бандит отключил защиту отмычки и запустил механизмы свертывания. «Сковородка» и двойник мгновенно исчезли. Вовремя, слава Ру-Бьек. Едва оба запретных предмета оказались спрятаны, как возле Капитана появилась туша Клая Бонифация.

— Сиськи Катасы! — Воскликнул жрутер, — они же мне тут все покалечили! А ты куда смотрел?!

— Я, это… Зачитался. — Капитан усиленно мигал и пытался сделать вид, что только что увидел творящееся вокруг него безобразие.

— Капитан! — явственно заорала знакомым голосом одна из амеб, — Швабова сыть!..

Но продолжение не удалось, в кляксу врезалась истошно заржавшее облачко, и та замолкла на полуслове.

— Ну как ты такое мог допустить? — меховые лапки Клая Бонифация негодующе притаптывали, все три руки размахивали кулаками. — Останови же их, живо!

— Как? — бандит на мгновение замешкался, поняв, что уже давно пора сваливать.

— Ах, уши Тромпа!.. Поздно! — закричала проекция жрутера, и Капитан увидел, как двуличный хомяк разделился на верхнюю и нижнюю половины. Ноги, лишенные управления голов, помчались вперед, а торс, перебирая руками, начал рваться вверх. Не дожидаясь, чем это закончится, бандит вырвал голову из бутона пьютера. Едва он это сделал, как бутон словно провалился внутрь себя. По цветку прошла волна спазма, и он увял прямо на глазах. Капитан, представив, что бы случилось, помедли он хоть секунду, невольно содрогнулся.

«Сковородка» и двойник были потеряны безвозвратно, но бандит и так узнал почти все, что хотел. Интересно, конечно, что скрывал центральный сундук, но теперь, чтобы совершить к нему вояж, надо потратить не меньше двух-трех дней на восстановление приспособлений.

Соседний пьютер вдруг поднял бутон и замахал листьями.

— Капитан, — позвал образовавшийся в стебле динамик, — Иди сюда!

Капитан полагал, что никто, кроме Клая Бонифация, на такое

не способен, и поэтому торопливо натянул на голову бутон. Но, уже подключаясь к виртуальному миру, он понял, что жрутер позвал бы несколько по-другому…

Поздно. Мир провалился в темноту — а может, все миры по обе стороны Бильреста исчезли в этой всепоглощающей черной вате.

— Эй, что за приколы?! — Агрессивно выкрикнул во мрак Капитан, сразу попытавшись сдернуть бутон. Но тот не поддавался.

— Ну, Ма-Минова сучка, не ждала меня?! — Послышался почти забытый голос, и из-за тьмы, словно из-за портьеры, появилась голова. Голос Капитан, все-таки, узнал. Ниже и гуще, похожий не столько на голос, сколько на рокот мощного двигателя — но это был голос хозяина. Зато голова… Почти такую же Капитан видел где-то, кажется — на стене в кабаке у Петирима… Нет, кабак назывался «Дракон». Дракон?! Да, это была голова дракона. Огромная, сверкавшая черным лаком. Капитану не показалось странным, что он может видеть черную голову на черном фоне. Такой ерунде уже не было сил удивляться. Красноватые блики переливались на гладкой черной чешуе. Серебристые острые зубы светились изнутри, желтые длинные усы, извиваясь, тянулись назад, заплетаясь вокруг таких же желтых рогов. А глаза… Заглянув в эти глаза, чуть заплывшие, налившиеся краснотой, Капитан осознал, что перед ним не кто иной, как хозяин.

— Шеф? — Капитан попытался отступить на шаг, но виртуальное тело не слушалось.

Дракон продолжал выползать из непроницаемой мглы. Мощные лапы с серебристыми изогнутыми когтями, гигантское тело, все черное, кроме брюха. Брюхо было розовое, нежное. Вдоль спины, переходя на длинный острый хвост, тянется гребень — такой же, как у керба. Появившись целиком, дракон громогласно расхохотался:

— А ты уж меня подзабыла?

— Нет, нет, шеф! — Замотал бандит головой — единственной частью тела, сохранившей подвижность, и одновременно разглядывая гигантское тело рептилии. — Мы готовимся к заданию…

— А теперь готовьтесь к сношанию! — Покатился со смеху хозяин и нервно забил хвостом, словно процесс, о котором он намекнул, уже произошел.

— Так ведь…

— В жопе медведь! — Дракон выдохнул слабосветящийся столб вонючего газа. — Как вас, ублюдков угораздило попить

мочи Тромпа? Теперь вам место в девичнике, ясно, ты, глазок шоколадный?

— Н-нет… — проблеял Капитан, но дракон его не слушал:

— Не только попили, но и поплескались… Караси. Теперь вы оба у личинки в лапах. Хотя, какие у нее, на фиг, лапы?!..

— Мы с вами, хозяин, — искренне соврал Капитан. Он слегка успокоился и разобрался в ситуации. Шеф каким-то образом блокировал доступ Клая Бонифация к этому пьютеру и вышел на него из своей собственной сети. Тягаться с бывшим боссом Капитану не хотелось. С другой стороны, пьютерная расположена под землей. Значит, здесь, как и в остальных подземельях, власть Ма-Мин сильнее, а начальник, хотя и присутствует в этом пьютере, но лишь в виде иконки. Поэтому реальной власти у него нет. Но все равно, лучше не нарываться.

— Смотри у меня! — рыкнул дракон.

— Позвольте доложить? — спросил Капитан.

— Говно сторожить! Докладывай!

— Клиент стал здесь рыцарем короны и попал к атсанам.

— Без тебя знаю. — Шеф махнул лапой.

В это время Капитан лихорадочно пытался разобраться в сути блокировки. Дело осложнялось тем, что слова, составляющие это пространство, нельзя было прочесть глазами, и приходилось действовать на ощупь.

— Мы попали к Ма-Мин и, чтобы спасти себя для выполнения вашего задания, прикинулись, что хотим ей послужить. А она прислала нас сюда на обучение.

— Лихо гонишь. — Для дракона слова бандита показались малоубедительными. — Или ты…

Шеф пристально посмотрел на Капитана.

— А сейчас мы интенсивно учимся, чтобы во всеоружии замочить клиента.

О том, что оного клиента они с Боцманом поклялись живым и здоровым доставить Ма-Мин, бандит умолчал. На крайняк, если шеф вдруг об этом пронюхает, Капитан мог бы сказать, что инженер будет убит после визита к Ма-Мин. Надо же знать, для чего он ей понадобился!

— Ладно… — буркнул хозяин, и в этот момент Капитан прочитал структуру темного пространства — не глазами, а кончиками неподвижных пальцев. И кобчиком. Капитан не стал раздумывать, как у него это вышло. Он просто вздохнул:

— Фух…

Вздох наложился на текст, из которого дракон сплел кокон. «Фух» встало в нужное место, кокон начал разваливаться.

В первую же трещину хлынул привычный голубовато-зеленый

свет, а вслед за лучом света сразу пролез Клай Бонифаций.

— Привет, Нуф, — обратился он к дракону, — зачем мои сети колешь?

— А пошел бы ты дрова жевать, переросток! — Хрюкнул дракон и, обратив свою морду к Капитану, добавил:

— А ты жди указаний!

Последние обрывки кокона мрака растаяли синими кляксами, а вместе с ними испарился и Нуфнир.

— Какие у тебя дела с Нуфниром? — сурово спросил Клай Бонифаций. На его плюшевых мордочках гнев выглядел очень забавно, и Капитан, после напряжения последних минут, дал себе разрядку в долгом заливистом хохоте. Клай Бонифаций нетерпеливо ждал окончания концерта, потряхивая усиками.

— Кто такой Нуфнир? — Спросил бандит, вытирая выступившие слезы.

— Строитель. — Пояснил жрутер, — Дракон.

— А чего он строил?

— Ну… — замялся Клай Бонифаций.

— Слушай, Клай и слушай, Бонифаций, — подбоченившись Капитан исподлобья встретил взгляд всех глаз монстра. — Или ты даешь мне то, что я прошу, или я больше не буду рушить этот колпак, когда придет Строитель. Ты сам-то с ним не справился!

— Так у него ж мерность была… — и жрутер замолк на полуслове. — Ладно, завтра я выдам тебе все про Строителей.

— А Ма-Мин? — Бандит вынужден был играть в неведение, чтобы не раскрыть своих методов.

— И Ма-Мин, — вздохнули обе мордочки Клая Бонифация. — Так ты не ответил, что у тебя с Нуфниром?

— Работал я на него.

— Ах, даже так… — поразился жрутер. — А сейчас?

— Сейчас — не знаю…

— О, великое Ру-Бьек, — все три верхние конечности хомяка растопырились, — такого еще не было со времен выблевывания мира! Посланец Ма-Мин оказывается вассалом Строителя! Парадокс, Тромп тебя обмочи! Самый, что ни на есть, дерьмовый парадокс за всю мою службу Совету и народу Арконы!

«Как же, Совету и народу! — Думал Капитан, снимая с головы бутон, — знаю я, кому ты служишь. Ты только за себя. Как Тромп.» Капитан понятия не имел, как ему в голову пришла эта странная мысль. Но мысль, чувствовал он, была верная.

ГЛАВА 4

На следующее утро, после завтрака, разминки и душа, Боцман с Капитаном полезли в лабиринт. Как только бородатый толстяк услыхал от Капитана о визите хозяина, он как-то сразу собрался и, несмотря на бороду, уже больше походил на прежнего бесшабашного бандита, которым был до странного перемещения в Рунику.

Лабиринт встретил соискателя, как обычно: проглотил и собрался радостно переварить. Лишь только Капитан спрыгнул в люк, на него немедленно напал уже знакомый эквапырь. Но сам Капитан был другим — наверное, повлияла вчерашняя встреча: он понял, что находится в непостижимом для него самого состоянии духа и готов абсолютно ко всему. Именно о таком состоянии много раз талдычил бон Рог.

Эквапырь прыгнул на Капитана, но того в месте приземления уже не было. Нападавший в полете получил локтем по болевой точке у основания хвоста и продолжил свой путь в отключенном состоянии.

Все, что случалось дальше, прошло мимо сознания Капитана, словно утренняя передача новостей. Он двигался вперед, возвращался, нейтрализовывал ловушки, пробежал по слабо натянутой веревке над ямой с прыгающими червями, которые, сорвись он, обглодали бы Капитанские кости за несколько мгновений — и никакая розовая гадость с потолка не помогла бы. На сей раз манекены с атсанами внутри остались целы. Капитан, не теряя времени на разбивание деревянных увальней, просто лишал их конечностей — на чем дело и заканчивалось. К последнему залу бандит пришел после двухчасового пути, но все еще свежий и полный сил. Финальная битва проходила в одно касание, как, впрочем и все за этот проход: противники приближались к Капитану и немедленно отлетали, пополняя собою штабель неподвижных тел.

Наконец, все кончилось. Бандит недоуменно осмотрелся вокруг, опасаясь подвоха, но подвохи были исчерпаны. Оставшиеся в живых побежденные пришли в себя и тихо сидели у стенки, безразлично наблюдая за Капитаном. Нападать они явно не собирались. Остальные тем более не могли помешать.

Решительно направившись к подиуму с пьютером, Капитан надел бутон на голову — и оказался в пустом зале, пол и потолок которого были сплошь выложены лазурным кафелем. В центре на низком возвышении стоял золотой трон в форме бутона жрутера, стены были закрыты длинными переходящими в ковровые

дорожки стягами с разнообразными гербами. Между флагами развешано разнообразное холодное оружие, от сюрикенов до трехметровых пик.

— А, добрался…

Капитан повернул голову и встретился взглядом с грустным Боцманом.

— Сейчас хомяк припрется и выдаст тебе махалку. — сообщил толстяк. — Такую вот…

Только сейчас Капитан разглядел, что в руке Боцмана зажата рукоять меча. Но, в отличие от меча-телефона, этот просто резал глаза своим блеском.

— Приветствую тебя, соискатель, прошедший первое испытание.

На сей раз звук исходил от трона, где громоздилась туша Клая Бонифация. Капитан едва сдержал порыв гнева. Как? Только первое? А сколько же их вообще?

— Приблизься к нам. — Торжественно приказал полковник.

Капитан подошел к трону и демонстративно поковырял в носу.

Зазвучала дикая смесь фанфар и кимвалов, в средней руке Клая Бонифация возник меч, точная копия того, которым был награжден Боцман. Хомяк заставил Капитана встать на колени и на скорую руку произвел ритуал посвящения в рыцари.

— Нарекаю тебе имя, рыцарь. Отныне ты будешь зваться рыцарь Ма-мэн.

— Ты что, сдвинулся?! — Капитан вскочил с колен и, завладев наточенной железякой, замахнулся на хомяка. — Это же женское имя. Ты за кого меня тут держишь? За бабу?

Но Клай Бонифаций исчез за мгновение до того, как меч должен был бы перерубить его толстую шею.

— А откуда ты знаешь, что это женское имя? — Прозвучал вопрос из другого конца зала. Капитан понял, что почти прокололся, но вовремя придумал ответ:

— Успел с кербами пообщаться.

Действительно, в первые дни к Капитану и Боцману заглядывали кербы. Но после того, как полковник не досчитался нескольких соискателей, трехглавым жителям подземелий запретили наносить такие визиты.

— Ладно, — согласился жрутер, — считай это шуткой.

— Надо бы мне с тобой за понятия побазарить… — Капитан раскинул пальцы веером, — чтоб не шутковал, как не след. Да что толку? Один хрен фуфлыжник ты…

— Ну правильно, давай, оскорбляй меня! — Хомяк поднялся в воздух и стал описывать круги над головами бандитов. — А

сколько добра ты от меня видел, забыл?

— На рыжье от Ма-Мин? Ха!

— Ну так чего ты хочешь?

— Что и всегда. Информацию. — Капитан рубанул мечом по воздуху, — и другое имя.

— Хорошо, хорошо, — подозрительно быстро согласился Клай Бонифаций, — я обещал сегодня? Сегодня пока не кончилось. Так что, подожди.

И жрутер-хомяк исчез, но в следующее мгновение появился вновь:

— У меня от твоей болтовни сбой в программе произошел. Я должен тебе сказать, что отныне ты рыцарь без герба, а чтобы его получить, в смысле, заслужить — добро пожаловать на второй курс. Он, кстати, уже оплачен.

Клай Бонифаций опять покинул бандитов. Капитан, не мешкая, вылез из виртуального мира и отправился к выходу из лабиринта. На сей раз Боцмана пришлось немного подождать.

— Слышь, я не въехал, — Капитан взял появившегося коллегу за плечо и внимательно уставился тому в глаза, — каким макаром ты прошел эту мутотень раньше моего?

— Так элементарно! Этот последний зал — через стенку от входа. Глушишь первого, и дубасишь по стене. Та проваливается. А в самом начале там никого и нет. Всех позже вызывают.

— Ну, ты жучара! — со смесью восхищения и презрения воскликнул Капитан.

— Да и бон Рог говаривал, что уйти от навязываемого боя — признак мастерства, — гордо добавил Боцман.

— Давай, с понтом мастер, потопали хавать!

Сундук, окованный цепями и охраняемый целым виртуальным войском, все не давал Капитану покоя. Хотя Клай Бонифаций и исполнил обещание, выдав две корзины свитков про Ма-Мин и Строителей, но сведения эти, бандиту было с чем сравнивать, оказались весьма неполны и разбросаны по всяким нелепым текстам. Тем не менее, кое-что Капитан нашел — не прямые сведения, а лишь намек. Между двумя стихотворениями уже знакомого ему Пьерменара из Гельвении (первое называлось «Дон Кихот», а второе — «Капитанский сынишка») обнаружился кусочек научной статьи Каца и Хумана:

«Фленджер — это прибор, который портит звуки. Исходя из того, что весь мир по нашу сторону Бильреста представляет собой результат интерферренции звуковых волн…» На этом, собственно, статья и обрывалась. Но Капитан задумался: судя по всему, инженеришка, сам того не зная, оказался здесь важной шишкой. Точнее, занозой. Бревном в глазу у Ру-Бьек. Какой бы шкваркой

занюханной не был этот Дима в Москве, здесь он — Тромп, рыцарь короны, главный создатель этого мира… И главный разрушитель. Тот, Кто Все Испортит. Буквально Все — с больших букв. Неужели Ма-Мин хочет… Да, в этом надо разобраться. Курс окончен, впереди каникулы. Боцман пусть купчишек трясет и накачивается халявной строфарией. А Капитан засядет в библиотеку. Надо только восстановить отмычку…

Но как бандиты ни надеялись на каникулы, Клай Бонифаций был неумолим:

— Вы оба прете экстерном. Многие из Совета Бородачей, кстати о корешках с листиками, этим не довольны…

Каникулы накрылись, занятия продолжались полным ходом. Как выяснилось, для получения щита с гербом новопроизведенным рыцарям требовалось владение всеми видами имевшегося в Арконе оружия. А его было немало. Все, что касается стрелкового вооружения, Боцман с Капитаном прошли на раз. Стрелы, бумеранги и сюрикены, выпущенные бандитами, неизменно попадали в центр мишени. Некоторые сложности, правда, возникли со стручками разных калибров и лемурами. Первые стремились выпалить весь боезапас и впасть в ступор для созревания новой порции семян. Хотя это и происходило достаточно быстро, но пять минут на самоподзарядку в боевых условиях — непозволительная роскошь. Лемуры же никак не желали открывать глаза.

Наконец, бон Рог открыл несколько секретов. Стручок необходимо все время мягко поглаживать. Тогда он впадает в полусонное состояние и переходит в режим одиночных выстрелов. Лемура же, наоборот, надо постоянно будить, дергая за хвост. Боцман, конечно же, сразу попытался дернуть своего лемура за что-нибудь другое — и чуть не остался без руки: возмущенный лемур вырвался и, паля глазами во все стороны, с криком исчез в лабиринте. Больше Боцман не решался на эксперименты.

На все это, включая посещение тира, ушли ровно сутки.

Изучение многомерного оружия свелось к короткой лекции. Шестимерные арбалеты, семимерные метательные бритвы, восьмимерные выкидные ножи являлись, по местным меркам, оружием массового поражения и были запрещены. Аркона, как ни пыталась, не могла обойти этот запрет, наложенный, согласно легенде, самим Ру-Бьек. Бон Рог, увешав стены аудитории плакатами и схемами, объяснил, что единственный способ защититься от многомерных видов оружия — не попадаться в конус поражения. И добавил, что это — государственная тайна, доступная лишь посвященным рыцарям и их наставникам.

Основные сложности начались, когда бандиты стали овладевать секретами владения обычным холодным оружием, типа меча, посоха или боевого серпа. Простой ловкости в движениях здесь не хватало, нужны были методичные тренировки. Но без них с рыцарем короны, которым нынче стал клиент, бандитам было не справиться. К тому же, в ушах Капитана и Боцмана до сих пор дрожали слова глумливого козлонога Паргана: «Вам, мужики, предстоит угондошить Строителей!» Одного из этих самых Строителей Капитан уже видел во всей красе — и чуял, кобчиком, да и всем существом: реальный облик шефа ничем не хуже облика виртуального. А может быть, и еще покруче.

Тренировки на втором уровне «Думы», тренировки с живыми противниками, отработка ударов на манекенах, — все это не мешало Капитану методично конструировать новую «сковородку». Но «сковородка» не ладилась. Капитан часами торчал в тесной виртуальной мастерской, сделанной из копии тренировочного зала. В это время дубль Капитана тупо пролистывал фуфловую информацию из корзин, милостиво предоставленных полковником гвардии. Клай Бонифаций, казалось, ни о чем не догадывается… А может, ему просто наплевать? Капитан тупо глядел на «сковородку», раскорячившуюся посреди зала. Кожух был открыт, под ним сложными узлами тесно переплетались разноцветные линии информационных каналов. Картина этого переплетения была явно неполной. Наверное, полковник заранее знает: Капитану никогда не удастся создать настоящую отмычку. Да, в одиночку это невозможно. Но у кого просить помощи? У шефа? Нет, надо найти дурака. Гениального дурака. Такого, как клиент… Или как Боцман. При этой мысли в кобчике начало легонько покалывать. Опасность… Разумеется! То, чем занимался Капитан, обязательно должно быть связано с опасностью. Нет опасности — нет дела.

Боцмана удалось найти практически сразу. В пентхаусе у Петирима. Оркестр козлоногов-дударей наяривал что-то среднее между русской плясовой и эйси-джазом, кимор в красном балахоне стучал по электрическому там-таму всеми четырьмя лапками. Девки визжали, купцы, не успевшие удрать, мрачно сидели по углам. Петирим столь же мрачно торчал у стойки, за его спиной на зеркальных полках громоздились бутыли, большая часть которых была разбита. Деревянная люстра, сделанная из цельного куста увлапонской чернявки, валялась на полу. Серебристые сапоги Боцмана безжалостно давили тонкие пластины бесценного черного дерева.

— Значит, так, — вещал Боцман, почесывая бороду, — с

каждого барыги — по два платиновых куба. Теперь ясно? — он кивнул в сторону музыкантов. Под сценой валялись грудой тела трех вольных рыцарей и одного местного гвардейца. Голова гвардейца была повернута под таким странным углом, что сомнений не оставалось: Боцман измельчил в крошку все шейные позвонки. Капитан, только что вышедший из стеклянных дверей лифта, решил подождать — пусть приятель покуражится. Купцы молча выкладывали монеты из сафьяновых шитых золотом кошельков. Боцман прошелся вдоль столиков, собирая дань. Потом остановился возле стойки, схватил двумя пальцами Петирима за нос и резко дернул:

— Что, крыса, будешь еще гвардию вызывать?

— Уже вызвал, — подал, наконец, голос Капитан, — я видел отсюда.

Действительно, со стороны лифта было хорошо видно, как Петирим лихорадочно давит кончиком хвоста на скрытую под стойкой педаль.

— Ах, ты… — Боцман двумя быстрыми ударами кулака выбил эквапырю передние зубы. Вопль Петирима смешался со звуками непрекращающейся музыки.

— Ладно, выпить не успеем. Пошли через стену. — Капитан потянул Боцмана за собой.

— Гвардия, что ль? — Пьяно умилился Боцман, — да мы их в понос размесим!..

— Пошли, говорю! — Настаивал Капитан, — просто дело есть.

— Врешь.

— Нет.

И Боцман поверил.

По задней стене здания оба бандита спустились меньше, чем за минуту — по сравнению с тренировками это было даже не развлечением, а совсем уж полной ерундой. Капитан повел Боцмана через темные дворы.

Вечернее фиолетовое небо тонуло в ломаных дырах, ограниченных плоскими крышами. Юная шпана, завидев серебристые камзолы, бросала карты и старалась забиться в окна полуподвальных этажей. Домохозяйки, возившиеся с развешанным на веревках бельем, подбирали юбки и с тихим писком катились к уютному свету полуоткрытых дверей. Пьяный Боцман порывался шалить, но Капитан волок его за собой все дальше. Наконец, за стрельчатой аркой показался Грибной бульвар. Усеченные пирамидки фонарей на гибких стеблях, чириканье хомяков, тяжелое дыхание кастрированных швабов… Нет, не только кастрированных. Вон несутся вереницей швабы

самые что ни на есть свирепые — гвардейский патруль, расшвыривая на своем пути прогуливающихся чиновников, купцов, спешащих в дорогие кабаки, и вольных девок в желтых сарафанах, мчится на помощь Петириму… Поздно, однако.

— Эй, герои! Пару палок за пару кубов!

— Пшла вон, курва! — Капитан плечом отпихнул слишком настырную вольную девку. Он сейчас, наверное, выглядел пострашнее гвардейского шваба. С неба лился колокольный звон, и монотонный бесполый голос повторял:

— Посетите арконское отделение Всемирной Церкви Скопцов. Посетите…

Голосу вторил ангельский хор:

— Скоп-цы! Мо-лод-цы! Скоп-цы!..

На темных газонах, освещенные бликами витрин, валялись монахи-лентяи вперемежку с совокупляющимися парочками. Сегодня вечером Аркона выглядела особенно сумасшедшей. Или просто Капитан отвык, заторчался в виртуалке? Нет, действительно: даже атсаны ходят, приплясывая. Вечно суровые и вечно сварливые атсаны… Конечно! Атсанов на улицах полно, а лусын — хоть бы один попался!

Бон Рог что-то говорил об атсанском празднике. Как это у него называлось? Тычинки-пестики… Неделя Приплода! Арконцам, ясное дело, пофигу, что праздновать. А лусынам в это время лучше с атсанами не встречаться — обязательно морду набьют. Традиция такая. Праздник, можно сказать, уже на кончике корешка. Или уже начался?.. Все верно, народ гуляет — весь, кроме желудей: у лусынов совершенно другой цикл размножения, во время Недели Приплода этих горных потомков жень-шеня почему-то неудержимо тянет во всякую грязь. Поэтому им поручают следить за жрутерами.

— О! Это настоящая оргия на целую неделю! — Мелко подпрыгивая, говорил бон Рог. — Мы становимся совершенно сумасшедшими! Полный экстаз!

Атсаны — основные техники при жрутерах, в том числе и при Клае Бонифации. Семь дней будут беситься. А полковника придется отключить!

Бон Рог уточнил:

— Перед началом праздника мы скормим всем жрутерам норму дня на три, от лусынов все равно толку мало, и спокойно пойдем предаваться плотским утехам.

Значит, полной отключки не будет. Но все равно. Теперь ясно, почему полковник не мешал Капитану действовать. Полковнику не до того: он экономит энергию.

Капитан прибавил шагу. Какой сегодня день праздника? Не

важно. В любом случае надо все провернуть за ближайшие часы.

Улица Покорителей Черного Замка тоже ломилась от толпы и экипажей. Здесь, правда, преобладали не швабы, а летучие каноэ — в квартале жило много гельвенцев. Одно из этих каноэ, не дававшее Капитану пройти, он пихнул так, что гельвенцы, обмотанные ремнями и шкурами, посыпались на мостовую. С ходу врезав кому-то по скуле, кого-то пнув сапогом, Капитан расчистил путь к широкой лестнице, поднимавшейся к стальным дверям Школы Благородства. Эти двери толпа обходила, опасаясь даже касаться ногами лестницы.

Капитан запустил руку по локоть во влажный рот мелкого беззубого жрутера, росшего в хромированной кадке возле дверей. Потом то же самое сделал и Боцман. Двери приоткрылись, пропуская курсантов. В Школе было тихо. Курсанты в кабаках бузят, даже техники бузят в подвальных пивнушках. А всемогущий хозяин на другом конце Арконы дремлет, тихонько переваривая трехдневный паек.

Капитан и Боцман шли быстрым шагом вниз по винтовой галерее. Столовая, жилые отсеки, пьютерная. Всюду пусто. Взгромоздив Боцмана на кадку, Капитан залез на свою и, перед тем, как нырнуть в бутон, коротко бросил:

— Спаринг.

Боцман непонимающе нахмурился, но кивнул.

И вот они оба оказались в зале спаринга. Вдоль стен болтается оружие, латы и боксерские перчатки.

— Подраться решил? — Спросил Боцман.

Капитан криво улыбнулся:

— Не угадал чуток. Просто нам надо быть вместе. Парой. Значит, начинаем отсюда.

— А куда теперь?

— Пошли.

Возле Капитана висели гладиаторские сети. Отодвинув их в сторону, он пнул стену — и в стене открылся проход. Через этот проход бандиты попали в общий интерфейс, после чего сразу оказались в мастерской Капитана.

— Не знаю, зачем я прорыл этот ход, — задумчиво сказал Капитан, — а пригодилось.

— Для чего? — Боцман все еще не понимал, зачем Капитан потащил его сюда.

— Вот, смотри. Чего здесь не хватает? — Капитан ткнул пальцем в «сковородку».

— А что это?

— Не важно.

— Тогда не знаю.

— Ладно, — согласился Капитан, — это отмычка. Сети взламывать.

— А… — Боцман вскинул брови, — удобного сидения не хватает. И еще… — он вдруг запустил руки под кожух и поменял местами два информационных канала.

— Зачем…

— Так красивше.

«Сковородка» тихо загудела. Кожух захлопнулся сам собой. И в голове Капитана прозвучал вопрос:

— Как меня зовут?

— Это ты спросил? — Капитан повернулся к Боцману. Боцман помотал головой.

Но Капитану и без того было ясно, кто задал вопрос. Кобчик взорвался режущей болью.

— Отмыра, — проговорил Боцман.

— Отмыра, — согласился Капитан.

— Имя принято, — подытожила «сковородка».

Боцман тихонько крякнул:

— Пошел я, что ли?

— В город пойдешь?

— К себе, покемарить.

И Боцман исчез. А Капитан занялся Отмырой. Боцман прав: сиденьице нужно удобное, а то кобчик аж ходуном ходит. И управление попроще. Для простоты копирования текстов бандит сделал в защитном коконе Отмыры плоское окошко, чтобы тот не обрубал края листов. Потом взобрался на сидение и приказал:

— Погнали!

Отмыра поводила носом:

— Куда, хозяин?

— В главное секретное хранилище.

— Далековато будет.

— В смысле?

— Придется переть через десять врат Бильреста. До Главного-то хранилища…

— Тогда идем ближе. Где тут Клай Бонифаций хранит свои секреты?

— Да в двух шагах, хозяин. Поехали?

— Ты должна быть уже там, — буркнул Капитан, — а не базары базарить.

— Как скажешь. — Отмыра мелко задрожала, и обстановка вокруг резко переменилась. Бандит оказался в зале с сундуками. Там все так же стояли огнедышащие швабы, а вокруг летали разноцветные торпеды.

— Давай вон к тому сундуку, — отдал команду Капитан. —

Пошарим внутри.

— Хозяин, я не врубаюсь, — Отмыра замерла на месте. — Чего тебе надо? Залезть в этот сундучишко или узнать, что в нем?

Бандит на мгновение задумался, не понимая разницы.

— Чтоб скопировать, что в нем, не надо туда залезать целиком, — пояснила «сковородка».

— Так действуй!

— Готово. — Отмыра зашуршала, и из какой-то щели вылез пергамент с текстом. Капитан точно помнил, что печатающего устройства он в этой конструкции не планировал.

На первый взгляд язык текста показался незнакомым, но потом Капитан сообразил, что это самый древний и малораспространенный диалект кербов. Пергамент содержал очередную легенду про Ру-Бьек, точнее — про его язык. После выблевывания мира куски этого языка превратились во всякую фигню, и лишь очень немногие кусочки остались в первоначальном виде. Оказывается, кербы и рыли землю в поисках частичек языка Ру-Бьек. Но те, попав в неподходящие условия, сгнили, дав рождение белым червям. И лишь один, прилипший к пузу Ма-Мин, остался в целости и сохранности. Там, на пузе, он и пребывал до тех пор, пока прародительнице кербов не вздумалось попутешествовать. Пока она обползала свои владения, язык Ру-Бьек отпал, и его нашли атсаны из Арконы. Они притащили непонятный кусок мяса к себе и попытались скормить его жрутеру — тому самому! Он и соседний цветок через несколько часов составили Клая Бонифация. Но жрутер не переварил язык Ру-Бьек, отложив его в виде клубня среди корней, где тот и находится по сию пору. А владелец части легендарного языка становится безмерно крут, как Клай Бонифаций. Ма-Мин же первые несколько сотен лет пыталась вернуть утерянный ею артефакт, чем и объяснялось долгое противостояние кербов и всех остальных жителей этого мира, но потом личинка, видимо, смирилась с утратой и не предпринимала против Арконы и Клая Бонифация никаких враждебных действий.

— А как же ошибка программистов? — вслух удивился Капитан.

— А ты, хозяин что, такой глупый, что поверил канонической лапше? — Осведомилась Отмыра.

Но бандит, к своему счастью, не услышал провокационного вопроса, целиком занятый своими мыслями. Язык легендарного Ру-Бьек! Вот бы завладеть им и сожрать! Но тогда надо уничтожить Клая Бонифация, ибо теплокровный к нему просто не подойдет, а если и подойдет, то будет проглочен.

— Эй, Отмыра.

— Чего изволишь, хозяин?

— Этого Клая с Бонифацием можно отключить?

— Запросто! Можно заставить его отцвести. Тогда вся его сила уйдет на семена, и верти его, на чем хошь. Можно отрубить его от сети и он станет глух, слеп и беспомощен. Можно усыпить. Можно…

— Постой, — прервал излияния разговорившейся «сковородки» Капитан, — усыпить. Это как?

— Малютка полковник — живое существо и, следовательно, поддается гипнозу.

— Ты можешь? — Сурово поинтересовался бандит.

— Без проблем. — Усмехнулась Отмыра.

— Тогда… — Капитан на мгновение задумался. — Скопируй все, что тут есть, и обратно.

— Не выйдет, хозяин. Вечерняя дрема закончилась, ближайший час полковник будет не в меру активен.

Бандит чуть привстал:

— Так чего ты тут телепаешься? Жми!

ГЛАВА 5

Дубля Капитан свернул, упрятав в бутыль из-под строфарии. Бутыль полетела в груду похожих бутылей на полу нижнего уровня «Думы». Если понадобится, можно будет вызвать виртуального идиота — и он появится, словно джинн, из своей бутылки. А Отмыру, вроде, сворачивать не обязательно. При ее создании способности Боцмана и Капитана сложились, а может, даже перемножились друг на друга. «Сковородка» оказалась настолько крута, что наверняка спокойно уйдет от любого зоркого глаза. Капитан приказал ей бродить везде самостоятельно и собирать все интересное. На досуге можно будет ознакомиться с местными тайнами и, заодно, попытаться найти способ выбраться обратно на Землю. На шефа, оказавшегося драконом и, до кучи, Строителем, надежды уже не было, да и предательства, хотя и невольного, шеф не прощал.

Первое, что увидел Капитан, выбравшись из бутона, была сияющая рожа Боцмана.

— Как, — удивился Капитан, — ты все здесь?

— И не один, — загадочно ответил Боцман.

Действительно, среди темных цветочных силуэтов возвышалась трехголовая громада керба. Все три его головы были в символических намордниках — гордое существо тяготилось этим, но пыталось не показывать вида.

— Вам сообщение от матери нашей Ма-Мин! — торжественно провозгласила средняя голова булькающим шепотом.

— Ма-Мин! Ма-Мин! — Приплясывал на месте Боцман.

— Говори. — Капитан, уставший, как шваб после гонок, лишь слабо кивнул.

— Ма-Мин! — Продолжал верещать Боцман, — она меня еще помнит!

Шесть горящих глаз с недоумением уставились на бандита. Наконец, правая голова сказала:

— Да, и очень хорошо.

Из-за намордника слова звучали не слишком внятно и как-то двусмысленно. Но Боцману было все равно, как звучат слова:

— Какое счастье! — Он подпрыгнул, повторив выражение радости у атсанов и негромко, но весьма эротично заржал.

На мордах керба отразилось нечто, похожее на умиление, но, возможно, Капитану это лишь померещилось в полумраке.

— Ма-Мин приказала передать вам, что Тромп, рыцарь короны, будет биться в городе атсанов вечером Седьмого дня Недели Приплода. Его противник — жардинер Кун.

— А сейчас какой день? — уточнил Капитан.

— Шестой. Сейчас подоспеет Кульп — и мы отправляемся.

— Кульп? — Переспросил Боцман. Керб щелкнул рыбьим хвостом, повалив пару кадок:

— Для идиотов уточняю. Это мой брат. Будет здесь минут через пятнадцать. Готовьтесь к путешествию.

— И мы вновь увидим Ма-Мин? — Не верил своему счастью Боцман.

— Нет, мы будем брать клиента!

— Для Ма-Мин!

— Угу, — буркнули все три головы хором.

— Так значит, я ее смогу лицезреть!

— Сможешь, если не будешь распускать сопли!

— Стоп! — Капитан, наконец, полностью пришел в себя, — какие, на хрен, пятнадцать минут? Стволов надо набрать, и еще кой-чего… Короче, под утро, часов в шесть…

— Не позже, чем в три ночи! — Перебил керб. Намордник на правой пасти с треском разлетелся в клочья, мощный хвост сокрушил еще несколько пьютеров.

— Мы вас найдем, где бы вы ни были, ясно?

Бандиты молча кивнули. Боцман нервно сглотнул. Потом обернулся к Капитану:

— А что мы делать-то собираемся?

— Арсенал брать.

Здание арсенала примыкало к зданию Школы, но имело отдельный вход — со двора. Обычно арсенал охраняли атсаны, но сегодня, по случаю праздника, их здесь не было, зато толпились гвардейцы, взвода два. Гвардейцы жадно прислушивались к далеким звукам праздника. Праздник бушевал по всему городу, а здесь, во дворе, окруженном глухими стенами, было темно и грустно. Обозленные гвардейцы мечтали кому-нибудь хорошенько надрать задницу.

— Здорово, пацаны! — Боцман, изображая студиозуса, изрядно набравшегося дешевой строфарии, прошел, пошатываясь, под аркой и направился прямо к охранникам. Обращение «пацаны» к этим бородатым дядькам, каждый из которых напоминал Черномора, было по меньшей мере неуважительным. Четверо гвардейцев, гневно потрясая бородами, отделились от группы, чтобы проучить невежу. Именно на это и рассчитывал Капитан. Предоставив коллеге разбираться со своей частью сторожей, сам он, цепляясь за неровную кладку, прокрался по стене на уровне третьего этажа, бесшумно спрыгнул на козырек, прикрывавший вход в арсенал, а с козырька сиганул в самую гущу мощных неповоротливых гвардейских тел. Удары он наносил, не

глядя, а только чувствуя кончиками пальцев рук и ног, куда следует ткнуть. Боцман работал не хуже — наверняка он бы справился и в одиночку, без Капитана. Кто-то из гвардейцев попытался улизнуть через арку, но Капитан, выхватив серп из-за пояса у ближайшего противника, метнул вслед беглецу. Серп вонзился тому в затылок, гвардеец упал. Об него споткнулся еще один — Боцман догнал его в два прыжка и ткнул в висок указательным пальцем. Палец, прбив кость, вошел в мозг. Вытирая палец о серебристую полу камзола, Боцман подпрыгнул, нанося ногами удары в челюсть сразу двум гвардейцам. Вот и все. Последнего Капитан добил пинком в пах — едва ли этих кретинов учили пахопашному бою.

Обыск никакого результата не дал. Ключа не было. Разъярившись от такого облома, Капитан что было сил ударил каблуком по резным створкам. Створки неожиданно распахнулись: арсенал был открыт.

По два меча в заплечные ножны, комплект метательных ножей, по рюкзаку голодных лемуров на брата, арбалет и связка сюрикенов — экипировка была закончена. Теперь следовало разделиться: Боцман взял на себя нейтрализацию охранников при Клае Бонифации, а Капитан должен был нейтрализовать самого полковника.

Опрокинутые кербом пьютеры уже начали увядать: бутоны покрылись морщинами, некоторые листья, отделившиеся от засыхающих стеблей, приятно шелестели под ногами. Сам виновник погрома исчез. Хорошо, пьютер Капитана остался цел. Зайдя в основной интерфейс, Капитан тихонько позвал:

— Отмыра!

— Я здесь, хозяин. — Перед носом бандита возник круглый иллюминатор. За иллюминатором плескалось оранжевое море, по которому неторопливо, словно лебедь, плыла «сковородка», до верху забитая компакт-дисками.

— Что это? — убедившись, что места для него нет, взревел Капитан.

— То, что ты, хозяин, заказывал — несколько сотен терабайт секретов всех миров по обе стороны Бильреста.

— Выкидывай на фиг! — Бандит затопал ногами. — Поехали полковника усыплять!

— А для этого ты, хозяин, там не нужен. — Отмыра закрутила свой нос в штопор. — Заснуть можно. И надолго.

— Точно? — Несколько успокоился Капитан.

— Абсолютно. — Эволюции носа продолжались. На сей раз он завязался в морской узел. — Кстати, а диплом тебе нужен?

— Какой?

— Об окончании курсов рыцаря. С гербом и прочими прибамбасами.

— Не помешает. — Прикинул Капитан. — На меня и Боцмана.

— Тогда жми ему на помощь. Жрутер уже поднял малую тревогу. А если я его не успею завалить, то поднимет и великую.

Иллюминатор потускнел и исчез. Капитан вырвал голову из бутона и понесся сквозь темные цветочные ряды. Винтовая галерея, дверь, лестница. Люди, эквапыри, козлоноги, киморы шарахались от Капитана — не потому, что он был с ног до головы увешан оружием: в полумраке и общей пьяной кутерьме такая ерунда никого не смущала. Но на серебристый камзол у арконцев выработался инстинкт. Атсаны, впрочем, не замечали даже камзола. За несколько секунд Капитан оказался весь обсыпан душистой пыльцой. Расшвыривая толпу пинками, он пробрался на середину проезжей части. Среди жирных кастрированных швабов приятно выделялся поджарый полноценный шваб гвардейского патруля. Одним прыжком Капитан оказался на заднем сидении — двое гвардейцев не успели обернуться, как бандит столкнул их головами и вышвырнул на мостовую. Шваб, оставшийся без управления, сразу подхватил одного из гвардейцев и перекусил пополам. Кто-то завизжал, принялся звать гвардию.

«Вот она, ваша гвардия. Я и есть гвардия, засранцы!» — Ухмыльнулся про себя Капитан, хватая руль. Мощный гвардейский шваб мчался, не разбирая дороги, с хрустом давил легкие паланкины, отшвыривал в сторону каноэ и кастрированных швабов-недоумков. Для пущего эффекта Капитан врубил сирену. Справа и слева мелькали витрины, приплясывающие атсаны, пьяные рожи козлоногов. Напрямик переехав газон, шваб раздавил нескольких монахов. Капитан был на седьмом небе от счастья. Он хотел еще немного поноситься по газону, но решил, что дело — прежде всего. На третьей улице Строителей народу было сравнительно немного — чиновники давно разъехались, кто по домам, кто по кабакам. Дворцы возвышались темными блестящими тушами. Площадь Идрис-Шаха была и вовсе пуста — только возле резидентции Клая Бонифация какая-то свалка… Какая-то? Та самая! Капитан направил шваба через площадь, на ходу вытаскивая из рюкзака лемура.

Боцман, судя по всему, находился в основании огромной кучи из тел. Были в этой куче гвардейцы, несколько козлоногов, но в основном — лусыны. Нацелив лемура, Капитан со всей силы дернул его за длинный мохнатый хвост. Яркий луч срезал верхушку кучи. Еще несколько взмахов — и куча сделалась в два раза ниже. В воздухе запахло печеной картошкой. Исчерпав свой

заряд, лемур надолго заснул. Швырнув его на землю, Капитан потянулся за следующим лемуром. Над головой просвистело две стрелы. Кажется, стреляют от левого крыла здания. Капитан направил лемура в ту сторону. Раздались крики, к запаху печеной картошки примешался запах жареного мяса. Еще несколько взмахов смертоносным лучом — и над грудой обуглившихся тел возникла бородатая голова. Боцман!

Выбравшись из кучи, Боцман вовсю заработал руками и ногами, нанося удары, выколол пальцем глаз здоровенному козлоногу, отняв у того стручок, и, развернувшись, дал длинную очередь по дверям резидентции. Снова крики. Стрелы летали так густо, что их свист непрерывно стоял в ушах. Но вот свист стал тише, крики раздавались все реже… Кажется, готово. Двери резидентции были открыты. Боцман уже несся к ним, размахивая стручком. Какой-то лусын метнул в спину Боцмана копье, но Боцман вовремя развернулся и, поймав копье, сразу же отправил его обратно. Копье пронзило лусына насквозь, убив заодно и начинавшего подниматься на ноги гвардейца. Капитан, поджарив тех, кто еще шевелился, подвел шваба к дверям, потом развернул его мордой в сторону площади и, выпустив руль, скатился на мостовую. Шваб тут же начал рыскать туда-сюда в поисках пищи. Пищи для него здесь было предостаточно.

Боцман уже был на галерее. Капитан догнал его, остановил:

— Погодь. А с чего это двери открыты? Может, засада?

Но засады не было. Капитан понял это, когда поглядел вниз. Отмыра хорошо поработала. Небось, она-то и отомкнула замки. Внизу все замерло. Даже рядовые жрутеры, стройные круги которых окружали Клая Бонифация, опустили свои вечноголодные бутоны и мирно посапывали. Сам же монстр растительного мира сложил оба цветка и оглушительно храпел в две глотки.

— Где? — спросил Боцман.

— А шваб его знает, — шепотом отозвался Капитан. — Давай искать.

Они спустились вниз по громыхающей стальной лестнице. Кадка полковника была деревянная, из полированных досок. Зайдя по разные стороны, бандиты начали методично выламывать доски. Спустя несколько минут Клай Бонифаций завалился на бок, выставив на обозрение свою корневую систему. Среди переплетения корней бандиты отчетливо разглядели большой, с человеческую голову, клубень.

Одновременно схватив клубень, Боцман и Капитан стали тянуть его каждый на себя.

— Отдай, гнида! — орал Капитан. — Я первый об нем узнал!

— А я первый схватил! — Огрызался Боцман.

— Пойдем, выйдем?

— Пойдем!

— На «три» отпускаем. Раз, два, три.

Боцман разжал пальцы, но Капитан и не подумал этого сделать и язык Ру-Бьек оказался у него.

— Ах ты, козлище! — Обделенный бандит ринулся на обманщика, но тот встал в позицию «зимний полдень». На это следовало ответить стойкой «теща бьет посуду». Капитан сделал движение всем корпусом и оказался стоящим в положении «шестихвостый стручок». Боцман отреагировал «местью импотента». После десяти минут почти синхронного перетекания из позиции в позицию, бандиты вымученно поклонились друг другу. Ничья.

— Ладно уж, поделюсь, — Капитан поднял клубень и разломил его. Внутри оказался малюсенький, с ноготь, кусочек грязно-серого мяса. Бандит разрезал его пополам метательным ножом и, не успел Боцман схватить причитающуюся ему часть, как Капитан уже проглотил свой кусочек языка.

Ничего не изменилось.

Но Клай Бонифаций вдруг зашевелился. В основании лежащего цветка появились сразу три щели. Из двух с характерным журчанием принтера полезли пергаменты, а третий преобразовался в динамик. Динамик молчал. Капитан осторожно поднял один пергамент. Диплом! Второй пергамент тоже оказался дипломом. Капитан улыбнулся динамику:

— Отмыра?

Вместо ответа из динамика раздалось тихое ржание.

— Ма-Мин! — умиленно воскликнул Боцман и мелко запрыгал на месте.

— Очнись, дубина! — Капитан воспользовался тем, что его коллега разомлел от любви и совершенно недипломатично отшлепал того по щекам. — Личинка включила жрутеры!

— Ну и что? — Спросил несколько протрезвевший Боцман.

— А то, что они сейчас нас сожрут!

Действительно, хищные цветы поднимали бутоны и принюхивались к окружающим запахам. Некоторые из них уже начали пировать — в зал, на свою беду, прокралось несколько гвардейцев.

Капитан и Боцман застыли на месте: путь наверх был отрезан. Можно, конечно, спалить цветы лемуром… Капитан уже потянулся к рюкзаку, как вдруг почувствовал, что пол проваливается у него под ногами. Несколько секунд полета, удар о мягкую землю… И башка керба перед самыми глазами.

— Ты кто? — Ошалело спросил Капитан.

— Трульп, — ответила башка. Потом добавила, чуть помедлив, — Кульп со мной. Вы готовы?

Путешествие по подземельям прошло без потерь. Лишь Боцман постоянно жаловался на качку и тряску, вспоминал Ма-Мин и каждые полчаса требовал остановки на обед. Но кербы не обращали на его нытье никакого внимания. Они методично перебирали лапами, унося бандитов все дальше от Арконы. И все глубже под землю. Мимо мелькали клочья корней, иногда земляные стены сменялись плитами желтоватого песчаника, а один раз стены уступили место пустому пространству — кругом простирались руины подземного города. Кажется, того самого, в глубине которого находится логово Ма-Мин.

— Ма-Мин! — Заверещал Боцман, подтверждая догадку Капитана. Капитану, впрочем, было наплевать на живописные окрестности: он изучал дипломы — свой и Боцмановский. Оценки по всем дисциплинам не различались, напротив каждой позиции стояла надпись «превосходно». Наибольшее изумление вызвали гербы. Капитану достался герб с фоном цвета гюльз, на щите вертикальная линия цвета ор. На стороне «декстр» дракон «рампан» цвета траур, на стороне «синистер» кобыла «рампан» цвета арджент. Оба животных были повернуты головами друг к другу и, казалось, лишь золотая граница мешает каждому из них вцепиться соседу в глотку.

Герб Боцмана оказался гораздо проще. Щит цвета лазурь на котором в самом центре белело крохотное пятнышко. Лишь из прилагавшегося описания Капитан узнал, что это так называемое «солнце величия». «Маловато величия у моего земляка…» — ехидно подумал бандит.

Снова коридоры, плиты, земля, плиты…

— Прибыли. — Кербы остановились, и все их головы тяжело задышали после долгого бега.

Кругом простирался невысокий зал — со спины керба можно было нащупать потолок.

— А дальше чего? — Капризно спросил Боцман. Он прихрамывал вокруг кербов и потирал задницу обеими руками.

— Тише, — прошептал керб, везший Капитана, то ли Трульп, то ли Кульп. — Слушайте!

Действительно, тишина была не полной. Сверху доносился какой-то шум. А через минуту уши приноровились и уже вычленяли из неясного гула высокий резкий голос:

— Два героя! Два героя! Один — раб, другой — жардинер. Раб против жардинера! Раб — рыцарь, жардинер — деревенщина!..

За голосом последовал удар гонга.

Боцман замер.

— Последние ставки! — Продолжал голос, становясь то громче, то тише. — Кто поставит на рыцаря? Благородство против здравого смысла! Я сам поставил на деревенщину! Стрела пробьет любую кожу, даже самую белую! Меч пустит любую кровь, даже самую голубую!

Снова удар гонга.

— Они! — Обрадовался Боцман.

— Тише! — Шикнул на него Капитан, — сам знаю!..

— Ставки сделаны! — Провозгласил голос. — Поставили все! Все, кроме наших милых цветочков! Цветочки в любом случае будут сегодня сыты. А теперь…

Голос замер. Два человека и два керба старались не дышать.

— Теперь посмотрим, чего стоит наш здравый смысл, — голос оборвался последним ударом, эхо которого растворилось в шелесте далеких аплодисментов.

— Понятно, — процедил Капитан, — у них там еще и жрутеры. Выскакивать надо на полном ходу. Хватаем клиента, палим во все подряд, главное — по жрутерам. Остальные так перебздят, что не будут опасны. Ясно?

Боцман утвердительно кивнул. Поскреб бороду. Снова кивнул.

— Что не так? — Нахмурился Капитан.

За Боцмана ответил керб:

— Плита. Мы думали, успеем ее прогрызть… А там уже все идет полным ходом. Не уложимся.

Капитан, взобравшись на керба, постучал по потолку зала кулаком:

— Вроде, обычный камень…

— Нет, — проворчал другой керб, — это не обычный камень. Вам, мягкопузые, не понять мудрости Старшего Строителя. Он был умнее всех и строил дом своей власти из заговоренных камней.

— Так мы…

— Мы в священных тоннелях. В доме Старшего.

Боцман как-то подозрительно переминался с ноги на ногу. Наконец, приняв решение, он спросил:

— А выкидуха их возьмет?

— Какая выкидуха?! — Уставился на него Капитан.

— Восьмимерная… — И Боцман вытянул из кармана камзола восьмимерную выкидуху.

Капитан от злости чуть не свалился с керба:

— Так ты, падла…

— Да, — подтвердил Боцман, — хотел заныкать. В арсенале нашел. Но вот, ведь…

— Полезай на спину! — Рявкнул Кульп (а может, Трульп).

Взгромоздившись на керба, Боцман прицелился из выкидухи в потолок.

— Под углом, кретин! — Рявкнул другой керб, — а то всех завалит.

Боцман изменил прицел. Темнота вокруг осветилась белым — но выкидуха тут была не при чем. Капитан услыхал ржание — громкое, победное. Кербы задрожали, припав к полу: то ли от благоговения, то ли просто готовились к прыжку.

— Ма-Мин! — Воскликнул Боцман, — ты с нами!

И сдвинул пластины.

Миллиарды лезвий заплясали в розовом конусе. Дальнобойности оказалось чуть-чуть недостаточно — часть потолка рухнула под собственной тяжестью. Ржание Ма-Мин смешалось с истошным воплем, чье-то тело упало в образовавшуюся дыру. Вокруг тела сомкнулся белый туман — и исчез. Ни Ма-Мин, ни тела.

— Кто это был? Клиент? — Боцман удивленно завертел головой. И тут в дыру начали валиться жрутеры. Кербы с рычанием ринулись вверх. Арена бушевала: овации победителю мгновенно переросли в панический визг, с трибун посыпались атсаны, козлоноги, люди…

Но один человек сохранял спокойствие. Он стоял на узкой балке, протянутой над ареной. Капитан сразу его узнал:

— Димка! Клиент! Кульп, Трульп, Хренульп, как вас там. Вверх! За ним!..

Но кербы увидели МЯСО! Позабыв о своих седоках, они принялись рвать добычу у жрутеров. Жрутеры были серые, старые — но все еще сильные. Зато и добычи с трибун нападало на год вперед. Капитан и Боцман изо всех сил колотили кербов пятками по бронированным бокам… Куда там! Кербы забыли не только о своих седоках, но и обо всем на свете. Они ели самозабвенно, всеми головами, хлюпая чужой кровью, хрустя и чавкая, рыча на жрутеров…

Дмитрий исчез. Не убежал, а именно исчез. Потом появился вновь — одетый, с какой-то девченкой. Вышел на середину балки. Девченка ступала ровно, будто совсем не боялась упасть. Что они хотят?

— Боцман! — Заорал Капитан, перекрикивая визг толпы. Сверху, прямо Капитану на голову, упал козлоног с арбалетом. Арбалет, звеня, полетел в одну сторону, козлоног в другую — его тело с влажным присвистом засосал жрутер.

— Бо-о-оцман!!! — Капитан срезал лемуровым лучом двух атсанов, занесших над головами копья, — балку! Балку ломай!

Боцман понял. Он прицелился выкидухой в ближайший край балки…

И тут Дмитрий с девченкой прыгнули! Сиганули в самую дыру. Все верно, там мягкий жрутер валяется на боку.

— За ними! — Капитан опять принялся стучать керба пятками. Потом, вдруг вспомнив, где у кербов уязвимое место, нашел мягкую точку у основания шей и слегка надавил на нее пальцем. Керб лениво поднял левую голову:

— Спать, — сказала голова и зачем-то прибавила то ли по-немецки, то ли на идиш, — Ди ист шлафтунгцайт!

Действительно, движения кербов становились все более плавными. Пора валить отсюда, понял Капитан. Но как? Слезешь — там жрутеры. Кербы, опять же, совсем с ума сошли, могут и своими закусить. Хуже швабов!

Сверху непрерывно сыпались зрители, копья и стрелы. Капитан машинально уворачивался от выстрелов, пытаясь выкроить время на то, чтобы спалить из лемура жрутеров. Лемур закрыл глаза — кончился. В рюкзаке остался последний. Зажав звост лемура в зубах, Капитан направлял смертоносные глаза зверька то на один жрутер, то на другой. Второй рукой он непрерывно метал сюрикены во всех, кто пытался палить с трибун из арбалетов или метать копья. Атсанские арбалеты, как помнил Капитан, называются «самострелами», стрелы из них летят не так далеко, как из арконских. Но от этого было не намного легче. Последний лемур пискнул и заснул. Капитан выкинул лемура, потянулся за метательными ножами… И понял, что не может пошевелиться. Неужели он каким-то образом словил сплин от кербов? Нет! Сеть!

Капитан в отчаяньи зарычал. На трибунах появились новые атсаны — не карлики, а гиганты. Самки. На головах самок белели уродливые хилые цветы с кривыми толстыми пестиками. Самки, наверное, и кинули сеть — бон Рог предуупреждал, что некоторые самки атсанов весьма круты.

А кербы уже начали заваливаться на бок. Капитан представил, как скатится сейчас прямо в серую пасть жрутера, но сеть напряглась, впившись в тело, и потянула бандита вверх. В руках гигантских атсанок были мощные стручки, но стражницы не торопились пускать их в дело.

«Сейчас не подстрелили — потом не подстрелят,» — решил Капитан. И отключился.

Очнулся он босой и голый по пояс, в одних серебристых панталонах. Оружия не было в помине (жаль, мечами так и не

попользовался!), сеть тоже исчезла. Но руки за спиной стягивал то ли канат, то ли… Осина! Боевая осина. Капитан сразу все вспомнил. Они с Боцманом — в плену у кочерыжек! Позор!

Боцман стоял рядом, тоже в одних панталонах и с руками, связанными за спиной. Когда зрение вернулось полностью, Капитан понял, что стоят они на широком карнизе без перил. А за краем карниза начинается город. Вот он, город атсанов, самое большое подполье по обе стороны Бильреста. Небоскребы, зиккураты, арена… Вроде, та самая. Сверху были видны колышащиеся толпы. Неужели двум бандитам удалось навести такой шухер? Нет, просто продолжается праздник.

— Очнулись, кайфоломы! — толстый атсан разгуливал на своих кривеньких ножках около связанных Боцмана и Капитана, покачивая тычинками. Пыльцы на них почти не было — праздник подходил к концу. Атсан нервно подпрыгивал и приседал:

— Что делать-то с вами? А? От такой принцессы меня оторвали… Тля вам в листья! Ваши кербы знаете, сколько народу покалечили? А сколько сожрали? Не знаете? И я не знаю. А сколько рабов в дырку убежало? Не счесть!

Атсан явно лукавил, стремясь вызвать у бандитов чувство вины. Но не на тех напал. Что Капитану, что Боцману покалеченные, убежавшие и съеденные были безразличны. Тревожило их только одно: они лоханулись!

— Трое, — пробормотал Боцман.

— Что трое?! — Взвился атсан.

Боцман пожал плечами:

— Трое в дырку… того. Только один не сиганул, а упал.

— Да, знаю, — атсан махнул сухой лапкой, — упал жардинер, а рыцарь сбежал с какой-то… Размножаетесь вы, я скажу, как полные придурки: круглый год и с социальными последствиями. Вот зачем он девку с собой потащил? Зачем, а?

— Социальные последствия человеческого способа размножения связаны с неизбежной сублимацией половых потребностей в потребность продвижения по той или иной иерархии, — парировал Боцман, сам удивляясь своим словам, — поэтому в наших социальных системах происходит постоянная ротация, в то время как ваши системы стагнируют…

Атсан от возмущения присел на корточки:

— Стагнируют?! Стагнируют?! Да ты хоть Вейне и Герца читал? «Пол и характер прогресса». Все дело не в сублимации твоей декадентской, а в войне полов! Стагнируем мы… Дипломированные рыцари… Бьек! Не буду вас жрутерам кидать. В шахты пойдете. Там из вас живо спесь выбьют, черви теплокровные.

На этот пассаж бандиты одновременно одарили атсана широкими зубастыми улыбками.

Корни поползли по телам Капитана и Боцмана, превращая их в жесткие грязно-белые коконы. Коконы оторвались от карниза и поплыли над городом. Город бурлил, город ликовал, город праздновал. Город почти ничего не заметил — ни нападения кербов, ни побега Тромпа, Фленджера, человека, который портит звуки. Эх, думал Капитан, прокатиться бы по этому городу на гвардейском швабе! Или на том же кербе!

Беспечные подпольщики не подозревали о его кровожадных мыслях и продолжали радостно беситься с жиру.

ГЛАВА 6

Пещера была почти пуста. Лишь на некоторых листах мышебоя валялись разного вида существа со свежими сочащимися кровью повязками.

— Ваша работа, — сообщил атсан, указав на раненых. — Вот здесь вы и будете жить. И работать. Пока не выплатите убытки.

— Сколько? — насупился Капитан.

— Ну, комиссия подсчитает ущерб, нанесенный вами, убийства, дыра в арене… Я так думаю, лет на пятьсот-восемьсот потянет.

— Сколько? — Теперь уже Боцман не смог скрыть ужаса. Но сопротивление было почти бесполезным. Атсаны забрали все оружие, включая восьмимерную выкидуху, а в одних панталонах… Нет, Капитан и Боцман могли воевать не только в одних панталонах, но даже и вовсе без панталон. Надо только чуть выждать. Не пятьсот лет, не восемьсот. Сутки, другие… Ну, неделю. На помощь кербов Капитан не слишком надеялся — лажа вышла слишком знатная. А помощи бывшего шефа и вовсе боялся. Лучше рассчитывать на собственные руки, ноги и пах.

Атсаны скрылись за решетками, осина уползла. Бандиты остались наедине с шахтерами.

— Ну, Боцман, где расположимся?

— Как всегда, Кэп.

— Значитца, где тут лучшее место? Эй ты, хмырь! Да, ты, с головой, где лучшее место, я спрашиваю?

Раб с перебинтованноым лицом указал на ряд мышебоев в углу. Там из подручных средств было сооружено нечто вроде загона. Боцман, не мешкая, отправился было в указанном направлении, но был остановлен более подозрительным Капитаном:

— Стой, дурень, откуда ты знаешь, что он нас не накалывает?

— Ну… — бандит не знал, что ответить.

— Может, там местный петушатник? Зайдем и кранты, оформшмачимся!

— Тогда подождем братву, — предложил Боцман. Капитан согласно кивнул.

Вскоре у решетчатой двери появились два атсана. Они отперли замок, и в камеру цепочкой потянулись шахтеры. Каждый подозрительно оглядывал стоявших у колонны бандитов, а те не менее пристально рассматривали входящих. Когда дверь за последним захлопнулась, Капитан недоумевая повернулся к коллеге:

— Кажись, нету тут братанов.

— Нету, так будут! — Осклабился Боцман.

Каким-то шестым чувством Капитан оказался прав. За загородкой действительно уже происходила однополая оргия. Вычислив спальные места тех, кто первым направился к местным «девкам», бандиты устроились со всеми удобствами и стали ждать.

— Эй, вы чего? — Тут же подскочил к ним один из шахтеров, по виду — смесь кимора и человека. — Бундук придет, вам по сусалам навешает.

— Брысь, — лениво отмахнулся Боцман. — Твой номер шесть, и место у параши.

— А кто это, Бундук? — Поинтересовался Капитан.

— Ну, он что-то вроде начальника.

— Передай ему — пусть новое место ищет.

— Сам и передавай, — огрызнулся шахтер, — мне шея пока дорога.

Боцман вскочил, моментально подсек шахтера, подхватил за набедренную повязку и кинул в сторону «девчатника».

Бундук появился почти моментально. Он с усмешкой посмотрел на руки бандитов и продемонстрировал им свои лапы: те были похожи на проходческие буры, где вместо шипов находились растопыренные пальцы.:

— Вопросы? — поинтересовался Бундук.

— Катись отсюда, — Капитан сладко потянулся, — Не порти воздух.

— Чего? — начальник рабов опешил от такой наглости.

— Проваливай на цырлах, — уточнил Боцман.

— Да я вас!..

Боцман не стал ждать, пока Бундук завершит свой богатырский замах, сразу впаял ему ребром ступни под коленную чашечку. Бундук моментально обмяк, встал на четвереньки. Капитан пнул его по почкам — в полсилы, чтобы не отбить. Бундук был нужен живой и здоровый. И покорный. Выбрав нужную точку на грязном загривке шахтера, Капитан надавил на нее щепотью. Бундук взвыл — но не потерял сознания.

— А теперь мы тебя будем бить, симпатяга, — радостно сообщил Боцман, подняв к себе лицо Бундука за подбородок. По лицу текли крупные слезы.

Поход на ужин прошел без напрягов, бандиты наелись до отвала и, довольно рыгая, мимоходом выкинули Бундука и его кента со своих мышебоев, которые те поспешили занять.

Зато ночью, когда светящиеся шары над потолком едва светились, Бундук решился на реванш. Капитан из-под

полуприкрытых век следил, как детина в сопровождении еще двоих шахтеров поменьше крадется вдоль стены. Боцман наверняка тоже следил за ними, сохраняя неподвижнность. Так и есть. Троица подошла к Боцману…

Нога Боцмана со свистом рассекла воздух и вошла пяткой в рот одному из шахтеров, низкорослому козлоногу. На земляной пол посыпались зубы. Капитан сразу вскочил, двумя ударами вырубил полукимора, после чего подпрыгнул и оказался верхом на Бундуке. Положив пальцы ему на глаза, он спросил ласково:

— Давим?

Ручищи Бундука, потянувшиеся было к Капитану, зависли на месте.

— Нет, — прохрипел Бундук и встал на четвереньки, позволяя Капитану слезть, а потом поплелся куда-то в темноту.

Больше бандитов никто не беспокоил. Утром атсаны, хлопая кнутами, сплетенными из осиновых корней, погнали шахтеров на завтрак, а потом и на работу. Бандиты с любопытством наблюдали за окружающей обстановкой, прикидывая возможные варианты побега. Но везде маячили атсаны — на галереях вверху, на осинах внизу, с самострелами наизготовку.

Шахтеры спустились в штольню, и там Бундук сразу стал распределять обязанности:

— Ты — к долбилкам, ты — к носилкам, ты — к рубилкам…

Когда все невольники кончились, бугор опасливо подошел к бандитам:

— А вас куда поставить?

— А ты сам-то въезжаешь, с кем первый базар начал? — Капитан, по старой привычке раскинул пальцы веером и слегка присел.

— Мы и на воле не вкалывали, и здесь нам это в падлу! — скривил рот Боцман.

— Я так понимаю, норму вы давать не собираетесь? — поразился Бундук.

— Правильно понял, — кивнул Капитан. — Дай срок, мы из тебя сделаем пацана с понятиями.

— Эх, жисть моя блатная! — Боцман демонстративно уселся на ближайший камень и принялся разглядывать свою пятку.

— А у нас понятия такие, — набычился бугор, — кто не работает — того мы учим.

— Тоже мне, учитель нашелся! — Заржал Боцман, — эй, челюсть подвяжи, или экскаватором работай!

— Ладно, сами напросились, — пробурчал Бундук и скрылся за углом.

— Слышь, Капитан, мои ягодицы глаголят, что будет

легенькая драчка.

— Похоже ты, Боцман, слегка прав.

Из прохода, куда ушел бугор, уже появились первые недружелюбно настроенные шахтеры.

— Почему слегка?

— А я думаю, что драчка будет тяжелой.

Действительно, пусть шахтеры и лохи, но их набралась целая толпа. Даже больше. Передние уже стояли почти вплотную к бандитам, а задние все напирали, напирали…

Капитан и Боцман ждали, прикидывая, куда можно вскочить да за что уцепиться. Колонны шершавые, стены земляные. Нормально.

Среди шахтеров, стоявших в первом ряду, Бундука не было. «Пушечное мясо, — понял Капитан. — Коли они на нас не наедут, потом Бундук наедет на них». Но даже если предстоящий наезд — фуфло, его надо дождаться.

Шахтеры все не решались. Наконец, по толпе прошло легкое движение. Капитан высмотрел в задних рядах Бундука. Бундук ткнул в спину того, кто стоял перед ним, тот передал дальше. И вот толчек дошел до одного из «мяса», коренастого человека, судя по бороде — бывшего арконского гвардейца. И как его сюда угораздило?

— Вы, это… Чего не работаете-то? — Пробормотал гвардеец.

Ритуал начался. Боцман оскалил желтые зубы:

— Чего не работаем? — Ответил он вопросом на вопрос.

— Ну, вы… не работаете…

— Чего мы?

— Вы… — Окончательно смешался гвардеец.

— Чего мы? — Повторил Боцман.

— Бундук…

— Чего Бундук?

— Сказал…

— И что он сказал?

Тут мелкому кимору, который выглядывал у гвардейца из-под локтя, надоела игра в «чевоки»:

— А то, суки толстые, что вы, суки толстые… — завизжал он и размахнулся короткой ручкой.

Ну что ж, теперь можно. Гваррдеец был уверен, что Боцман сейчас даст пинка кимору и приготовился уже сделать подсечку. Боцман действительно занес ногу, но, разогнувшись, нога неожиданно влепилась жесткими подушечками ступни в лоб гвардейцу. Капитан, подпрыгнув, зашагал по чьим-то плечам и оказался возле Бундука. Бундук попытался размахнуться, но толпа помешала. Бандит саданул его коленом в пах,

одновременно погрузив в правый глаз указательный палец, твердый, как стальное сверло. Бундук завопил, толпа отпрянула. Капитан сделал руками несколько круговых движений — два козлонога остались лежать рядом с Бундуком. Боцман тоже работал всеми конечностями. Послышался треск материи — это, догадался Капитан, он рванул на себе панталоны. Теперь всем кранты. Поджарый молодой парень с бритой налысо головой со всей силы пнул Капитана в пах — и ускакал на одной ноге. Потом то же самое попытался сделать козлоног… Вот против копыта пахопашные пиемы пасуют. Капитан на миг потерял ориентацию от боли. Козлоног воспользовался этим, и нанес следующий удар. Удар, слава Ру-Бьек, оказался неточным — иначе лежать Капитану с пробитым лбом. Из рассеченной брови потекла кровь. Капитан разъярился. Отскочив к стене, он уцепился пальцами за мягкую землю, подтянулся, помог себе ногой — и, оттолкнувшись от стены, пулей полетел на козлонога. Вовремя выставил ладони, ухватил козлонога за рога, повалил. Сразу вскочив, Капитан, не отпуская козлонога, нанес ему пару пинков в живот, поднял над собой и швырнул об колонну.

— Коз-зел!

Оглушительно хрустнули кости. Несколько легких ударов левой ногой — выбитые зубы, сломанные носы, рычащая ругань. Теперь можно подпустить их поближе — и рубить, рубить руками. Когда напор противников стал слишком тяжелым, Капитан подпрыгнул, оттолкнулся пятками от чьей-то шеи (в очередной раз хрустнули кости), сделал сальто и приземлился скрюченными пальцами на мохнатую рожу четверорукого великана. Великан обиженно заплакал. Круговые движения ногами — опять хруст костей. Противников стало заметно меньше, теперь приходилось за ними гоняться. Плаксивый великан попытался сбежать, но Боцман, подняв с земли небольшой камешек, резко метнул его в волосатую спину великана. В спине возникла аккуратная дырка, ведикан повалился лицом в землю. Кимор, попытавшийся вцепиться Капитану в ногу, получил пинка — и лопнул. Капитан почувствовал, что входит в то самое прекрасное состояние, когда во время боя можно спокойно размышлять о посторонних вещах: он наносил удары машинально и точно. Интересно, чего на самом деле добивается Ма-Мин? И чего она добилась? Ведь она овладела Клаем Бонифацием! Нет больше полковника гвардии, есть пустая машинка под контролем личинки… Интересно, в Арконе об этом догадались?..

Атсаны с бродячей осиной появились вовремя. Когда на ногах осталось лишь двое. Боцман и Капитан. Все прочие валялись вокруг, кто еще живой, кто мертвый, а многие превратились в

бесформенные куски мяса.

— Что тут происходит? — Бесцветным голосом спросил охранник и глубоко присел.

— Уже ничего. — Капитан смахнул кровь из рассеченной брови, а Боцман, подтверждая его слова, хлюпнул разбитым носом.

Скрутив бандитов осиной, атсаны принялись осматривать лежащих. Тех, кто еще дышал, стражники шустро утаскивали наверх — всего человек пять и еще двух козлоногов.

— Этак мы жрутеров перекормим… — услышали бандиты реплику одного из охранников.

— Что вы натворили? Срань Пестицидная!.. — Перед Капитаном и Боцманом опять прохаживался уже знакомый атсан. — Всю смену уложили! Кто за них камень добывать будет? Вы?

— Мы работать не будем! — Хором заявили бандиты.

— Что! — Атсан присел так глубоко, что упал на спину.

— Не будем. — Повторил Капитан.

— В карцер! В одиночку! В бусинку! — Заверещал атсан. — Обоих в одну! Пусть перегрызутся!

Спустя несколько минут Боцман и Капитан были водворены в то, что у атсанов называлось карцером. По меркам бандитов это оказались роскошные двухкомнатные апартаменты.

Первым делом они осмотрели обе комнаты. Нигде ни щелочки. Карцер оказался вырезан в монолитном куске какой-то очень твердой породы.

— Чего делать будем? — спросил Боцман после ужина.

— Отдыхать!

И капитан с видимым удовольствием растянулся на листе мышебоя.

— Ах, Ма-Мин, — прошептал Боцман, — встретимся ли мы вновь?

ГЛАВА 7

Первые сутки в карцере тянулись невообразимо долго. Боцман перерыл обе комнаты в надежде найти хоть что-нибудь, что могло бы послужить заготовкой для оружия. Но в карцере не нашлось ничего, кроме двух пустых листов мышебоя да дырки параши. Не было даже щелей в стенах, куда можно что-нибудь заныкать. Сплошная полированная поверхность.

Капитан тоже занимался полезным делом. Он пытался простучать все стены в поисках слабого места. Но монолит везде откликался одинаково глухо.

Единственным более-менее слабым местом была дверь. Но там насмерть стояла бродячая осина, а сражаться с этим представителем растительного мира без оружия — полная безнадега. Капитан попытался: под ударами осина становилась мягкой, но сразу твердела, ловко давая сдачи. Тем не менее, именно разумное поведение осины давало некоторую надежду. Остановившись в очередной раз перед дверью, Капитан поманил Боцмана:

— Ну, рыцарь, блин, давай, отвлеки эту корягу.

— А с какой стати я? — Боцман насупился. — Я мастер уклонения от боя. Так что, давай-ка сам!

— Я тощий, — резонно возразил Капитан. — Она за мной не погонится.

— Ага, а я, значит, толстый! Ну-ка, пойдем, выйдем! Я тебе покажу, кто из нас толстый!

— Так выходили уже, — спокойно ответил Капитан. — Помнишь, что получилось?

— Все равно, я к ней не полезу. — Боцман уперся, и переубедить его не было никакой возможности.

— Твои предложения?

— Подождать, когда будут хавчик выдавать, скрутить их всех — и дёру!

— А ты уверен, что в карцере и жрать дают?

— А что, атсаны же не звери!

— Но и не люди. Возьмут, забудут…

— Тогда где кости?

— Чьи?

— Тех, кто тут раньше был.

— Вспомнили и убрали.

Крыть было нечем, да и разговор зашел в полнейший тупик. Боцман грустно присел на пол возле осины, а Капитан принялся методично долбить стену кулаками.

Через час, или немного меньше, Боцман встал с насиженного места, продефилировал в сторону отрабатывающего удары Капитана и встал у него за спиной. Тот не показал вида, что заметил перемещения приятеля — продолжал свое бестолковое занятие, как ни в чем ни бывало.

— И долго ты будешь стенку колошматить?

— Пока не надоест.

— А мне уже надоело!

— Твои трудности.

Удрученный Боцман поплелся обратно, но на полпути его осенило:

— Слышь, Кэп, а наша Отмыра сможет помочь?

От последнего удара бандита полированная муть стены покрылась сетью мелких трещин. Развернувшись, он уставился на приятеля:

— Как? Это не виртуалка, зема! Ты че…

— А попробовать?

Капитан пожал плечами. Потом набрал в легкие побольше воздуха и крикнул:

— Отмыра! Ты где?

— Зачем орешь? — Отмыра материлизовалась прямо посередине карцера.

Капитан удивленно замолчал. Боцман проявил больше расторопности:

— Так, короче, — приказал он, — вытаскивай нас отсюда! Продолби эту стену до ближайшего тоннеля!

— Нет, — возразил Капитан, — Мы на тебя залезем — и вперед, на волю!

— Мужики, — Отмыра изогнула носик сперва вправо, потом влево, — меня тут нет. Я — проекция ваших сознаний, поэтому не могу ни долбить, ни на спине катать. Хотите, может, телегу прогоню… Я тут нарыла по сетям столько телег! Вот, например, легенда о том, как Тромп уничтожил Ма-Мин.

— Как нет, если есть! — Боцман похлопал ладонью по металлическому боку «сковородки». Бок отозвался гулким дребезжанием. И тут до Боцмана дошло:

— Постой… Когда это Тромп уничтожил Ма-Мин?

Отмыра, кажется, смутилась — ее носик заходил ходуном. Посучив по скользкому полу острыми паучьими ножками, она уклончиво ответила:

— Ну… Легенда, короче. Телега.

— А откуда такая телега? — Наседал Боцман, — что за гнилые гонки?

— Отвали, — Капитан дернул коллегу за плечо и повернулся

к Отмыре. — А эту дверь ты можешь открыть?

— Запросто!

— Какая дверь? — Заверещал Боцман, — там куча вонючих атсанов, опять придется драться. Отмыра, вызови кербов, пусть они прокопают сюда тоннель… Или… Ты говоришь…

— Ма-Мин жива, — успокоила Боцмана Отмыра.

— А как же Тромп и…

— Телега. Но тоннель к вам никто прокопать не сможет. Вы же в бусинке!

Капитан присел на край койки. Медленно оглядел стены, пол, потолок. Почесал себе лоб.

— В какой бусинке?

— Бусинка из ожерелья Ру-Бьек, — охотно ответила «сковородка». — Когда Ру-Бьек потеряло язык, бусинка тоже потерялась. Если, конечно, верить увлапонским апокрифам…

— Что за бусинка?! — Капитан с такой силой стукнул ладонью по колену, что чуть сам себе не сломал ногу.

— Алмазная, бесконечная снаружи, конечная внутри. Вход-выход только через дверь.

— А параша? — С надеждой спросил Боцман. «Сковородка» отрезала:

— Видимость. Телега.

— Отпирай дверь, — решил Капитан. Встав перед дверью, он принял низкую стойку, готовый прыгнуть на любого, кто окажется с той стороны.

Но Боцман все испортил:

— Нет! Не хочу махаться!

— Слушай меня! Я — хозяин! — Рыкнул Капитан.

Отмыра не двинулась с места.

— Вы оба мои хозяева. Делали-то меня вместе!.. Короче, вы пока добазарьтесь, а я попозже загляну!

В следующее мгновение ее не стало.

— Это из-за тебя Отмыра свалила! — Взъярился Боцман.

— Нет, твой косяк! — возразил Капитан, — согласился бы на дверь, и все чики-пуки! А то, махаться ему западло вдруг!

— С кербами надежнее. Ты знаешь, сколько у атсанов этих осин?

— Под бочок к Ма-Мин захотел?

— А Ма-Мин не трожь!

— Да кто ее трогает? Вот Тромп ее, говорят, тронул…

Боцман успокоился, присел на корточки, запустил пятерню в бороду. Наконец, сказал:

— Святая Ма-Мин жива. Я знаю точно.

— Да пошел ты!..

— Только с тобой!

— А некуда, братан.

— Кербов бы сюда. Или выкидуху…

— Арконский мечтатель. Нормальные пацаны ходят через двери.

— Это я ненормальный?! — Вскочил Боцман с пола.

— Ну, не я же… — хихикнул Капитан, и все началось по новому кругу.

В карцере время суток определить было невозможно, и бандиты, проведя ночь за бесплодными словесными баталиями, заснули лишь под утро. Если Истина и родилась в их спорах, то, убоявшись гигантского количества матюгов, немедленно укатила в самые дальние миры за десятью вратами Бильреста.

Проснувшись первым, Боцман обнаружил, что дверь открыта. Неужто Отмыра… Он скатился на пол со своего мышебоя и ринулся к Капитану. Но разбудить его не успел.

— Па-адъем, мужики! — Раздалась из-за двери громкая команда.

— Мужики на работе, — огрызнулся Капитан. Он спокойно поднялся со своей койки и стал ждать продолжения. В карцер зашел атсан, в ручках которого был зажат очень знакомый предмет. Восьмимерная выкидуха! Капитан остался стоять неподвижно, Боцман тоже застыл. Против выкидухи приема нет.

— Ну, бунтовщички-пленнички, — атсан с выкидухой слегка подпрыгнул, — вперед и без глупостей!

— Куда? — Заерепенился Боцман. — Нам и тут не плохо!

— Базарить команды не было! — Весело оборвал его стражник, — шевели поршнями!

Что-то в интонации стражника показалось Капитану подозрительным. Боцман, кажется, тоже уловил странное сходство… Капитан встряхнулся: померещилось.

За дверью рядовые охранники выстроились в два ряда. Бандитам связали за спиной руки и повели вверх по пологой лестнице. Начальник пристроился сзади колонны. Всю дорогу бандиты беззастенчиво глазели по сторонам, пытаясь запомнить на всякий случай свой путь. Незнакомые коридоры становились все грязнее, в одном месте пришлось обходить завал. Этими ходами явно никто давно не пользовался.

Через минут двадцать такого марша колонна остановилась в небольшой пещере. Капитан сразу заподозрил неладное, когда начальник скомандовал:

— В шеренгу стройся!

— Это что, казнь? — Спокойно поинтересовался Капитан.

— Ага, — ответил атсан, — она самая.

Вскинув выкидуху, он нажал на курок. Выкидуха огласила подземелье механическим смехом.

— Нравится мне эта опция, — атсан мелко подпрыгнул от удовольствия, после чего сместил пластины рукоятки. Боцман зажмурился, Капитан жмуриться не стал. Он видел, как розовый конус, полный сверкающих лезвий, быстро перемещаясь, вобрал в себя всех охранников. Через мгновение с ними было покончено. Три десятка кочерыжек продолжали торчать навытяжку, но Капитан знал, что теперь они состоят из мертвой пыли.

— Ну, жулики-бандиты, — единственный оставшийся в живых атсан взял пленников на мушку своего запрещенного оружия, — вас развязать, или так домой пойдете?

— Ты от Ма-Мин? — Догадался Боцман и, осклабившись, сделал шаг к спасителю.

— Какой Ма-Мин? — Оборвал его Капитан, — Слышал, сказано: «домой», значит он от шефа.

— Стоять! — Рявкнул атсан. Боцман послушно отступил.

— Лучше, конечно, развязать, братан. — Капитан натужно улыбнулся.

Атсан покачал головой, точнее, за отсутствием шеи, всем телом:

— Терпение, рыцари, терпение. Для начала мне надо представиться. Итак, я… Точнее, это тело — не я. Я сижу в «Мерлине» и им управляю. Это ясно?

Бандиты синхронно кивнули.

— Теперь обо мне. — Продолжала оболочка атсана. — Меня вы все хорошо знаете и должны были замочить…

— Фленджер? — Глаза Боцмана стали в четыре раза больше, чем обычно.

— Ага, Фленджер я. И мочить меня не надо, я теперь у Нуфнира работаю. Сетевым инженером. Дошло?

Бандиты оторопело молчали, Боцман шумно глотал слюну.

Атсан повел вверх-вниз дулом выкидухи:

— Как дойдет, дайте знать. Я вас тогда развязываю и провожаю до дырки на Землю.

— Я не понимаю… — начал было Боцман, но Капитан резко толкнул его локтем в бок:

— Нам все ясно.

— Вот и славно.

Атсан опустил выкидуху и, щелкнув корявыми пальцами, распустил корешки, стягивавшие запястья бандитов.

— Теперь вперед, — он показал в сторону одного из тоннелей. Боцман и Капитан, все еще не веря в чудесное избавление, шли молча. Атсан подавал команды «направо»,

«налево» и, как заметил Капитан, держал выкидуху наготове.

— Кстати, не вздумайте от меня сбежать, — предупредил атсан, когда бандиты слишком резво припустили вперед, — шеф вас живыми видеть хочет, зато я — не очень. Так что, шмальну без предупреждения.

Вскоре астан приказал остановиться.

— Вам туда, — показал он в сторону бокового ответвления, в котором темнота была настолько густой, что даже глаза бандитов, прекрасно видевшие во мраке, ничего там не различали.

— А ты? — спросил Капитан.

— Я и так там, — хихикнул Фленждер.

— Оружие хоть отдай, — попросил Боцман.

— Обойдетесь, — атсан отступил. — Хотя… — он размахнулся и швырнул выкидуху в темноту тоннеля. Бандиты, не раздумывая, бросились вперед.

Переход из мира в мир прошел совершенно незаметно. Вот Боцман с Капитаном бежали по неровным камням, а вот они уже сшибли кого-то и повалились на пол в густом жарком тумане. Этот «кто-то» истошно, по-бабьи, завизжал, и Боцман обнаружил, что под ним действительно барахтается, пытаясь подняться на ноги, потная голая баба, красивая и толстая.

— Каков пассаж! — Раздался спереди удивленный мужской голос, — Клав, с кем это ты?

Клава, не отвечая, попыталась влепить Боцману пощечину. Но реакция дипломированного рыцаря сработала автоматически, Клава оказалась распластана на деревянном полу, словно здоровенная розовая лягушка.

— Насилуют! — заревела она и принялась выкручиваться из стальных объятий. На этот вопль из тумана появилась целая толпа обнаженных амазонок, вооруженных, за неимением лучшего, мокрыми полотенцами и мочалками. Среди амазонок толкались два мужика — один толстый и бородатый, чем-то похожий на Боцмана, только не такой накачанный, а другой низенький, кривоногий, с пышными усами.

— Кац, ты что-нибудь понимаешь? — Спросил низенький.

— Нахалы! — Орали амазонки.

— Нет, Фима, я теряюсь, — спокойно ответил толстый.

— Козлы вонючие! — Продолжали наседать на бандитов амазонки.

— Это кто козлы? — Боцман сразу вскочил и, разъезжаясь ногами на мокром полу, двинулся к толстому Кацу. Кац улыбнулся:

— Я этого не говорил.

— Значит, ты? — Боцман ухватил за горло кривоногого Фиму.

Амазонки продолжали колотить бандитов мочалками. Капитан снял руку приятеля с горла Фимы. Фима прокашлялся и отошел в сторону:

— Заблудились, господа? Предбанник там, — он показал в самую гущу тумана, — и пиво. Пиво, правда, «Жигулевское»…

Неожиданно в парилке стало еще теснее — на визг амазонок прибежали местные секьюрити. Два амбала в пятнистых комбинезонах наставили на бандитов свои «калаши» и пробурчали хором:

— Подымай лапы!

В этот момент пар окончательно рассеялся и Капитан увидел, наконец, валявшуюся у дощатой стены выкидуху. Выкидуха больше не была выкидухой — она приняла прежний облик пистолета Макарова. Охранник перехватил взгляд Капитана и угрожающе потряс автоматом:

— Не рыпайся!

Но куда этим необученным громилам было до настоящих дипломированных рыцарей! Капитан рванул дуло «калаша» на себя и чуть в сторону, нанося амбалу правой ногой два быстрых удара один за другим — в живот и в коленную чашечку. Хватка секьюрити ослабла. Вырвав автомат у него из рук, Капитан довершил дело прикладом, с удовольствием услыхав хруст ломающегося позвоночника.

Боцман уже раздевал второго амбала, тоже мертвого.

— Зачем… — начал Капитан, но сразу засмеялся. Действительно, мозги распарились: как гулять по Москве в серебристых кальсонах? Никак. А в камуфле — вполне солидно.

Амазонки исчезли, только бедная Клава продолжала лежать на полу, изображая лягушку. Свалив на нее два тела, бандиты пошли переодеваться в предбанник. В просторном предбаннике амазонок тоже не было. За длинным столом сидели Кац с Фимой и пили жигулевское пиво.

— Ну как, — поинтересовался Фима, — вы их сделали? — И сразу ответил сам, — вижу, сделали. Вот и прикидом разжились. Я всегда говорил, что у Андрейкиных песиков туго с мерностью.

— Ага, — подтвердил Кац, хлебая пиво прямо из бутылки, — мерность не выше, чем у картошки.

— Что ты знаешь про мерность? — Насторожился Капитан.

Фима откинулся на деревянную спинку скамьи, покрытую розовым банным полотенцем:

— Все абсолютно. Мы с Кацем про нее книжку написали. Вот это — Эммануил Кац, философ-космист…

— Мокрокосмист, — поправил Кац, — а это — Ефим Хуман, писатель-дебилетрист…

— Чушь, — проворчал Капитан. Он был уже одет, Боцман тоже застегивал последние пуговицы. Форма на Боцмане сидела как влитая, а сухопарому Капитану пришлось заворачивать манжеты. Протянув руку, он взял у философа-мокрокосмиста бутылку и допил до конца. Рыгнул, огляделся. Стол, скамья, мягкие диваны вдоль стен… Все это он уже видел — не очень давно.

— Пошли, — позвал Боцман.

Из предбанника вверх вела узкая лестница. Лишь поднявшись по ступенькам, бандиты поняли, что действительно бывали в этом месте.

Наверху лестницы стоял Андрей, старый знакомый, хозяин магазинчика, располагавшегося над сауной, тот самый, что сдал бандитам Фленжера. Он непонимающе моргал и не нашел ничего лучшего, чем спросить:

— М-мужики… В-вы откуда?

— Снизу, — содержательно ответил Боцман. — Посторонись-ка.

— Там внизу твои гаврики парятся. — Капитан с выработанным годами прищуром, от которого у неподготовленных моментально начиналась медвежья болезнь, посмотрел на Андрея. Тот затрепетал. — Похорони с музыкой. И телефон не лапай. Этим, философам, тоже скажи, чтобы не рыпались.

— Тачка есть? — Боцман, взяв Андрея за отворот кожанки, деловито обшаривал карманы.

— Синяя «восьмерка». Во дворе стоит.

Бандит обнаружил ключи и театрально подкинул их на ладони:

— Временно конфискуется.

— Но…

— В ушах говно! Как понял, а если не понял, то как?

— Понял… Как… — у Андрея подкосились коленки, и он осел на пол, привалившись к крашеной стене.

VI. БЕЛЫЙ ДОМ И ЧЕРНЫЙ ЗАМОК

ГЛАВА 1

Три воина и бармен тесно сгрудились на лежанке. Сперва они хотели залезть в фуру, но Дмитрий запретил: если кто из них начнет болтать о «Жидкой Судьбе», то пусть делает это здесь. Мужчины, однако, молчали, угрюмо провожая глазами убегавшие назад птицеморы. Вот справа земля вздыбилась мощным курганом, украшенным часовенкой.

— Узнаешь свою могилку, рыцарь? — Хохотнул водитель и почесал половинчатую бороду.

— Она не только моя, — Дмитрий сидел спереди, приобняв Алмис. Алмис молчала. Сквозь ладонь Дмитрия, касавшуюся ее плеча, текли густые токи ненависти.

— Твоя, рыцарь, твоя. — Водитель снова хохотнул. Мускусная вонь жгла ноздри, Алмис продолжала дуться. Терпение Дмитрия лопнуло. Все, пора говорить прямо.

— Нет, дракон, нет.

Водитель чуть не дал по тормозам, резко вильнув рулем. Хорошо, розовое шоссе было совершенно пустым. Но удивление водителя быстро сменилось радостью:

— Говоришь, нет. А сам…

— Я сказал, не только моя, — повторил Дмитрий, — Толика помнишь, Нифнир? Великим алхимиком стал…

Нифнир медленно кивнул. Он все понял:

— Значит, сказки про навар с яиц…

— Быль, Нифнир, чистая быль.

— Ага, — Нифнир чуть отпустил акселератор, машина пошла тише, — а имя Кун тебе знакомо?

— Так ведь… — Хотел встрять Илион, но сразу заткнулся: видно, кто-то пхнул его под ребра.

Курган Тромпа скрылся за другими холмами, самыми обычными. Птицеморы уступили место зарослям гигантских ромашек, над которыми роились пестрые летучие хомяки. Клетка с парочкой таких хомяков-неразлучников, помнил Дмитрий, висела в детской в нише у стражниц.

— Так ведь знакомо, — продолжил за Илиона Дмитий, — был такой жардинер у кочерыжек…

— Человек?

— Ну да… Я его убил.

— Ты уверен? — Нифнир отвлекся от дороги, вперившись в Дмитрия своими разноцветными глазами. Дмитрий изобразил смущение:

— Нет… Его взяла Ма-Мин. У нас там было чуток кербовой

крови, атсаны разбодяжили ее в поливалке. А Кун из поливалки хлебнул — перед поединком.

— А ты?

— И я… Потом кербы напали…

— Знаю, — перебил Нифнир, — и ты видел, как личинка взяла этого самого Куна?

— Да.

— А как он умирал, ты, значит, не видел.

— Нет.

— Понятно. — Нифнир грозно пожевал челюстями, глядя прямо на дорогу. Утопил педаль газа. Движок взвыл, переходя на визг, и «Колхида» понеслась так, что ромашки и хомяки за окнами слились в один грязно-серый фон.

Братва на лежанке заохала. Алмис сидела все так же молча, не желая ничего замечать. Дмитрий ухватился за приборную доску:

— Куда ты так погнал?

— К Бильресту, — ответил Нифнир, — мой лаз теперь известен Нуфу. За тобою ведь гонялись два хмыря?

Дмитрий кивнул.

— Они от Нуфа… Да ты и сам знаешь.

— Я о них еще кое-что знаю, — ухмыльнулся Дмитрий, — теперь они разъезжают верхом на кербах.

— Опаньки! — Нифнир оскалился. «Колхида» неслась с такой скоростью, что, казалось, сейчас взлетит. Впрочем, Дмитрия бы это не удивило.

— А хрена ли нам в Бильресте? — спросил он просто так. Ему, на самом деле, было плевать, куда двигать — лишь бы не носом под землю.

Нифнир удивленно вскинул рыжую бровь:

— Тромп, ты крутишься здесь уже Ру-Бьек знает, сколько, а такую простую вещь выяснить забыл. Бильрест — это мост. Всеобщего пользования. Там нам никто не помешает. Там вообще никто никому не мешает, даже личинка через Бильрест может шастать… Ненавижу эту бабу!!!

Изо рта Нифнира вырвалось сизое облачко гари. Дмитрий понял, что сейчас дракон точно не врет: мать кербов действительно чем-то ему не угодила. Чтобы раскрутить Нифнира на новую информацию, Дмитрий удивленно заметил:

— Ма-Мин? Она, по-моему, достаточно безобидна. Ну, трахает всяких бедолаг…

Дракон попался на крючок. От злости он еще прибавил скорости:

— Гнусный катышек соплей, вот она кто! Моча Тромпа. Твоя

моча! Она растеклась по нижним этажам этого мира, туда теперь не сунешься.

— Я думал, что мерность…

— Поменьше думай, рыцарь. Твоя собственная мерность не выше сорока… Пусть выше, ты же, говоришь, хлебнул из атсанской поливалки. Ну, шестьдесят. Куда тебе думать? Чем? Откуда тебе знать, какова мерность земли? Земля — вот в чем проблема. Моча Тромпа пропитала землю, теперь личинка пользуется этим союзом, изображает из себя Ру-Бьек собственной персоной!

Дорога начала петлять. Справа и слева потянулись поля, грибные сады, редкие богатые особняки с плоскими крышами. «Колхида» снизила скорость. Нифнир чуть успокоился:

— Ладно, под землю к ней не сунешься, так и не надо. Пусть она кусает за задницу старшенького, ты его закопал на славу. Только… Боюсь я, рыцарь.

— Кого может бояться дракон?

— Двух других драконов, кого же еще?

— Еще Ру-Бьек и «Жидкую Судьбу», — неожиданно вмешалась Алмис. Она перестала дуться и, откинувшись на потертую спинку кожаного сиденья, смотрела в окно на мелькающие ограды особняков.

— Верно, верно… дитя цветов.

При этих словах Нифнира Алмис чуть вздрогнула. Дракон прикинулся, будто ничего не заметил:

— Все верно. Только последнее, что Ру-Бьек сделало само, это хорошенько проблевалось — чему мы все обязаны своим существованием. А что до раскольника… Теперь, я полагаю, он у личинки. Силен от этого жардинера, ее полюбовничка, еле ноги унес. Собрал, кого мог, погрузил самое ценное на вагонетку и отчалил — не сказал куда. Только в атсанскую сеть объяву закинул…

Дмитрий еле удержался от вздоха. Теперь ясно, почему не было погони. Козел-торговец так перепугался, что даже не помышлял ни о какой погоне. И своего обидчика «Куна», судя по всему, не описал: только сообщил всем, что Кун похитил раскольник у атсанов.

Реторта со страшной жидкостью лежала в кармане и неприятно давила на грудь. Это нервное, решил Дмитрий. Особняки за окном кончились, пошли глухие плоские стены складов.

«Колхида» двигалась теперь с обычной скоростью. Нифнир проговорил спокойным голосом:

— Короче, Ма-Мин заваривает войнуху. Пора отсюда рвать. А

у тебя дома, рыцарь, мы начнем с того, что выкурим моего братца. Сделаешь это ты, понял?

— Не понял, — сразу ответил Дмитрий, — зачем это мне?

Дракон усмехнулся:

— Узнаю старину Тромпа. Затем, дорогой, что по большому счету ты вовсе не Тромп, а Дима Горев. Нечего Среднему Строителю делать у тебя дома.

— Почему?

— Потому что это твой дом. И мой.

Последняя часть ответа вызвала у Дмитрия крупные сомнения, но он решил сейчас не спорить. Главное, оказаться дома. А там уж он решит, на кого будет работать. На одного дракона, на другого, на Ма-Мин или на себя… Чего тут решать? На себя, конечно, и ни на кого больше!

«Колхида» медленно катила по широкой мощеной песчаником площади. Площадь обрывалась набережной. С этого берега на другой был перекинут длинный мост, мощеный таким же песчаником… На другой? Нет, другого берега не было. Мост терялся в блестящем жемчужном тумане. Вдоль парапета набережной к мосту тянулась очередь из экипажей: повозки, похожие на ландо с кожистыми перепончатыми крыльями, расписные каноэ, висевшие в метре над мостовой, швабы с баддахинами и без, обычные грузовики…

Когда «Колхида» пристроилась в конец очереди, Дмитрий высунул голову в окно, перегнувшись через Алмис, и заглянул за парапет. Никакой воды внизу не было. Все тот же туман — со всех сторон. Мост вел за край этого мира.

К кабине подскочил седой кимор в форменной одежде, похожей на обычный мешок с прорезями для конечностей. Забравшись на подножку, кимор постучал коготком в окно. Нифнир опустил стекло:

— Чего надо?

— Шоколада. И карту клада. И ключи от райского сада…

— Ладно, дело говори.

— Пусть будет дело. Что везешь?

Нифнир уже хотел было ответить, но тут вперед просунулась голова Добужина.

— А ты от кого, зема? — Спросил Добужин, осклабившись.

— А ты? — Кимор хмыкнул бесформенным носиком.

Добужин оперся о спинку сидения обеими руками и яростно процедил:

— Вша болотная! Зови сюда Горлопана, или тобой тут все до пришествия Тромпа будут задницу вытирать! Скажи, Доб едет. Живо!

Кимор кубарем скатился с подножки и исчез, а через пять минут к «Колхиде» приковылял старый эквапырь. Эквапырь опирался на костыль и носил вокруг шеи поддерживающий корсет. В остальном же Горлопан выглядел исключительно эллегантно: строгий серый камзол, синяя бархатная мантия, на ногах серебристые сандалии, кончик хвоста забран в чехольчик под цвет мантии.

— Бон Добужин! — Просипел Горлопан. Судя по голосу, горло эквапыря пострадало от ножевого ранения.

— Бон Попериус! — Приветливо откликнулся Добужин, — как шея?

— Да все так же, — скривился эквапырь, — уже лучше не станет. Ты, я вижу, куда-то собрался?

— Да, вот, к обезьянам.

— Везешь чего-нибудь эдакое?

Нифнир, наконец, не выдержал:

— Предъяви бумаги, крыса, чтобы я знал, кому откусил яйца. Ты что…

Но Добужин положил ладонь Нифниру на плечо:

— Стоп. Лучше по-хорошему. Да и быстрее. — Он снова обратился к Горлопану, который стоял, как ни в чем ни бывало — даже усом не повел:

— Бон Попериус, извини, мы торопимся. И ничего эдакого не везем, в этом тебе моя гарантия.

— Хорошо, — кивнул эквапырь, — тебе без очереди, досмотра и регистрации — полтора косаря.

— А с регистрацией? — Спросил Нифнир.

— Косарь, — не раздумывая, ответил Горлопан.

Нифнир оглядел своих пассажиров:

— Деньги есть у нас? Чтоб сразу…

— Есть, — ответил Дмитрий, — Предложи ему восемьсот.

Эквапырь слышал этот разговор и поспешил уточнить:

— Девять сотен и ни одним лепром меньше.

Дмитрий молча кивнул.

Бармен прижимал к груди кошель Силена:

— Дармоеды…

— Давай, давай, — Дмитрий отобрал у бармена кошель, отсчитал девяносто пять квадратиков и ссыпал себе в карман, а остальное протянул эквапырю:

— Можешь считать, если не лень.

Тот прикинул кошель на вес, пошевелил усами, цыкнул зубом. Наконец, сказал:

— Все верно. Значит, я регистрирую. Компания…

— «Авторун», — ответил Нифнир.

— «Авторун»… Хм, давненько ваши не ездили легальным путем…

— Все-таки я откушу тебе яйца, крыса! — Весело проговорил Нифнир.

Эквапырь снова хмыкнул носом и взвесил на руке кошель:

— Рейс…

— Запиши: «Земля первый, порожняком»…

— И поставь вчерашнее число, — добавил Дмитрий.

— Вчерашнее? Еще червонец, пожалуйста.

Дмитрий протянул эквапырю еще десять квадратиков. Горлопан ссыпал квадратики в кошель, а кошель приторочил к узкому кожаному поясу:

— Значит, так. Перед вами пойдет шваб под зеленым балдахином, а вы следом. Только не впритык, а то вместо обезьян угодите к пиявкам. — Эквапырь поднялся на подножку и ткнул костылем вперед, — поехали.

Нифнир вывернул руль. Урчание мотора перешло в вой, «Колхида» двинулась вдоль очереди. Пассажиры ландо, швабов и каноэ неодобрительно косились на богатых нахалов, которым не придется ждать целый день.

— А ты живой, однако, — сказал эквапырь Добужину, — нам-то передали, что тебя рогачи замели в Предместьях.

— Рогачи? — Добужин оскалился, — да я их знаешь, какими восьмерками вертел? Нет, все нормально, скоро вернусь, так ребятам и передай. Хо, рогачи… Сам-то как?

— Да… — Чуть скривился Горлопан, — арконцы с княжьей стражой никак Бильрест не поделят. Ты, действительно, возвращайся, а то уже все забывать начали, что Бильрест — наш… Вот, пора, видишь — шваб уже пошел.

«Колхида» остановилась у самого въезда на мост. Въезд охраняли гранитные рогатые львы, гладкие бельма которых глядели слепо, но злобно. Шваб под зеленым шелковым балдахином как раз исчезал в жемчужном тумане. Эквапырь соскочил с подножки:

— Сейчас Макса проинформирую, махну — и поезжайте. Счастливого пути, бон Добужин.

— Давай, поправляйся, Горлопан.

Услыхав свою кличку, Горлопан улыбнулся и, отталкиваясь костылем от мостовой, резво затрусил к ближайшему каменному льву. Несколько секунд он что-то объяснял льву. Лев коротко кивнул, солнце отразилось на кончике полированного рога. Эквапырь обернулся и взмахнул лапкой. Нифнир газанул. «Колхида», набирая скорость, покатила по мосту навстречу туману.

— Стекло со своей стороны подними, девочка. Холодно будет. Апрель. Если эта жадная крыса сдуру не зашвырнет нас к пиявкам…

Но Горлопан знал свое дело. Туман обрушился со всех сторон и сразу исчез. В ветровое стекло ударили струи дождя. За дождем справа и слева виднелись редкие деревья и тусклые досчатые домики.

— Все правильно, — признал Нифнир, — к вечеру доедем.

Дмитрий попытался узнать места, но досчатые домики были такими стандартными, что это оказалось просто невозможно сделать.

— Где мы? — Спросил он.

— Впереди Москва, сзади Тула, в паре километров. Жалко, в апреле яблок нет еще. Обезьяны думают, что драконы питаются принцессами. Дерьмо Тромпа!.. Прости, рыцарь. — Нифнир включил дворники, прибавил газу и легко подрезал грязно-бордовый «Икарус». — Принцессы — гадость. Не пробовал, но уверен. А больше всего на свете я люблю тульские яблоки, чтоб желтенькие и с червячком.

Дмитрий поморщился. Яблоки он терпеть не мог, зато «принцессу», которая сидит у окна и на всех дуется, сожрал бы сейчас с превеликим удовольствием.

ГЛАВА 2

Милицейский вертолет протарахтел вдали, над горизонтом, усеянным белыми башнями новостроек Южного Бутова. Агабот усмехнулся: неужели Дракон вызвал ментов? Едва ли. Дракон знает, что все менты Москвы и Подмосковья лижут Агаботу пятки.

За мокрыми скелетами деревьев пряталась железная дорога. Деревья еще не прикрыли свои черные мослы листьями, но дорогу все равно не было видно — только басовитый грохот товарняков да трескотня электричек сообщали Агаботу, что железка никуда не делась, не сгинула среди древесных костяков. А раз железка на месте, то и кладбище тоже стоит, как стояло.

Стрелку забили недалеко от Бутовского кладбища, на прямом участке шоссе без названия возле какого-то озерца, тоже без названия. Шоссе шло из Южного Бутова через Новоникольское и оканчивалось тупиком. Метрах в трехстах на Юг виднелся поворот, за поворотом — тупик. Значит, Дракон со своей братвой приедут с Севера, не иначе. Агабот прибыл на стрелку за час до назначенного времени, занял позиции. Пятерых — в лесок, еще пятерых — за кучи строительного мусора, громоздившиеся между шоссе и озером. И еще двадцать человек ждут в лесу ближе к Новоникольскому: как Дракон с ребятами пройдут мимо них, Муравей звякнет на мобильный, сообщит. А потом зайдет с тыла.

«Дракон… — Усмехнулся Агабот в пышные желтые усы, — погоняло, как у Брюса Ли. Сашка-то Нуферов кина насмотрелся, вообразил, что может хумским ребятам стрелки назначать.» Агабот, один из основных хумских авторитетов, запретил себе думать о том, что погоняло «Дракон» может значить чуть больше, чем любовь к китайским дешевым боевикам. А ведь может, может! Собственное-то погоняло Агабот получил самым престранным образом: во сне к нему явился таракан. Точнее, Тараканище из детской сказки, огромный, больше слона, с длинными, в руку толщиной, усами. Тараканище явился к Агаботу, тогда еще — обитателю Икшанской малолетки Семе Дристуну, в самом чудесном сне, котрый только мог присниться опущенному. Сема стоял посреди степи, кругом шли мягкими волнами голубые холмы, а черное небо сияло звездами, большими, словно фонари на вышке. Таракан этот тронул Сему за плечо кончиком уса и сказал:

— Оглядись, браток.

Сема огляделся. Теперь вся степь была усыпана истлевшими костями. Почему-то обилие костей вовсе не испугало подростка. Прекрасный сон! В жизни Сема боялся всего и всех.

— Это кости твоих врагов, — пояснил Тараканище.

Сема сразу понял, что кости врагов могут появиться и наяву, но не задаром.

— Чего делать, дядя? — Спросил Сема.

— Скушай яичко, — и Тараканище подал Семе яичко на серебряном блюдечке, в серебряной же рюмочке. Рядом с рюмочкой лежала серебряная ложечка… Только само яичко выглядело подозрительно: фиолетовое, сморщенное и мелко дрожит. Сема поморщился, но съел яичко — ложечкой пользоваться не стал, а просто взял рукой и проглотил целиком, чтобы не растягивать сомнительное удовольствие. Как только он это сделал, в животе словно бомба взорвалась. Сон раскололся на кусочки. Последние слова Тараканищи потонули в сигнале побудки — Сема Дристун только одно слово расслышал четко: «Агабот». Слово непонятное, но хорошо запоминается.

Живот все еще болел, боль растекалась по телу, наполняя силой и злобой. К койке Семы подвалил толстый Веня Краб:

— Кемаришь, падла, а у меня боты не чищены.

Сема охнул было, но тут ему в голову пришла интересная идея. Все равно же Краб бить будет, так пусть хоть за дело…

И, не вставая, Сема врезал Крабу по лбу голой пяткой, благо спал на верхней койке. Краб отлетел, как легкий мячик, повалил нары. Нары подняли, зато Краб так и остался лежать. Крабовы кенты, Зяблик и Додик, бросились на восставшего чмыря с кулаками. Сема спрыгнул на этих двоих, оседлал Зяблика и пинком вырубил Додика. Потом так сжал ноги на Зябликовой шее, что тот задохнулся. Когда Краб и его два кента очухались, пора уже было бежать на развод.

День прошел тихо — месть предстояла ночью. Жиртрес Чангачгук получил, как обычно, дачку с воли: пачку масла, круг одесской колбасы, кубик сыра и мягкий батон. Батон он оставил себе, а сыр, масло и колбасу понес кидать в парашу. Чангачгук пытался жить правильно: сало-масло западло, колбаса известно, на что похожа, да и сыр чем пропах, тоже все знают. Но Сема его остановил:

— Давай сюда.

Чангачгук отдал, понимая, что после утреннего выступления Семе все равно не жить. Неожиданно Сема нанес толстяку правильный апперкот в висок и отобрал до кучи батон. Хавка исчезла быстро — Сема сам не заметил, как все смел. Боль в животе чуток поутихла. Казалось, зверь, поселившийся там, насытился и успокоился. Теперь можно ждать ночи.

После отбоя пришли четверо, Краб, Зяблик, Додик и Чангачгук. Сема не спал — стоял на своей койке на четвереньках

и низко рычал.

— Во, уже раком стоит, — хмыкнул Чангачгук.

И тут Сема прыгнул, не переставая низко рычать. Чангачгук сразу лишился глаза и куда-то уполз. Додик остался со сломанной рукой, Зяблик скорчился на полу в луже крови — Сема проткнул Крабову кенту живот указательным пальцем. Самого Краба он вообще хотел убить, но внутренний зверь решил иначе: руки и ноги Семы работали сами по себе, все пальцы Краба были сломаны один за другим, а глаз вытек от страшного удара кулаком. Расправившись с врагами, Сема подбежал к тумбочке Краба, выгреб оттуда всю хавку и сожрал — две банки сгущенки, полбуханки ржаной черняшки с тмином и здоровый шмат копченого мяса. Кость, кажется, тоже сгрыз, даже не заметил, как это получилось. Зверь в животе остался доволен. Он велел Семе идти на койку и спокойно ждать ментов.

Срок, конечно, накинули — до совершеннолетия и еще два года строгача. На взрослой зоне Сема сразу выдвинулся: тут он понятий не нарушал, вел себя чинно, но сурово. В конце-концов, лет через пять, Сема Дристун, все-таки, откинулся. Конечно, «Дристуном» его уже никто и не думал называть. Теперь Сема звался «Агабот». А всех, кто над этим погонялом пытался смеяться, давно похоронили без памятника.

Поэтому и над погонялом Дракона Агабот смеялся лишь про себя. Он понимал, что такой серьезный человек, как Дракон, не возьмет имя случайно. Может, ему тоже в детстве приснился вещий сон, а может он действительно насмотрелся Брюса Ли и после этого стал крутым. Но как ни крут Дракон, хумские ребята будут покруче. Муравей позвонил, сообщил, что позиция занята, мотоциклы спрятаны, базуки заряжены. Место здесь пустынное, накладок случиться не должно. А если и случатся, так не страшно: и среди ментов, и в ФСБ, и даже в ФАПСИ, не говоря уж о таких дешевых тусовках, как Дума или Правительство, — везде у Агабота свои кенты. Собственно, ради кентов этих Дракон и имел с Агаботом дело: все политические аферы Дракона шли через далекий Хумск — истинную столицу России… Или даже всей Евразии. Но три дня назад Дракон заявил, что переводит столицу в Москву. Так и написал в маляве, которую Агаботу передали вместе с десятью чемоданами денег: Дракон честно выплатил все деньги налом и еще перевел в Швейцарию миллиард откатных. Арбуз грина — это справедливо, конечно, но Агабот выставлял неустойку в три арбуза, и Дракон, когда договаривались, был согласен. Наверное, не думал, что придется давать задний ход.

Однако, задний ход он дал и дополнительные два арбуза

платить отказался. Агабот потребовал личной встречи. Вместо встречи Дракон позвонил по телефону, обозвал Агабота Дристуном и забил стрелку. Агабот понял, что Дракон просто хочет с ним разделаться. Что ж, пусть попробует.

Пять джипов Агабота выстроились кортежем, хромированными мордами к Северу. Оттуда должен прибыть Дракон. Агабот глянул на часы — швейцарский, ручной сборки, брегет в форме скарабея на золотой цепочке. Три. Пора бы уж, опаздывает Дракон. От Муравья звонков нет, значит, Дракон еще и мимо него не проезжал…

За спиной раздался короткий автомобильный гудок. Кортеж из семи черных «Саабов» замер с южной стороны. Там же тупик! Как они… Ладно. Агабот быстро набрал номер на мобильнике:

— Муравей! Отвечай, падла!..

Телефон мерно гудел — Муравей не отвечал. Ничего, можно и без базук разобраться. Одними «калашами». Агабот легким шагом прошел вдоль ряда джипов. Ребята готовы — они всегда готовы, ко всему. Позиция, правда, оказалась не такой хорошей, как Агабот предполагал. Ну ничего. Агабот встал в трех метрах от задней машины — грузная фигура в длинном коричневом пальто. Лысина сияет под серым апрельским небом, длинные, как у моржа, усы дрожат на ветру. А в животе нервно урчит внутренний зверь. Неужели чует неладное?

Дракон вылез наружу, хлопнув дверцей. Такая же грузная фигура, как у Агабота, только во всем черном. Бритое лицо, желтоватая кожа, черные волосы не «ежиком», как полагается, а рассчесаны на аккуратный пробор. Идет прямо к Агаботу, не боится, что подстрелят.

— Тебе не хватило денег, Дристун? — Спросил Дракон своим хриплым басом, подойдя вплотную. Зверь в желудке Агабота бился в истерике. Казалось, он сейчас прорвет кожу, выскочит на волю и убежит. Чего он боится?

— Мы базарили о трех арбузах… Брюс Ли.

Дракон и бровью не повел. Наверное, он не считает обидными намеки на киношное происхождение своего погоняла. Или…

— Три — много. По идее, я мог тебе и вовсе ничего не платить.

— Ага, как же… Целый год Дума танцевала под твою дудку, а ты теперь говоришь, что это ничего не стоит…

— Больше ничего. Я взял свое. Я достроил дом, если ты, конечно, понимаешь, о чем я говорю…

Зверь в желудке Агабота притих — но лишь для того, чтобы взбрыкнуть с новой силой. Агабот вытащил из кармана сэндвич с

осетриной и проглотил в один мах, не жуя.

— Я достроил верхний дом, таракашка, а мои братья — нет, — продолжал свою загадочную речь Дракон. — Один закопался со своими тайными обществами, в прямом смысле закопался. Его закопал тот, кто скоро будет пахать на меня. Пахать с удовольствием, за обычную зарплату. А другой мой брат носится со своими дервишами, со своим анархизмом… Он молодой, глупый. Власть должна быть устойчивой, таракашка. Власть на колесах — это не власть. И власть должна быть легальной, чтобы ее все признавали. Тайная власть — это тоже не власть. Это только фундамент настоящей власти. Итак, я достроил свой дом, таракашка… Тебя не удивляет, что я тебя так называю? Вижу, не удивляет. А тебя не удивляет, что тебя это не удивляет? — И Дракон широко улыбнулся, показав длинные серебристые клыки. Улыбка эта становилась все шире и шире: шире плеч, забранных черной чешуей, шире дороги…

Агабот взмахнул рукой, давая знак своим ребятам. Со всех сторон послышались автоматные очереди, но сразу смолкли — ребята испугались, перестали палить. Тут было, чему испугаться: «Саабы» Дракона вытянулись, слились друг с другом, одевшись черной лаковой чешуей. Колеса, шурша, расплющились по асфальту, растеклись, образовав брюхо и лапы. Дракон стоял перед Агаботом во всей красе — гигантская черная рептилия, башка увенчана серебристыми рогами, над носом развиваются усы… Усы?

И тут Агабот понял намек Дракона. Таракашка! Усы!

Со стороны Новоникольского послышался треск одинокого мотоцикла. Агабот оглянулся. Муравей! Мотоцикл покорежен, одежда на Муравье обгорела, но базука твердо лежит на плече. Упав на одно колено, Муравей прицелился и выпустил снаряд. Агабот сразу определил, что снаряд пройдет слишком высоко. Но Дракон, вытянув длинную шею, поймал снаряд пастью и проглотил. А потом выплюнул в Муравья струю огня! Мотоцикл мгновенно расплавился, а Муравей превратился в белую кучку пепла.

— Ну что, таракашка, померялись братвой? — Низкий хрип Дракона звучал, казалось, отовсюду. Но Агабот больше не боялся. Он знал, что делать — пусть даже сейчас это не имело смысла.

— У меня тоже есть усы, — спокойно ответил он.

— В рот себе нассы! — Дракон расхохотался, — сравнил!

Усы Агабота отросли уже почти до земли. С оглушительным хлопком прорвав кожу и коричневое пальто, на свет появилась дополнительная пара ног. Тело вытянулось, заблестело… Зверь перед смертью решил появиться в своем истинном обличьи.

Агабот не сомневался: именно перед смертью. Потому что один на один у агабота против дракона нет никаких шансов. Но помереть надо красиво. Присев на задние и средние ноги, Агабот выставил перед собой острые передние и, глухо рыча, прыгнул, норовя попасть Дракону в глаз. Дракон взмахнул лапой. Блестящий коготь проткнул тараканье тело, лапа опустилась на асфальт. Рычание оборвалось хрустом — Агабот лопнул, залив асфальт желтой жижей. Жижа быстро испарялась.

Дракон вильнул хвостом, перешибив несколько деревьев. Потом прошелся огненной струей справа и слева от себя. Несколько человек из хумской братвы оказались, на свою беду, слишком любопытными. Теперь они визжали и катались по земле, пытаясь сбить пламя. Кто-то нырнул в грязное озерцо. Дракон хотел сначала вскипятить озерцо, сделать суп «остат» по-хумски, но передумал. Власть должна быть легальна. Глупые не поверят рассказам уцелевших, а умные поверят и согласятся: Средний Строитель прав. В хорошем доме нет места тараканам.

Расправив кожистые крылья, дракон тяжело поднялся в воздух, набрал высоту, сделав круг над озером, и двинулся в сторону Москвы, на лету превращаясь в милицейский вертолет.

ГЛАВА 3

Москва обрушилась на грузовик со всех сторон внезапно, словно к дождю примешался град — каждая градина величиной с дом. В окошках уже горел свет, небо из темно-серого стало грязно-бурым. Колхида шла по проспекту ровно, на каждом перекрестке попадая строго под зеленый сигнал.

— Куда мы сейчас? — Бесцветным голосом спросила Алмис.

— Куда угодно, принцесса, — расцвел Нифнир в улыбке, показав золотые клыки, — можно к кришнаитам горошку пожрать, можно к «Белому братству» или к мормонам. Заказывай.

— Кофе, — твердо сказал Дмитрий, — только кофе.

— Кофе — понятие растяжимое, — Нифнир продолжал хищно улыбаться.

«Колхида» замерла в пробке. Скоро Центр, надо решать, где пить кофе. Дмитрий думал недолго:

— Буфет «Зарядье» знаешь?

Нифнир помрачнел:

— Знаю. Не советую.

— Что, — ухмыльнулся Дмитрий, — дракон, помимо Ру-Бьек, боится московских мелких бандюков?

— Нет, — Нифнир мрачнел все больше и больше, — дракон боится других драконов… Ладно, перекрутимся.

— Рекомендуешь обойтись?

— Рекомендую быть поосторожнее. В «Зарядье», так в «Зарядье».

К гостинице «Россия», в основание которой был вмурован кинотеатр «Зарядье», грузовик подъехал со стороны набережной, припарковался среди мятых «восьмерок» и «Мерседесов» десятилетней давности — публика, посещавшая бар, устроенный в бывшем буфете кинотеатра, не особенно выпендривалась дорогими иномарками. Только шикарный «Ягуар»-кабриолет Леши Таксиста выпирал из общей кучи. Дмитрий усмехнулся: среди буфетной публики Таксист — самый бедный.

— Зарядье… Прицелье… Расстрелье, — пробормотала Алмис. Ей было не по себе, так же, как и Нифниру, который остался ждать в кабине. Братва шла сзади.

«Зарядье» было, наверное, единственным приличным местом в Москве, куда Дмитрия и его спутников пустили бы в их странной одежде, да еще и со стручками наперевес. Стручки, впрочем, здесь едва ли кто-нибудь примет за оружие. Зато самострелами тут никого не удивишь — Бультерьер всех своих знакомых снабдил арбалетами по оптовой цене. Душа-человек!

Лишь только Дмитрий проследовал сквозь стеклянные двери, к нему навстречу ринулся, раскрывая объятия, Леша Таксист:

— Фленджер! Я всем говорил, что тебя мерлинские грохнули, а ты жив. Кац со мной на косарь грина замазал, я не верил. Ну, нет здесь Каца, давай этот косарь лучше пропьем, ему так и скажем — пропили за твое здоровье…

Пока Таксист, тряся длинными седыми волосами и поправляя тяжелые очки на крючковатом носу, торопливо щебетал всякую чушь, Дмитрий уже подошел к стойке. Над рядами бутылок громоздилось живописное полотно. Знакомый стиль… Да это же Петр Карась!

У стойки торчал хозяин заведения — толстый, как бочка, в черном обсыпанном табачным пеплом костюме и с нервной улыбкой на красном лице.

— Здорово, Тюлень, — Дмитрий ткнул пальцем в сторону картины, — подлинник?

— Подлинник. «Остров Кремль» называется. Взял за долги… — Улыбка Тюленя задергалась, готовая вот-вот убежать с лица и запрыгать по стойке, словно розовая жаба. — Водочки?

— Кофе. Всем моим — тоже кофе.

— А даме?

— А даме водочки, — ответила Алмис.

— За счет Таксиста, — уточнил Дмитрий.

Таксист возмутился:

— Дим, сколько ж кофе надо выдуть на косарь грина! Текилы давай…

— Тогда уж коньячку грам пятьдесят. В кофе влей, пожалуйста, и сыпани корицы.

Тюлень поставил перед воинами и барменом дымящиеся чашки, а перед Алмис — хрустальную стопку «смирновки». Над чашечкой Дмитрия он долго колдовал, почему-то с опаской поглядывая в зал. В зале было тихо: манерные девочки потягивались, сидя на коленях у бритых бугров, Вова Студент играл с Бультерьером в нарды, иногда наполняя граненый стакан водкой из трехлитровой бутыли с ручкой. Неожиданно Бультерьер вскочил, перевернув стол. Нарды посыпались по грязному полу. Бультерьер рычал, хлопая себя кулаком по брюху, потом сорвался с места и выбежал из буфета прямо сквозь стеклянную дверь. Осколки и брызги крови медленно опадали на пол.

— В машину! — заорал Дмитрий, швыряя Алмис в объятия бармена, — все в машину! — Он пнул Илиона под зад. Илион, понимая, что происходит какая-то лажа, вскинул стручек и попытался дать очередь в потолок. Одинокое семечко выползло

из дула и шлепнулось на стойку — здесь растительное оружие отказывалось работать. Дмитрий взвел самострел, наложив стрелу…

Но это явно не имело смысла. В воздухе плыл знакомый запах, тот самый, которым провонял грузовик Нифнира. Запах дракона.

Рыцари Предместий один за другим шмыгнули через разбитую дверь, перескочив через извивающееся в конвульсиях тело Бультерьера. Последними на улице оказались бармен и Алмис — девушка дала себя увести. К водке она так и не притронулась.

Звякнула чашечка о стойку — Тюлень поставил кофе перед Дмитрием, продолжая нервно улыбаться. Дмитрий кивнул, поднес чашечку к губам, отпил половину… И только тут понял, откуда шел запах дракона. От кофе с коньяком!

— Ах, ты… — Стрела самострела нацелилась Тюленю в лоб, — ах, ты…

Дмитрий так и не понял, попала срела в цель или онемевший палец так и не успел нажать на спуск. Мир исчез, залитый чернильной пустотой. Пустота была абсолютной. Дмитий, как ни старался, не мог даже представить себе ничего конкретного — любые конкретные образы моментально тонули в море вонючих чернил. Воняли эти чернила драконом, как и приготовленный Тюленем кофе… Ах Тюлень, вот падла…

— Только не вздумай на Тюленя наезжать. Он сам не ведал, что делает. И Бультерьер не ведал. Это я резвился.

Пустота исчезла, оставив только запах. Дмитрий попытался шевельнуться. Не получается. Связали?.. Нет, просто кресло глубокое. Вот, руки шевелятся, ноги…

— Я был в кофеварке. И в бутылке с «Двином». Что за гадость ты пьешь? — Продолжал низкий хриплый голос, — швабова моча этот «Двин», его же в Москве делают. Спирт с чаем в ванне разводят и лопатой помешивают.

Дмитрий поднял глаза. Бархат цвета морской волны на стенах, огромный дубовый стол, за столом — человек. Или, во всяком случае, некто, похожий на человека. Черный с блестками пиджак, такой же черный галстук, рубашка, хоть и английская, но вульгарная, с розоватым оттенком. Лицо налитое, чуть землистое. Черные волосы рассчесаны на аккуратный пробор. Дмитрий никогда не видел этого лица, но голос узнал.

— Нуфнир?

— Так и есть, Тромп.

— Я не Тромп.

— Для меня ты — Тромп, Волчок из Предместий и рыцарь

короны. Пока ты был Димой Фленджером, я тебя грохнуть хотел, больно уж ты пронырлив оказался. Но братец меня опередил и, тем самым, надоумил. Так что, будь уж лучше Тромпом, рыцарь.

Дмитрий потянулся, вылез из кресла, осмотрелся. Смотреть, собственно, было не на что. Пустые стены в бархате, кресло, стол. Полка с книгами. Ни окон, ни даже двери.

— Мы что, в виртуалке?

— Драконы всегда краем задницы в виртуалке, — ухмыльнулся Нуфнир, — но ты сейчас просто у меня в кабинете. Дверь не ищи. Прийдет время, дверь сама появится.

— А время прийдет? — Дмитрий плюхнулся обратно в кресло, положил ногу на ногу, — курить есть?

Дракон поставил на край стола квадратную керамическую пепельницу. На дне пепельницы была выложена свастика из янтаря:

— Гаванские? Арконские?

— «Лаки страйк», легкие, если есть.

— Нет, так сделаем, — из кармана черного пиджака появилась пачка с красным кругляшом, — смоли лайкины сраки, коли здоровье не дорого.

Как только Дмитрий взял губами сигарету, Нуфнир цыкнул зубом, и сигарета зажглась сама собой.

— Время прийдет, — дракон откинулся на высокую спинку кресла, такого же, как то, в котором развалился Дмитрий, — ежели ты прямо сейчас согласишься, то и время прямо сейчас прийдет.

— А ежели нет?

— Ты сперва послушай, а потом уже помирай, дубина. Послушай. Пять косарей грина в месяц, работа по специальности. Никаких базаров, разборок, ничего такого. Сидишь за компьютером, следишь за сетью. Может, и не так легко, но безопасность и бабки я тебе гарантирую.

— Информацию воровать? — Дмитрий нахмурился. За такие деньги можно и воровать, только чем это обернется? В обещание безопасности что-то не верилось.

Дракон уперся крепкими руками о столешницу — стол затрещал. На землистом лице появилась клыкастая улыбка:

— Никакого криминала, рыцарь. Строфарии хлебни и послушай.

Возле носа Дмитрия возник бокал с дорогой строфарией и завис в воздухе.

— Воняет… — Дмитрий окутался дымом, но сквозь запах табака все равно пробивалась мускусная драконья вонь.

— Это от меня. Строфария настоящая.

Что ж, выпить действительно хотелось. А строфария действительно оказалась настоящая.

— Вот так, — Нуфнир снова откинулся на спинку, — послушай, значит. Сеть называется «Белый дом»… Да, ты хоть представляешь себе истинную природу сетей? Полагаю, только наполовину. — Вытянув из воздуха толстую «Аркона-клаб», дракон пустил толстое, под стать сигаре, кольцо дыма. — Целиком это выглядит так. Механические мозги, цветочные или обезьяньи, да чьи угодно — разницы никакой. И еще. Сеть — это структура. Политика, коммерция, понятия у всяких «нормальных пацанов», — Нуфнир презрительно скривился, — тоже структура. Любую структуру можно взломать и перестроить под себя. Главное, базарить по понятиям, где на фене, где на Фортране, где — на более совершенных языках. Какой-нибудь колдун оживляет трупы — тоже базарит с ними, чтобы ожили. Но я — не какой-нибудь. Я выстроил сеть, которая всю власть мира переключит на мой Черный Замок. Считай, что Черный Замок — центральный сервак. Ну, короче, свою-то я сеть построил, а чужие взломал еще не все. Тут ты и нужен.

— А зачем тебе власть? — Дмитрий затянулся сигаретой и проткнул дымовое кольцо, выпущенное Нуфниром, тоненькой струйкой.

— Зачем? Тромп, ты ли это?!

— Не я.

— Фуфло. Ты — Тромп. Тебе не нужна власть. Ты и не дракон, к тому же. Зато я — дракон. Зачем дракону власть? Зачем тебе правый глаз? Зачем корове рога? Глупые вопросы. Не задавай их больше.

— Не буду.

— Ништяк. Если ты не помнишь, то я помню. Мы с братьями строили наперегонки дома власти. Нафнир был, конечно, всех умней, как он сам считал. Он построил дом тайной власти. Нифнир, лентяй, понадеялся на всяких кришнаитов-хренаитов. Его проповедники мутят мозги честным гражданам, но куда им до настоящей власти! Только агни-йоги кое-на что оказались способны, быстро перестроились из тусовки болтунов в тайное общество… Тут, однако, мы с тобой уже успели поработать. Вспомнил? Я тебя купил, с потрохами. Мы закопали старшенького, Нафнира-то! Закопали. Тайные общества лишились силы. Теперь они годятся только на мелкие пакости. Потом младшенький тебя науськал, ты начал меня закапывать. Да не смог, на твое же счастье. Ладно, дело прошлое. Теперь взломаем мозги политикам — или чем там они думают, если у них мозгов нет. Как ты доведешь все до конца, примемся за тайные общества.

А потом уж, на закуску, кришнаиты с мормонами. Нравится?

Дмитрию не нравилось. Но если выбирать между немедленной смертью и пятью тысячами баксов ежемесячно, то ответ напрашивается сам собой.

— Нравится, — ответил Дмитрий, — когда приступать?

— Прямо сейчас, — дракон взмахнул рукой. В стене открылась дверь. — На четвертый этаж. Отдел планирования. Ты табличке-то не верь, а то на сарае написано слово из трех букв, а внутри дрова, они из пяти букв, а не из трех… Да, возьми сразу.

В руке у Дмитрия появился конверт. В конверте лежала книжка вкладчика Столичного банка сбережений и кредитная карточка «Виза».

— Это не зарплата, зарплата у нас по десятым числам. Будешь получать на свой счет. А лежат там десять косарей, твои собственные, которые ты у банщика оставлял.

— У Ланса Банника?..

— У какого Ланса, идиот? У Андрюшки-банщика, который тебя сдал моим орлам. Орлы, кстати, в бусинке сидят. Так что, прежде, чем начнешь с сетью ковыряться, освободи для меня этих пидоров. Они, все-таки, старались.

Дмитрий покинул кабинет шефа сотрудником «Мерлин-пресс». Пять косарей в месяц… Для московского хакера это больше, чем можно во сне увидеть, а вот для Тромпа…

Дмитрий понял, что продешевил, раз в десять, наверное. Но права качать поздно. Базар окончен, пора приниматься за работу. Что еще за бусинка такая?

ГЛАВА 4

«Отдел планирования» был целиком заставлен бежевыми корпусами компьютеров. Два семнадцатидюймовых монитора, шикарная угловая клавиатура, кресло на колесиках. Ящики столов ломятся от лазерных дисков. Все это хозяйство надо как следует изучить. Тромп прошляпил во время базара, согласился на гроши. Такое бывает с рыцарями вне поля битвы. Но на поле битвы рыцарь берет свое: купец обманывает воина, воин грабит купца. Дракон оказался хорошим купцом. Ладно, поглядим, какой он воин. Дмитрий включил питание. Ящики тихо заурчали, на одном мониторе возник стандартный макинтошевский интерфейс, зато второй монитор оказался целиком занят мордой шефа.

— Орлов моих первым делом, ясно? — Раздался из динамиков хриплый бас, — вот, на соседний экран взгляни. Карта. Прямо от бусинки лестница вниз, первый поворот направо и дальше прямо, не сворачивая. Там пещера, в дальнем конце — темное место. Ни с чем не спутаешь, там темно, хоть что себе выколи. Орлов туда толкни, если исчезнут, значит — все нормально.

На соседнем мониторе появилась карта — простая, Дмитрий запомнил сразу.

— Еще, забыл сказать, — добавил дракон. — У окна стоят пальмы. Одна из них тебе понравится. — И шеф исчез за полотном макинтошевского интерфейса.

Обогнув стол, Дмитрий подошел к окну. Пальмы, как пальмы… Нет! Вот же он, самый настоящий пьютер! Листья касаются задних стенок системных блоков — на самом деле тонкие отостки накрепко впились в гнезда розеток. Пьютер подключен к остальным машинам. Вот и славно. Опробуем технику на двух придурках.

В кармане Дмитрия, рядом с заветной ретортой, лежал диск. Заперев дверь на задвижку, Дмитрий вставил диск в выносной сидиром. Потом подошел к пьютеру и взобрался на кадку. Напялил на голову бутон…

— Бежим отсюда, хозяин! Я это место зню, меня тут чуть не…

— Успокойся.

Дмитрий и Бурт висели в чернильной пустоте. Бурт нервничал. Дмитрию тоже было не по себе — он не привык еще спокойно относиться к драконьей вони.

— Успокойся, — повторил Дмитрий, — мы в «Мерлине». Я теперь тут работаю.

— А нафига?

— Так вышло. Веди меня к атсанам, будем двух ублюдков спасать. Такое дело: они меня мочкануть хотели, а я теперь их спасай.

— Пошли, пошли, — охотно закивал Бурт, — хоть к атсанам, хоть к пиявкам, лишь бы отсюда подальше. — Он принюхался носом-ключиком к окружающей пустоте, потом что-то нащупал и хлопнул ушами, — сюда давай.

На чернильном фоне возник светлый круг. От круга вдаль щли разноцветные линии информационных каналов. Бурт вылез первым, за ним проследовал Дмитрий. Бурт бежал трусцой вдоль линий, вынюхивая нужные. Несколько раз он резко сворачивал в сторону за какой-то незначительной, на первый взгляд, светящейся ниточкой, иногда перепрыгивал от одной ниточки к другой. Неожиданно кругом замелькали белые буквы.

— Твоя конферюга похабная, — проворчал Бурт, — и как вы, двуполые, живете, как вам не гадко…

Действительно, буквы складывались во фразы:

«Видали «Про самое то» на прошлой неделе? Кац отмочил самое то, чуть там всех не поимел.» «Видал я эту передачу. Дрянь. Кац — мудак. Приятель его, Хуман, еще больший мудак. И ведущая не сексапильна абсолютно. Даром, что негритянка.»

— Хватит читать эту дрянь! — Бурт был вне себя. — Работаем, хозяин! Пошли!

Уже больше часа они брели вдоль цветных ниточек.

— Вирус бы сюда, — вздохнул Дмитрий.

— Вот за ним первым делом и сунемся. Здесь наверх.

Линии, изгибаясь под прямым углом, уходили вертикально вверх. Впрочем, тяжести в этом мире не было. Дмитрий и Бурт поднимались с той же скоростью, с которой шли. Мелькнул синий прямоугольник. За ним простиралась неопределенная темнота. Дмитрий узнал эту темноту: входной интерфейс атсанской сети.

Толстая линия раздваивалась: однин путь вел в жаркое нутро жрутера, другой — в обход.

— Куда теперь, хозяин? — Бурт остановился.

— В «Думу», за вирусом.

Наверное, правильнее было забраться в центральный атсанский жрутер, но Дмитрием овладела ностальгия. А Бурту было все равно.

В Думу они пошли через парадный подъезд. Дмитрий рассчитывал, что будет встречен стоящими навытяжку секьюрити. Но все секьюрити сгрудились в центре вестибюля. Сверху с хищным клекотом парили секретарши, менты внимательно ожидали в сторонке.

— Что за дела? — Рявкнул Дмитрий с порога.

Куча тел начала рассасываться, секретарши опустились на пол. Два дюжих секьюрити подвели к Дмитрию атсана.

— Нарушитель.

Глаза Дмитрия встретились с прищуренными глазками атсана.

— Рыцарь… — Проговорил атсан.

— Что вы тут делаете, бон Брукс? — Дмитрий приветливо улыбнулся.

— Да вот, сунулся проверить, что ты тут прячешь. У нас двери не закрываются. Кое-кто уже свалить успел. Я и подумал… Бьек! Так это ты ведь и свалил! Ах ты!.. — Ножки атсана задергались: он хотел возмущенно присесть, но секьюрити крепко держали его под локти.

Дмитрий изобразил на лице озабоченность:

— Бон Брукс, надеюсь, мои действия не повлекли…

— Надеешся?! — Гневно вскричал атсан, — зря надеешься! Из-за твоей самодеятельности козлы сперли раскольник. Потом его спер Кун, этот щенок. Хорошо, ты убил…

— Я не убил, — тихо проговорил Дмитрий, — Кун попал к Ма-Мин.

Бон Брукс ахнул и больше не проронил ни слова. Вперед вышел один из ментов, встал между Дмитрием и атсаном:

— Что с ним делать, председатель?

— Да, что делать-то будем? — Рядом с ментом возник Бурт.

Дмитрий склонил голову на бок:

— Буртик, ты можешь мне взломать эту кочерыжку? Так, чтобы не испортить. Я хочу погулять в его теле.

— Вариант «зомби», — хихикнул Бурт, — раз плюнуть. Так значит, вирус нам не нужен?

— К черту вирус. Ломай этого.

Бон Брукс задергался, не в силах вырваться из цепких лап секьюрити. Бурт подплыл к атсану вплотную, осмотрел критически с ног до головы и вдруг воткнул свой нос-ключ атсану в глаз. Атсан завизжал, но Бурт не обращал на это внимания, только крякнул:

— Держите крепче… Так… Так… Вот, пожалуйста.

Тело атсана раскрылось, словно шоколадное яичко с «киндерсюрпризом». Внутри было пусто.

— Так выходит… — Удивился Дмитрий, — кочерыжки что, внутри пустые?

— Нет, конечно! — Бурт завис возле притихшего атсана, — это просто я его так вскрыл. Сейчас, под тебя его подгоню.

Еще пара манипуляций ключом, и полое тело атсана выросло.

Теперь Дмитрий мог свободно поместиться внутри.

— Полезай, хозяин. Захочешь что-то из его памяти, только подумай об этом, и вспомнишь. А захочешь вылезти, возвращайся сюда, я подожду в вестибюле. Назад на вирусе поедем, а то пешком топать неохота.

Половинки схлопнулись вокруг Дмитрия. Он посмотрел на свои руки. Это были чужие руки. Руки атсана.

Секьюрити стояли навытяжку.

— Что делать, председатель? — Спросил мент.

— Вход сторожить. Этого, — Дмирий указал корявым пальцем на Бурта, — не трогать. Выполняйте.

Первым делом надо было выяснить, с какого терминала Брюква проник в сеть… Воспоминание возникло сразу: третий жрутер в жрутерном парке.

Спустившись по ступеням парадного подъезда «Думы», Дмитрий, не торопясь, побрел к своему жрутеру. Вот дорожка нырнула в багровую пасть, вот нужная дверь…

Дмитрий смотал с головы липкие листья. Кругом суетились атсаны. Сам он тоже был атсаном, поэтому хищные цветы не обращали на него внимания. Так, теперь два киллера… Ага, в бусинке. А что такое бусинка?..

Дмитрий вспомнил все — и про кербов, и про беспредел в шахтах, и про бусинку из ожерелья Ру-Бьек. И еще про восьмимерную выкидуху.

Поднявшись по стальной лесенке, он заспешил на ближайший хорти-пост, чтобы оттуда вызвать взвод охраны. Взвод придется положить. Дмитрию, впрочем, не было жаль кочерыжек. Они хотят революцию? Пусть хавают свою революцию. Революция — это игра, в которую можно играть не только вдвоем, а целой толпой.

На посту дежурил одинокий эквапырь в сером комбинезоне. Легкие лапки резво давили на листья вьюнка-болтуна, посылая команды. Лакатош?.. Нет, это был не Лакатош. Лакатош погиб при исполнении — от руки Дмитрия.

— Взвод мужской стражи с осинами на Третий Круг. И из спецхрана — выкидуху, ту, что отобрали на Арене Тромпа. Мне в руки, лично.

— Но, бон Брукс… — хортикультуртреггер замялся, — выкидуха помещена в спецхран стражницами, и они…

— Ты кому подчиняешься, крыса? — Дмитрий подпрыгнул, изображая недовольство, — бабам?!

— Будет исполнено, — кивнул эквапырь и вновь застучал по листьям вьюнка. Дмитрий уселся в плетеное кресло и принялся ждать. Сейчас принесут выкидуху — кажется, это не так сложно.

Потом надо спуститься на Третий Круг и со взводом идти к бусинке. Забрать двух ублюдков, спуститься к пещере… Да, ублюдков попугать: пусть думают, что идут на казнь. Но казнить вместо них придется атсанов. Ладно. После этого — оставить в покое Брюкву, чтобы он поднял шухер: личинка сперла Толиково варево! Пусть кочерыжки повоюют с личинкой. Пригодится… А как там Толик, интересно?

В голове сразу же возникли воспоминания Брюквы о Толике. Воспоминания эти были пропитаны теплотой и благоговением с легким оттенком черной зависти. Толик-то сделал у кочерыжек отличную карьеру. Теперь он не был ни рабом, ни даже обычным беженцем. «Великий Мастер Подземных Соков» — вот как теперь назывался бывший младший научный сотрудник Института Нефти!

А в иерархии женской половины атсанского царства Толик тоже занимал существенное место. Место называлось «полезный мужчина». Сам бон Брукс этого места так до сих пор и не заслужил.

ГЛАВА 5

Машину нашли легко. Во дворе это была единственная тачка местного производства среди иномарок. «Калаши» уложили в багажник, Капитан сам сел за руль и бандиты, попетляв дворами, поехали по Мясницкой.

— Слушай, Кэп, — Боцман призадумался, что с ним бывало достаточно редко, — А чего мы там не остались?

— Так хозяин звал…

— А он нас не того… — Боцман щелкнул языком, изобразив из пальцев пистолет.

— А мы в чем виноваты?

— Ну, мало ли…

— Один хрен уже поздно.

Садовое кольцо было забито до отказа, а разъезд на Таганке, как обычно, поражал своей загадочностью. Капитан сделал несколько кругов, прежде чем сумел-таки свернуть на Таганскую улицу.

— Эй, — нахмурился Боцман, — тебя вообще куда понесло-то?

— Так короче, — процедил Капитан.

— Короче?! — Взвился Боцман, — ты просто поворот пропустил!

— Угу… — Капитан, подрезав гигантский джип и не глядя на светофоры, резко свернул налево. Потом вдруг хлопнул себя по лбу:

— Бьек! Иметь того мента! Мы же… Фу, обошлось, вроде.

— Что, проняло?

— А то! Мы же на драндулете джип подрезали! Я и забыл, на чем мы едем… Ладно, вот и шоссе. — Успокоившись, Капитан затянул под нос, — по Шоссе Энтузиастов все столбы, столбы, столбы…

Восьмерка пронеслась через мост и, свернув возле заправки, заехала во двор «Мерлин-пресс». Ворота из стальных прутьев захлопнулись со странным лязгом, словно отрезая прибывших от всего остального пространства. Едва бандиты покинули машину, как из единственного входа в здание уже выскочила Европа, секретарша хозяина. Ходили странные слухи, что она была похищена из какой-то патриархальной семьи и теперь души не чаяла в своем работодателе.

— Ребята, шеф вас уже ждет не дождется! — Чирикнула она и скрылась за дверьми.

Боцман и Капитан последовали за ней. На третьем этаже, где

располагался офис хозяина, им пришлось немного повздорить с новой охраной, но тут из укрепленного под потолком динамика раздался зычный рык хозяина:

— Пропустить, уроды!

— Он сказал «пропустить, уроды» или «пропустить уродов»? — тихо поинтересовался Боцман у Капитана. Но тот не успел ответить.

— Я сказал одним уродам пропустить других уродов! — орал шеф так, что его голос эхом отдавался в коридорах «Мерлина».

Дверь в главный кабинет фирмы была распахнута настежь. Хозяин ждал, сидя за дубовым столом. Другой мебели в кабинете не было, Капитан и Боцман остались стоять.

— Ну? — грозно спросил хозяин. — Как оно, ничего, или совсем ничего?

Бандиты, опустив глаза, пристыжено молчали. Они и раньше боялись шефа, а теперь, как узнали, кто он на самом деле, и вовсе готовы были сесть на полную катушку — лишь бы не торчать в этом кабинете лишних пяти минут.

— В глаза смотреть! — приказал дракон.

Боцман и Капитан послушно уставились на почти квадратную человеческую фигуру. За полуприкрытыми веками хозяина чувствовалось какое-то движение. Оттуда визитеров пристально изучало что-то, даже отдаленно не напоминавшее человека. И тут бандитам стало по-настоящему страшно. Как так случилось, что они до сих пор не замечали драконью сущность их шефа? Да и не только они, а весь «Мерлин-пресс»!

Внезапно дверь позади Капитана и Боцмана громко хлопнула, одновременно закрылись все окна. Голубой бархат глухо сомкнулся вокруг — теперь в кабинете не было ни окон, ни дверей. Телефонная трубка взмыла в воздух и повисла, натянув шнур, словно полом для нее внезапно стал потолок.

— Если хоть одна живая тварь в этом мире узнает, где вы побывали… — Зловеще прошипел Нуфнир, — то за Бильрестом есть несколько миров, где вы пожалеете, что родились вообще и в частностях! Я доступно выражаюсь, кербицы мои?

— Мы поняли, шеф, — ответил за двоих Капитан.

— И запомните, в том, что вы еще живы, вашей заслуги нет. Вы подвели меня! — Голос шефа, похожий на грохот взлетающего истребителя, внезапно перещел в довольное урчание, — но благодаря вам я приобрел ценного работника. Не такого тупого, как вы, два остолопа женского рода!

— Тупой — мужского рода… — осторожно поправил Боцман.

— Тогда вы — тупицы! — Захохотал Нуфнир. — Дочки ослицы!..

— Почему дочки? — Этот вопрос для Боцмана оказался настолько принципиальным, что он не побоялся высказать его вслух. Капитан, читавший легенды, догадывался, в чем дело, да и выдержки у него было побольше.

— Из источника Ру пили? А теперь еще и удивляетесь, что стали кербихами?!

— Весело прошипел хозяин.

— Но кербы такие… — Не унимался толстый бандит.

— В манду лихие! — Огрызнулся дракон. — Остались бы вы, бестолочи, людьми, эти кербы сожрали бы вас одним махом. Все, хватит!..

— Но у меня стоит! — Истерично воскликнул Боцман.

— Одно другому не мешает, — загадочно молвил Нуфнир. — Хватит об этом, я сказал! Идите, работайте! Все обязанности — прежние. И еще… Скентуйтесь с Фленджером. Это приказ!

Раскрытая дверь снова возникла на своем месте. Только покинув кабинет шефа, Капитан почувствовал, как свежо и приятно в коридорах «Мерлина». Там, в сумраке тесного кабинета, бандит буквально кожей ощущал, что за ним пристально наблюдают. Причем наблюдает абсолютно все: и хозяин, и стены, и книги на полках, да и сами эти полки, казалось, впивались в Капитана деревянными глазами.

— Я чего-то не въезжаю… — Боцман стрельнул сигарету и, устроившись на подоконнике, пускал дым, метясь струей в розетку пожарной сигнализации на потолке, — То мочи его, то он нас спасает, а теперь и вообще непонятно — скентоваться…

Капитан имел на этот счет свои догадки, но делиться ими с коллегой не собирался:

— Раз хозяин приказал — значит надо.

— Кому? Нам?

— Ему, конечно, Строителю! А ты не врубился?

— Строитель? Кто это?

Бандиты не заметили бесшумно пролетавшей по коридору Европы, а та уловила последнюю фразу и не замедлила проявить любопытство.

— Так, — поморщился Капитан, — босс строительной компании. А ты скажи нам, где сейчас Дима?

— Какой Дима? Новенький? Компьютерщик? — Защебетала секретарша, поправляя скрипящий жилет из черной кожи. Капитан снова поморщился: после беседы с шефом — не последней, а той, через пьютер, когда шеф появился во всей красе, у него, кажется, возникла идиосинкразия на черный цвет.

— Он самый, — ответил Боцман.

— Как всегда, на четвертом. Третья дверь налево.

— Отдел планирования? — Уточнил Капитан.

— Ой, ребята, да вы «Мерлин» лучше меня знаете, — усмехнулась Европа и умчалась по делам шефа.

— Ну что? — Боцман выкинул окурок в растворенное окно, — Пойдем выполнять приказ? Только какого ляда мы к нему вломимся?

— Как какого? — Опешил Капитан. — Мы рыцари, или швабовы задницы? Поблагодарить за спасение требуется? Да и… — бандит перешел на шепот, — Ма-мин не надо забывать. А она очень этого Диму хочет увидеть… Или ты запамятовал?

— Ничего я не забыл. — оскорбленно хмыкнул Боцман и томно вздохнул. — Двинули.

Дмитрия они нашли легко. Он сидел за компьютером и разглядывал вращающийся на экране Капитолий. Это, как сразу поняли бандиты, был не фильм, типа вертолетного облета Белого Дома, а компьютерная трехмерная модель, выполненная с необычайной тщательностью.

— Привет… — сказал Капитан.

Дмитрий обернулся:

— Ну, здорово.

В голосе нового сотрудника не было радостных интонаций. Впрочем, бандиты и не надеялись их услышать.

— Чего пришли?

— Пойдем, выйдем… — ляпнул Боцман.

— В смысле, поговорить нам надо, — стараясь, чтобы его голос звучал как можно теплее, Капитан попробовал исправить ошибку коллеги.

— У меня работы много.

— Работа, она, сам знаешь… — ощерился Капитан, — и постоять может. А разговор важный…

— Да не трусь, ты! Ничего мы тебе не сделаем! — Опять встрял Боцман.

На эту беседу уже начали оборачиваться какие-то пожилые дамы, то и дело проходившие вдоль коридора то с сигаретами, то со стаканами чая из местного буфета. Дмитрий поставил программу на пароль. Капитолий исчез под картинкой — смешной Робинзон грустно сидит посреди крохотного необитаемого острова.

— Бояться? Вас? Что ж, выйдем!

Устроившись на подоконнике, все трое некоторое время молчали. Дмитрий закурил «Лаки страйк». Наконец, Капитан вздохнул и несколько грубее, чем следовало бы, произнес:

— Мы тут пришли тебя поблагодарить… Что вытянул нас из этого камушка.

— Бусинки. — Автоматически поправил Дмитрий.

— Ну да! Уж не знаю, выпутались бы мы сами…

— Пожалуйста, — холодно ответил Дмитрий. — Еще что?

— Короче, мы тут прикинули, — Капитан импровизировал на ходу, — Мы ж только четверо там и побывали… И, как бы это сказать, короче, ты прости нас, что гнались, что мочкануть хотели…

— Ну да, работа такая.

— Ты молодец, с хода фишку рубишь! — Виновато улыбнулся Капитан. — Мы, это… Ты не подумай, что мы, там, в кенты набиваемся, там, туда-сюда… Короче, предложение такое: в баньке попариться.

— Нет, я…

— Погоди, ты сразу концы не руби, дослушай. — Капитан по-дружески пожал Дмитрию плечо. — Расклад такой. Сперва девочки, парилка, закусон. А потом… В общем, можешь показать, как лучше с мечом управляться?

Дмитрий хотел было очередной раз отказаться, но язык его почему-то ответил совершенно другое:

— Могу, конечно.

— Вот, ништяк! — Боцман похлопал его по свободному плечу.

— Но мне… — попытался дать отступного Дмитрий.

— О бабках не беспокойся! Все будет оплачено. Мы ж у тебя в долгу! — Дмитрия теперь хлопали по обеим плечам. И он сдался:

— Только не сегодня. В натуре, шеф работой завалил.

— Тогда в субботу. — Предложил Капитан.

На этот день у Дмитрия особых планов не было, и он кивнул.

— Слово? — спросил Боцман.

— Слово!

— Слово рыцаря короны нерушимо! — Капитан поднял вверх указательный палец.

— Значит, в шесть вечера в заведении у Андрея. Помнишь такого?

— Такого ублюдка трудно забыть… — криво ухмыльнулся Дмитрий, вспомнив, как лебезил его должник перед бандитами. Предложение было действительно заманчивое. В подпольном борделе расслабиться хотелось давно, но всякий раз что-то мешало. А сейчас…

Сейчас почему-то внутренний голос требовал держаться подальше от бани с девочками. Может, потому что Алмис в «Аквариуме» была такой миленькой, такой… Кстати, где она сейчас? Где все? Нифнир их, небось, к своим кришнаитам потащил, горох жрать. И яблоки. Дракон-вегетарианец. Тьфу,

лучше уж на этого черного бандюка работать, чем на золотисто-зеленого основателя всех и всяческих сект. Но раз уж с волками жить, то и волчиц — того…

В общем, данное обещание придется сдержать. Тем более, чем плоха баня?

Дмитрий всем телом чувствовал: чем-то эта баня определенно плоха.

VII. ТРОЯНСКИЕ КОБЫЛЫ

ГЛАВА 1

Бьек! Моча Тромпа и сорок три лишних хромосомы!

Алмис осталась одна. Ее бросили. Дурак-папаша споткнулся о тело того психа, который выбил стекло. Теперь псих стонал и мазал всех своей кровью. Местные девки суетились вокруг него, кажется — вызвали скорую. А папаша — дурак! Дурак, каких мало! Споткнулся, собственную дочку упустил. Тут его подхватил жирный трус Илион и затащил в кабину. Эти уроды, Теофил с Добужином, похожие на двух гомиков, были уже там — забились на лежанку, прижавшись друг к дружке. А водила с пестрой рожей как даст по газам — «Колхиду» словно ветром сдуло. И чего они все испугались? Наверное, было, чего. Если верить рыцарю, водила — дракон, он зря бояться не будет… А можно ли верить рыцарю? Рыцарь исчез.

Ну, он хоть сделал все, что мог — заорал «Караул!» и смылся. А Алмис осталась совсем одна. Может, вернуться в буфет и присоединиться к какой-нибудь компании? Мужики внутри продолжали спокойно пить. Девки обхаживали пьяное сумасшедшее тело. Нет, лучше в парадняк. Здесь центр, парадняки должны быть теплые…

Приняв это решение, Алмис неожиданно для себя направилась прямиком в буфет. Тюлень хлопотал у стойки. Улыбка, наконец, сползла с его лица, а из глаз исчез подозрительный блеск.

— Слышь, здесь тачка есть?

— Сколько угодно, — отозвался Тюлень и поставил перед Алмис большую чашку горячего чая, — тебе туда ликерчика влить?

— Я без денег совсем…

— Да ладно, — Тюлень обреченно поморщился, — Бультерьер стекло разгрохал, стол перевернул, тут мне еще до того посуды побили — я, в общем, знатно на бабки влетел. Если ребята не покроют расходы, так уже не важно, сколько ты чаю выпьешь. А покроют, так с верхом — значит, опять не важно. Пей.

— Тогда влей «Бенедиктина», только настоящего…

От чая с мятным ликером прошла дрожь в ногах, голова заработала четче.

— Так ты говоришь, есть тачка? — Снова спросила Алмис.

— Так я говорю, сколько угодно. Куда хочешь, туда и отвезут. Только к Таксисту не садись, он приставать начнет. А остальные, вроде, без проблем мужики…

— Я имела в виду компьютер. С модемом.

— А… Нету, — Тюлень удивленно развел руками, — ты что, и дня без этого не можешь?

— Могу, — Алмис допила свой чай, попросила еще. Бармен поставил музыку — тихую и бесцветную. «Фоновая музыка» — у говорящих обезьян это, вроде, называется именно так.

— Какой завтра день недели? — Спросила Алмис.

— Суббота.

— Хорошо… Во сколько ты закрываешься?

— В шесть утра.

— Хорошо… Хорошо… А у тебя здесь койка есть? Ну, комнатка с койкой. Я бы выспалась до шести, и чтобы никто ко мне не лез…

Тюлень, казалось, абсолютно не удивился такой наглости.

— Есть, — просто ответил он, — только без белья. Матрац на полу. Еще чайку?

— Лучше водки. И повеселее что-нибудь поставь, а то я никак в себя не прийду.

— «Чердак офицера» сойдет?

— Хоть подвал атсана, лишь бы не эту муть.

Утром Алмис проснулась почти свежая. Кругом громоздились картонные ящики с бутылками, за дверью раздавались деловые голоса. Поправив одежду и пригладив волосы пятерней, Алмис вышла в зал. Рабочие ставили новую стеклянную дверь на месте разбитой, Тюлень, все так же у стойки, сокрушенно подсчитывал что-то на калькуляторе.

— Ага, сама проснулась, — сказал он, не прерывая рассчетов, — это славно. Утреннего пива?

— Побольше, — кивнула Алмис.

— Сейчас налью. Умываться — в том конце, в туалете. Выходить через полчаса.

Холодная вода в лицо, холодное пиво внутрь… То, что надо. Теперь попрощаться вежливо, но так, чтобы у Тюленя не возникло желания продолжать знакомство. А может, продолжить знакомство? Нет. Лаз на Рунику находится возле метро «Тушинская», во дворах. Оттуда Алмис знала две дороги. Первая вела к стене заброшенного особняка в предместьях Ермунграда. А вторая…

Спустя два часа Алмис уже была на радиорынке в Митино. Зачем? Этого она не знала. Продавать ей было нечего, покупать не на что. Холодный ветер задувал под шаль, накинутую поверх легкого сарафана. Хорошо хоть, шаль догадалась прихватить, когда побежала на эту дурацкую битву рыцаря с жардинером…

Рыцарь! Клай Бонифаций велел не упускать его из виду. Рыцарь пропал, значит, надо искать. А искать Алмис умела

только одним способом — через сеть. Теперь девушка знала, зачем приперлась на этот рынок. Ловить дурачка с тачкой. Ну, дурачок, где ты?

Алмис огляделась по сторонам. С момента ее последнего визита здесь ничего не изменилось. Вон хитрый дядя в ватнике пытается впарить двум студентам какую-то явную дрянь в корпусе от японского тюнера, вон груды компьютерного железа, а справа — самое родное: ряды раскрытых настежь коробок, заполненных сидюками, от китайских колотых игрушек до прошлогодних баз данных ФСБ. Алмис хотела пойти порыться в дисках, просто так, но тут поняла, что не сможет. Ей было страшно. То ли за рыцаря страшно, то ли сам рыцарь внушал этот страх. Вокруг рыцаря все рушилось. Алмис чувствовала, как рушится мир — этот, унылый и ветренный, а вместе с ним — многие другие миры по обе стороны Бильреста. Глубоко вздохнув, она попыталась взять под контроль свои испуганные мысли. «Я спокойна, спокойна! — Алмис даже зажмурилась, пытаясь отогнать из головы ненужный страх, — у меня все получится!!! Все получится, и все будет хо-ро-шо…» — Девушка, — прервал ее медитацию вкрадчивый голос. — Вам четвертая мама не нужна?

Взглянув сначала на «железку», а потом в нежно-голубые бездонные глаза молодого человека, Алмис протянула:

— Она же у тебя не работает.

Такие вещи она умела определять сразу, без проблем.

— Работает, — проворковал молодой человек, для убедительности хлопнув пару раз длинными по-девичьи ресницами.

— Нет! — Легко рассмеялась Алмис, — как тебя зовут?

— Радкевич, — слегка смутился парень, — можно Ирси.

Алмис покачала головой:

— Будешь Радом, так короче. Не работает твоя железка, уже год, как не пашет!

Радкевич покрутил деталь в руках, покачал головой:

— Слушай, ты не можешь так говорить о вещах, в которых не разбираешься. Слушай сюда…

— Хорошо, — подхватила Алмис под руку незадачливого продавца, — мы пойдем к тебе и проверим, кто из нас прав.

Почему-то щеки молодого человека слегка зарумянились от смущения, и он даже на секунду отвел глаза. Вроде — задумался. Но Алмис поняла, что он доволен, а весь разговор про четвертую маму был затеян ради знакомства.

— Меня Алмис зовут.

— Ну, пойдем, конечно… — Парень все еще взвешивал свои шансы, — ты одна?

— Ага, — Алмис уже утаскивала свою добычу в сторону метро.

В метро Радкевич начал киснуть. От смущения лицо его стало совершенно пунцовым, он нервно теребил края своей сумки и бормотал под нос какую-то чушь про маму, которая сдохла, из-за чего он всю ночь с ней трахался, а с утра выдрал мозги и понес на рынок. Не знай Алмис, что речь идет о материнской плате для четыреста восемьдесят шестого «писюка», наверняка решила бы, что Радкевич — маньяк. Застенчивый и кровожадный.

Квартира «маньяка» была до потолка завалена электронным хламом. Ни одной книги на полках, только радиодетали, горелые мониторы, аудиоколонки без динамиков, динамики без колонок… Даже на кровати отдыхали кучкой резисторы, растопырив во все стороны жесткие проволочные хвостики.

— Только, ты знаешь, я сегодня не выспался… — Радкевич, вроде, оправдывался, словно предвкушая неудачу.

— Ну, так поспи, — оглядевшись, Алмис сразу поняла, что компьютер находится в центре самого массивного бардака — на столе.

— Черт!

— Что? — обернулась к Радкевичу Алмис.

— Да сигареты забыл купить!

— А-а, — Алмис вытащила из-под монитора пачку голубого «LM». Пачка оказалась почти полна. — Сигареты есть. А еда?

— Есть, — Радкевич подошел к столу, уселся во вращающееся кресло и включил компьютер, — ты приготовишь что-нибудь, а то жрать охота.

Алмис сначала решила покачать права, но почему-то передумала.

В холодильнике нашлась початая бутылка вермута, пара котлет и три яйца. Поджарив на одной сковородке ломтики чуть подплесневевшего хлеба с котлетами и огрызочками сыра, Алмис уверенно залила это все болтушкой из яиц.

— Разве это можно жрать? — удивился Радкевич.

Алмис хмыкнула и разлила вермут:

— За твое здоровье!

Ей не понравилось, что хозяин ее разглядывает так, словно не знает, что с ней делать — то ли живьем съесть, то ли прожарить до хрустящей корочки.

— Так почему же ты решила, что моя мама — фуфло? — начал Радкевич светскую беседу.

— Рад, — торжественно заверила его Алмис, — у меня на такие вещи шестое чувство! Давай пари!

— Какое? — испуганно спросил хозяин.

— Если плата исправна — я выполняю три твоих желания, — пошла ва-банк Алмис, — а если нет — ты три моих! Идет?

Радкевич задумчиво покрутил в руках сигарету, закурил.

— Идет! — он весело засмеялся, — Но только чур не отвертишься!

Алмис фыркнула.

Плата не работала. Радкевич остервенело ковырял ее, нюхал смотрел и даже пропылесосил:

— Вот, сидюк, например, — он говорил уже сам с собой, — вечен. Мне тут отдают всякие лохи. А он от пыли не фурычит. Пылесосить надо. Поняла?

— Ага, — Алмис уже успела привести себя в порядок, даже приняла душ и немного поспала поверх неубранной постели. День клонился к вечеру.

— Может оставим все это? — предложил Радкевич, — а то я устал, не выспался…

— Ага, — снова согласилась Алмис, — и сигареты у тебя кончились?

— Кончились… — Радкевич устало растянулся рядом, не раздеваясь. — Может, будем спать?

— Ну, что? Плата не фурычит? — Алмис ласково провела пальчиком по его красивому носу. Радкевич попытался ухватить палец губами, но Алмис отдернула руку. Потом подняла с полу еще одну потерянную хозяином пачку «LM».

— Ничего не понимаю, — Радкевич обиженно отвернулся, — сегодня утром проверял… Надо завтра еще раз посмотреть.

— Сдаешься? — ехидно спросила Алмис.

Пожав плечами, Радкевич нервно закурил:

— А какие у тебя желания?

— Так да или нет? — настаивала Алмис.

— Ну, да! Да!!! — прекрасные глаза Радкевича сияли праведным гневом.

Ухмыльнувшись, Алмис вытащила из ящика, стоявшего в углу и заваленного пыльными тряпками, другую похожую деталь:

— Вот эта точно работает, — она кинула деталь на подушку, — может, ты просто перепутал?

— Может, — Радкевич принялся вдумчиво разглядывать плату, — точно, эту вчера смотрел. Она у меня уже полгода валяется… Черт, вставать в такую рань, тащиться на рынок… Не могу, легче всю ночь не спать…

— Ну, вот ты и поспи, — промурлыкала Алмис, — мне тут одну емель послать надо. Можно?

Радкевич равнодушно пожал плечами:

— Конечно можно, ты сама разберешься?

— Ага, — Алмис расширила рабочее пространсто, сдвинув в сторону всякий ненужный хлам, — разберусь!

— Когда закончишь, ткнешь меня, — глаза Радкевича закрывались сами собой, — кровать все равно одна… остальные желания потом…

— Ага, спи-спи! — для вида Алмис пошарила по Интернету, прошлась по Фидо и даже послала какую-то чушь в «хиппи-токс».

Убедившись, что Радкевич сладко спит, Алмис прикрыла его одеялом. Найдя в ящике для деталей почти все необходимое для работы, девушка осторожно сняла кожух с системного блока. Дядя Клай показывал Алмис, как устроены механические мозги, и даже иногда в виртуалке заставлял ее собирать и разбирать на время земной «писюк». В реальном пространстве это выглядело почти так же, если не считать пыли и молодецкого храпа, раздававшегося со стороны кровати. Когда Алмис через полчаса вернула кожух на место, машина уже была снабжена пятимерной отмычкой и готова к поиску.

Сперва девушка попыталась связаться с Клаем Бонифацием. Связь не удалась: по экрану ползли какие-то белые клочья, а из динамиков… Алмис ударила по клавишам, прерывая связь. Из динамиков ясно слышалось конское ржание! Неужели…

Впрочем, мать кербов могла просто влезть в линию. Наверное, ничего страшного и не произошло. Но все равно, сейчас туда лучше не соваться. Так, а с кем рыцарь работал на Земле? Или — против кого… Полковник говорил о какой-то конторе, то ли «Гэндальф-энтерпрайзис»… Нет. Алмис вспомнила: «Мерлин-пресс». И включила поиск.

Заставки менялись одна за другой — строгие заголовки баз данных Генеральной прокуратуры, мрачные, красным по черному, списки агентов ГРУ, что-то по-английски под рисунком — орел, щит и надпись «CIA»… Вот! Экран на миг почернел, потом вновь зажегся. В центре экрана размахивал волшебной палочкой седой гномик в синей тибетской шапке, вокруг которого вилась надпись: «*Добро пожаловать в базы данных Мерлина!*» Под гномиком протянулась черная полоса сообщений отмычки. Полоса требовала:

«Введи имя для поиска» И Алмис отстучала:

«Дмитрий» «С таким именем 125 объектов. Искать?» — Спросила отмычка. Алмис ответила отказом, после чего стала лихорадочно вспоминать, как Дмитрий себя называл. Каким-то прибором, кажется…

И тут ее осенило. «Аквариум». Рыцарь, кто ты? — спросила Алмис. Простыня плывет, извиваясь красной змеей. Я Тромп, великий и ужасный.

Алмис отстучала новое имя:

«Тромп» «С таким именем 2 объекта. Искать?» «Да» Экран потемнел на целую минуту. Потом зажегся вновь — расцвел яркими огнями свечей, отраженных в зеркалах. Зеркала тянулись во все стороны. Храп Радкевича становился все тише, тише, пока и вовсе не исчез — вместе с захламленной комнатой. Алмис казалось, что она спит. Как в детстве. Мир стал чудесен и понятно прост. Она шла по огромному залу, полному народа — изящные маленькие эквапыри галантно приседали перед ней в полупоклоне, пестро украшенные драгоценностями атсаны ласково шуршали ботвой, а она все шла и шла вперед. Она искала, она ждала Кого-то. И совершенно не боялась. На ней было белоснежное платье из арконского атласа с золотой оборкой — ворох кружев нежно шелестел при каждом ее вздохе.

— Разрешите вас пригласить?

Воздух вокруг нее наполнился переливами клавесина. Она оглянулась и увидела Кого-то, кого совершенно видеть не хотела. Он, протягивая руку в черном бархате рукава, приглашал ее на танец.

— Менуэт, — пояснил загадочный Кто-то, — прошу вас…

Она положила руку ему на плечо, хотя вовсе не хотела этого делать. Ощутив под ладонью шершавую поверхность бархата, она невольно отшатнулась. Но Кто-то властно подхватил ее и закружил в безумном медленном вихре.

— Но это же вальс? — она наконец посмотрела в лицо своего партнера — властное, будто слепленное из глиняных комков.

— Ну и что? Не все ли равно?

— Н-нет… — она еле успевала перебирать ногами в тесных туфельках по стеклянным плитам пола.

«Кто я? — она попыталась вспомнить что-то очень важное, — где я, что здесь делаю?» — Не все ли равно — где и когда? — Приятным баритоном прошептал ей в ухо странный партнер.

— Зачем вы меня сюда привели? — Теперь она была просто уверена, что ее загадочный партнер в черном бархатном камзоле — истинный Хозяин этого места и ее сна.

— Что вам от меня угодно? — Танец закончился, и она сделала глубокий реверанс.

— Ничего, — Хозяин в черном камзоле снова подал ей руку. В раскрытой ладони лежал странный предмет. Круглый и красный.

— Угощайтесь, — предложил Хозяин.

— Благодарю, — она осторожно взяла предмет с его руки. — Это, кажется, гранат?

Хозяин благосклонно улыбнулся.

— Но ведь здесь все ненастоящее? — девушка подкинула гранат вверх, и он превратился в алую птицу. Птица принялась бестолково биться о потолок, пока не устала и не устроилась среди хрустальных горгулий, стороживших свечи на люстре.

— Кто вы? — девушка задала самый нелепый вопрос из возможных.

— А вы? — Хозяин улыбался все благосклонней и благосклонней, как ласковый старик-маразматик своему попугайчику.

— Я не помню! — Она немного испугалась собственной искренности. — А вас помню, я знаю вас!!!

— Да? — В его голосе звучала то ли ироничная язвительность, то ли язвительная ирония. — И кто же я такой?

— Тот, тот самый, — девушка совсем растерялась и запуталась, — но я искала вовсе не вас!

— А кого? — Поинтересовался Хозяин. Теперь в его руке было яблоко.

— Хотите? — Он протянул ей очищенный от шкурки ломтик.

— Нет, я помню историю про Кору, ей тоже предложили гранат, она съела три зернышка. И поэтому не могла больше покинуть мир, в который ее затащили! Про яблоко я тоже что-то припоминаю…

— Но это же все ненастоящее, — рассмеялся Хозяин.

Он запустил очищенным яблоком в другой конец зала. Глухо ударившись о деревянную панель, яблоко отскочило и стукнуло кого-то по голове.

— Вот видите? — Хозяин широко улыбнулся, демонстрируя ряд великолепных белоснежных зубов.

— Что я должна видеть?! — Девушка принялась сердиться, пытаясь скорее вспомнить, кто же она, все-таки, такая. — Что вы от меня хотите?

— Ничего, — пожав мощными плечами, Хозяин властно взял ее за руку и повел прочь от галдящего общества — в зале затеяли свару за упавшее яблоко. — Пойдемте, а то они сейчас подерутся.

Комната за шелковой портьерой напоминала «шестой кабинет» в «Аквариуме», только без бассейна и фонтана. Подушки, бархат, картины. Сюжеты картин постоянно менялись, перетекая друг в друга: то Тромп убивает дракона, а то вдруг дракон убивает Тромпа.

— Давайте играть в загадки, — предложила девушка, — я выигрываю — вы открываете мне мое имя и возвращаете обратно.

— А если выигрываю я? — Спросил Хозяин, — то называю свое?

Она засмеялась:

— Нет, я остаюсь у вас добровольно.

— Но вы и так у меня, — резонно заметил Хозяин. — Что за глупые базары?

— Но не добровольно?! Ведь так? — Она внимательно посмотрела в глаза Хозяина.

— Ну и что? Важен сам факт, прекрасная Алмис, — Хозяин взял с низкого увлапонского столика высокий стакан, наполнил до краев строфарией из квадратной бутыли, слегка пригубил. Стакан на общем фоне выглядел даже не вульгарно, а просто фантастично. Алмис лишний раз напомнила себе, что здесь все — ненастоящее.

— Ого, — она откинулась на подушки, — вы проговорились!

— Это подарок, — Хозяин достал из золотого портсигара папиросу, — жест доброй воли! К чему ненужные игры? Я жажду наслаждаться вашим обществом максимально доступное мне время. Надеюсь, что время это будет бесконечным…

— Так значит, я вам скоро надоем, — Алмис задумалась.

— Посмотрим, — Хозяин пускал в воздух замысловатые колечки. — Все возможно. Но теперь это зависит только от вас, моя прелесть.

— Фи, — Алмис капризно поджала губки, — как это пошло и некрасиво.

— Я предлагаю вам во владение прекрасный мир и роскошный замок, — Хозяин почесал за ухом, — наслаждайтесь жизнью! Все ваши мечты, сладкие грезы. Счастье! Ты хотела имя — я его тебе дал! Я дам тебе Все!

— Правда?! — Язвительно заметила Алмис, — но это же все ненастоящее!

Хояин на минуту задумался:

— Откуда нам знать, что в мире настоящее, а что нет? Мерность безгранична, моя дорогая.

Алмис немного помолчала.

— Скажи, ты поймал мое сознание, а тело — там, — она махнула рукой в сторону предполагаемого выхода, — и ты не знаешь, где?

— Знаю, — Хозяин громогласно рассмеялся, — скоро оно у тебя будет. И все это тоже будет настоящим, моя красавица. навсегда настоящим. Я наслаждаюсь твоим обществом, как первым цветком, как первым глотком строфарии. Вы — смертные, вы никогда не сможете так наслаждаться!

— М-ммм, — насупилась Алмис, — а ты — бессмертен? Даже если голову отрубить? Как керб, да? И уязвимого места у тебя нет?

— Почему же? — удивился Хозяин, — уязвимое место у всех

мужиков одно! И ты его знаешь…

— Ну, дела! — вскочила с оттоманки Алмис, — ты — Строитель, да?

— А что это вы тут делаете? — раздался за ее спиной вкрадчивый голос.

Хозяин отреагировал на голос мгновенно. Чтобы не закричать от страха, Алмис зажала рот ладонью: бархатный камзол превратился в усеяную шипами кирасу, а волевое лицо, которое могло принадлежать прекрасному принцу в возрасте, стало безликим шлемом.

— Что за дерьмо? — глухо проревел Хозяин сквозь шлем.

— Сам-то ты кто? — Нагло переспросил вновь прибывший.

— Это Радкевич, — Алмис закрыла его своим телом, — он мой приятель. Не смей его трогать!

— Ага! — Хозяин поднял вверх указательный палец. — Не смею, красавица. Пусть лучше он сам тронет меня! Держи! — Сказав это, Хозяин погрозил пальцем. В руках Радкевича сам собой возник здоровенный топор.

— Да я не имел в виду… — Начал оправдываться Радкевич.

— Бей! — Хозяин расставил руки в стороны, открывая перед Радкевичем шипастую металлическую грудь.

— Так…

— Сядь да покак! Бей, падла!

Радкевич, с трудом подняв топор, ударил. Топор свободно прошел сквозь Хозяина и на излете вонзился Радкевичу в правую голень, перешибив кость. Издав заливистый вопль, Радкевич скорчился на полу. Алмис в ужасе молчала, Хозяин хохотал.

Низкий хохот оборвался внезапно, словно его выключили. Кираса снова превратилась в камзол, а глухой шлем — в лицо. Хозяин выглядел озабоченным и, вроде, даже был чем-то испуган.

— Ладно, тут пришло сообщение… — Он щелкнул пальцами. Топор исчез, рана на ноге Радкевича мгновенно затянулась, но тот продолжал корчиться. — Вставай!

Радкевич поднялся на ноги. Хозяин повернулся к Алмис:

— Мне надо вылетать. Разборка, крупная. Это не агаботов давить… А ты вали отсюда! — Хозяин опять обращался к Радкевичу.

— Как? — Плаксиво спросил тот, хлопнув ресницами, на концах которых повисли прозрачные слезинки.

— Как пришел, так и вали. Я тебя, что ли, затащил сюда? Это я ее затащил, а ты мне тут на кой Бьек сдался… Жди меня, красавица. А ты вали, говнюк.

— И хозяин широкими шагами ушел — прямо сквозь стену.

— Куда это он делся? — Радкевич прыгал на одной ноге,

поглаживая рукой уже не существующую рану.

— М-ммы н-нне вер-рнемм-мся, — рыдала в подушки Алмис. — Никог-гда уже не вве-еернемся!!! Рад, ми-и-и-иилый…

— А где это мы? — Радкевич огляделся, — я смотрю, ты как упертая в пустой монитор пялишься, подошел — р-рраз! — а тут этот урод на тебя наехал! Слушай, а где компьютер?!

— Дай, я тебе ногу перевяжу, — размазав по щекам слезы, Алмис оторвала от платья кусок. — Ой, а где рана?..

— Ты только не реви, — попросил ее Радкевич, — у тебя сигареты есть? Я с собой не прихватил. Слушай, — он подозрительно понюхал бутыль со столетней строфарией, — а это пить можно?

— Можно, — подтвердила Алмис, — обезболивает.

— Хорошо, — Радкевич нашел под столиком еще один стакан, разлил по стаканам густую душистую жидкость, — наверное, мы просто спим.

Алмис равнодушно пожала плечами:

— Может, и спим.

Разлив по новой, Радкевич осторожно придвинулся поближе к Алмис:

— Слушай, а во сне люди…

— Нет, — отрезала Алмис, — это мое второе желание.

— Да? — Радкевич кокетливо смутился, — какое?

— Чтоб ты ко мне не приставал!

За портьерой послышались испуганные крики. Что-то металлически цокало по полу. Крики и цоканье слышались все ближе… Откинув портьеру, в комнату вбежало странное существо, а может, механизм. Нет, скорее, все-таки, существо. Оно было похоже на сковородку с нервно дергающимися паучьими ножками. Сверху сковородку украшало сидение со спинкой.

Радкевич и Алмис испуганно притихли. Сковородка медленно обошла комнату по периметру, издавая своей ручкой звуки, похожие на шмыганье носа. Потом нацелила острый конец ручки на Алмис.

— Это тебя искал плюшевый, — раздался в голове у девушки холодный голос.

— А меня? — Спросил Радкевич.

— А тебя никто не искал, — ответила сковородка.

Алмис, наконец, обрела дар речи:

— Т-ты к-кто?

— Отмыра.

— Отмычка?

— Отмыра, — поправила сковородка, принюхиваясь к бутыли

со строфарией, — имя мне дали. Два кретина. Они меня сделали с умножением мерности.

— То есть, их мерности перемножились и образовали твою… — Поняла Алмис.

— Да, — сковородка села на самую большую подушку, поджав свои многочисленные ножки.

— И какая же мерность была у этих… кретинов?

— У каждого по шестьдесят.

— Что?! — У Алмис отвисла челюсть. Радкевич засуетился, но не знал, что сказать.

Алмис некоторое время терла себе виски, пытаясь сообразить. Разве такое возможно? Ведь Кац и Хуман доказали, что мерность не может превышать двести семьдесят три. А тут…

— У тебя мерность выше, чем у Мироздания? — Выпалила Алмис.

— Выше, — спокойно ответила сковородка.

— Значит… Ты все можешь?

— В рамках Мироздания — все.

— Ужас!

Сковородка слезла с подушки, поковыряла концом ручки пол, потом одной ножкой почесала себе металлическое брюхо, словно собачонка:

— Почему ужас? Я все могу — это не значит, что я все хочу. Усекла?

— А не хочешь ли ты… — Осторожно начала Алмис, — не хочешь ли ты вернуть нас назад?

— Нет.

— Да, наверное, ты просто не можешь, — Радкевич попытался взять сковородку на «слабо». Сковородка вновь забралась на подушку:

— Послушай, мужик. Если бы я хотела все, что могу, это действительно был бы ужас, девка верно базарит.

Снова из зала послышались крики, заглушившие монотонное позвякивание клавесина:

— Держи!

— Вон он!

— Я его… Бьек! Туда!!!

От мощного удара портьеру сорвало. Кто-то, злобно кряхтя, барахтался в складках голубого шелка. В открывшемся проеме арки показались зеркала, свечи — и запыхавшиеся гости этого нескончаемого бала. Люди, эквапыри и атсаны уставились на упавшую портьеру.

— Вон… — начал кто-то, но осекся: все увидели сковородку. Толпа в ужасе отпрянула.

— Они тебя боятся? — Спросила Алмис.

— Естественно, — сковородка скрутила нос узлом, — низкомерные существа робеют при виде всего, что превосходит пределы Мироздания… Короче, фраера, как водится, бздят авторитета.

Существо, барахтавшееся под портьерой, сумело, наконец, выбраться из шелковых пут. Алмис уже где-то видела это существо: мохнатые круглые уши, нос, похожий на золотой ключик… Но она не успела толком ничего вспомнить. Существо принялось прыгать перед ней, размахивая лапками:

— Пошли! Пошли скорее! Хозяин тебя ищет!

— Этот? — Нахмурилась Алмис.

— Нет, другой… А ты о ком?

— А кто твой хозяин?

— Клай Бонифаций.

Сковородка легонько звякнула носиком по пустому стакану, привлекая внимание:

— Полковника замочили.

— Верно, верно! — Суетилось ушастое существо, — сейчас хозяин — Тромп…

— Плюшевый, не мельтеши, — брезгливо попросила сковородка.

— А ты вообще молчи, задавака! — Огрызнулось существо и, ухватив Алмис за руку, рванулось к ближайшей стене.

— А я? — Крикнул вслед Радкевич. Его крик оборвался. Исчезли подушки, свечи, зеркала, гости…

Алмис сидела перед монитором. Кругом стояли какие-то столы, заваленные бухгалтерскими папками. Это не была комната Радкевича. Хотя компьютер — явно тот же самый. Алмис ничего не понимала. Она встала, подошла к двери. Дверь была заперта. Может, ключ валяется где-то рядом?

Но ключа не было — ни в пустых ящиках, ни на столах, ни на полу. Алмис присела на подоконник. За окном на улице суетились люди — пожилые дамы в деловых костюмах и бритые мужики в камуфле и черных кожанках. Из ворот один за другим выезжали «Саабы». Внезапно дверь содрогнулась от мощного удара. Алмис сжалась в комок. Еще один удар… Дверь с грохотом упала, сбив со стола ворох папок. Компьютер, слава Ру-Бьек, остался цел.

А за дверью стоял Дмитрий!

— Ты? — Алмис бросилась к нему, но остановилась, не добежав полметра, — как ты меня нашел? Тебе сказал этот… Хозяин?

— Хозяев много, я один, — неопределенно ответил Дмитрий.

Его глаза сосредоточенно щурились, губы были поджаты. Алмис, уже в который раз, испугалась, сама не зная, чего.

— Дим, где мы?

— В «Мерлине». Бежим быстрее, самое интересное пропустишь, — он схватил девушку за руку и потащил за собой, точно так же, как только что сделало странное существо… «Плюшевый». Алмис бросила последний взгляд на монитор. Там, среди зеркал и хрусталя, бессмысленно бродил Радкевич и что-то кричал. В компьютере Радкевича не было звуковой платы, но Алмис легко прочла по губам:

«А я? А как же я?!»

ГЛАВА 2

На мелком экране виднелась лестничная площадка — искривленная, словно была помещена в мыльный пузырь. Рядом, в таких же мыльных пузырях, плавали коридор третьего этажа и дворик перед зданием конторы. Боцман читал газету с дурацким названием «ЕЩЕ», а Капитан честно глядел на экраны. Бандиты приступили к своей обычной работе. К охране.

Капитан не просто так пригласил Фленджера в сауну. Это одновременно был и пробный шар. В случае, если Димка знает, где находится дверь в Рунику, он просто откажется. Тогда придется выдумывать новые способы. Но Фленджер, хотя и поломавшись для блезиру, согласился. Значит, надо застать его врасплох и перетащить к кербам и Ма-мин. Все это Капитан вполголоса втолковывал Боцману, на забывая краем глаза следить за лестницей и прочими местами, где были установлены камеры.

Вдруг бандит заметил движение у входа. Поднимавшийся по парадной лестнице, это Капитан увидел совершенно четко, несмотря на искажение, был из Руники. Капитан не мог ошибиться. Борода до пупа, серый плащ-накидка, высокие сапоги… Типичный арконец! Пришелец не позаботился о том, чтобы переодеться во что-нибудь местное — наверняка, очень спешил. Мало того, у него в руках был подозрительного вида кейс. И вдруг что-то словно выдернуло Капитана с его теплого стула. Он, сам плохо представляя, что им движет, жестом приказал Боцману молчать и пулей вылетел за дверь офиса.

Пока арконец с кейсом шел на третий этаж — а кроме как к шефу идти ему было некуда — Капитан притаился между этажами в том единственном месте, которое, он знал, не просматривается через камеры наблюдения.

— Привет, — тихо произнес Капитан по-арконски, когда курьер поравнялся с ним. Тот не ожидал услышать здесь родную речь и в удивлении замедлил шаг.

— Ты к Нуфниру?

Теперь арконец окончательно затормозил:

— А ты откуда знаешь?

— Он меня послал тебя встретить, — заговорщически прошептал бандит. — Наверх нельзя. Там стрем.

— Но мне надо передать это лично! — Запаниковал посланец. — И срочно!

— Все под контролем, — заверил его бандит. — Шеф ждет тебя в черном «Саабе» за углом.

— За каким углом?

— Я покажу. А ты спускайся и жди меня на улице.

Капитан никак не мог понять, что же он делает. Казалось, в него вселился какой-то бес, который заставляет его врать и вообще совершать странные поступки.

Выждав несколько минут, бандит спустился вслед за курьером. Тот нашелся быстро. Он стоял у внешней стены, ограждающей здание «Мерлина», и нервно грыз кончик сигары — табачные крошки, осыпаясь, застревали в шикарной пепельного цвета бороде.

— За мной, — тихо бросил Капитан, с отсутствующим видом проходя мимо. Не оборачиваясь, бандит последовал вперед, слыша за собой суетливые шаги курьера. Ближайший угол скрыл их из поля зрения случайных прохожих, которых, впрочем, в этом глухом закутке Москвы и не было.

— А где Нуфнир? — Курьер остановился.

— Я за него! — Капитан незаметно переместился так, чтобы отрезать арконцу путь назад. Арконец остолбенел и попытался загородиться кейсом.

— Давай сюда! — Бандит протянул руку и вдруг увидел, что та почти не видна из-за окутавшего ее белого тумана.

— Личинка!.. — Арконец оказался впечатлительным. При виде белого тумана он замер в шоке, вращая вылупленными глазами, а потом и вовсе грохнулся в обморок.

Дальнейшее прошло без сознательного участия Капитана. Он увидел, как белое облако разрослось и накрыло посланца. Капитан почувствовал, что становится сытым и довольным. А когда все прекратилось, от курьера не осталось и следа, за исключением валявшихся на земле чемоданчика с наручниками и сотового телефона.

Бандит некоторое время смотрел на эти предметы, с ужасом осознавая, что именно он и сожрал их прежнего владельца. И вдруг зазвонил лежащий на асфальте телефон. Капитан вышел из оцепенения и каблуком раздавил черную пластиковую трубку. Та по-влажному хрустнула, из-под ботинка бандита расплылась коричневая лужица. Звуки прекратились.

Капитан брезгливо вытер подошву о бурую прошлогоднюю траву и поднял кейс. Тот оказался заперт на все три замка, но такие вещи для Капитана никогда не были преградой. Покрутив колесики с цифрами, он быстро нашел нужную комбинацию и поднял крышку.

Внутри оказалась всего одна бумажка — составленная, правда, на трех языках: русском, английском и на рунтоксе, официальном языке княжества Руника. Из этих трех Капитан знал два — русский и рунтокс. Перед бандитом лежала ксерокопия

платежного поручения, по которому компания «Авторун» перечисляла «Мерлин-прессу» семьдесят миллионов долларов. Капитан, прочитав текст, вновь невольно исторг из ладони мутное облачко, в котором бумажка растворилась без следа. Через мгновение ту же участь постигли и все остальные предметы, оставшиеся от бедолаги-арконца, включая и грязный след Капитанского ботинка.

Слегка осоловевший, бандит вернулся на рабочее место.

— Ну, чего? — тревожно спросил Боцман.

— Все нормально, — строго ответил Капитан, хотя и не был в этом уверен. — Если хозяин вызовет, подтверждай все, что я скажу.

Через час рабочий день завершился и сотрудники «Мерлин-пресс» потянулись к выходу. Квадратные бугры в черных пальто до пят, старушки, тоже во всем черном, пара молоденьких секретарш в черных пиджаках. Капитана уже мутило от черного цвета. На этом фоне один только Фленджер в обычной джинсовой куртке радовал глаз. К семи вечера на месте остались лишь шеф и Европа.

— Боцман! Капитан! Ко мне! — Прорычал из селектора голос Нуфнира.

Бандиты заспешили к начальству. Едва они появились в кабинете, как хозяин спросил:

— Никто ко мне не приходил?

— Никто… — мелко затряс головой Боцман.

— Хотя… — вставил Капитан и выдержал паузу, пока дракон не рявкнул:

— Договаривай!

— Ну, был тут один тип… Он оттуда… Ну, где мы были…

— Дальше. Где он?

— Он поднялся к двери. Я его на мониторе видел. Потом он достал телефон, что-то сказал и ушел.

— И все?

— Все. — Капитан состроил гримасу, нечто среднее между улыбками ангела и полного дебила.

— Все… — задумчиво произнес Нуфнир и повторил уже громче, — всё. Свободны!

Бандиты с облегчением вымелись из кабинета хозяина. На следующий день, едва они появились в «Мерлине», как немедленно были вызваны пред очи шефа.

— Расклад такой, — зловеще начал дракон. — Или меня хотят обуть, или мой должник попал в непонятку и прокололся. Поедете на стрелку. Там вам должны передать кейс. Его немедленно ко мне. В случае чего… Короче, действовать по

ситуации. Все ясно?

— Куда ехать?

— Европа даст адрес и оружие.

Даже не пошевелившись, бандиты каким-то образом переместились к открытой двери, та хлопнула им по спинам, и они оказались в соседнем помещении наедине с секретаршей. В отличие от подавляющего большинства сотрудников «Мерлина», Европа, худая девушка лел двадцати двух с лицом, густо обсыпанным веснушками, не носила черное — так же, как и Фленджер. Зато у нее были густые черные волосы, чем-то напоминавшие чешую, и глаза цвета тех самых чернил, в которых Капитан однажды тонул… С первого взгляда бандит возненавидел секретаршу шефа.

— Нуф приказал выдать вам это, — девушка протянула Капитану и Боцману небольшую коробочку, обернутую, как рождественский подарок, и перевязанную шелковой лентой с огромным бантом. Внутри оказались две «беретты» с запасными обоймами и конверт. Конверт содержал в себе листок гербовой бумаги, на котором была всего одна строчка: «10.30 Пампуш на Тверуле.»

— Это что за шарада? — Боцман с недоумением покрутил листок в пальцах.

— Памятник Пушкину на Тверской улице, — перевел Капитан. — Надо бы классику знать.

Взяв в гараже «Сааб», бандиты отправились на стрелку. На этот раз Капитан не пропустил ни одного поворота. Всю дорогу он вел машину молча, и лишь подъезжая к Пушкинской площади, дал коллеге указание:

— Ничему не удивляйся и попытайся срезать этих дохляков.

— Контрольный? — Сразу врубился Боцман.

— Да.

Они с трудом нашли свободное место и припарковались. Времени до встречи оставалось еще четверть часа, и бандиты безмятежно прогуливались по площади.

На проезжей части, рядом с бордюром, вдруг остановился кортеж «Мерседесов» и «БМВ», украшенных лентами и гигантскими пупсами. Возглавлял кортеж гигантский белый лимузин, увенчанный переплетенными кольцами и колокольчиками. Из него вышел детина с бритым затылком, массивной золотой цепью на шее и в смокинге, который сидел на женихе как пижама на орангутанге. Вслед за женихом появилась и невеста в белом муаровом платье с крепдешином, который делал девушку раз в пять шире, чем она была на самом деле. Жених хлопнул в ладоши, и двое его телохранителей, по виду

еще большие головорезы, подхватили невесту за филейную часть и перенесли через загородку.

Вслед за молодоженами потянулись прочие пассажиры свадебного поезда. Площадка перед памятником заполнилась черными и белыми фигурами, что вызывало некие ассоциации с началом шашечной партии. Жених с невестой, взявшись за руки подошли к памятнику. Телохраны тут же подали им по роскошному букету из орхидей, которые, задержавшись в пальцах новобрачных лишь на мгновение, легли к пьедесталу.

Часы на столбе показали, что половина одиннадцатого уже наступила. Оторвав взгляд от квадратного циферблата, Капитан заметил среди черных и белых фигур какие-то подозрительно знакомые красные полосы… Так и есть. Пятеро монахов Катассы, опираясь на длинные посохи, приближались с противоположной стороны площади. Между ними и бандитами бурлила черно-белая свадьба. Жених и невеста, окруженные друзьями, уже орошали мраморные плиты пенящимся шампанским, а их сопровождающие, открывая запотевшие бутылки, стремились попасть пробками в голубей, облюбовавших кудрявую мраморную голову.

— Давай! — и Капитан легонько толкнул Боцмана.

— Это точно они?

— А с какой радости монахам-лентяям прогуливаться по Пушкарю? Точно.

Глушители уже были привинчены к стволам. Бандиты отскочили за каменный парапет скамейки и, прицелившись, выстрелили прямо сквозь расфуфыренную толпу. Пули нашли свои цели — два монаха упали, нелепо взмахнув посохами. Бритые продолговатые лбы приобрели лишние отверстия, поэтому никаких контрольных выстрелов здесь уже не требовалось. Трое оставшихся моментально выхватили из широких рукавов каких-то зверушек… Каких-то? Лемуры! Но как лемуры будут работать в этом мире, ни Боцман, ни Капитан даже не догадывались.

Острые лучи срезали верхушки кустов в полуметре от плеча Капитана. Хуже того: срезанной оказалась часть каменного парапета. Позади раздался металлический скрежет — автомобили тормозили перед инкассаторским броневиком, который неожиданно оказался разрезан пополам.

Лемуры в этом мире работали круто.

Вся эта перестрелка произошла в тишине, точнее — под веселый гомон свадьбы и хлопки вылетающих пробок. Но увидев, как вдруг повалились двое мужиков, а другие что-то резко достали и прицелились, телохранители жениха моментально

открыли огонь. К ним присоединились все гости, имевшие оружие. К красным полосам на белоснежных балахонах добавились красные пятна — словно в красно-белом мире вечного отдыха расцвели маки самой Катассы. Монахи полегли под массированным огнем.

— Атас! — Визгливо вскричал жених, отпихивая невесту и устремляясь к своему «Мерседесу», — Менты! Ща повяжут! Рвем отсюда!

Возникла небольшая паника. Свадебные черно-белые фигуры заметались, словно чья-то гигантская рука, решив закончить ставшую неудачной партию, разом смахнула с доски все шашки. Дамы бежали к машинам, господа для острастки постреливали в воздух.

Еще до того как свадебная кавалькада рванула с места, площадь перед памятником совершенно опустела. Кто-то все-таки не забыл прихватить невесту, и теперь рядом с бронзовым изваянием лежали лишь пять трупов и букет орхидей. Мимо, стреляя по уносящимся «мерсам», пронеслась группа муниципалов. Сразу десяток милицейских машин с мигалками вырулили с Петровки и помчались в погоню.

Бандиты в своих камуфляжных костюмах вполне могли сойти за представителей власти, чем и воспользовались. Не торопясь, они вышли из своего укрытия и направились к убитым. Капитан с Боцманом подобрали заснувших лемуров, сунули за пазуху. Когда Капитан уже поднимал дипломат, на мостовой возникли тупые носы ментовских ботинок. Капитан выпрямился. Площадь запрудили менты.

— Кто такие? — Спросил один из них, судя по погонам — старший лейтенант.

— Подполковник Федин. ГРУ. — Капитан взмахнул перед носом муниципала водительскими правами. — Доложите обстановку.

Пока старлей косноязычно пытался связать фразу более чем из трех слов, бандиты лихорадочно пытались сообразить, как им выпутаться из этой ситуации. Наконец, когда мент окончательно проиграл борьбу с русским языком, Капитан взял инициативу в свои руки и поманил лейтенанта:

— На два слова.

— Слушаю вас. — Шаблонные фразы получались у муниципала лучше всего.

— По нашим сведениям здесь произошла ликвидация мексиканского агента, торговавшего ядерными технологиями. В этом чемоданчике, — Капитан потряс тяжелым дипломатом, — находятся сверхсекретные сведения. Я его конфискую. И не

вздумайте вносить его в протокол. Остальное — как обычно. Все ясно?

— Так точно! — Вытянулся муниципал.

— Вольно. — Разрешил бандит и, поманив Боцмана за собой, смело направился к своему «Саабу».

— Ну, лихо ты его уболтал! — Восхищался толстый бандит, — Прям Циерон! Откуда у тебя такие способности взялись?

— А ты забыл, как мы язык хавали?

— Так это от него!? — Изумился Боцман. — И чего, я теперь любую бабу снять смогу?

— А ты попробуй…

— Эй, девушка, — Боцман обратился к проходившей мимо наштукатуренной телке, — пошли в койку!

— Двести, — ответила та.

— Получилось! — Как ребенок обрадовался Боцман. — А на халяву?

— Можно и на халяву… — согласилась проститутка.

— Ладно, мой друг пошутил. — Капитан повлек возбужденного коллегу к машине. — У него сегодня еще куча дел. Некогда.

Девица пожала плечами и продолжила прогулку.

Дипломат оказался набит платиновыми слитками — компания «Авторун», видать, решила не связываться с банковскими структурами и выплатить долг налом. Опять не получилось, однако!

— И чего мы шефу скажем? — Боцман тревожно ерзал не переднем сидении.

— Не гони волну. — Капитан на секунду отвлекся от дороги и подмигнул напарнику. — Неужели ты не въехал, что он теперь проглотит любую пургу?

— Как бабы? — Догадался бандит.

— И как они тоже… Только ты лучше молчи, когда я буду с хозяином базарить.

Боцман недовольно скривился. Он-то уже хотел убедить шефа назначить его, Боцмана, начальником охраны… Нет, начальником начальников… Или даже — начальником самого шефа?..

Но Кэп не допустит, скотина. Все загребет под себя.

ГЛАВА 3

— Они напали на нас! — Капитан буквально ворвался в кабинет Нуфнира. В первый момент все было словно в черной мгле. Но через мгновение мгла исчезла, кабинет приобрел свои знакомые скупые очертания: голубые обои, книжная полка, массивная фигура шефа за столом — аккуратный пробор, строгий черный костюм. Но Капитан мог поклясться, что за миг до этого на шефе был парик и бархатный камзол. Впрочем, пиджак, камзол… Лишь бы сработал язык Ру-Бьек.

— Как? — сухо спросил дракон. — Подробности.

— Их было пятеро. Монахи. Мы стоим, ждем, а там свадьба. Братан женится. Ну, натурально, народ при стволах.

Капитан пересказал все, что было, умолчав только о двух монахах, убитых с самого начала. Получилось, что монахи стреляли первыми, после чего их загасила свадебная толпа.

— И никакого чемоданчика при них не было. — Закончил Капитан свое повествование.

— Ой, шеф, а разрешите нам денек отдохнуть? — Встрял Боцман. — Столько нервов! Такая усталость! Я просто с ног валюсь!

— Ну… — хозяин проговорил это с видимым нежеланием, — отдыхайте. Но завтра чтоб были. Я теперь сам хочу на разборку съездить! Сам!!! Вот Нифнир, вот ящерица… — Хозяин оскалился, выпустив изо-рта облако зеленоватого дыма, потом заметил все еще стоявших навытяжку Капитана и Боцмана. — Вон!!!

— Ну, Кэп, — Боцман плотоядно потирая руки спускался по лестнице, — какие у нас планы?

— План у нас может быть только один — оторваться.

— Тогда — в кабак!

Ближайший ресторан находился в соседнем с конторой здании. Капитан и Боцман там часто куролесили, но куролесили в меру. А сегодняшний отрыв, решили они, должен будет проходить по полной программе, с битьем посуды, зеркал и морд. Поэтому, поймав частника и без труда уговорив мужика бесплатно довезти их до Метрополя, бандиты слегка расслабились перед предстоящими подвигами. Но ресторан оказался закрыт.

— Спецобслуживание, — буркнул квадратный секьюрити в смокинге, обводы которого не могли скрыть ни бронежилет, ни кобуру под мышкой.

Боцман хотел уже было применить силу, но Капитан прикоснулся к локтю коллеги и напомнил:

— Мы только начинаем. Не заводись пока. — И, хмуро вперившись в глаза охранника, внятно проговорил:

— Мы свои.

— Так сразу бы и сказали. Но… Без галстуков нельзя.

— Сейчас у тебя будет галстук! — Не выдержал Боцман. — Какой хочешь: пеньковый, или из нейлонового шнура? Он в могиле не разлагается!..

Секьюрити опешил:

— Я… А у меня уже есть галстук! Бабочка…

В итоге бандиты-таки попали в ресторан, но теперь под их камуфляжками были надеты на голое тело черные галстуки, выданные сговорчивым секьюрити.

В зеркальном зале гуляла свадьба. Рыцари сразу узнали братву, которая разобралась сегодня с нерасторопными монахами. Но народа здесь было не в пример больше, чем на площади перед памятником. «По этапу, по железной дороге…» — наяривал оркестр. Седые скрипачи и виолончелисты старательно пилили струны, сохраняя свое монументальное достоинство: музыканты уже давно свыклись с высокой, напоминающей тюремную, стеной, которая отделила их от Моцарта и даже от Оффенбаха. Возле эстрады вальсировали парочки. Прочая публика разбилась на кучки и во всю пользовалась фуршетными столами, которые прогибались под многоэтажной тяжестью спиртного и закусок.

Боцман и Капитан незамедлительно присоединились к общему веселью. Капитан среди батареи бутылок обнаружил свой любимый ямайский ром, по которому успел крепко соскучиться. Боцман обошелся двухлитровой бутылью виски «Black amp; White». Держа ее за ручку и изредка прикладываясь к горлышку, бандит пошел снимать женщин. Как назло, среди женской части тусовки преобладали стройные и длинноногие блондинки, то ли дорогие путаны, то ли манекенщицы по вызову. Все они были почти на голову выше Боцмана, а он не любил задирать подбородок, беседуя с женщиной.

Из всех, кого бандит обозрел, наибольший восторг он получил от невесты. Та была как раз в его вкусе: невысокая, плотненькая, но без излишней полноты. Но, несмотря на спиртное, капля здравого смысла в голове Боцмана еще оставалась, и он решил посоветоваться с Капитаном.

— Кэп! — Заорал Боцман через весь зал, размахивая бутылью и поливая гостей потоком виски, — ты где? А, вижу… — И он стал продираться сквозь толпу, давя ноги всем подряд и отпихивая с дороги нерасторопных дам. Капитана, на самом деле, сложно было не заметить: в своей зеленой камуфле он резко

выделялся среди прочих гостей. Стыдливо отвернувшись от основной массы, Капитан демонстрировал нимфе на шпильках, как и чем можно открывать бутылки.

— Слышь, друган. — Боцман похлопал его по плечу. — Я тут хочу к невесте приколоться.

— А мне до этого что? — Капитан напрягся, его боевой орган сверкнул в воздухе и из отбитого горлышка «Мадам Клико» брызнула пенная струя. — Я тоже так могу… — похвастался Капитан девице, намекая на струю. Девица хлопала глазами, завороженная такой мощью.

— Ну, как… — Боцман не отставал. — Прикрой, ежели чего.

— Прикрою, — пообещал Капитан. — Кстати, ты знаешь чья это тусовка?

Его коллега отрицательно замотал бородой.

— Хумская братва. Я тут Ската видел.

— Он свидетель со стороны жениха, — встряла нимфа.

— Скат! Свидак! Вот хохма! — Заржал Боцман, снова размахивая бутылкой с остатками виски. Бутыль попала в висок какому-то быку в смокинге, и тот рухнул, потянув за собой скатерть. Бутылки покатились, словно кегли; горы осетрины и жареные целиком поросята двинулись в путь, убегая от жадных вилок.

— А невеста из Бурцевских. Она их крестная мама, — продолжала просвещать нимфа. — Такое вот породнение братвы…

— Ишь ты, — восхитился Боцман. — Мать в законе! Круто! — Допив виски, он швырнул бутыль через плечо и вразвалочку отправился навстречу своей любви.

Капитан остался охмурять нимфу. Некоторое время он надирался, ведя светскую беседу, но когда дошел до кондиции и уже собирался увлечь незнакомку в номера, на широкой лестнице послышался шум. По мраморным ступеням, спотыкаясь на спущенных штанах, приплясывал Боцман, пьяный в стельку. Его не то поддерживали, не то насильно вели два дуболома. Впритык за ними показалась следующая пара действующих лиц. Полуодетая невеста красивыми пинками гнала своего мордатого женишка. Капитан высоко оценил мастерство женщины.

— Наших бьют! — заорал кто-то, видно — из хумских.

Тут же гости разделились на два лагеря. Жених, получив последний удар, скатился под ноги к своим, на пути повалив стол. Румяные поросята рассыпались по темно-серым плитам. Хумские, перескакивая через поросят, пошли в атаку. Какой-то долговязый мужик прыгнул, целя ногой в лицо невесты. Во время прыжка штаны мужика с треском лопнули, из-за чего он, видно, и

промазал, влепившись в колонну. Невеста, ухватив за горлышко бутылку «Мадам Клико», жахнула ею об ту же колонну, превратив бутылку в смертоносную «розочку» и сразу полоснула острыми краями по чьей-то круглой роже. Брызги шампанского смешались со столь же густыми брызгами крови. Крики потеряли членораздельность, слившись в общий вой. Кавалеры и дамы катались по полу, официанты и секьюрити тоже приняли участие в свалке, раздавая тумаки кому попало.

— Бар-дак! Бар-дак! — Неожиданно для себя заорал Капитан и, пробежав по оставшимся нетронутыми столам, нырнул в самую середину битвы. Оставленная Капитаном нимфа, швырнув на пол недопитый бокал, запустила пятерню в свою серебристую дамскую сумочку и, выхватив оттуда такой же серебристый «Магнум», пальнула в толпу, не целясь. На этот выстрел эхом ответили еще пять или шесть, перекрытые дробной автоматной очередью — невеста палила из «Калаша» по люстре. Люстра, циклопическое сооружение из меди и хрусталя, величественно пошла вниз, набирая скорость, и накрыла толпу своей блестящей массой.

Музыканты, пользуясь тем, что за ними никто не следит, затянули Моцартовское «Лакримозо», неожиданно перешедшее в Оффенбаховский кан-кан.

Капитан, вдруг почяв боль в кобчике, инстинктивно откатился к лестнице — и остался цел. Подняв глаза, он увидел одинокого Боцмана. Тот подпрыгивал, размахивая руками и тем орудием, при помощи которого разлучил жениха и невесту. Потом вдруг замер, завизжал:

— Кэп, сзади!..

Но было поздно — на голову Капитана обрушился отобранный кем-то у музыкантов барабан.

Первое, что увидел Капитан, открыв глаза, была панорама вечерней Москвы. Неровно громоздились угловатые тела домов, ползли световые жучки автомобилей. Все это медленно уплывало в сторону…

«Я лечу в рай,» — решил Капитан. Потом понял, что это не так: в рай не летают, сидя на стуле. А он сидел. Перед ним на расшитой салфетке стояла нетронутая бутылка ямайского рома. Рядом Боцман, размахивая руками, что-то втолковывал давешней нимфе.

— Я не на небе, — проговорил Капитан вслух.

— Как же не на небе, сударь? Очень даже на небе, — ответил мелкий усатый мужичок с другого конца стола. А грузный чернобородый толстяк пояснил:

— На седьмом.

— На чьем? — Не понял Капитан.

— «Седьмое небо», ресторан так называется, — ответила за всех нимфа.

Двоих мужиков, усатого и бородатого, Капитан уже где-то видел, но не мог припомнить, где — то ли на каком-то празднике, то ли на разборке.

— Ты кто? — Спросил Капитан в лоб, обращаясь сразу к двоим незнакомцам.

— Да мы же, вроде, представлены, — ответил маленький, — вот это, — он ткнул под ребра бородатого толстяка, — философ-мокрокосмист Эммануил Кант…

— Кац, — поправил толстяк, — а это, — он в ответ ткнул пальцем под ребра маленького, — писатель-дебилетрист Ефрем Хануман…

— Ефим Хуман, если правильно. Господа, мы тут немного выпили и куролесим.

Капитан с Боцманом переглянулись. Боцман ухмыльнулся, а Капитан налил себе рому:

— Мы, вот, с Боцманом уже выпили. И покуролесили. Но хотим еще. Верно, Бот?

— Верно, Кэп, — откликнулся Боцман и продолжил прерванную беседу. — Так я, Моня, и не понимаю этого. Получается, что какой-нибудь фраер может оказаться умнее дракона…

— Ну да, да, — Кац пил пиво из высокой глиняной кружки. На покатом боку кружки был изображен приветливый пряничный домик, словно гирляндой, увитый готической надписью: «Bumsen, bumsen, Genosse Mommsen!» — Да, — повторил Кац, стирая тыльной стороной ладони пену с бороды, — почему бы дракону не родиться дебилом?

— Но если ты сам сказал, что мерность называется постигательной… — Прощебетала нимфа, закуривая сигарету в длинном серебряном мундштуке, — значит, у кого выше мерность, тот больше постиг, не так ли?

Москва за стеклянной стеной совершила круг и начала новый. Дома стали темнее, автомобили-жуки — настырнее, а небо покрылось фиолетовой рябью.

— Так, деточка, — согласился Кац, — только ведь постичь — это все равно, что овладеть. А овладеть мало. Надо еще правильно распорядиться.

Хуман сосал мартини из стаканчика и, усмехаясь, кивал. Потом вытащил из кармана пиджака длинную сигару и закурил. Боцман сразу определил по запаху: «Дублон», гельвенский филиал. Более вонючих сигар нет нигде по обе стороны

Бильреста!

— Вот ваши друзья подтвердят, сударыня, — сказал Хуман, пуская ядовитое колечко прямо в фарфоровое личико нимфы, — мерность сродни криминальному авторитету. Бывает, что вор не только в законе, а еще и в глубоком маразме — и все равно, закон, как говорится, на его стороне…

— Я — в законе, — пробормотал Капитан, — но я не в маразме, — и рыгнул.

— Насколько мне известно, — возразил Хуман, — вы не в законе, но при этом вы — дипломированный рыцарь, а значит, можете поспорить крутизной со многими авторитетными людьми…

— Я проще пример приведу, — Кац допил свое пиво и снова наполнил кружку из стоявшей рядом на полу канистры, — вот представим, деточка, что твой друг — людоед. Или они оба. И вот они тобой овладели, украли, например, у родителей, или откуда еще. Украли и съели. Акт овладения налицо — равно как и акт неправильного использования. Вот я бы на их месте…

— Ты бы на их месте занялся сексом, знаем, знаем, — успокоил Каца Хуман. Потом глянул на часы, — кстати, нам уже давно пора на съемку. До свидания, господа…

— Успеем, — лениво потянулся Кац и с хрустом почесал бороду всей пятернёй.

— Мальчики, а что за съемка? — Спросила нимфа.

— Параша, сударыня, — отмахнулся Хуман. — Передачка такая, «Про самое то «называется. Постсоветское софт-порно.

— Ну, не скажи, Фим, не скажи, — покачал головой Кац, — иногда занятные уроды попадаются.

— Слушай, а может ну ее на фиг, эту съемку? Смотри, пива сколько осталось!

— Хуман вдруг резко переменил свое первоначальное мнение.

— С собой возьмем, — веско возразил Кац. — Ребята, а вы с нами или остаётесь?

Бандиты одновременно кивнули. Нимфа захлопала в ладоши.

— Во здорово! — Боцман размахивал очередной бутылкой, орошая дорогим виски стены лифта. — В телевизор попадем. Устроим там шухер!

Провести троих лишних юдей в павильон оказалось плевым делом: две девушки с сумасшедшими глазами носились у второго подъезда Телецентра и орали в рацию, каждая в свою:

— Бельгутей! У нас недобор!

— Недобор, Белюшка! Недобор! Подождите, мы сейчас наберем с улицы!

— Подожди, Белюшка! Прямой эфир, первый раз! И недобор!..

Девушки чуть не плакали навзрыд. Поэтому когда Кац и Хуман пришли с компанией, то пропуска были немедленно выписаны на всех пятерых, а Кацу разоешили протащить с собой пивную канистру.

До начала съемки Капитан с трудом уговорил Боцмана вести себя спокойно. Впрочем, язык Капитана едва слушался: понял Боцман что-нибудь, или нет, так и осталось неизвестным. Кац и Хуман заняли места в первом ряду, прихватив с собой длинноногую нимфу и поставив канистру так, чтобы можно было легко дотянуться всем троим. Бандиты устроились на галерке и регулярно, как американские бомжи, прикладывались к бумажным пакетам, внутри которых бултыхался купленный в ближайшем буфете коньяк. Виски Боцман успел допить еще на улице.

Павильон, задрапированный кумачом, навевал мысли не столько о «том самом», сколько о Ленинской комнате из тяжелого детства. Впечатление усугубляли многочисленные черные юпитеры, свисавшие с потолка. Капитан сразу вспомнил пыточный зал Ермунграда. Публика шепталась, изредка поглядывая на сцену. Посреди сцены возвышалось угрожающее сооружение в виде спирали.

Внезапно спираль начала вращаться. Зажужжали юпитеры, беспорядочно кидая в разные стороны потоки света. На сцену вышла негритянка средних лет. Платье с золотыми блестками туго обтягивало ее мускулистую квадратную фигуру.

— Добрый вечер, друзья, спасибо что пришли на ток-шоу «Про самое то» — единственное в России ток-шоу о плотской любви. Меня зовут Катерина Катанга, я ведущая этой передачи. Кстати, хочу вас всех предупредить: наше шоу впервые идет в прямом эфире, поэтому постарайтесь не употреблять таких выражений, как э… Вы все эти выражения сами прекрасно знаете! А теперь я расскажу немного о себе…

Негритянка широким шагами прошлась вдоль первого ряда, на ходу рассказывая почтеннейшей публике о том, что родилась седьмого ноября на мавзолее, а роды принимало политбюро в полном составе. После таких пикантных подробностей всем участникам напомнили тему беседы — импотенция.

— Мне это не грозит! — Громко икнув, откомментировал Боцман, за что и заслужил не то осуждающий, не то восхищенный взгляд ведущей.

На сцене установили ярко-желтый стул. Стул был сделан в виде спирали и чем-то ужасно смахивал на женские гениталии.

На стул уселся бледный тощий юноша с длинными волосами, которые висели сосульками. Мужик в рабочем комбинезоне, стоявший за сценой, поплевал на ладони и начал вращать тяжелую стальную рукоятку. Кольцо сцены вместе с креслом и юношей поехало под зрительские аплодисменты, вокруг забегал оператор с камерой.

— Я — импотент! — Писклявым голосом объявил герой передачи. Зал зааплодировал.

— А по-моему ты — козел! — Крикнул Боцман.

— О, наш зритель уже имеет свое мнение по этому поводу, — засуетилась негритянка и полезла к бандиту, держа в вытянутой руке микрофон. Но Боцман не стал дожидаться ее — сам выступил вперед, перехватив ведущую на полпути.

— Каково ваше отношение к проблеме импотенции? — негритянка пыталась сохранить инициативу, но Боцман легким движением вырвал у нее микрофон, саму брыкающуюся негритянку взял под мышку и так спустился вниз. Встав возле вращающейся спирали, он заорал в микрофон:

— Все это лажа! А ну, кто на меня, швабово дерьмо?!

Капитан оглядел зрителей. Те притихли, уже готовясь к скандалу. Лишь философ и писатель, развалясь, потягивали пиво и о чем-то вполголоса беседовали с нимфой.

— Нет никого? — Боцман поудобнее перехватил ведущую. — Тогда смотрите, что может настоящий мужчина!

Разрывая ткань штанов, появился боевой орган Боцмана. Зал восторженно охнул. Бандит отшвырнул микрофон и поднял негритянку перед собой за обе ноги. Та висела вниз головой, а к ее промежности неумолимо приближалось «то самое», про что и была передача.

Но Боцману не удалось продемонстрировать задуманное до конца. Через узкие проходы, опрокидывая трибуны вместе со зрителями, в студию ворвались омоновцы.

— Сука! Пусти ее! — Выдохнул сквозь зубы майор, верзила с широченными плечами и непропорционально маленькой головой. Форменная беретка была ему велика.

Оператор с ручной камерой забился в темный угол и продолжал снимать. Верхняя камера, укрепленная на кране, тоже не висела без дела — летала туда-сюда, высматривая, где поинтереснее. А поинтереснее было буквально всюду. Капитан пришел в себя и обнаружил на сцене свалку. Из вершины свалки, среди черных беретов, торчали почти такие же черные ноги Катерины Катанги. Береты колыхались, а ноги бешено дергались во все стороны. Капитан понял, что на дне кучи, как и тогда, в Арконе, находится Боцман.

Перескакивая через ряды, наступая кому на руки, кому на колени, а кому — на голову, Капитан ринулся вниз. Публика тоже начала просекать, что к чему: все, кроме Каца, Хумана и нимфы, потянулись к выходу — сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. У дверей началась давка. Философ, писатель и нимфа спокойно пили пиво из Кацевской кружки — кружку он тоже протащил в павильон, вместе с канистрой.

Ближайших омоновцев Капитан вырубил сразу — оному отбил почки, двум другим сломал ребра. Когда остальные омоновцы начали понимать, в чем дело, Капитан подпрыгнул, сделав сальто, и приземлился каблуками прямо на спину майора. Майор пытался душить Боцмана, Боцман мертвой хваткой вцепился в Катангу. От удара Капитанских каблуков майор на мгновение потерял ориентацию и разжал руки. Боцман почему-то тоже разжал руки — негритянка покатилась под ноги омоновцам.

Упершись ладонями в загривок майора, Капитан резко развел ноги, сломав нос одному омоновцу и челюсть другому. Боцман, у которого неожиданно руки оказались свободны, сразу принял низкую стойку и крутанулся вокруг оси, подсекая одновременно четверых бугаев в черных беретах. В то же время он кулаком, снизу вверх, засадил майору в глаз. Капитан соскочил на пол и, подхватив обмякшего майора, пихнул его в спираль. Спираль все еще вращалась. Боцман, мастерски фехтуя стулом, уложил еще двоих…

Тут омоновцы не выдержали и потянулись к автоматам.

— Кэп! Ноги! — Взвизгнул Боцман.

Капитан и сам видел — пора. Разбежавшись, он нырнул рыбкой над толпой, запрудившей выход, и, проскользнув по головам, оказался за пределами павильона. Боцман поступил проще — всех расшвырял и вышел следом, снеся дверь.

Пробежав несколько метров по коридору, бандиты свернули в ближайшее помещение. Завизжали голые девки — их там другие девки, одетые, мазали каким-то кремом. Не сбавляя скорости, Боцман выбил плечом окно. Соседнее окно точно так же выбил Капитан. Прыжок с высоты около десятка метров получился легко, разве что у Капитана разбилась бутылка с коньяком. По асфальту зацокали пули, и бандиты припустили во всю мочь. Пруд, какое-то древнее здание, дорога… Дворы.

Погони, вроде, не было.

— Что-то я протрезвел, — недовольно сообщил Боцман после пробежки.

— Следовательно, надо добавить. — Капитан развел руками.

— Угу, — кивнул Боцман. — Где тут кабак?

ГЛАВА 4

С самого утра весь «Мерлин» стоял на ушах, хотя большая часть служащих понятия не имела, в чем дело. Но все при этом чувствовали: дело неладно. Дмитрию, впрочем, было глубоко наплевать на мерлинский стрем. В самом страшном случае — кинут с зарплатой. Пускай. Десять тысяч долларов закончатся еще не скоро. А работа интересная, такую можно и бесплатно делать — особенно, если не знать, для чего она.

Дмитрий только что закончил объединение структур израильского Кнессета, турецкого Меджлиса и Верхнего Буля Сообщества Козират (мир пиявок). Теперь осталось завязать эту троицу на Черный Замок — и Нуфнир поставит свою тяжелую лапу на еще одну ступеньку лестницы, ведущей дракона к власти над всеми обитаемыми мирами.

Сперва вместо Кнессета предполагалось использовать Совет Бородачей Арконы, но в Арконе непонятным образом воцарилась Ма-Мин. Шеф несколько раз выходил на связь и по-всякому крыл «гнусную личинку», упоминая при этом какой-то меч.

— Твой меч, Тромп! Не понимаю, куда он делся… Да и никогда не понимал. Ты сам-то не можешь вспомнить? Напряги башку!

Дмитрий только сокрушенно качал головой. Но на самом-то деле он помнил кое-что: «Меч, подлинник. Аркона, княжество Руника. Оплачено, нал». Короткая запись в файле специальных заказов. Именно эту запись увидел Дмитрий, когда впервые залез в мерлинские базы данных с компьютера, установленного в подвале Института нефти. «Меч, подлинник»… Дмитрий специально проверил файл спецзаказов — сейчас он имел официальное право смотреть практически любые файлы. Запись исчезла. Наверное, Нифнир знает, где этот меч — перевозки-то осуществляет «Авторун»!

Но общаться с драконом-вегетарианцем Дмитрию хотелось еще меньше, чем с драконом-политиком. А уж что касается матери кербов…

Поэтому вместо Совета Бородачей в связку пошел Кнессет. Ничего, говорят, в составе Кнессета тоже немало бородатых.

Дмитрий курил, сидя на подоконнике, а мимо носились старушки в черных деловых костюмах. Две такие старушки, кажется — из отдела маркетинга, остановились покурить возле того же подоконника.

— Слышали? — Спросила одна, затягиваясь длинной «Морой», — аврал! Я думаю, из-за той девочки. Это они для нее

«скорую» вызывают.

— Нет, — возразила другая, смоля «Кэмел» без фильтра, — не «скорую», а воронок. Точно! Я сама видела, эту девку пронесли мимо и в тринадцатой заперли, возле бухгалтерии. Зачем заперли?

— Так она буйная. — Парировала первая старушка. — Я тоже видела. Ее вместе с компьютером несли, она в бреду, на пустой экран смотрит, смотрит…

Но старушка с «Кэмелом» была неумолима:

— Воронок, только воронок. Она шпионка, через этот компьютер шпионила… И сарафан на ней — желтый-прежелтый, порядочная девушка такого не наденет.

При упоминании о желтом сарафане Дмитрий вздрогнул. Неужели Алмис? Собственно, почему бы нет? Вот только что с ней? Ладно, вечером, как все уйдут, можно проверить. Или прямо сейчас, через сеть…

Но все, кажется, собирались уйти прямо сейчас. Охранники бежали по коридору строем, вооруженные автоматами. Старушки, докурив свои сигареты, разошлись — и через пять минут появились вновь, уже одетые.

Последними мимо Дмитрия прошаркали Капитан и Боцман. Боцман радостно оскалился, но улыбка моментально перешла в гримасу боли:

— Все на разборку рванули…

— Как, и бабки тоже?

— Нет, бабки домой. Мы с бабками, нечего там делать…

— Пошли, — Капитан дергал Боцмана за рукав, — пиво…

Хрип и безумные глаза говорили об одном: бандиты пребывали в жестоком похмелье.

— Что у вас вчера-то было? — Спросил Дмитрий из вежливости.

— Нажрались, — коротко ответил Капитан, — а сейчас на стрелку тащимся. Хотя бойцы из нас сегодня, как… Ох!.. — Он дернулся от взрыва головной боли.

— А стрелка где? — Спросил Дмитрий будничным голосом.

— Зачем тебе… — подозрительно начал Боцман, но Капитан его перебил:

— Важно не где, а с кем. Нуфнир против Нифнира. Битва титанов… Точнее, драконов. Пусть пойдет, глянет, — Капитан повернулся к Боцману, — пусть… А мы — по пиву.

— Так где это? — Дмитрий еле скрывал дрожь в голосе. Знай бандиты, для чего Дмитрию нужна эта информация, убили бы его на месте… Хотя, они сейчас едва ли могут и жабу раздавить.

— Где? — Задумался Капитан, — Бутово, Бутовское

кладбище. От него через железку — лесок, это на Восток. Там — шоссейка пустая и озеро. В шесть. Там… Пиво! Бот! Пошли…

И они, поддерживая друг друга, поплелись к выходу.

Дмитий понял, что сейчас едва ли кто-то стережет тринадцатую комнату. Так, а что взять с собой? Ничего. Кроме одного. В кармане джинсовки лежала реторта с раскольником. Выключив компьютеры и спрятав в другой карман диск с Буртом, Дмитрий накинул поверх джинсовки коричневую летную кожанку. Запер свой кабинет. Теперь вниз, к бухгалтерии.

Дверь с плексигласовой табличкой «13» поддалась после третьего удара — влетела внутрь, хорошо, никого не зашибла. На этаже безлюдно, можно бесчинствовать, сколько влезет. Пустой коридор, снизу обшитый пластмассой под цвет дуба, сверху выкрашенный маслом под цвет дерьма.

А в комнате действительно была Алмис, живая и здоровая.

— Ты? — Алмис бросилась к Дмитрию, но остановилась, не добежав полметра, — как ты меня нашел? Тебе сказал этот… Хозяин?

Дмитрий прищурился. «Хозяин»… Тромп сам себе хозяин!

— Хозяев много, я один, — неопределенно ответил он, беря Алмис за руку. Рука у девушки была потная и чуть дрожала. Может, не стоит?.. Нет, пусть видит. Пусть.

— Дим, где мы?

— В «Мерлине». Бежим быстрее, самое интересное пропустишь, — и он потащил девушку за собой, к выходу из конторы. Боцман и Капитан уже убрели за пивом, старушки разошлись по продуктовым магазинам. До разборки оставалось два часа, до конца рабочего дня — час, но контора пустовала. Двери настежь… А как же безопасность?

Тут Дмитрий догадался: безопасность пьет пиво!

Ладно, их проблемы. Хотя, такое легкомыслие выглядит подозрительно. Боцман и Капитан, кажется, не лохи, работу не пропьют. На кого же они, в таком случае, работают?

Дмитрий решил припереть их к стенке завтра — к мокрой горячей стенке в парилке. Завтра у них баня. А сегодня и без того полно событий.

По Шоссе Энтузиастов проносились, шелестя колесами, жирные сгустки грязи. За пеленой мутных капелек невозможно было даже разглядеть, какой марки машина. Подумав, Дмитрий решил ловить тачку в сторону окружной.

Накрапывал противный дождик — казалось, что на дворе не апрель, а самый что ни на есть ноябрь. Третья машина остановилась — похожая на коричневую черепаху старая «Волга». За рулем сидел очкастый парнишка лет девятнадцати.

— Куда? — Спросил парнишка, стараясь говорить басом.

— Бутовское кладбище, — Ответил Дмитрий.

— Сколько?

— Стольник.

Парнишка обрадовался:

— Грина?

— Хрена, — ответил Дмитрий в стиле своего нового работодателя, — рублей, вестимо.

— Ну и ладно… Садитесь.

И черепаха поплыла сквозь грязную влагу. Дмитрий всю дорогу молчал. Алмис тоже. Она забилась в угол, к самой дверце, и старалась не прикасаться к Дмитрию.

Влага за окнами становилась все гуще. «Всемирный потоп, — думал Дмитрий, — вот он какой. Люди еще н знают, а ведь скоро, если у меня все получится… Скоро этот дождь действительно станет всемирным потопом.» Когда машина выехала на окружную, дождь прекратился. Но это ничего не меняло. Бутовские многоэтажки походили на айсберги. Так и есть. После Всемирного потопа начнется новый Ледниковый период.

Выходя у ворот кладбища, Дмитрий накинул к стольнику еще полтинник. Просто так. За то, что парнишка в дороге не порывался с ним разговоривать.

Узкая асфальтовая тропинка вела вдоль ограды. Впереди прогрохотал товарняк — обещанная железка. Алмис, наконец, заговорила:

— Куда ты меня притащил?

— Еще не притащил. Сейчас… Вон, перейдем через рельсы, там будет шоссе. А мы в кустиках посидим, посмотрим.

— На что?

— Водилу помнишь? С половиной бороды?

— Да…

— Это Младший Строитель. У них там будет драка со Средним Строителем.

— Таким квадратным, он еще во всем черном…

— Откуда ты… А, пофигу. Да, вот эти двое будут биться, а мы — смотреть.

Товарняк прошел, рельсы были пусты. Дождинки, попадая на жирный металл, кучковались крупными каплями. Где-то среди черных голых деревьев орали вороны, пытаясь заткнуть глотки болтливым воробьям… Или синицам?

Дорога виднелась сквозь кривую решетку леса. Пустая. Зато среди деревьев кто-то был. Дмитрий тронул Алмис за руку и сделал знак молчать. Черные кожаные спины, тугие затылки, блеск вороненого металла… Мерлинская братва заняла позиции.

Интересно, зачем одному дракону братва во время битвы с другим драконом? Для понта, что ли?

Дмитрий и Алмис остановились возле мокрого шершавого ясеня, прислонились к дереву с разных сторон. Стали ждать. Ждать пришлось недолго. С северной стороны послышался натужный вой движка. К вою движка примешался вой тормозов, потом все стихло. На шоссе стоял грузовик. «Колхида». Дверца кабины отворилась, и на асфальт один за другим спустились четверо. Так и есть: вон Илион в своих ремнях и шкурах, за ним Добужин с Теофилом и последний — бармен. Когда люди дошли до леса, послышалась тихая возня со всплесками ругани.

— Нуф, отпусти этих людей. Они не братва. Просто пассажиры. — Голос Нифнира звучал спокойно, но громко, словно из динамика.

— Отпустите ряженых! — Гаркнул такой же громкий бас Нуфнира. Перед «Колхидой» кортежем выстроились блестящие «Саабы», семь штук. Как они там появились, Дмитий не заметил.

— Зачем ты притащил братву? — Спросил Нифнир брата. — Драться со мной?

— Смотреть, — прохрипел Нуфнир, — смотреть и принимать меня таким, каков я на самом деле.

Автомобили стояли неподвижно, слепо уставившись друг на друга ветровыми стеклами. Возня в лесу утихла.

— Интересно, — хохотнул Нифнир, — кто из нас двоих больший романтик? Зачем тебе нужно, чтобы тебя принимали? Разве не достаточно, что они на тебя работают?

— Ты! — Взревел Нуфнир, — романтик — ты, если считаешь, что меня можно кинуть на семьдесят лимонов!

— Я тебя не кидал, здесь что-то не… — Начал Нифнир, но видимо, сразу понял, что оправдываться в любом случае не стоит. — Ладно, — продолжил он со смешком, — эко дело, чемодан жвачки! Я тебе новый соберу и вручу лично, раз тот куда-то посеяли…

— Ты прав, — хрип Нуфнира перешел в бульканье, — дело не в чемодане. Дело в нас с тобой. Я хочу раздавить тебя, как раздавил агабота. Я хочу сделать это сейчас. Я хочу, чтобы все видели…

Воздух над «Саабами» задрожал… Нет, задрожали сами «Саабы», потекли, сливаясь друг с другом в одно черное чешуйчатое тело. Гигантская голова взметнулась вверх на тонкой шее, усы над бугристым носом извивались, словно две серебряных змеи. По лесу прошла дрожь — мерлинская братва увидела своего хозяина в истинном обличии. Но, кажется, не торопилась принимать.

— Хочу, чтобы все видели, — закончил черный дракон, выпустив изо рта зеленое облако дыма, — что нас не может быть двое.

— Все? — «Колхида» осталась на месте, голос Нифнира все так же звучал из воздуха, — ты хочешь сказать, твоя братва?

— Твои пассажиры! — Нуфнир хрипло рассмеялся, — и еще Тромп, который прячется за деревьями. И его девчонка, с которой я недавно станцевал отличный вальсец!

Дмитрий удивленно взглянул на Алмис. Та только пожала плечами.

— Уговорил, дом Бытия… Язык Ру-Бьек… Ты меня уговорил!

«Колхида» вытянулась, стала тоньше, прямые борта фуры округлились, пошли чешуйчатой рябью. Колеса разматывались, словно бухты кабеля, превращаясь в изящные тонкие лапы с блестящими золотыми когтями… Нет, золотыми были только когти на правых лапах. Когда Младший Строитель поднялся, разогнув суставы, Дмитрий понял, что когти левых лап отливают зеленым. Кончик хвоста тоже светился, словно изумруд. Изумруд и золото. Золотая шея, изумрудные рога и усы. А глаза — разного цвета, один светится зеленым огнем, а другой…

Другой глаз Нифнира прикрывало желтоватое бельмо.

— Уговорил, трупоед! — Нифнир потянулся, словно кошка, ударив по дороге хвостом. В воздух взметнулись обломки асфальта. Тело Младшего Строителя было не таким массивным, как у его брата, зато в полтора раза длиннее.

— Падла травоядная! — Нуфнир, оттолкнувшись всеми четырьмя лапами, поднялся в воздух и выпустил по Нифниру струю огня.

— Не трать бензин, черняшка. Он у тебя дорогой, девяносто восьмой… Чем там заправляются «Саабы»? — Нифнир золотисто-зеленой иглой ушел в небо и сразу вернулся, целя клыками брату в загривок. Но черный дракон проворно перевел себя в вертикальное положение. Нифнир скользнул мимо, и Нуфнир вцепился своими серебристыми клыками ему в основание хвоста. В тот же миг изумрудные клыки сомкнулись на толстом черном теле, а золотой хвост обвился вокруг черной шеи, пытаясь превратить ее в месиво. Черный хвост пару раз стукнул о дорогу, разбивая асфальт, но потом тоже сумел обвиться вокруг гибкой золотой шеи. Драконы с грохотом повалились на землю. Они переплетались друг с другом все больше, брат все глубже вгрызался в ненавистную плоть брата.

Дмитрий отодвинулся от ствола. Сделал шаг, потом другой…

— Ты куда? — Прошептала Алмис.

— Помочь, — Дмитрий улыбнулся. Наверное, улыбка вышла

хищной: Алмис испуганно приложила ладонь ко рту и даже не спросила, кому Дмитрий собирается помочь. Она знала: Тромп помогает только самому себе.

Дмитрий шел бодрым шагом мимо мертвых деревьев, мимо замерших в ужасе мерлинских бандюков, мимо таких же обездвиженных рыцарей из ермунградских предместий. Два переплетенных тела, черное и двухцветное, лежали неподвижно меджду дорогой и озером. Дмитрий подошел почти вплотную. Тела дрожали крупной дрожью. Ни один из братьев не желал уступить.

И тогда Дмитий достал из кармана реторту. Прикинул ветер — ветра почти не было. В уме рассчитал бросок. Потом размахнулся и швырнул реторту вверх. Реторта пролетела по крутой дуге, сверкнув на фоне неба, ударилась о черный гребень Нуфнира и разбилась. Бесцветная жидкость разлилась, замочив оба тела, затекла в щель между ними…

Ничего не произошло. Как же так?.. Что-то нужно еще…

За драконами, чуть слева, матово блестело озеро. Вода. Нужна вода? Нет! «Аквариум», два невозмутимых мужика, толстый бородач и кривоногий усатый недомерок. Их язвительный вопрос. Что-то о раскольнике. Взрывается он от соприкосновения, или надо спеть песенку…

Про бабку!

Дмитрий знал эту песенку.

Фальшивя и иногда сбиваясь то на хрип, то на фальцет, он запел:

— Как приятно золотистой рыбке резвиться в чистой воде…

Драконы начали медленно расцепляться. Дмитий увеличил темп:

— Павлину в сапфировом небе, а пахарю в борозде…

Пришлось отступить на несколько шагов. Дмитрий уже добрался до припева, когда услышал громовые голоса прямо у себя над головой:

— Рыцарь!

— Ты…

— Тромп…

— Падла! Так это ты…

И голоса закончили хором:

— ТЫ СПЕР РАСКОЛЬНИК!!!

Дмитрий понял, что убежать уже не удастся.

— Ты скоро сдохнешь, Мы скоро сдохнем, Все скоро сдохнут, Мир скоро рухнет, Бог навернется, а бабка жива, ать-два!

Драконы дунули на Дмитрия. Огонь…

Огня не было. Не было даже движения воздуха. Не было

ничего. Переплетенные драконьи тела все еще громоздились почти до самого неба, но уже начали терять четкость форм. Вот покатилось колесо «Колхиды»…

Рядом — колпак от «Сааба»…

Золото и изумруд потускнели, черный лак облупился, обнажая растрескавшуюся поверхность камня. Дмитрий открыл глаза: он со стыдом понял, что некоторое время стоял, зажмурившись.

К кучам строительного мусора, украшавшим берег озера, примешалось еще две — куча металлолома и куча сероватого щебня. В металлоломе среди ржавого железа кое-где виднелась позеленевшая медь. Готово.

Дмитрий вздохнул и отправился назад, к лесу.

Лес ощетинился стволами — не древесными, а блестящими металлическими стволами «Калашей». Мерлинская братва выстроилась вдоль дороги, дула автоматов нацелены Дмитрию в живот.

Дмитрий остановился.

— Ты мочканул пахана, — сказал один из боевиков, мужик лет сорока с прокуренными жесткими усами, — зачем?

Дмитрий и сам не знал, зачем. Пока все происходило, он был уверен в своей правоте. А теперь…

Но если он сейчас пожмет плечами — это верная смерть. Надо что-то придумать, что-то веское.

— Вован, погоди! — Огибая воронки и рытвины, оставленные на шоссе драконьими хвостами, к Дмитрию крупной рысью бежал Капитан. — Погоди, Вован… Вот, ништяк. — Капитан отдышался, встал между Дмитрием и мерлинцами. Развел руки в стороны, повернулся к мерлинцам и четко проговорил:

— Братва, Фленджер никого не убивал. Хозяин умер сам. Ясно?

— Ясно, — тупо пробормотали мерлинцы, опуская автоматы. Дмитий не верил своим глазам.

— Вам пора домой. Ясно?

— Угу…

И мерлинцы побрели гуськом в сторону Южного Бутова, волоча автоматы за собой. Так школьник-двоечник волочит свой рюкзак, набитый всякой дрянью.

Дмитрий постарался не показать удивления. Но прикинуться, будто все так и надо, было просто невозможно.

— Капитан, ты, я вижу, умеешь общаться с народом…

— Ты мне лучше вот что скажи, — хмуро перебил Капитан, — нахрена ты это сделал? Ты сам-то хоть понимаешь, а?

— Да, да… — раздались неуверенные голоса. За спиной

Капитана стоял Боцман, у края дороги — четыре руникейца. Алмис прислонилась к дереву и сверлила Дмитрия взглядом.

Дмитрий усмехнулся. Вот теперь «Калаши» в брюхо не смотрят, можно честно пожать плечами.

И он пожал плечами.

— Сволочь! — Взорвалась Алмис. — Сволочь! — Скорчившись возле дерева, девушка плакала.

— Действительно, — Илион склонил массивную голову набок, — ну, драконы, ну, свои дела у них. Ну, ты, к примеру, крутой. Но зачем ты их убил-то?

И тут Дмитрий понял. Возможно, это не ответ для него самого. Но для всех окружающих — этих, других, любых, которые были и еще будут, это самый настоящий и самый точный ответ:

— Потому что они меня вызвали.

Дмитрий не стал выяснять, понял его кто-нибудь, или нет. Просто кивнул и пошел сквозь мертвый лесок к железной дороге, а оттуда — к Бутовскому кладбищу.

Алмис предложила провести в Рунику всех, кто пожелает. Руникейцы, естественно, пожелали. А Капитан с Боцманом заявили, что у них завтра баня: шеф приходит и уходит, а баня — это вечное. Дмитрий понял намек: несмотря ни на что, его ждут. Ладно, завтра будет баня. А сегодня…

Машину удалось найти сразу. Дедок лет семидесяти приехал на своей «Победе» поговорить с покойной супругой. Он согласился подбросить Дмитрия до метро, а как увидел сотенную купюру — так и до самой конторы. Остальные ехать с Дмитрием отказались наотрез.

Контора была пуста и все еще открыта настежь. Дмитрий поднялся к себе в кабинет, включил притание. Вставил Бурта в дисковод, натянул на голову лиловый бутон пьютера…

— Я отваливаю, хозяин, — сказал Бурт вместо приветствия.

— Как так?.. — Дмитрий хотел удивиться, но не смог.

— Так… — Бурт шмыгнул носом-ключиком, — познакомился я тут с одной штукой… Она дура, конечно, но мерность у нее… В общем, теперь-то я тебе зачем?

— Мне?! — Вместо удивления Дмитрий почувствовал злобу, — Мне вообще ничего не надо было! Меня за шкирку взяли, сунули носом в дерьмо. Я умудрился это дерьмо выхлебать и выплюнуть, пустое место оставить. Не нравится? Так не надо было…

— Ладно, хозяин, ладно, ты не кричи… — Засуетился Бурт, — ты ведь чего-то хотел? Ну скажи, я сделаю.

— С Толиком поговорить.

— Тромп ищет утерянную половинку?

— Нет, Дима Горев ищет старого приятеля. Тебе ясно?

Бурт сложил вместе мохнатые уши. Потом опять расправил:

— Ладно. Ты извини… Действительно, тебя вызвали, а потом удивляются. В общем, вот тебе твой Толик, я его сюда вытащу, так быстрее. В плоском варианте сойдет?

Дмитрий кивнул.

Бурт проделал в интерфейсе небольшой лаз, для себя:

— Толик у тебя сейчас будет, а я пошел. Ну, ты пойми, — мялся Бурт, — одного дракона ты еще давным-давно закопал, двух других грохнул только что…

— Откуда…

— Отмыра сказала.

Дмитрий не стал уточнять, кто такая эта «Отмыра». Бурт опять сложил уши вместе, помолчал. Расправил уши, покрутил носом:

— Полковника Ма-Мин сожрала. То он жрал все подряд, а то — его… Короче, из властных структур одно Ру-Бьек осталось, а оно ничего не делает.

— Но ведь сама Ма-Мин…

— Она тебя не вызывала, хозяин. Я и решил…

— Ну, решил, значит, решил. Проваливай.

— Пока… А вот и Толик.

Бурт шмыгнул в лаз. Лаз затянулся, осталась пустота. Потом в пустоте перед Дмитрием завис квадратик, внутри которого недовольно морщилось личико Толика. При виде Дмития личико растянулось в торопливой улыбке:

— А, привет. Ты как, работаешь?

Странно было услышать этот вопрос от Толика. Впрочем, сам Толик тоже стал странным, даже на плоском квадратике это было видно: и лысина лоснится странно, и глаза смотрят тоже странно…

И тут до Дмития дошло: Толик просто счастлив! Доволен жизнью! Такого с ним не было никогда прежде. Вот и вся странность.

— Я двух драконов убил, — выпалил Дмитрий. Толик шмыгнул носом, почти как Бурт:

— Это не ты их убил, Дим, а я. Ты их только водичкой полил и песенку спел. А я эту водичку по капле…

— Ну прости! — Дмитрий всплеснул руками, — Ну что я мог поделать?

— Ты не понял, — расцвел Толик, — наоборот, спасибо. Я разработал, ты внедрил.

— А сейчас что разрабатываешь? — Дмитрию действительно вдруг стало интересно, чем занимается Толик.

— Огненную воду! Секретный проект… Да от тебя — какие секреты?

Дмитрий удивленно вскинул брови:

— Кажется, огненную воду изобрели уже… давно…

— Да нет, тут совсем другое. Я скрестил ундину с саламандрой и получил потомство. Полноценное!

— И как назвал?

— Керосиндра. В шутку, конечно. Научного термина еще нет… Слушай, вали ко мне. Лучше, чем у атсанов, ты нигде работы не найдешь.

— Моя работа, боюсь, в том, чтобы убивать. — Дмитрий сокрушенно покачал головой. Толик промокнул потную лысину рукавом неизменного синего халата:

— Ерунда. Ты инженер…

— Тромп я…

— Это я — Тромп. Я тут по картотекам пошарил. Все сходится. А если тебе убивать не нравится, то какой же ты Тромп? Кстати, насчет убивать. Пришил бы ты личинку, а? Она, говорят, Арконой овладела. Ты драконов грохнул, теперь ей удержу не будет. Личинка уж тут армии собирает, то, се… Вот и занялся бы.

Дмитрий не ответил. Ему не хотелось говорить всякие жесткие слова, типа того, что Тромп, мол, не добрые дела творит, а просто мочит всех, кто под руку подвернется… Но ведь это правда!

— Ладно, ты извини, — сказал Толик, — работать надо. А ты заходи, мы с женой тебя накормим…

— С женой?

— С Крильдой. Я ее из детской вытащил, она теперь только обо мне заботится. Хотя иногда заходит и в детскую, там, окучить кого, пересадить… Заходи.

И Толик отключился. Дмитий остался в полной пустоте. Он понимал, что уютная благоухающая пустота пьютерного интерфейса — ерунда по сравнению с той ужасной пустотой, которая ждет его снаружи.

ГЛАВА 5

Такси с трудом продиралось сквозь пробку на Бульварном Кольце. Боцман теребил нижнюю губу. Капитан массировал себе виски — позавчерашнее похмелье все никак не проходило.

— Слышь, Кэп… — Боцман перестал теребить губу, нахмурился, — шеф-то сдох.

— Сдох.

— Так мы, это, безработные?

— В мире говорящих обезьян — да.

— Эх, как мне хочется увидеть Ма-мин… — Боцман мечтательно улыбнулся. — Так получается, что мы в натуре драконоборцы?

— Ну, положим, драконов стравил я…

— А я помогал. — гордо закончил Боцман. Капитан не стал с ним спорить. Пусть Боцман преувеличивает свои заслуги. Разубедить его можно в два счета, но вряд ли необходимо. Капитана волновало другое. Фленджер сказал: мочканул шефа, мол, за то, что тот меня вызвал. Куда вызвал? Откуда? Ма-Мин ведь тоже, в некотором роде, вызывает Димку. То есть, требует к себе. Или это не одно и то же?

После смерти шефа Капитан совсем не хотел лишаться последней работы. А с другой стороны, работа в том и состоит, чтобы затащить Фленджера к личинке. А он ее там — раз!.. Что же делать?

Капитан так ничего и не придумал. Такси подрулило к обшарпанному старому дому — магазину бытовой аппаратуры, в подвале которого помещалась сауна Андрея. Точнее, не самого Андрея, а его жены. Хорошая баба, жаль только, мужу верна.

Андрей ждал в торговом зале, переминаясь с ноги на ногу.

— Здорово, хмырь! — Капитан потрепал его по щеке.

— Ребята, а где моя машина?

— Какая такая машина? Ты что, наркоша? — С глумливым участием поинтересовался Боцман.

— Не… Я…

— Во дворе «Мерлина», — сжалился Капитан. — Пойдешь, возьмешь.

— А ключи? — Андрей на всякий случай отступил на шаг.

— Ну, ты зануда! — Капитан покачал головой. — У тебя что, запасных нету?

— Есть…

— Тогда не канифоль мозги.

Скинув куртки на руки Андрею, бандиты спустились в сауну.

Предбанник распирало от веселого девчачьего визга — полуголые девки пытались толпой охмурить двух голых мужиков. Но мужиков интересовало только пиво: это были все те же Кац и Хуман. Капитан даже не удивился, а Боцман что-то хрюкнул себе под нос.

— Здравствуйте, господа, — кивнул вошедшим бандитам Хуман, — может, вы разрешите наши сомнения? Мы тут с господином Кацем никак не можем решить: Тромп — это положительный мифический герой или отрицательный?

— А смерть — это хорошо или плохо? — Ответил Боцман вопросом на вопрос.

Кац, увернувшись от напиравших девичьих грудей, привстал со скамейки и зааплодировал:

— Верно! Я же говорил Фиме, говорил: Тромп — герой нейтральный! Спасибо, Боцман. От нормального пацана до нормального героя — один шаг!

— Хм… — Скривился Фима, — по-моему, шаг нужно делать в другую сторону.

Пока шла светская беседа, Боцман успел разоблачиться до семейных трусов. Пропустив мимо ушей сомнительные комплименты Каца и Хумана, он растопырил руки и пошел прямо на девиц:

— Привет, бабоньки!

В охапку попалось сразу трое. Произведя отбор, Боцман отпустил двух лишних, а с оставшейся повалился на диван и водрузил ее себе на колени. Через мгновение раздался треск разрываемой ткани, девица резво соскочила с Боцмана, держась обеими руками за промежность:

— Ты мне последние трусики порвал, идиот!

— Ущерб будет возмещен, — игриво проворковал бандит.

— Ну тогда ладно, баловник.

И проститутка вернулась на прежнее место.

Кац и Хуман умудрились выпить все, что стояло на столе в предбаннике. Андрей был послан за спиртным — и пропал. А через полчаса явился Дмитрий. Коротко кивнув непонятно кому — то ли бандитам, то ли Кацу с Хуманом, то ли девочкам, то ли собственным мыслям — он разделся, прошел в парилку, посидел там минуты две, вышел и плюхнулся в неглубокий бассейн.

Капитан, тоже молча, коротким жестом, согнал с Боцмана девку. Потом нагнулся к самому уху приятеля, шепнул:

— Пора.

Бандиты вышли из предбанника и плюхнулись в бассейн рядом с Дмитрием.

— Ну как? — спросил Капитан.

— Водичка могла быть и погорячей, — отозвался Дмитрий, не открывая глаз.

— А как насчет девочек или пивка? — поинтересовался Боцман, стараясь, чтобы этот вопрос прозвучал без излишнего подобострастия.

— Первое — нет, второе — да.

— Андрей! — Гаркнул Капитан. — Пива нам!

Ничего не произошло — Андрей все еще не появился.

— Шоркается где-то, — предположил Боцман.

— Ну и хрен с ним. — Капитан шлепнул по воде, подняв фонтан брызг. — Мы тут кой-чего припасли…

Выскочив из бассейна, он сбегал в предбанник и вернулся с длинным свертком, из которого вытащил новенький меч. Меч этот, как и остальные два, лежавшие в свертке, был куплен сегодня утром в магазине «Кольчуга».

Дмитрий внимательно осмотрел лезвие, взвесил меч в руке:

— Халтура.

— Сам знаешь, здесь нормальных кузнецов днем с огнем, — вздохнул Капитан.

— То ли дело арконские мечи. — Боцман восторженно закатил глаза.

— Арконские быстро тупятся, — возразил Капитан. — Они так, для показухи больше. А вот у лусынов, это да.

— Да у твоих лусынов не мечи — зубочистки! И брюликов на рукоятках столько — поцарапаться можно.

— Зато, говорят, с лусынской «зубочисткой» можно и против Строителя выступить.

— Лажа! — Поморщился Боцман, — да и что теперь говорить-то о них, о Строителях? Кончились. Рассосались…

Треп о мечах вывел Дмитрия из апатии. Он сел на край бассейна, потянулся. И спросил:

— А как насчет меча Тромпа?

— Какой меч в руках у Тромпа, тот, думаю, и будет меч Тромпа, — пожал плечами Капитан.

Дмитрий поджал губы, склонил голову набок. Потом сказал:

— Сомнительно. Должен быть конкретный меч…

— Возьми пока этот, — Капитан снова протянул Дмитрию меч из магазина «Кольчуга». Себе взял другой, Боцману вручил третий. — Начали?

— Что ж, — Дмитрий выписал мечом в жарком влажном воздухе тройную «восьмерку», — нападайте…

И бандиты напали. Дмитрий сразу понял, что недооценивал двух ублюдков. Мечами они владели превосходно. «Укол пера» — ревер, удар черенком, «Шваб чешет спину», подсечка из низкой

стойки, «Петля Нестора», опять удар черенком — и укол снизу из стойки на одной руке! Дмитрий едва успевал отбиваться. Он делал сальто — бандиты делали сальто вместе с ним; он отвечал на «Хитрую дырку» мастерски исполненным «Мужским винтом» — но «Хитрая дырка» превращалась в «Лабиринт», и Дмитрию приходилось выбираться из положения, применяя запрещенный во всех мирах прием «Червячок»…

Бандитов было двое, но каждый из них едва ли уступал Дмитрию в искусстве фехтования. Странно, чему они собрались учиться? Или… Нет, убить его они уже могли несколько раз за этот поединок. Что же тогда?

Капитан подпрыгнул, одновременно сделав «Косилку». Дмитрию пришлось согнуться чуть ли не пополам — и тут Боцман совершил прямой выпад. Уйти можно было только в одну сторону, в парилку. Почему бы и нет? В парилке бой продолжался в том же темпе. Дмитрия прижали к дальней стене, возле самых камней. Дмитрий еще раз отметил: бандиты берегут его, атакуют так, чтобы он случайно не обжегся о раскаленные камни. Но и не отпускают…

— Нежные тела любят воду, — раздался за спиной низкий голос, — а мне надоело ждать.

За спиной? Но ведь там стена…

Стены не было. Дмитрий проваливался в темноту, которую не могло прошибить даже зрение керба… Керба! Мощная пасть ухватила Дмитрия поперек туловища и подняла над полом. Точнее, над землей. Темнота рассеялась, сменившись желто-зеленой схемой кербова зрения. Земля стремительно мелькала под когтистыми лапами. Дмитрия держала в пасти средняя голова. Две другие головы керба вытянуты вперед. Меч Дмитрий выкинул — эта болванка для керба безвредна.

Вытянувшись, Дмитрий сумел разглядеть на спине керба две фигуры. Теперь ясно, на кого работают эти ублюдки. Надо было сразу догадаться.

— Очнулся, женишок! — Боцман сделал Дмитрию ручкой.

— Я и не терял сознания.

— Что же ты терял? Яйца на месте?

— На месте. А вот чего не имею, так это понятия. Как сам процесс-то будет происходить — я и это облако без штанов?!

— Да ты и сам сейчас без штанов! — Хохотнул Боцман.

Левая голова керба сшибла сталактит, даже не заметив этого. А правая процедила:

— Молчи, мешок со спермой… — потом чуть обернулась в сторону седоков, — и вы заткнитесь, девки…

— Почему девки? — Удивился Дмитрий.

— Ма-Мэн и Ма-Мон, — ответила левая голова.

Дальше двигались молча. Дмитрию было грустно, но не потому что он так, полным дурачком, угодил к Ма-Мин. Пусть потешится личинка! На здоровье!

Дмитрий вспомнил, как вчера от него ушел Бурт. Диск просто исчез из сидирома, будто и не было никакого диска… И не было на Митинском рынке застенчивой девушки в пестрой вязаной шапочке. Не было никакой Алмис. Других девушек тоже не было. И не будет.

Теперь у Дмитрия осталась одна «девушка». Она ждет его, она зовет его своим похотливым ржанием… Зовет…

Неожиданно мысли Дмитрия приобрели новое направление. Ма-Мин вызывает Тромпа. Что это значит? Для двух драконов это обернулось чем-то совершенно конкретным. Смертью.

«Эвтаназию вызывали?» Дмитрий висел в пасти керба и улыбался.

ГЛАВА 6

— Арконцы уходят, не прощаясь, гельвенцы прощаются, но не уходят, а увлапонцы предпочитают не ходить в гости. Хозяин, короче, вновь я посетил… — Бурт верещал скороговоркой, размахивая лапками.

Дмитрий подскочил от неожиданности. Он, конечно, надеялся, что вновь увидит Бурта где-нибудь в виртуалке. Но не здесь! Уродливые фрагменты стен тянулись до самых границ разрушенного подземного города. На кучах щебня, сверкая красными глазами, сидели кербы. Улицы тоже были запружены кербами, в том числе главная, по которой Дмитрия доставили к порогу дворца Ма-Мин.

Кербы торчали неподвижно, словно сами были руинами. Кербы ждали. Можно попытаться дать деру… Дать деру можно откуда угодно. Но Дмитрий чувствовал, что сейчас он должен идти вперед, сквозь огромную арку, украшенную сверху четверкой каменных кентавров. Стертые лица кентавров оскалились в вечной ярости. А из арки, воняя подгорелым машинным маслом, стелится плотный молочно-белый туман.

Дмитрий шагнул в туман, ориентируясь на тихое конское ржание…

Вот тут-то, прямо из тяжелой гранитной колонны, и появился Бурт. Бурт сидел верхом на какой-то фигне, похожей то ли на стального скорпиона, то ли на сковородку с ножками.

— Но как…

— Отмыра может все, — Бурт плавно взмахнул ушами.

— Отмыра… Вот эта машинка?

Сковородка мелко сучила ножками по влажному камню. Ее ручка вытянулась, утонув концом в толще колонны, а потом сократилась вновь, вытащив из колонны короткий меч с прямым лезвием.

— Держи, — пронесся в голове у Дмитрия спокойный голосок, — и не надо называть меня машиной. Я Отмыра, единственная в своем роде…

— Да, а лучше всего она умеет хвастаться! — Хихикнул Бурт.

Меч лег в руку легко и удобно, словно был выкован специально для Дмитрия. И Дмитрий понял:

— Это… Меч Тромпа?

— Ага, Нифнир прятал его у себя на складе, даже личинка не смогла отыскать. Ей-то меч без надобности, а вот ты, во что ни ткни, все убьешь… Осторожно! Меня не задень! — Бурт дернул ухом, к которому чуть не прикоснулась вороненая сталь лезвия.

Сковородка нервно присела, скрутив ручку сложным бантиком:

— Плюшевый, пора. Хочу на бал!

— По балам шастаете? — Дмитрий усмехнулся, представив Бурта вальсирующим.

Бурт потер розовой ладошкой свой блестящий золотой нос:

— Да есть тут, недалеко… Вечный бал. А на балу гуляет Радкевич. Зануда!.. Отмыра болтает с ним. Она задалась целью его перенудить. Как бы не так! Кое-что даже у тебя не получается, воображала!

— Да мне и не хотелось, — парировала Отмыра. Присев на всех своих ножках, она прыгнула к ближайшей колонне и исчезла в толще камня вместе со своим седоком.

Дмитрий остался один на один с вонючим туманом… Нет. Теперь у Дмитрия был меч.

Справа и слева туман сгущался, вытягивался серыми жгутами. Жгуты извивались, сходясь в одной точке где-то впереди. Дмитрий шел, ориентируясь на ржание — оно доносилось из той же точки. Интересно, как выглядит святая Ма-Мин? Дмитрию почему-то казалось, что Ма-Мин похожа на сырного клеща, огромного, величиной с кашалота.

Но Ма-Мин выглядела иначе. И проще.

Влажная щель в матовом белом пространстве. Вонючая влажная щель высотой метров десять. Дмитрий почувствровал, как туманные жгуты, мягко обволакивая тело, толкают и тянут, тянут и толкают… Ржание звучало со всех сторон. Щель ждала. Щель звала.

Выставив перед собой черное жало меча, Дмитрий сделал первый широкий шаг. Потом второй. Потом прыгнул…

Сталь не встретила никакого сопротивления. Босые ступни ударились о камень. Щель исчезла. Неужели все так просто?

Туман быстро рассеивался. Пропал запах горелого масла. Дмитрий обнаружил, что находится в пустом вестибюле полуразрушенного дворца. За спиной изогнулась арка, а за аркой — звезды… Какие звезды, Бьек?! Красные глаза кербов, вот это что! Дмитий вспомнил, как стояли вдоль дороги мерлинцы, подняв «Калаши». Капитан каким-то образом уболтал бандюков. А кербов Капитан может уболтать? Да и станет ли?

Дмитрий решил двигаться вперед. Не исключено, что в глубине дворца находится какой-нибудь лаз на поверхность. Или, хотя бы, в другое подземелье.

Но нога зависла, так и не ступив на пол. На полу низкой кучей громоздились останки святой Ма-Мин. Они были похожи… Они были…

Дмитрий так и не смог понять, на что были похожи эти останки. Его скорчило пополам, желудок вывернулся наизнанку. Когда приступ прошел, Дмитрий раскрыл глаза — и приступ моментально повторился. Останки Ма-Мин выглядели столь отвратительно, что Дмитрий, зажмурившись, ринулся к выходу.

Глаза он открыл только снаружи. Остановился, переводя дух. Вышел на разбитую каменную лестницу, спустился вниз на пару ступенек. Поднял меч над головой и громко произнес:

— Я Тромп, я убил святую Ма-Мин. И не спрашивайте меня, зачем.

Потом опустил меч.

Туман исчез полностью, осев на камни сероватой слизью.

Многоголосый вой кербов заставил вздрогнуть стены пещеры — и оборвался. Кербы стояли и сидели неподвижно, чего-то ждали. Из толпы кербов вперед вышел один, самый крупный. На его спине примостились две фигурки… Да, конечно. Капитан и Боцман. Наверное, кербы решили устроить нечто вроде поединка. Пусть валяют. Дмитрий совсем не устал после битвы с Ма-Мин…

Перина Катассы! Разве это была битва? Дмитрий просто зарезал мать кербов, словно мясник! Ему стало стыдно.

Керб, подойдя к подножию лестницы, поднял головы и низко прорычал в три глотки:

— Первый тоннель прорыт! Святая Ма-Мин мертва!

Снова жуткий вой огласил подземелья — и снова прекратился, обрубленный внимательной тишиной.

— Прорроем второй тоннель! — Зарычала центральная голова керба.

— Коронуем Ма-Мэн! — Добавила левая голова.

— Коронуем Ма-Мон! — Закончила правая.

Всеобщий вой. Всеобщая тишина. Рык центральной головы:

— И будет прорыт третий тоннель. И будут дети Ма-Мэн биться с детьми Ма-Мон.

— И все мы погибнем, — добавила правая голова.

— Да свершится. Вот наши царицы, — левая голова качнулась в сторону Капитана и Боцмана. Те, наконец, поняли, что происходит, и кубарем скатились на каменные плиты по разные стороны керба.

— Вот уж хрен! — Завопил Боцман.

— Царицы… — Капитан сжал кулаки, — это что? Подставляться таким уродам? Не канает.

— Не канает… — Тихо повторил за ним керб. Потом, изогнув шеи, сказал с нажимом:

— Пророчество сбывается. Вы — царицы.

Но бандиты вспомнили о своих способностях. Самое время

поболтать языком Ру-Бьек!

— Пророчество изменилось! — Крикнул Капитан, а Боцман поддакнул:

— Да, об этом уже все знают.

— Изменилось… — Прошептали три головы керба.

— У кербов теперь не царица, а царь. — Провозгласив это, Капитан вытянул палец в сторону Дмитрия. — Вот он!

— Я?! — Дмитрий вскочил.

— Соглашайся, Димка! — Весело всплеснул руками Боцман.

Дмитрий хотел выругаться, но вместо этого, к своему ужасу, тупо кивнул и ответил:

— Я согласен.

И вновь пещера огласилась ревом из всех кербовых глоток. Теперь уже восторженным.

— Царица умерла, да здравствует царь, — с ерническим пафосом прошептал Капитан.

Этих слов никто не расслышал.

А Дмитрию в голову вдруг пришла любопытная мысль: интересно, как кербы теперь будут размножаться?

ГЛАВА 7

Для меча нашлись отличные ножны, кожаные, плотные. Теперь можно не опасаться, что случайно заденешь кого-нибудь. Впрочем, Дмитрию казалось, что все его жертвы — случайны.

Для самого Дмитрия тоже нашлась одежка, чуть тесноватая, ну, да хрен с ней. Главное, сапоги пришлись впору — у бармена оказался тот же самый размер ноги.

Бутылки дешевой строфарии громоздились на деревянных полках, голова рептилии неподвижно скалилась со стены. За столом сидели все те же — Илион, Добужин, Теофил и старичок Ланс. Не хватало только Крильды и Толика. Бармен у стойки протирал кружки, Алмис сидела напротив Дмитрия и улыбалась. Дмитрий тоже улыбался. И молчал. Иногда он брал свою кружку и отхлебывал строфарии. Ланс что-то недовольно втолковывал своему мечу: узнав, что Черный Замок развалился сам собой, бедный старикан впал в окончательное беспамятство.

Когда Дмитрий полчаса назад появился из подземелья, он был встречен мрачными взглядами. Но весть о смерти Ма-Мин всех развеселила — убийство матери кербов никто здесь не считал излишним.

— Арконцы уже до Предместий добрались, — рассказал Илион, — резали всех подряд. Не арконцы, а прям кербы какие. И вдруг — раз! Обмякли, разбрелись. Тут уж наши стали их резать…

— Да, — хмыкнула Алмис, — наши. Сам-то ты в задней комнате пересидел.

— Мы — рыцари Предместий, а не защитники короны, — ответил за Илиона Теофил, — спасибо, рыцарь. Теперь я могу в Аркону вернуться, там хорошо. Полный беспредел. Буду дальше монахов трясти…

— Да, — чинно подтвердил Добужин, — беспредел — это хорошо, если своя башка варит. Мы тут потерли с ребятами… Я понял, рыцарь, что ты был прав. Без драконов намного легче. Так что, можно сказать, ты их за дело грохнул.

Дмитрий встал, опершись руками о стол, и приблизил свое лицо к лицу Добужина:

— Во-первых, я их убил не за дело, а просто так. А во-вторых…

— Во-вторых, легче вам не станет, почтеннейшие, — закончил за Дмитрия чей-то глубокий спокойный голос.

Дверь бара захлопнулась с противным влажным звуком. Алмис ахнула, бармен резко оглянулся на стену у себя за спиной.

Действительно, голос принадлежал голове рептилии. Бармен не успел увернуться — голова, отделившись от стены, упала на бармена раскрытой пастью. Мелькнули ноги в войлочных башмаках, и бармен исчез… Внутри головы? Едва ли. Голова, облизываясь раздвоенным языком, зависла в воздухе перед Дмитрием. На самом деле, воздухом окружающий газ было назвать сложно: густая драконья вонь, казалось, вытеснила весь кислород.

Дмитрий одним размашистым движением стряхнул ножны со своего меча.

— Не старайся, Тромп, — ухмыльнулась голова, — твой ножик меня не достанет. Или ты забыл? Нафнир всех умней, дом построил из слов и земли. Ты, правда, примешал к моим словам болтовню двух других братцев… Теперь они мертвы, а слова их значат все меньше и меньше.

Только сейчас Дмитрий осознал, что на голос дракона накладывается какой-то фон. Визг! Визжала Алмис, противно и хрипло. Илион, Теофил и Добужин исчезли — наверное, под столом. Только Ланс сидел, как и раньше, рассказывая своему эспадону о том, как рыцари короны штурмовали Черный Замок.

Стены бара сгладились и начали покрываться едкой слизью. Сами собой соскочили пробки с бутылок. Потоки желой жижи, вырываясь из стеклянных сопел, разлились по залу… Точнее, по желудку дракона!

Дмитрий, подскочив к ближайшей стене, попытался проткнуть ее мечом, но лезвие скользнуло по блестящей поверхности. Голова, шевеля длинными синими усами, выписывала медленные круги вокруг деревянной люстры:

— Жил на свете рыцарь бедный, съеден был змеюкой вредной… — Пропела голова. Деревянные детали люстры размягчились, а потом и вовсе потекли.

Люк подпола отлетел к стойке и, ударившись об нее, смялся, словно был сделан не из дуба, а из мешковины. Дмитрий увидел другую голову, такую же страшную, как и первая, но меньше размерами. Керб!

— Царь! Подземелья жрут твой народ. Мы выходим на поверхность.

— Добро, — торопливо проговорил Дмитрий, — а мне куда деваться?

— Держи, — и керб, выковыряв языком из-за щеки какой-то предмет, плюнул этим предметом в Дмитрия.

Драконья голова метнулась, чтобы перехватить предмет, но Дмитрий был проворнее. В его руках оказался лошадиный череп. Что с ним делать?

— Надень! — Крикнул керб.

— Порождение мочевого пузыря! — Зашипел дракон.

Пол сомкнулся, и голова керба, отделенная от туловища, откатилась к стене.

Дмитрий нацепил лошадиный череп себе на голову…

Бар исчез. Во все стороны простиралась равнина, выложенная темно-розовым кафелем. Небо над равниной было снежно-белым. Позади слышалась мерная металлическая возня. Дмитрий обернулся, инстинктивно выставив меч.

К самому небу поднимались строительные леса. Но лесами было одето не здание, а тело — гигантское серое тело дракона. Механизмы, похожие на первый советский луноход, ползали по лесам на ажурных колесиках и торопливо достраивали тело.

— Здесь он тебя не достанет, а ты его — запросто.

Справа от Дмитрия возник… Толик. Синий рабочий халат, как обычно, заляпан какой-то гадостью, лысина блестит. Толик бережно прижимал к груди желтую ящерицу величиной с варана. Ящерица крутила хвостом и перебирала короткими лапками.

— На, — Толик протянул Дмитрию ящерицу, — посади ее на меч, а меч швырни в эту штуку.

— Как ты здесь…

— А меня такая зверушка нашла, с ушами и сковородкой. Бери скорей, я тут не надолго. Это керосиндра, пробная копия. Зверушка сказала, поможет.

— Точно? — Дмитрий взял ящерицу, вытянул меч плашмя перед собой и посадил ящерицу на лезвие. Ящерица вцепилась в меч лапками, обвив гарду хвостом.

— Теперь кидай. Быстрее, — торопил Толик, — а то у атсанов весь мир рушится. Мы, оказывается, живем у этого гада в аккурат между печенью и селезенкой.

Размахнувшись, Дмитрий швырнул со всей силы меч в тело, увитое лесами. Меч вонзился в серую шкуру где-то в районе паха…

Тело начало разрушаться. Сперва опали леса. «Луноходы», вереща, покатились в разные стороны. Потом длинная шея пошла трещинами и медленно осела на кафель, рассыпаясь серой пылью. А за ней…

Снимай терминал! Живо!

Теперь трещины покрывали небо. Отдельные участки равнины провалились в пустоту.

— А ты?..

Но Толика уже рядом не было.

Дмитрий сорвал с головы лошадиный череп.

За окном чирикали воробьи, а может, синицы. С ревом

прошел автобус. Постель в полном беспорядке, как всегда. На столе громоздилась полуразобранная «двушка» с монитором «Геркулес». Дмитрий был у себя дома. Может, все, что случилось до этого, простой глюк?

Едва ли. Апрель на дворе, а сначала был февраль. У кровати музыкальный центр стоит — первое, что купил Дмитрий, получив от Нуфнира конверт с банковской книжкой. Да и лошадиный череп в руках тоже кое-что значит.

Сняв со стены над столом свою детскую фотографию в пластиковой рамке, Дмитрий повесил череп на освободившийся гвоздь. Череп великолепно вписался между плакатом «Лед Зеппелин» и репродукцией Петра Карася.

ГЛАВА 8

Колонна кербов в полном молчании поднималась по лестнице и входила под арку. Лишь когти шуршали по камням. Чудовища прощались со своей мамашей. На Боцмана и Капитана больше никто не обращал внимания. Попрощавшись со святой Ма-Мин, кербы по одному выходили из дворца и разбредались кто куда. Вскоре мимо бандитов проковылял последний трехголовый.

— Ну, взглянем на трупик? — Капитан поднялся, потер задницу, с которой на плиты упало несколько мелких камешков.

— Взглянем, — согласился Боцман и тоже встал.

Шаги последнего керба уже стихли, и бандиты подошли ко входу.

— Что-то мне не по себе, Кэп… — Боцман поежился. — Плохое предчувствие.

— Брось, — Капитан смело шагнул во мрак вестибюля. — Это запах.

Запах действительно был весьма специфический. Так могла пахнуть помойка столовой, которую на несколько месяцев оставили без присмотра.

Боцман последовал за коллегой и внезапно наткнулся на его спину:

— Чего ты?

— Нет, ты сам посмотри… — странным булькающим голосом пробормотал Капитан.

Боцман сделал еще один шаг и оцепенел.

Это было самое омерзительное зрелище, которое… Которое… Нет, даже вообразить большую мерзость нельзя. Не только невозможно, но и грешно!

Боцман почувствовал неуютность во всем теле. А в следующее мгновение желудок Боцмана резко сократился, и поток кислой комковатой жижи обрушился на труп Ма-мин. Прийдя в себя, Боцман заметил, что Капитан тоже блюет. Но он заметил и другое:

— Язык Ру-Бьек!

Капитан молча кивнул. Он тоже видел два серых мясных кусочка, умостившихся рядом на луже блевотины. Кусочки эти приковывали взгляд, не давая отвернуться, росли, как-то странно заворачиваясь внутрь самих себя…

Через некоторое время перед бандитами возникли две аккуратные арки. Арки висели в вонючем воздухе и вели… Куда?

Боцман, утираясь кулаком, с мистическим ужасом

разглядывал образовавшиеся конструкции.

— Щас узнаем. — Капитан бесстрашно сунул голову под одну из арок. Боцману на минуту предстало тело коллеги без головы. Когда голова вернулась обратно, на тонких губах Капитана играла радостная улыбка:

— Там новый мир! Свеженький! Мой!

— Да ну! — Боцман сразу успокоился. Потом спохватился, — А как там братва, с понятиями?

— Пока нет. Уж я их просвещу, — пообещал Капитан.

— А за моей что, то же самое?

— Нет, другое.

— И там тоже все без понятий?

— А как же! Мы же их только что родили!

— Надо пойти разобраться! — Решительно заявил Боцман.

— Ну что, ты к себе, я — к себе?

— Ага, Кэп. Порядок наведем — встретимся… Да, а ежели что случится, даже полный шухер… Фленджера я к себе звать не буду. Даже если очень нужно с кем-то разобраться…

— Этого беспредельщика? Уж он разберется… Близко не подпущу!

И бандиты, пожав на прощание друг другу руки, разошлись по новорожденным мирам.

ЭПИЛОГ

Митинский рынок, как всегда, радовал своим мусорным беспределом. Неработающие платы, самопальные «Макинтоши», пиратские диски… Вон у того развала с пиратскими дисками Дмитрий год назад впервые встретил Алмис. Интересно, она жива?

Делами Руники Дмитрий старался не интересоваться. Лишь один раз с ним связались кербы — у них была проблема. Действительно, очень серьезная проблема. И Дмитрий ее решил.

А больше — ни-ни. Жизнь мелкого хакера при не слишком мелких деньгах устраивала Дмитрия больше любой другой жизни.

У развала дисков происходила нехорошая толчея. Серые кепи… Менты! Неужели облава? Московский офис «Майкрософта» давно пора взорвать. Не иначе, как их происки.

Менты кого-то волокли к зеленому «Мерседесу», какую-то девушку. Вязаная шапочка, из-под края черного пальто выглядывает желтый подол сарафана…

Дмитрий сам не понял, как это произошло. Он сорвался с места, кинув сумку на снег, в несколько прыжков догнал серую толпу. Действительно, менты. И действительно, Алмис!

Одному менту Дмитрий, кажется, сломал позвоночник прямым пинком в спину. Другому, сержанту, той же ногой заехал в челюсть. Сразу присев, подсек еще одного и локтем разбил кадык. Здоровенный лейтенант попытался пнуть Дмитрия в лицо. Поймав лейтенанта руками за башмак, Дмитрий вывернул подошву, и, когда лейтенант падал, пнул его в пах. Выпрямившись, сразу отбил блоком два апперкота, подпрыгнул, вытянув ноги в прямом шпагате. Еще два мента свалились на снег без сознания. А может, и замертво.

Последнего мента, потного и толстого, Дмитрий догнал и, обвивив локтем тугую короткую шею, в одно движение сломал ее. Вернулся, схватил Алмис за руку, потянул за собой.

— Скорее, к той тачке.

Пихнул девушку на заднее сидение, сам сел за руль и газанул с места. Древний «Москвич» прекрасно заводился в любую погоду, но выше стольника не мог выжать даже по летней дороге. Погони, однако, не было. Оставив «Москвич» в соседнем дворе, Дмитий повел Алмис к себе домой. Запер дверь, плюхнулся в одежде на разобранную постель.

— Ух!

Алмис стояла посреди захламленной комнаты, склонив

голову набок.

— Снимай пальто, — буркнул Дмитрий, — чаю попьем.

— У тебя тут кавардак, как у Радкевича.

Дмитрий где-то слышал эту фамилию. Потом вдруг вспомнил:

— А, тот, который на балу…

— Да, — Алмис хихикнула, — до сих пор. Отмыра его кормит.

— Давай, — Дмитрий сел, потирая виски, — чаю, и мотать отсюда. По тачке меня быстро вычислят…

— Тебя уже давно вычислили, — Алмис села на постель рядом с Дмитрием, взяла его за руку. — Это не менты.

— А кто?

— Агаботы.

— Первый раз слышу… Точно не менты?

Алмис кивнула. Дмитрий улыбнулся:

— Тогда торопиться некуда.

Скинув пуховик, он подошел к музыкальному центру и поставил диск «Джуси-Люси». Завыла гитара, сопровождаемая глумливым скрипучим голосом.

— Потише сделай, — попросила Алмис. — Ты точно не знаешь об агаботах, рыцарь?

— Я не рыцарь.

Дмитрий сбегал на кухню, вернулся с двумя открытыми бутылками пива. Алмис отхлебнула капельку, Дмитрий в один присест высосал всю бутылку и кинул прямо на пыльный ковер. Свою бутылку Алмис поставила аккуратно на стол, сгребя в сторону кучу каких-то деталек. Вздохнула. Улыбнулась.

— Я успела. В общем, тут… Ты нам нужен, Тромп.

— Я не…

— Нужен, — не дала себя перебить девушка. — Вот ты знаешь, кого едят мыши?

Дмитрий удивленно помотал головой.

— Тараканов! — Алмис произнесла это слово очень серьезно, даже с оттенком ужаса. — Теперь, если в доме завелся кот, мышей там не будет. Но появятся тараканы.

— И что?

— Ты истребил наших драконов. Теперь во всех мирах кишат агаботы. У нас, во всяком случае… Да и здесь, я уверена. Они еще к тебе заявятся, предложат работу. Но я успела первая…

— Черта с два. Щетина Тромпа! Да я лучше…

— Тромп — это ты! Вспомни! — Закричала Алмис.

— Помню, — спокойно ответил Дмитрий, — и не приду. Именно поэтому.

— Разумеется! — Алмис презрительно скривилась. — Волчок из Предместий охотится только для себя!

Дмитрий попытался погладить Алмис по волосам. Она отдернула голову. Дмитрий присел на край тахты, упершись ладонями себе в колени и расставив локти:

— Значит, так. Волчок из Предместий — это не я. Волчка назвали Тромпом, знаешь, почему? Он был убийцей-маньяком. А Толик знаешь, почему Тромп? Потому что делает оружие. Оружие такое, оружие сякое… Тромп — это вообще не человек. Это символ.

Алмис сидела, так и не сняв пальто, насупленно молчала. Дмитрий придвинулся к ней чуть ближе.

— Я хорошенько пошарил по сетям, не торопился. И нарыл кое-что. Институт увлапонского народа, открытый доступ. В закрытом у них то же самое. Выражение такое, «Вызвать Тромпа»… Древнее выражение, вы его позабыли. А увлапонцы помнят. Означает простую вещь. «Вызвать Тромпа» — то же самое, что «совершить самоубийство». Синонимы! Ясно? Вашим там что, жить надоело?

По щекам Алмис катились слезинки.

— Что же делать? — Проговорила девушка тихо.

Дмитрий пожал плечами:

— А сами как? Князь, армия, рогачи…

— Князь исчез, как только ты убил Старшего. Рассыпался. Он и раньше был мертвый, мы просто не замечали. А рогачи, армия… Болваны. Илион бушует, уже не только в Предместьях. Весь Ермунград ему платит. Рогачи при Илионе. И при агаботах. Может, кербы помогут? Они пропали…

— Они здесь, — усмехнулся Дмитрий.

Алмис удивленно вскинула брови. Дмитрий выудил из кармана сигарету, закурил:

— На Земле. В Москве, если конкретно.

Глаза Алмис расширились от ужаса. Дмитрий не выдержал, рассмеялся:

— Они тут заявились ко мне сами, мол, царь, хотим женщину. Я им говорю: хоть тонну! Легко. Они при переходе слегка… Меняются. Ладно, сейчас покажу. — И Дмитрий мелодично свистнул.

Из-за занавески выглянула острая мордочка, рядом — еще одна… И на стол вышла вперевалку жирная лиловая крыса. Крыса была трехголовая!

— Вот, — Дмитрий театрально указал на крысу, — знакомься. Это Кульп.

— Ты что, князь, птицемора схавал? — Злобно заверещала

крыса всеми тремя головами, — я Тертульп, Тертульп я, понятно? А Кульп и Трульп у тебя в правом кармане, в пуховике! Помоги им выбраться, а то задохнутся. — И крыса, подхватив ловкими лапками резистор, перекусила его пополам.

Алмис перестала плакать. Улыбнулась, наконец.

— Так ты теперь — крысиный царь?

— Да! — Радостно воскликнул Дмитрий и, обняв девушку, повалил на постель, — я Дима Фленджер, царь крыс. Мое царство растет, не зная границ. Подданные изголодались по дамской ласке. Скоро в Москве все крысы будут о трех головах!

Дмитрий поцеловал девушку в волосы, потом в лобик, потом в губки, потом снова в лобик. Она не отстранялась. Наоборот, обняла его, прижалась, тоже поцеловала в щетинистый подбородок. Потом высвободилась, села:

— А как же агаботы?

— Проще простого. Любой, у кого перебор с мерностью, в конце-концов зовет Тромпа. — Еще раз поцеловав Алмис в шейку, Дмитрий оскалился. — И я прихожу.